

Труды Восточно-Сибирского Отдѣла Императорского Русского Географического Общества.
Томъ V.

М. Н. Хангаловъ.

Балагажский Сборникъ.

Сказки, повѣрья и некоторые обряды
у сѣверныхъ бурятъ.

Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ.
Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благовѣщ. пер., собств. д.
1903.

Печатано по распоряжению Распорядительного Комитета Восточно-Сибирского Отдела
Императорского Русского Географического Общества.

26/86-43

2004127620

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе		Ласточка		—
Война Абай-Гэсэрь-Богдо-хана съ		Журавль		211
Лобсогодой-хара-мангатхаемъ	1	Лебедь и гусь		—
Война Абай-Гесэрь-Богдо-хана съ		Цица буха-шубунъ		—
Галь-Долмб-ханомъ	20	Змѣи		212
Отрывки изъ повѣсти обѣ Абай-		Лягушка		215
Гэхэрь-Богдо-ханѣ	40	Рыба		—
Ута-Сагань-батарь	42	Человѣкъ-рыба		—
Эрэ-Тохоло-мѣргонъ	79	Черви		216
Шарь Баянъ-Хара	122	Пчела		—
Богатый царь Бадма	152	Муравей		—
Ангахай мѣргонъ	167	Травы		—
Охотникъ	174	Боярышникъ		217
Чингисъ-ханъ:		Шаманъ-дерево		—
А. Рожденіе Чингисъ-хана	181	Дерево съ огнемъ и холодное де-		
Б. Изобрѣтеніе вина Чингисъ-		рево		218
ханомъ	182	Табакъ		—
Обогонъ	185	Летающіе орѣхи и хмѣбныя зерна .	219	
Гора Монгото-ула	186	О домѣ и домашнихъ предметахъ .	—	
Никола-бурханъ	—	Хуръ		220
Небо и земля	187	Унты и рукавицы изъ человѣчес-		
Цари земли	189	кой кожи		221
Открытие дверей неба	190	Домашний скотъ		222
Небесныя и атмосферныя явленія .	191	Вино		225
Первая чета	192	О человѣкѣ		—
Царство дѣвичъ	—	О дѣтяхъ		228
Собачье царство	193	Душа человѣка		230
Огонь	196	Заши		231
Медвѣдь	197	Доля		235
Лисица	198	О покойникахъ		237
Сурокъ	199	Смерть		238
Волкъ	—	Сновидѣнія		—
Мышь	200	О могилахъ		239
Хүнъ-гѣрбхонъ	203	О духахъ		240
Крылатый конь	204	Алъ		243
Перелетъ птицъ	—	Людоѣды		244
Му-шубунъ	—	О кладахъ		—
Филинъ	207	Зарываніе послѣда		245
Воронъ	208	Судъ старухъ		247
Черная галка	209	Похороны скучного хозяина		251
Сорока	—	Дѣтскія игры		252
Коршунъ	—	Годъ		253
Удодъ	—	Примѣчанія		255
Турланъ	240	Указатель собственныхъ имёнъ		279
Птица утаргалжинъ	—	Предметный указатель		283

Предлагаемыя сказки записаны г. Хангалевымъ отъ бурятъ Унгинскаго вѣдомства Балаганскаго уѣзда, Иркутской губерніи. М. Н. Хангаловъ давно уже извѣстенъ, какъ собиратель этнографическихъ материаловъ о сѣверныхъ бурятахъ, которые онъ отъ времени до времени публикуетъ преимущественно въ изданіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества. Въ Запискахъ Отдѣла (т. I, в. 1) напечатаны его «Бурятскія сказки и повѣрья» (Ирк., 1889) и (т. I, в. 2) «Новые материалы о шаманствѣ у бурятъ»; въ Извѣстіяхъ Отдѣла (т. XIX, в. 3) статья «Зэгэтэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ»; въ «Этногр. Обозр.» (М. 1891), въ кн. X: «Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ».

Печатаніе этой книги въ Томскѣ, вдали отъ бурятской территории, помѣшало нѣ войти въ дѣятельныя сношенія съ г. Хангалевымъ, а также и другими лицами, а потому нѣкоторыя темные слова и выраженія остались безъ необходимаго объясненія.

Г. П.

Война Абай-Гээрь-Богдо-хана съ Лобсоголдой-хара-мангатхаемъ.

Прямо на восточной сторонѣ, въ мѣстности далекой, въ странѣ, называемой Хонинъ-хотонъ *) (страна эта высокая и выдутая вѣтромъ), въ странѣ мангатхаевъ, въ той странѣ туманной, въ которой люди блуждаютъ,—въ этой самой странѣ родился, превратившись **), Лобсоголдой-хара-мангатхай; онъ имѣеть желѣзный дворецъ въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ; кромѣ того имѣеть множество разнаго скота и подданныхъ. Въ ёздѣ пріятный конь его Лобъ-хара.

Однажды Лобсоголдой-хара-мангатхай десять волшебствъ своихъ заставилъ бѣгать по ладони и двадцать превращеній своихъ заставилъ бѣгать по пальцамъ. Послѣ этого онъ поймалъ своего коня Лобъ-хара, положилъ на него холщевый лотникъ, осѣдлалъ его деревяннымъ сѣдломъ и, взявши въ руки въ сорокъ пудовъ желѣзный молотъ, сѣль на коня и поѣхалъ прямо на сѣверную сторону. Ёхалъ, ёхалъ и ёдетъ. Все далѣе и далѣе ёдетъ. И поѣхалъ по направлению къ мѣстности Шажагатынъ ***), ко второй своей старшей сестрѣ Енхэбэ. Во время этой поѣздки, когда онъ

*) Хонинъ — „озеро“; хотонъ — „желудокъ“; Хонинъ — хотонъ порусски будетъ страва, называемая „оловей желудокъ“.

**) Т. е. принявши на свой, можетъ быть человѣческій видъ.

***) Шажагай „сорока“; шажагатынъ „сорочьи“.

проѣхалъ половину пути, онъ началъ, смотря вверхъ, смеяться и, смотря внизъ, плакать, мало мало рыдая. Когда такъ ѿхалъ Лобсоголдой-хара-мангатхай, въ это время младшая старшая сестра *) его Енхэбэ, услышавъ плачъ, своимъ большимъ знаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что это плачетъ ея братъ, выѣхала къ нему на встрѣчу и говоритъ себѣ: „Единственного брата моего на землѣ чей сынъ побилъ и чей сынъ истязалъ? или онъ испугался вида дальнаго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко“? Встрѣтила его на дорогѣ и спрашиваетъ: „Чей сынъ побилъ тебя и чей сынъ истязалъ тебя? Или ты испугался вида дальнаго войска или ты испугался, увидавъ непріятеля близко“? Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ своей младшей старшей сестрѣ Енхэбэ: „Прямо на западной сторонѣ въ пади Хатанъ, едва вмѣщающей живущее и въ пади Найжинъ, едва вмѣщающей живущее, у Абай-Гэсэрь-Богдохана средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ по слухамъ очень красива и хороша. Услыхавъ это, я поѣхалъ отобрать у него среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ и изъ-за нея воевалъ съ Абай-Гэсэрь-ханомъ, но онъ пересилилъ меня; я едва, едва живой вырвался отъ него и прїѣхалъ къ тебѣ. Какимъ средствомъ мнѣ взять ее и какимъ образомъ овладѣть ею, укажи мнѣ“. Младшая старшая сестра (младшая эгичъ) Енхэбэ говоритъ ему: „Ай, собака! Не найдя съ кѣмъ воевать, нашелъ воевать съ великимъ, какъ гора Абай-Гэсэрь-Богдо-ханомъ! Найдется на чужбинѣ дѣвица, которую ты высватаешь. И не найдя кого встрѣтить, нашелъ встрѣтиться съ великимъ, какъ гора Абай-Гэсэрь-Богдо-

*) Чтобы это странное выраженіе „младшая старшая сестра“ (старшая сестра помногольски эгичъ) стало понятно, нужно предупредить читателя, что у Лобсоголдой-хара-мангатхая повидимому было три эгичъ, т. е. три сестры, которыхъ все были старше его годами; все три назывались Енхебэ. Онь поѣхалъ къ средней эгичъ, а его плачъ услыхала младшая эгичъ. Ред.

ханомъ! Найдется въ народѣ дѣвица, которую ты высватаешь.“ Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ: „Безъ тебя поживу! безъ твоей помощи съѣзжу! И ты безъ меня живи“! Потомъ Лобсоголдой-хара-мангатхай поѣхалъ далѣе. Онъ ёхалъ, ёхалъ и поѣхалъ прямо по направленію къ пади Хэрэтынъ *); поѣхалъ скоро; конь его Лобъ-хара бѣжитъ изо всей силы. Въ пади Хэрэтынъ живетъ самая старшая его сестра Енхэбэ; онъ поѣхалъ просить у ней совѣта. Проѣхавъ половину дороги, онъ, смотря вверхъ, смѣется и, смотря внизъ, плачетъ, рыдая; чѣмъ далѣе ёдетъ, тѣмъ сильнѣе и громче плачетъ, рыдая. Такъ плача и рыдая, ёхалъ Лобсоголдой-хара-мангатхай; въ это время самая старшая сестра (старшая эгичъ) Енхэбэ, услыхавъ его плачъ и рыданіе, и своимъ болѣшимъ знаніемъ узнавъ, своимъ болѣшимъ разумомъ уразумѣвъ, выѣхала къ нему на встрѣчу и говорить себѣ: „Единственаго брата моего на землѣ, чей сынъ побилъ и чей сынъ истязалъ? Или испугался вида дальняго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко“? Встрѣтивъ его, самая старшая сестра Енхэбэ спрашивается его: „Чей сынъ побилъ тебя и чей сынъ истязалъ тебя? Или ты испугался виду дальняго войска или испугался, увидавъ непріятеля близко“? Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ: „Прямо на западной сторонѣ въ пади Хатанъ, едва вмѣщающей живущее и въ пади Найжинъ, едва, едва вмѣщающей живущее у Абай-Гэсэръ-Богдо-хана средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ по слухамъ очень красива и хороша. Услыхавъ это, я поѣхалъ отобрать у Абай-Гэсэръ-Богдо-хана среднюю его жену Урма-Гохонъ-хатанъ и воевалъ съ нимъ, но онъ пересилилъ меня; я едва, едва живой вырвался отъ него и прїѣхалъ сюда просить со-

*) Хэрэ — „ворова“, Хэрэтынъ — „воровыи“.

въта и помощи. Какимъ средствомъ взять ее и какимъ образомъ побѣдить Абай-Гэсэрь-Богдо-хана, чтобы овладѣть ею, укажи мнѣ! Самая старшая сестра Енхэбэ говоритъ ему: „Укажу тебѣ средство и способъ, какъ преодолѣть Абай-Гэсэрь-Богдо-хана и взять его среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ“. Потомъ она своего единственного брата на землѣ Лобсоголдой-хара-мангатхая привела домой и говоритъ ему: „Единственное средство такое. Поднимись на самое верхнее небо къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ. Самый старшій изъ нихъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ училище; превратившись въ мальчика, учись въ этомъ училищѣ въ продолженіи девяти лѣтъ, чтобы горностай не пронюхалъ обѣ этомъ и хорекъ не услыхалъ, и чтобы имѣющіе глаза не узнали и имѣющіе уши не услыхали. Если ты выучишь священное писаніе трехъ бурхановъ Шибэгэни, тогда только побѣдишь Абай-Гэсэрь-Богдо-хана и возьмешь себѣ среднюю жену его Урма-Гохонъ-хатанъ“.

Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай, обратившись въ лес-траго ястреба, полетѣлъ вверхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, чтобы подняться на небо; прилетѣвъ на небо, по Млечному пути (тэнгэрин оёдол) онъ поднялся на самое верхнее небо, превратившись въ маленькаго мальчика, пришелъ въ училище Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, поступилъ въ него и учится въ продолженіи девяти годовъ. Въ это время имѣющіе глаза не узнали и имѣющіе уши не услыхали, что Лобсоголдой-хара-мангатхай, превратившись въ маленькаго мальчика, въ продолженіи девяти лѣтъ учится въ училищѣ и выучился священному писанію трехъ бурхановъ Шибэгэни. Постѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай спустился внизъ на землю съ материнскою желтою священною книгою; обратившись въ одного изъ бурхановъ Шибэгэни, спустился въ падь Хатанъ и, заходитъ во дворецъ, въ кото-

ромъ жила Урма-Гохонъ-хатаиль, средняя жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, садится на правой сторонѣ дворца, на серебряномъ престолѣ и взявшіи материнское желтое священное писаніе, читаетъ его, сидя; въ это время смотрящими глазами не мигаетъ и сложенными подъ себя ногами не шевелить. Такъ сидя, читаетъ священное писаніе. Средняя жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ большимъ удивленіемъ удивляется и большимъ дивомъ дивится, стоя во дворцѣ и думая: „Зачѣмъ спустился съ неба на землю наше моленіе Шибегени-бурханъ и пришелъ ко мнѣ во дворецъ“? Въ это время Абай-Гэсэръ-Богдо-хана дома не было, онъ уѣхалъ охотиться на сѣверную сторону Алтая и уѣхалъ охотиться на возвышенныхъ мѣстахъ Хёхоя. Во время охоты онъ убилъ много звѣрей самыхъ хорошихъ и жирныхъ; худыхъ же и сухихъ онъ отпускалъ на племя. Набивъ много звѣрей, онъ привязалъ ихъ въ торока на обѣихъ сторонахъ великаго, какъ гора, тѣла темно-гнѣдого коня. Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ прїѣхалъ домой къ дворцу средней жены Урма-Гохонъ-хатанъ и остановился у серебряной коновязи; ему навстрѣчу выбѣгаетъ средняя жена его Урма-Гохонъ-хатанъ и говоритъ ему: „Наше моленіе бурханъ Шибэгэни, спустившись съ неба, пришелъ къ намъ, сидѣть во дворцѣ на серебряномъ престолѣ и читаетъ материнское священное писаніе, читаетъ не мигая глазами и не шевеля сложенными подъ себя ногами“. Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ большимъ удивленіемъ удивлялся и большимъ дивомъ дивовался и говоритъ: „Наше моленіе Шибэгэни-бурханъ! зачѣмъ ты спустился съ неба на землю и пришелъ къ намъ“? Послѣ этого Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ убитыхъ звѣрей, привязанныхъ въ правыхъ торокахъ наскоро свалилъ на правую сторону и звѣрей, привязанныхъ въ лѣвыхъ торокахъ свалилъ на лѣвую сторону. Потомъ гово-

рить средней женѣ своей Урма-Гохонъ-хатанъ: „Ты иди во дворецъ и смотри на него. Я выѣду на сѣверную сторону Алтая и на возвышенная мѣста Хѣхбя и крикну оттуда такъ громко, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ десять тысячъ лусудуевъ и крикну такъ сильно, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ тысяча лусудуевъ. Если дѣйствительно это наше моленіе Щибэгэни-бурханъ, то онъ по прежнему, не замѣчая и не шевелясь, будетъ сидѣть на серебряномъ престолѣ, а если это превращеніе Лобсоголдой-хара-мангатхай, тогда онъ упадетъ съ серебрянаго престола внизъ головой“. Послѣ этого Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ выѣзжаетъ на сѣверную сторону Алтая и на возвышенное мѣсто Хѣхбя; оттуда онъ крикнулъ такъ громко, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ десять тысячъ лусудуевъ и крикнулъ такъ сильно, какъ будто крикнули въ одинъ голосъ тысяча лусудуевъ. Когда Абай-Гэсэрь-ханъ крикнулъ такъ сильно и громко, превращенный Лобсоголдой-хара-мангатхай упалъ съ серебрянаго престола внизъ головою, но снова сѣлъ на престолъ и читаетъ материнское желтое священное писаніе по прежнему. Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ пріѣхалъ обратно домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ темногнѣдого коня величиною съ гору, привязалъ его къ серебряной коновязи шелковымъ поводомъ, самъ идетъ во дворецъ и поднимается на крыльцо. Въ это время средняя его жена Урма-Гохонъ-хатанъ выбѣгаєтъ изъ дворца и встрѣчается съ Абай-Гэсэрь-Богдо-ханомъ у самыхъ дверей. Урма-Гохонъ-хатанъ хотѣла было сказать, что превращенный Лобсоголдой-хара-мангатхай упалъ съ серебрянаго престола внизъ головой, но таинственные силы и волшебства Лобсоголдой-хара-мангатхая пересилили среднюю жену Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ; у неї языкъ повернулся не такъ и она сказала: „Это дѣйствительно наше мо-

ление Шибэгэни-бурханъ; онъ не упалъ съ престола и сидитъ по прежнему“.

Тогда Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ большими удивленіемъ удивляется и большими дивованіемъ дивуется; войдя во дворецъ, онъ остановился у дверей; какъ пуговкой, головой кивая, молится, стоя на ногахъ и согнувшись колѣни согнувшись, молится на колѣняхъ. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай, превратившійся въ одного изъ трехъ Шибэгэни-бурхановъ, говорить Абай-Гэсэрь-Богдо-хану: „Иди, молись передъ мною! Я благословлю тебя“! Тогда Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ подходитъ къ нему и молится передъ нимъ, стоя на колѣняхъ. Въ это время Лобсоголдой-хара-мангатхай материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьетъ по головѣ Абай-Гэсэрь-Богдо-хана и тотъ обратился въ неутомимаго осла. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай взялъ обращеннаго въ неутомимаго осла Абай-Гэсэрь-Богдо-хана и, не медля и торопясь, заранѣе приготовленными и привезенными съ собою желѣзнымъ недоузкомъ обнудздалъ его и желѣзнымъ треногомъ стреножилъ его ноги. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говорить: „Безрогій молодецъ! Непобѣдимаго непріятеля я побѣдилъ и неперехитримаго непріятеля я перехитрилъ. Теперь изъ моихъ рукъ не вырвешься“! Послѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай съ помощью своихъ десяти волшебствъ и съ помощью своихъ двадцати превращеній сдѣлалъ черную желѣзную повозку, запрегъ въ нее трехъ черныхъ инокодцевъ и посадилъ въ нее среднюю жену Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Урма-Гохонъ-хатанъ, а самого Абай-Гэсэрь-Богдо-хана, обращеннаго въ неутомимаго осла, привязалъ сзади черной желѣзной повозки. Потомъ поѣхалъ рысью внизъ по пади Хатанъ, а самъ онъ на своемъ конѣ Лобъ-хара поѣхалъ около черной желѣзной повозки. Лобсоголдой-хара-мангатхай поѣхалъ мимо дворца старшей жены Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Тѣ-

мёнъ-Жаргаланъ, чтобы попробовать силы и волшебства дѣухъ старшихъ батаровъ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана; самый старший батаръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, сынъ Бомбохія, Буда-Уланъ-батаръ, прибѣжавъ, поймался за правую ногу Лобсоголдой-хара-мангатхая, но тотъ ногою этого старшаго батара Буда-Улана отбросилъ на вершину западной горы; второй батаръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Эржинъ-Шумаръ-батаръ, прибѣжавъ, поймался за лѣвую ногу Лобсоголдой-хара-мангатхая, но тотъ своею ногою отбросилъ второго батара Эржимъ-Шумара на вершину восточной горы. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай думаетъ: „Ладно, батары Абай-Гэсэръ-Богдо-хана со мной не управятся“! Потомъ онъ поѣхалъ прямо на восточную сторону домой по направленію къ мѣсту своего жительства къ пади Хонинъ-хотонъ. Онъ ѿхалъ, ѿхалъ и прїѣхалъ домой.

Лобсоголдой-хара-мангатхай по прїѣздѣ домой живеть съ среднею женою Урма-Гохонъ-хатанъ, а на Абай-Гэсэръ-Богдо-ханѣ, обращенномъ въ неутомимаго осла, Лобсоголдой-хара-мангатхай пашетъ землю; днемъ пашетъ семьдесятъ десятинъ земли, а ночью пашетъ сорокъ десятинъ земли, чашкою воды поить его и горстью травы кормитъ. Такъ на немъ пашетъ землю.

Въ это время на западномъ самомъ верхнемъ небѣ живущая, на сѣверозападномъ днѣ неба обитающая бабушка Манзанъ-Гормбъ большимъ узнаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что живущаго на землѣ единственного ея племянника Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, крикъ и шумъ котораго во время охоты слышно было, а нынѣ не слыхать; отчего пересталъ? Тогда бабушка Манзанъ-Гормбъ береть материнское желтое священное писаніе и читаетъ въ немъ, что Абай-Гэсэръ-Богдо-хана дома нѣтъ, а находится онъ прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хотонъ, въ странѣ высохшей и выдутой вѣтромъ, въ странѣ мангатхаевъ, въ той

странѣ туманной, въ которой люди блуждаютъ; на обращенномъ въ неутомимаго осла Абай-Гэсэръ-Богдо-ханѣ пашутъ днемъ семьдесятъ десятинъ земли и ночью пашутъ сорокъ десятинъ земли; обходятся съ нимъ, какъ съ деревомъ. Тогда бабушка Манзанъ-Гормо немедленно дала знать Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину, отцу Абай-Гэсэръ-Богдо-хана, что сынъ его обращенъ Лобсоголдой-хара-мангатхаемъ въ неутомимаго осла, на которомъ пашутъ днемъ семьдесятъ десятинъ земли и ночью сорокъ десятинъ земли. На самомъ верхнемъ западномъ небѣ не оказывается никого, кто бы могъ спуститься на землю и Ѣхать за Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и выручить его отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая. Если кто спустится съ неба и поѣдетъ туда, то сдѣлается нечистымъ и уже никакъ не сможетъ выручить Абай-Гэсэръ-Богдо-хана. Освободить его оттуда можетъ только одна младшая его жена Алма-моргонъ-хатанъ, а другой никто не можетъ. Западный самый старшій тэнгэри Ханъ-Тюрмасъ посыпаетъ на землю трехъ старшихъ сестеръ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Хохѣ къ младшей его женѣ Алма-Моргонъ-хатанъ сказать ей: „Кромѣ тебя нѣтъ никого, кто бы могъ Ѣхать туда выручить Абай-Гэсэръ-Богдо-хана отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая и привести домой. У насъ на западномъ небѣ никого нѣтъ, кто бы могъ спуститься на землю и Ѣхать туда; если поѣдутъ, то сдѣлаются нечистыми и тогда ничего не смогутъ сдѣлать. Если выручить, то ты должна одна выручить; кромѣ тебя нѣтъ никого! Если убить, то ты одна убьешь! Во чтобы-то ни стало, ты должна Ѣхать“!

Три старшія сестры Хохѣ спустились на землю въ вершинѣ пади Хатанъ и приходятъ къ младшей женѣ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана къ Алма-Моргонъ-хатанѣ и говорятъ ей: „Поїзжай за своимъ мужемъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и приведи его; ты только одна можешь сдѣлать это, кромѣ тебя никто. На самомъ верхнемъ западномъ небѣ никого нѣтъ, кто

бы могъ спуститься на землю и ѿхать туда; если поѣдуть, то сдѣлаются нечистыми. Тесть отецъ твой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери послать насъ къ тебѣ, чтобы ты ѿхала туда“. Тогда младшая жена Алма-Моргонъ-хатанъ говорить: „Тесть отецъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери приказываетъ ѿхать за моимъ мужемъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханомъ и поѣду туда“! Три старшія сестры Хохѣ поднялись на небо. Послѣ этого младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ начала большое приготовленіе приготовлять къ дальнему пути. Она поймала, какъ кровь, рыжаго своего коня, привязала его на галькѣ, чтобы копыта его были тверды и привязала на льду, чтобы копыта были круглы; въ это время она рыжаго, какъ кровь, коня своего кормила горстью травы и поила чашкою воды. Потомъ Алма-Моргонъ-хатанъ положила на своего коня шелковый потникъ, осѣдлала его красною краскою выкрашеннымъ сѣдломъ, десятью подпругами подтянула крѣпко и двадцатью подпругами подтянула крѣпко на крѣпко; послѣ этого шелковымъ поводомъ привязала, какъ кровь, рыжаго коня къ серебряной коновязи и говорить: „Приготовленіе коня готово“. Алма-Моргонъ-хатанъ входить во дворецъ, подвигаетъ золотой столъ, на которомъ ставить вкусныя кушанья и подвигаетъ серебряный столъ, на которомъ ставить дѣйствительно вкусныя кушанья; она поѣла ихъ, какъ птица клевала и какъ волкъ глоталъ. Наѣвшись, она стала одѣваться; одѣвшись, она взяла все нужное оружіе. Выходитъ на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ отъ нея шелковый поводъ, садится на рыжаго, какъ кровь, коня и уѣзжаетъ прямо на восточную сторону; у основанія серебряной коновязи съ горстю земли запылилось и за дальнимъ хребтомъ мелькнула красная кисть шапки.

Такъ младшая жена Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ уѣхала прямо въ восточную сторону по направленію

къ пади Хэрэтуй; десять падей пересѣкая, ёхала рысью и двадцать падей, зигзагами пересѣкая, ёхала рысью. Она ёхала, ёхала и подѣхала прямо по направлению къ пади Хэрэтуй; доехавъ до половины пути къ пади Хэрэтуй, она рыжаго, какъ кровь, коня обратила въ рублевую монету, которую положила въ кармань, а сама обратилась въ желтую осу и полетѣла далѣе по направлению къ пади Хэрэтуй. Подъ видомъ желтой осы Алма-Мөргөнъ-хатанъ прилетѣла къ самой старшей сестрѣ Енхэбэ и сѣла на дворцѣ; сидя на немъ, она слѣдила за старшою сестрою Енхэбэ и изучала ея волшебство, таинственные силы, характеръ и привычки. Въ это время старшая сестра Енхэбэ превращалась; утромъ она дѣлалась маленькою дѣвочкою и ребенкомъ и лежала, плача, на постели; въ полдень она обращалась въ молодую, въ полномъ возрастѣ дѣвицу, которая правила домомъ и ходила по хозяйству, а къ вечеру она становилась старою старухою, которая, опираясь на трость, едва, едва ходила по хозяйству. Младшан жена Алма-Мөргөнъ-хатанъ подъ видомъ желтой осы сидѣла на дворцѣ и изучала старшую сестру Енхэбэ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Когда она изучила и выглядѣла все волшебства, таинственные силы, характеръ и привычки старшей сестры Енхэбэ, она отъ дворца старшей сестры Енхэбэ полетѣла по направлению къ мѣстности Хонинъ-Хотонъ, гдѣ жилъ Лобсоголдой-хара-мангатхай. Пролетѣвъ до половины пути, она обратилась изъ желтой осы въ человѣка; она приняла видъ старшей сестры Енхэбэ, сдѣлалась неузнаваемо на нее похожею; потомъ съ помощью тринацдцати волшебствъ и съ помощью двадцати трехъ превращеній она сдѣлала черную желѣзную повозку, въ которую запрягла трехъ черныхъ иноходцевъ, и съ десятью караульными спереди и съ двадцятью караульными сзади подѣхала далѣе, какъ будто это ёдетъ сама старшая сестра

Енхэбэ. Она такъ ёхала, ёхала и пріѣхала къ единственному брату на землѣ Лобсоголдой-хара-мангатхаю и остановилась у его дворца. Лобсоголдой-хара-мангатхай выходитъ изъ дворца, бѣгомъ бѣжитъ на встречу къ ней и говоритъ: „Пріѣхала въ гости ко мнѣ самая старшая сестра Енхэбэ“. Онъ встрѣтилъ ее при выходѣ на улицу и повель ее во дворецъ. Когда старшая сестра Енхэбэ вошла во дворецъ, ее начали угождать; передъ ней поставили вкусные кушанья и вино. Когда младшая жена Алма-мѣргонъ-хатанъ, обратившася въ старшую сестру Енхэбэ, выпила одну чашку вина, то стало замѣтно въ глазахъ; когда она выпила двѣ чашки вина, то замѣтно стало въ устахъ; она разговаривая, сидѣть, неизнаваемо похоже подражая старшей сестрѣ Енхэбэ въ характерѣ и привычкахъ. Въ это время она говоритъ: „Единственный на землѣ младшій братъ мой! съ помощью моихъ волшебствъ и съ помощью моего наставленія ты взялъ теперь жену Урма-Гохонъ-хатанъ, съ которой живешь счастливо и имѣешь неутомимаго осла, на которомъ пашешь землю, сѣешь хлѣбъ и богатѣешь постепенно; дай мнѣ этого неутомимаго осла; я хочу вспахать немного земли и посѣять хлѣба; потомъ отдашь тебѣ обратно“. Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай говоритъ: „Ладно, дамъ“. Урма-Гохонъ-хатанъ шопотомъ говоритъ Лобсоголдой-хара-мангатхаю: „Это, кажется, не твоя старшая сестра Енхэбэ, а мнѣ кажется это какъ будто Алма-мѣргонъ-хатанъ, на которую она похожа. Не Алма-Мѣргонъ-хатанъ ли въ превращенномъ видѣ пріѣхала къ намъ?“ Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай раздумалъ дать сестрѣ неутомимаго осла и говоритъ: „Не сѣумѣшь, взявиши, удержать, отпустишь его. Онъ очень сильный и уросливый; ты не управишься. Я самъ едва, едва удерживаю его; ты гдѣ управишься? Мои два старшіе батары едва, едва запрягаютъ его и удерживаютъ. Не могу дать тебѣ, не сѣумѣшь удер-

жать и отпустишь". Самая старшая сестра Енхэбэ сильно разсердилась и говорить: „Съ помощью моихъ волшебствъ и съ помощью моего наставления ты досталъ себѣ и имѣешь неутомимаго осла, теперь пожалѣль его для меня! Я съумѣю его удержать". Она сильно разсердилась, машетъ руками и лягаетъ ногами. Потомъ она выбѣгасть на улицу; порогъ двери лягнула, расколола; лягнула уголь дворца, расколола. Сильно разсердившаяся самая старшая сестра Енхэбэ говорить: „Живи ты безъ меня! а я безъ тебя поживу!" Лобсоголдой-хара-мангатхай выходитъ за ней на улицу и говорить ей: „Дамъ тебѣ неутомимаго осла! не сердись на меня!" Онь едва, едва упросиль ее войти во дворецъ; она вошла; тогда ее снова попрежнему угощаютъ и просятъ не сердиться. Потомъ Лобсоголдой-хара-мангатхай приводить неутомимаго осла и отдаетъ своей самой старшей сестрѣ Енхэбэ; она крѣпко на крѣпко привязала неутомимаго осла поводомъ за черную желѣзною повозкою; привязавъ его, сама самая старшая сестра Енхэбэ садится въ свою черную желѣзную повозку и уѣзжаетъ домой, а Лобсоголдой-хара-мангатхай провожаетъ ее. Кога она уѣхала, Лобсоголдой-хара-мангатхай двухъ своихъ старшихъ батаровъ Ирга и Ширга обращаетъ въ двухъ черныхъ вороновъ Хонъ и посыаетъ посмотретьть, куда уѣдетъ самая старшая сестра Енхэбэ. Если это дѣйствительно она, то она поѣдетъ прямо по направленію къ пади Хэрэтуй къ своему желѣзному дворцу; если это превращеніе младшей жены Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Алма-Мөргөнъ-хатаны, то она поѣдетъ по направленію къ вершинамъ пади Хатанъ. Эти два черные ворона Хонъ полетѣли выше облаковъ плавающихъ и нсмного ниже синѣюшаго неба; они летять за нею и смотрятъ, куда она поѣдетъ. Самая старшая сестра Енхэбэ ёхала, ёхала и поѣхала; проѣхавъ трехдневное разстояніе, она приняла свой прежній

настоящій видъ, сдѣлалась прежнею младшей женой Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Алма-Мөргөнъ-хатаной; съ помощью своихъ тринадцати волшебствъ и съ помощью своихъ двадцати трехъ превращеній она сдѣлала бѣло-серебряную повозку, запрягла въ нее трехъ бѣлыхъ иноходцевъ, спереди повозки сдѣлала десять караульныхъ, сзади повозки двадцать караульныхъ; съ головы неутомимаго осла сняла желѣзный недоуздокъ, съ его ногъ сняла желѣзный треногъ и бросила ихъ; неутомимаго осла обратила рублевой серебряной монетой и положила въ карманъ, сѣла въ бѣлосеребряную повозку и поѣхала рысью прямо по направленію къ вершинѣ пади Хатанъ. Тогда два черные ворона Хонъ съ этого мѣста возвратились домой; прилетѣвъ домой снова обратились въ двухъ старшихъ батаровъ Ирга и Ширга. Они хотѣли сказать: „Это была превращенная младшая жена Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Алма-Мөргөнъ-хатанъ, которая и поѣхала прямо по направленію къ вершинѣ пади Хатанъ“, но волшебство и таинственные силы Алма-Мөргөнъ-хатаны преодолѣли ихъ и языки ихъ повернулись не такъ и сказали: „Дѣйствительно это была сама самая старшая сестра наша Енхэбэ; она поѣхала прямо по направленію къ пади Хэрэгтуй“. Такъ они неправильно сказали.

Младшая жена Абай-Гэсэрь-Богдо-хана Алма-Мөргөнъ-хатанъ ёхала, ёхала и пріѣхала къ вершинѣ пади Хатанъ къ своему бѣлосеребряному дворцу. Пріѣхавъ домой, рублевую серебряную монету вынула изъ кармана, снова обратила ее въ неутомимаго осла, взнудзала его серебрянымъ вывѣнченнымъ недоуздкомъ и повела его къ доброжелательному съ великими бѣлыми мыслями дядѣ Сарагаль-ноёну; отдавая неутомимаго осла, она говорить дядѣ Сарагаль-ноёну: „Привести привела и выручить выручила Абай-Гэсэрь-Богдо-хана отъ Лобсоголдой-хара-мангатхая; болѣе у меня нѣть ни

силъ, ни волшебства. Возьмите его⁴! Тогда доброжелательный съ великими бѣлыми мыслями дядя Сарагаль-ноёнъ береть неутомимаго осла и смотря вверхъ смѣется, смотря внизъ, рыдая плачетъ. Ведя неутомимаго осла за поводъ, онъ отправился къ винтообразной серебряной горѣ, по винтамъ ея поднялся на ея вершину, пришелъ къ своему моленію къ тремъ бурханамъ Шибэгэни и молится имъ въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей. Тогда его моленіе три бурхана Шибэгэни материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьютъ, благословляя, по головѣ неутомимаго осла, и неутомимый оселъ обратился опять въ Абай-Гэсэрь-Богдо-хана, который едва, едва на ногахъ стоитъ; жизнь его, чуть не оторвавшись, едва, едва держится; глаза его едва, едва цѣлы; онъ стоитъ весь въ язвахъ, тѣло его покрыто семьюдесятю коростами. Тогда его моленіе три бурхана Шибэгэни снова материнскимъ желтымъ священнымъ писаніемъ бьютъ, благословляя, по его головѣ. Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ вошелъ въ прежнее тѣло и силу и сдѣлался еще лучше и сильнѣе прежняго. Онъ съ своимъ доброжелательнымъ, съ большими бѣлыми мыслями дядей Сарагаль-ноёномъ еще три дня и три ночи молились своимъ моленіямъ тремъ бурханамъ Шибэгэни; по прошествіи трехъ дней и трехъ ночей они вышли, и спустились внизъ по винтамъ серебряной горы. Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ пришелъ къ дворцу младшей жены Алма-Мөргөнъ-хатанъ и сталъ жить у нея. Онъ живеть у нен, отдыхаетъ и набираетъ силу.

Нѣсколько времени спустя Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ собирается въ дальній путь на большую войну. Онъ хочетъ вѣхать воевать съ Лобсоголдой-хара-мангатхаемъ, чтобы, побѣдивъ его, привезти свою среднюю жену Урма-Гохонъ-хатанъ. Онъ собирается въ дальній путь вмѣстѣ съ младшою своею женой Алма-Мөргөнъ-хатанъ. Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ

выходитъ на улицу и призываетъ своего съ гору величиною тѣломъ темно-гіѣдого коня, который пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Младшая жена Алма-Мѣргонъ-хатанъ также выходитъ на улицу, призываетъ своего коня, рыжаго, какъ кровь, который тоже пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Оба коня услыхали голоса своихъ хозяевъ и говорять: „Зачѣмъ нась зовутъ голоса нашихъ хозяевъ? Пріѣзжающаго не пріятеля будуть ли встрѣчать или отъѣзжающихъ непріятелей провожать“? Такъ говоря, съ гору величиной темно-гіѣдой конь и, какъ кровь, рыжій конь покопали копытами землю, пыль сдѣлали, фыркнули, туманъ сдѣлали, потомъ прибѣжали домой, остановились около серебряной коновязи и ржутъ звонко. Тогда Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ и младшая жена его Алма-Мѣргонъ-хатанъ выходятъ изъ дворца, выносятъ выѣнченные недоуздки и какъ ребро, серебряныя узды. Они выѣнченными недоуздками взнудзали коней, какъ ребро, серебряными уздами обнудзали ихъ, потомъ привязали своихъ коней на галькѣ, чтобы копыта были тверды, и привязали на льду, чтобы копыта были круглы; въ это время травой съ горстю кормили и чашкой воды поили. Потомъ положили на своихъ коней шелковые потники, Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ осѣдалъ своего коня серебрянымъ сѣдломъ, а младшая его жена Алма-Мѣргонъ-хатанъ своего коня осѣдала красною краскою выкрашеннымъ сѣдломъ; они десятью подпругами крѣпко на крѣпко подтянули, шелковыми поводами привязали своихъ коней къ серебряной коновязи и говорять другъ другу: „Окончили приготовленіе коней; осталось приготовленіе тѣла“. Потомъ входятъ во дворецъ. Младшая жена Алма-Мѣргонъ-хатанъ подвигаетъ золотой столъ, на который кладетъ вкусныя кушанья, и подвигаетъ серебряный столъ, на который кладетъ дѣйствительно вкусныя кушанья; эти кушанья они оба ёдятъ, какъ птицы клюютъ и какъ волки

глотаютъ. Когда набились досыта, начали одѣваться; одѣвшись, взяли все нужное оружіе и вышли на улицу, и сѣвши на коней, поѣхали прямо въ восточную сторону. Они ъехали, ъехали и все ъехали далѣе. Десять падей пересѣкая, ъехали; двадцать падей, зигзагами пересѣкая, ъехали. Они все ъехали, ъехали далѣе и поѣхали по направленію къ пади Хэрэтуй. Когда они проѣхали половину пути, то Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ оставилъ тутъ свою младшую жену Алма-Мбргёнъ-хатанъ, а самъ поѣхалъ далѣе одинъ. Онъ ъехалъ рысью. Тогда живущая въ пади самая старшая сестра Енхэбэ большими узаніемъ узнала и большимъ разумомъ уразумѣла, что Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ ёдетъ воевать съ ней. Она выѣхала къ нему на встрѣчу, говоря: „Пріѣзжающаго непріятеля должна встрѣтить и отъѣзжающаго непріятеля должна проводить“. Когда она пришла къ вершинѣ одной пади, по которой долженъ быть пріѣхать Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ, она легла на землю, нижней челюстью упираясь въ землю, верхней челюстью подпирая высокое небо. Такъ она, разинувъ ротъ, начала втягивать въ себя и глотать съ трехсугубого разстоянія. Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ ъехалъ, ъехалъ и стала приближаться. Въ это время онъ попалъ во втягивание, не могъ устоять, и сдѣлавшись, какъ перо, легкимъ, полетѣлъ прямо въ ротъ самой старшей сестры Енхэбэ. Когда онъ попалъ въ ея ротъ, онъ воткнулъ поперекъ ея глотки черное колючее копье, употребляемое въ военное время, чтобы она осталась съ разинутымъ ртомъ. Потомъ Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ рысью поѣхалъ внутрь самой старшей сестры Енхэбэ; когда доѣхалъ до сердца, онъ взялъ висящую на правомъ боку серебряную саблю, имѣющую на лезвіѣ волшебство, на тупой сторонѣ имѣющую печать, и этой саблею однимъ ударомъ вырубилъ сердце и уронилъ внизъ. Потомъ обратно пустилъ своего коня во весь махъ и на пути, не останавливаясь, на бѣгу коня выдернуль чер-

ное колючее копье и скорбъе, не медля, выѣхалъ изъ рта самой младшей сестры Енхэбэ. Только онъ выскоцилъ изъ рта ея, какъ верхняя ея челюсть упала на нижнюю челюсть и стукнулась, обрѣзавъ кончикъ хвоста величиною съ гору тѣломъ темногиѣдого коня. Послѣ этого Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ говорить своей младшей женѣ Алма-Мёргонъ-хатанъ: „Непобѣдимую непріятельницу побѣдили и неколимаго годоваго жеребенка закололи!“ Потомъ лѣсныя деревья собрали съ вершинами и таежныя деревья собрали съ корнями, тѣло самой старшой сестры Енхэбэ сожгли, сдѣлавши березовую лопату, оставшіеся пепель и кости разбросали къ сѣверу и сдѣлавши осиновую лопату, оставшіеся пепель и кости разбросали къ югу. Когда все вывѣяли къ сѣверу и къ югу, Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ съ своею младшою женою Алма-Мёргонъ-хатанъ вдвое мѣръ побѣхали по направлению къ странѣ Хонинъ-хотонъ къ Лобсоголдой-хара-мангатхаю. Они ъхали, ъхали и пріѣхали къ одной высокой горѣ Сахидакъ-саганъ-ула, на подошвѣ которой съ помощью своихъ тринаццати волшебствъ и своихъ двадцати трехъ превращеній сдѣлали изъ камня верховаго человѣка; коня сдѣлали похожимъ на темногиѣдого коня, а человѣка сдѣлали до неузнаваемости похожимъ на Абай-Гэсэрь-Богдо-хана, стоящаго съ натянутымъ лукомъ и положеною на тетиву стрѣлою и готовящеся выстрѣлить. Самъ же Абай-Гэсэрь-Богдо-ханъ съ младшою своею женою Алма-Мёргонъ-хатанъ поднялись на вершину этой горы Сахидакъ-саганъ-ула, гдѣ слезли съ коней и сидѣть, курятъ трубки. Въ это время Лобсоголдой-хара-мангатхай на своемъ конѣ Лобъ-хара выѣхалъ на встрѣчу, увидѣвъ при подошвѣ горы каменного человѣка, готовящеся выстрѣлить, стоящаго съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою, и громко говоритъ: „Черный безрогій молодецъ! что здѣсь стоишь?“ Послѣ этого Лобсоголдой-хара-мангатхай, какъ по-

розвъ, косясь, приближается, и какъ самецъ-верблюдъ, скрежеща зубами, съ пѣною у рта, приближается; подойдя, онъ говоритъ: „Черный безрогій молодецъ! Человѣка за человѣка не считая и людей за людей не считая, еще собираешься стрѣлять“! Съ этими словами Лобсоголдой-хара-мангатхай началъ съ этимъ каменнымъ человѣкомъ бороться и барахтаться. Онъ никакъ не можетъ сдвинуть каменного человѣка съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою, и все таки продолжаетъ воевать и бороться. Лобсоголдой-хара-мангатхай долго воевалъ съ каменнымъ человѣкомъ и наконецъ усталъ. Когда, воюя съ каменнымъ изображеніемъ Абай-Гэсэръ-Богдо-хана Лобсоголдой-хара-мангатхай выбился изъ силъ, Абай-Гэсэръ-Богдо-хантъ спустился съ горы, подошелъ къ нему, отдернулъ его отъ каменного человѣка и самъ сталъ воевать съ нимъ. Они еще долго воевали другъ съ другомъ. Наконецъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ помощью младшей жены Алма-Моргбынъ-хатанъ едва, едва свалили Лобсоголдой-хара-мангатхая на землю, и потомъ задавили тремя горами, чтобы Лобсоголдой-хара-мангатхай не всталъ. Около головы и ногъ Лобсоголдой-хара-мангатхая поставили по одному богатырю, каждому изъ нихъ дали въ сорокъ пудовъ желѣзный молотъ; когда онъ хочетъ встать и выйти изъ-подъ трехъ горъ, богатыри бьютъ его по головѣ и ногамъ. Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ заповѣдалъ этимъ двумъ батарамъ, чтобы они до скончанія вѣка били по головѣ и ногамъ Лобсоголдой-хара-мангатхая, не давая ему встать. Эти два батара утромъ обращаются въ маленькихъ дѣтей и бьютъ Лобсоголдой-хара-мангатхая, одинъ по головѣ, другой по ногамъ; въ полдень эти два батара обращаются въ молодыхъ людей въ полной силѣ и красотѣ и бьютъ его, одинъ по головѣ, другой по ногамъ; къ вечеру они обращаются совершенно въ сѣдыхъ и старыхъ стариковъ и тоже бьютъ его, одинъ по головѣ, а другой по ногамъ.

Потомъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ младшей своей женой Алма-Моргонь-хатанъ поѣхали къ дворцу Лобсоголдой-харамгатхая; всѣхъ батаровъ и войско его Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ убилъ. Послѣ этого онъ взялъ среднюю свою жену Урма-Гохонь-хатанъ, весь скотъ и подданныхъ Лобсоголдой-хара-мангатхая и прїѣхалъ домой, едва помѣщаясь въ падахъ, едва хватало ему воды въ ручьяхъ. По прїѣздѣ домой Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ на девять дней большое гулянье сдѣлалъ, на восемь дней сдѣлалъ веселое гулянье и на десятый день едва, едва разошлись. Такъ Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ съ тремя своими прекрасными женами живеть счастливо и спокойно. Анхуга ашта бурханда түшэ.

Война Абай-Гэсэръ-Богдо-хана съ Галь-Долмой-ханомъ.

Прямо на восточной сторонѣ въ самой серединѣ земли живущій царь Ганга-Бэрэдъ-ханъ былъ богатъ скотомъ, имѣлъ множество подданныхъ и жилъ счастливо.

Прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинь-хото живущій, на спинѣ имѣющій сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѣющій множество тысячъ глазъ, на самой верхушкѣ головы имѣющій бѣлый, какъ звѣзда, глазъ и ворту имѣющій желтый, какъ маховое перо изъ крыла птицы, кликъ, царь Галь-Долмѣ началъ у живущаго въ самой серединѣ земли царя Ганга-Бэрэдъ-хана крайніе города цѣликомъ проглатывать и вершинные города втягивать себѣ въ ротъ. Тогда царь Ганга-Бэрэдъ большимъ удивленiemъ удивился и не знаетъ, какъ избавиться отъ царя Галь-Долмо. У царя Ганга-Бэрэда въ груди появилась накипѣвшая и надавленная дума и въ умѣ появилась болѣзненная дума. Онъ при-

казаль бить въ золотой барабань, собрать съверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабань, собрать южныхъ подданныхъ. Когда начали бить въ золотой барабань, собрались съверные подданные, и когда начали бить въ серебряный барабань, собрались подданные, живущие на южной сторонѣ. Когда всѣ подданные собрались, царь Ганга-Бэрэдъ стоя, спрашиваетъ у своихъ подданныхъ: „Прямо изъ восточной стороны, изъ мѣстности Хонинъ-хото, на спинѣ имѣющій сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѣющій множество тысячъ глазъ, на самой верхушкѣ головы имѣющій бѣлый, какъ звѣзда, глазъ и во рту имѣющій желтый, какъ маховое перо изъ крыла птицы клыкъ, царь Галь-Долмѣ крайніе наши города цѣликомъ проглатываетъ и вершинные наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Кто и чей сынъ можетъ побѣдить его и чей потомокъ заставитъ его прекратить нападенія“? Въ это время на краю (толпы) стоявшій одинъ старичокъ входитъ внутрь (толпы), пролѣзаетъ между ногами высокихъ людей и подъ мышками низкихъ людей. Такъ онъ предсталъ передъ царемъ Ганга-Бэрэдомъ и говоритъ: „Царь батюшко! Я слышалъ, что прямо на западной сторонѣ въ большой пади, называемой Хатанъ живеть, распространившись, и въ мѣстности, называемой Найжинъ, живеть необозримо-счастливо, трехъ царей Тбгощевыхъ (своимъ) рожденiemъ осчастливившій, свадебный обрядъ и законъ установившій, на землю спустившійся Абай-Гесэрь-Богдо-ханъ; онъ одинъ только можетъ побѣдить и прекратить насилия царя Галь-Долмѣ“.

Тогда царь Ганга-Бэрэдъ спрашиваетъ: „Кто и чей сынъ можетъ ѻхать въ эту дальнюю мѣстность, чей конь доѣдетъ туда“? Тотъ же старикъ говоритъ: „Царь батюшка! въ эту мѣстность можетъ ѻхать мой сынъ; туда доѣдетъ конь моего сына. Сына моего зовутъ имѣющій чубараго коня Шодороп-

мөргөнъ-батарь". Тогда царь Ганга-Бэрэдъ посылаетъ одного быстраго посла за сыномъ старика Шодоро-мөргөнъ-батаромъ, которому приказываетъ немедленно пріѣхать къ нему. Этотъ быстрый посолъ поѣхалъ къ Шодоро-мөргөнъ-батару; остановившись на улицѣ, кричить ему: „Царь батюшка приказалъ тебѣ немедленно пріѣхать къ нему“! Такъ говоря, стоялъ посланный. Шодоро-мөргөнъ-батарь говоритъ: „Если царь-батюшка приказалъ пріѣхать, то мнѣ простому сидѣть нечего“. Сказавъ эти слова, скоро на скоро приготовившись и мѣтко скоро собравшись, осѣдлавши коня и сѣвъ на него, Шодоро-мөргөнъ-батарь пріѣхалъ къ царю-батюшкѣ и кивая, кланяется ему. Царь Ганга-Бэрэдъ говоритъ Шодоро-мөргөнъ-батару: „Поѣзжай къ живущему прямо въ западной сторонѣ въ большой пади Хатанъ и въ мѣстности Найжинъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и проси у него защиты отъ царя Галь-Долмѣ“! Съ этими словами царь Ганга-Бэрэдъ отпустилъ Шодоро-мөргөнъ-батара домой. Пріѣхавъ домой, Шодоро-мөргөнъ-батарь большое приготовленіе приготавляетъ и собирается въ дальнюю дорогу. Изъ двадцати возовъ сѣна онъ сдѣлалъ два свертка и положилъ на дно переметной сумы, раздѣливъ пополамъ *), изъ мяса двадцати барановъ сдѣлалъ кусочекъ и лытку, также положилъ на дно переметной сумы, раздѣливъ пополамъ. Послѣ этого чубараго коня своего осѣдалъ чисто серебрянымъ сѣдломъ и обнудздалъ какъ ребро, серебряною уздою. Когда кончилось приготовленіе коня, тогда самъ началъ одѣваться, взялъ все нужное оружіе и надѣль на себя, поѣхъ досыта дѣйствительно вкусной пищи, вышелъ на улицу, сѣлъ на чубараго коня и поѣхалъ прямо въ западную сторону. Шодоро-мөргөнъ ёхалъ и ёхалъ рысью по царемъ батюшкой проведенной дорогѣ и ёхалъ скорою

*) Т. е. одну половину положилъ въ лѣвое отѣленіе сумы, другую въ правое.

рысью по народомъ проведенной дорогѣ. Во время этой поѣздки онъ поднялся на вершину одной высокой горы, откуда началъ осматривать окружающую мѣстность и увидѣлъ большую падь Хатанъ, которая, ширясь, виднѣлась и мѣстность Найжинъ, которая необозримо виднѣлась; въ этихъ мѣстностяхъ жилъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Винтообразная серебряная гора Абай-Гехеръ-Богдо-хана едва, едва синѣясь, была вдали видна. Въ большой пади Хатанъ три прекрасные дворца трехъ женъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана едва видно блестятъ; дворцы эти вышиною были выше облаковъ высокихъ и едва ниже синѣющаго неба.

Когда Шодоро-мѣргонъ-батарь увидѣлъ все это, у него стѣренъкое сердце начало биться, коротенькия ребра начали гнуться; сильно онъ испугался. Шодоро-мѣргонъ-батарь золчъ думаетъ и сердце его дѣлается, какъ камень и онъ говоритъ: „Въ гору выстрѣленная стрѣла не должна скользнуть, а царемъ посланный посланикъ не долженъ возвращаться обратно“! Сказавши эти слова, онъ съ этой высокой горы спустился внизъ и поѣхалъ далѣе по направлению къ царству Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Онъ ѿхалъ, ѿхалъ и доѣхалъ до царства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому царству онъ поѣхалъ рысью. За время этой поѣздки его чубарый конь отъ продолжительной ѿзды обратился въ годовалаго жеребенка, а самъ Шодоро-мѣргонъ-батарь отъ усталости и дальней ѿзды сдѣлался, какъ маленький ребенокъ; въ этомъ видѣ онъ ѿхалъ все впередъ.

Въ это самое время младшій батарь Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Эрхэ-Анзанъ-батарь съ горы на гору перескакивалъ и смотрѣлъ, не видно ли чего-нибудь въ дали. Эрхэ-Анзанъ-батарь увидѣлъ ѿдущаго на чубаромъ конѣ Шодоро-мѣргонъ-батара; увидѣвъ, выхватываетъ изъ колчана большую черную стрѣлу, беретъ желтый лукъ Манзанъ съ девяносто девятью подстав-

ками и собирается застрѣлить Шодоро-мѣргонъ-батара. Тогда имѣющій чубараго коня Шодоро-мѣргонъ-батаръ большимъ знаніемъ узналъ и большимъ разумомъ уразумѣлъ, что третій батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Эрхэ-Анзанъ-батаръ собирается застрѣлить его; онъ быстро соскаиваетъ съ коня и кланяется ему; какъ пуговка, головой кивая, кланяется; кри-
венькія колѣна сгибаю, кланяется; такъ кланяясь, онъ стоять на колѣнахъ. Тогда Эрхэ-Анзанъ-батаръ остановился стрѣлять, спускается съ горы, подѣзжаетъ къ Шодоро- мѣргонъ-батару и спрашиваетъ его: „Изъ какой ты земли, изъ какихъ странъ и кудаѣдешь“? Онъ отвѣчаетъ: „Прямо съ восточной стороны, въ серединѣ земли живущаго царя Ганга-Бэрэда подданный; зовутъ меня—имѣющій чубараго коня Шодоро-мѣргонъ-батаръ; далѣе настѣнно на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-кото живеть на спинѣ имѣющій сто тысячъ глазъ, на передней сторонѣ тѣла имѣющій множество тысячи глазъ, на темени головы имѣющій какъ звѣзда, бѣлый глазъ и во рту имѣющій желтый клыкъ, какъ маховое перо изъ крыла птицы, царь Галь-Долмѣ; онъ крайніе наши города цѣликомъ проглатываетъ и вершинные наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Я пріѣхалъ просить милости Абай-Гэхэръ-Богдо-хана этого непобѣдимаго врага побѣдить и насилия его прекратить“.

Тогда Эрхэ-Анзанъ-батаръ говоритъ: „Хорошую вѣсть ты привезъ выводить силу большого пальца отъ множества дней и отъ долготы года“! Такъ онъ радовался, стоя. Послѣ этого Эрхэ-Анзанъ-батаръ привелъ Шодоро-мѣргона и его чубараго коня въ прежнее состояніе и въ прежнее тѣло. Эрхэ-Анзанъ-батаръ и Шодоро-мѣргонъ-батаръ поѣхали домой *); когда они пріѣхали на вершину большой пади Хатанъ, Эрхэ-Ан-

*). Т. е. къ дому Гэхэръ-хава.

зань-батаръ впустилъ Шодоро-мёргёнъ-батара во дворецъ Алма-мёргёнъ-хатаны, у которой жилъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, а самъ поекакаль внизъ по большой пади Хатанъ къ дворцу Урма-Гохонъ-хатаны, у которой жили все остальные тридцать три батара; по приѣздѣ онъ сообщилъ имъ эту радостную вѣсть. Все тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана пріѣхали къ дворцу Алма-мёргёнъ-хатаны и ждутъ на улицѣ Шодоро-мёргёнъ-батара, что ему скажетъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ.

Шодоро-мёргёнъ-батаръ, привязавъ своего, коня красношельковымъ поводомъ къ золото-серебряной коновязи, входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно хорошо отворяетъ, боржи-серебряный порогъ, не насоривши, перешагнувъ, входитъ во дворецъ, и какъ пуговица, головой кивая, кланяется, кривенькія колѣна сгиба, кланяется. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашивается: „Откуда, изъ какихъ земель и изъ какихъ странъ пріѣхалъ? какъ тебя зовутъ“? Тогда онъ говоритъ: „Прямо изъ восточной стороны. Въ срединѣ земли живущаго царя Ганга-Бэрэдъ подданный. Зовутъ меня имѣющій чубараго коня Шодоро-мёргёнъ-батаръ. Даївѣ насть прямо на восточной сторонѣ въ мѣстности Хонинъ-хото живетъ царь Галь-Дблмб, имѣющій на спинѣ сто тысячъ глазъ, имѣющій па передней сторонѣ тѣла множество тысячъ глазъ, имѣющій на самой верхушкѣ головы бѣлый глазъ, какъ звѣзда, и имѣющій во рту желтый клыкъ, какъ маховое перо изъ крыла птицы; онъ крайнѣе наши города проглатываетъ и вершины наши города втягиваетъ себѣ въ ротъ. Я пріѣхалъ просить милость вашу этого непобѣдимаго врага побѣдить и насилия его прекратить“. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ Шодоро-мёргёнъ-батару: „Я не поѣду. Поѣзжай домой обратно“.

Шодоро-Мёргёнъ-батаръ выходитъ изъ дворца на улицу, гдѣ его встрѣтили тридцать три батара и спрашиваютъ,

что сказалъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ. Тогда онъ говоритъ, что Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ сказалъ, что не поѣдетъ и приказалъ ъхать обратно домой. Тридцать три батара говорятъ ему: „Опять иди и проси ъхать“. Тогда онъ опять входитъ во дворецъ и просить Абай-Гэхэрь-Богдо-хана оказать имъ милостивую защиту и побѣдить ихъ непобѣдимаго врага царя Галъ-Долмѣ. Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ говоритъ ему: „Поѣхать поѣду, но не пришло времени; когда наступитъ время ъхать, тогда поѣду воевать съ царемъ Галъ-Долмѣ. Еще осталось восемь мѣсяцевъ; прежде этого срока я не поѣду. Поѣзжай обратно домой“. Такъ говоря, отпустилъ его. Шодоро-мѣргонъ-батаръ выходитъ изъ дворца на улицу, гдѣ его опять спрашиваютъ тридцать три батара, что сказалъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ. Онъ говоритъ имъ, что Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ сказалъ, что теперь не поѣдетъ, что поѣдетъ послѣ, а теперь еще время не пришло, осталось еще восемь мѣсяцевъ и до срока онъ не поѣдетъ. Тогда тридцать три батара говорятъ ему: „Ты подожди насть здѣсь; мы сами попросимъ его“. Такъ говоря, всѣ тридцать три батара входятъ во дворецъ и говорятъ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану: „Ты зачѣмъ отказался ъхать на такой хороший пиръ и на такое славное гулянье? Если не поѣдешь, то зачѣмъ взялъ насть съ собой на землю? Для чего мы спустились на землю? Мы спустились, чтобы какъ ножикъ, ядовитыхъ враговъ уничтожить; мы спустились, чтобы черно-сѣрому народу бѣлую свадьбу обставить; мы спустились убивать непобѣдимыхъ и сильныхъ враговъ, спустились всему народу и людамъ бѣлую свадьбу обставить. Непремѣнно поѣдемъ воевать туда! Дней много и годъ долгъ. Нужно позабавиться“! Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо говоритъ тридцати тремъ батарамъ: „Приготовляйтесь въ путь! Приготовьте триста передовыхъ войскъ и всѣ три знамени войска“. Такъ говоря, онъ отпустилъ тридцать трехъ бата-

ровъ. Выйдя изъ дворца они говорять Шодоро-Мөргөнъ-батару: „Мы скоро поѣдемъ и будемъ собираться въ дорогу“. Послѣ этихъ словъ Шодоро-Мөргөнъ-батаръ поѣхалъ обратно домой, а тридцать три батара начали собираться; оторванное вставляли, разорванное зашивали; потомъ приготовили триста передовыхъ войскъ и три знамени войска. Когда всѣ приготовились къ дорогѣ, имѣющій бѣлосоловаго коня съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ тоже сталъ собираться, говоря: „Я тоже поѣду съ вами“. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говорить дядѣ Заса-Шихуру: „Не ъезди съ нами! Оставайся дома! Путь далекій, рѣка длинная. Ты съ нами не можешь ъехать, потому что путь очень длинный и далекій“! Но онъ никакъ не можетъ уговорить дядю Заса-Шихура оставаться дома. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ отворяетъ десять подваловъ, выпускаетъ изъ нихъ вино и говоритъ: „На дорогу надо выпить по одному духаряну“! Сначала Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подаетъ свой духарянъ дядѣ Заса-Шихуру, тотъ выпиваетъ; потомъ ему подаютъ вина всѣ тридцать три батара; выпивъ всѣ духаряны, поднесенные ими, съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ сдѣмался пьянь и свалился.

Послѣ этого всѣ, приготовившись, поѣхали къ царю Галь-Долмѣ съ войною. Всѣ они ъехали, ъехали и прїѣхали къ одной мѣстности, гдѣ остановились ночевать. На другое утро встали; наѣвшись и напившись, собирались уже ъехать далѣе, въ это время слышится топотъ бѣгущаго коня, тонкокрасная пыль по низменности разстилается и широко-красная пыль высокое небо заслоняетъ; такъ пыля, кто-то ъдетъ за ними. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ тридцати тремъ батарамъ и войскамъ: „Кто-то къ намъ ъдетъ. Подождите! пусть прїѣдетъ“. Въ это время на бѣлосоловомъ конѣ скачеть съ головою съ просѣдью дядя Заса-Шихуръ верхомъ безъ сѣдла, безъ пояса на распашку, безъ шапки

и безъ унтовъ въ однихъ чулкахъ. Пріѣхалъ къ нимъ и говорить: „Зачѣмъ меня оставили, не дождались? Я непремѣнно поѣду съ вами!“ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ уговариваетъ его возвратиться домой. Онъ говоритъ: „Бѣлосолового коня твоего тучные луга поднимутъ, съ просѣдью голову твою подниметъ подушка! Поѣзжай обратно домой! Кто у насть будетъ распоряжаться дома и смотрѣть за хозяйствомъ и подданными безъ насть. Ты нуженъ дома! Смотри за всѣми!“ Послѣ этихъ словъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ снимаетъ съ себя шелковый жилетъ, вытканный безъ шва бабушкою Манзанъ-Гбромъ, живущею на сѣвероизападной сторонѣ, на самомъ верхнемъ западномъ небѣ; этотъ безъ шва вытканый жилетъ отдаетъ онъ дядѣ Заса Шихуру и говоритъ: „Если я буду побѣждать враговъ и благополучно ѻздить, то этотъ жилетъ съ каждымъ днемъ будетъ свѣтлѣе и красивѣе; если же буду побѣженъ врагами и неблагополучно буду ѻздить, то этотъ жилетъ будетъ темнѣть и дѣлаться старѣе. На, возьми его. И также уведи съ собою триста передовыхъ войскъ и три знамя войска. Они будутъ только мѣшать намъ въ дорогѣ. Въ дальнемъ пути что будемъ съ ними дѣлать? Далѣе поѣдемъ поскорѣе и проворнѣе. Мѣшающихъ возвратимъ домой!“ Такъ говоря, Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ отправилъ обратно домой триста передовыхъ войскъ и три знамени войска съ дядею Заса-Шихуромъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами поѣхали далѣе полною рысью. Ёхали, ёхали и доѣхали до царства царя Галь-Дѣлмѣ; поѣхали далѣе, на пути поднялись на вершину одной высокой горы, остановились тутъ и сдѣлали себѣ стоянку, развели огонь. Потомъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ посыпаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ сына Бомбохія Буда-Уланъ-батара и не дѣлающаго промаха, что бы ни мелькнуло, Эржинъ-Шумаръ-батара, чтобы

они поѣздили по съверной сторонѣ и изучили бы характеръ и нравъ, и обѣхали бы по южной сторонѣ и изучили волшебства и знаніе царя Галь-Долмѣ,—горностай чтобы не узнатъ по запаху и хорекъ не выслѣдилъ бы обѣзды ихъ; имѣющіе глаза не видали бы и имѣющіе уши не услыхали бы ихъ. Такъ наказывая, послалъ ихъ. Два старшіе и быстрые батары Абай-Гэхэрь-Богдо-хана спустились съ этой высокой горы и поѣхали по съверной сторонѣ, узнавали характеръ и нравъ; и обѣхали по южной сторонѣ, узнавали волшебства и знаніе царя Галь-Долмѣ; послѣ этого золото-серебряную коновязь Галь-Долмѣ-хана вырвали изъ земли и бросили, прїѣхали обратно на высокую гору къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану и рассказали, что видѣли и узнали.

Галь-Долмѣ-ханъ на другое утро увидѣлъ вырванную и брошенную свою золото-серебряную коновязь, и большимъ удивленіемъ удивился. „На этой землѣ со мною никто не можетъ воевать! Если есть кто, такъ это Абай-Гэхэрь-Богдо-хантъ, который еще не скоро прїдетъ; осталось еще восемь мѣсяцевъ“. Потомъ Галь-Долмѣ-ханъ приказалъ поставить золото-серебряную коновязь на прежнее мѣсто.

На другое утро Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ посыпаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ обѣздить и узнатъ характеръ и нравъ Галь-Долмѣ-хана. Два старшіе и быстрые батара поѣхали и обѣхали и узнали характеръ и нравъ Галь-Долмѣ-хана и на обратномъ пути свалили у Галь-Долмѣ-хана ворота, прїѣхали обратно на гору къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану и рассказали ему, что видѣли и узнали. На другое утро Галь-Долмѣ-ханъ увидѣлъ, что ворота его свалены; тогда онъ большимъ удивленіемъ удивился, приказалъ поднять ворота и поставить на прежнее мѣсто.

На третье утро Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ опять посыпаетъ двухъ старшихъ и быстрыхъ батаровъ обѣздить и узнатъ

характеръ и нравъ Галь-Долмб-хана. Два старшіе быстрые батара поѣхали и узнали характеръ и нравъ Галь-Долмб-хана, и на обратномъ пути свалили на землю украшеніе дворца Галь-Долмб-хана и уѣхали. Галь-Долмб-ханъ посыпаетъ за ними въ погоню двухъ своихъ старшихъ батаровъ, чтобы узнать, чьи они посланные и чье превращеніе. Два старшихъ батара Галь-Долмб-хана погнались за двумя батарами Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и догнали ихъ. Тогда два старшіе и быстрые батары Абай-Гэхэръ-Богдо-хана встрѣтили и поймали двухъ батаровъ Галь-Долмб-хана, свернули имъ шеи, привязали ихъ къ сѣдламъ на правой сторонѣ лошади внизъ головою и сказали имъ: „Пріѣхавъ къ Галь-Долмб-хану, скажите, что безъ знамени враги пріѣхали, безъ пробы войска прибыли, и помрите“! Послѣ этого лошадей двухъ старшихъ батаровъ Даль-Долмб-хана угнали обратно. Лошади приѣзжали къ воротамъ Галь-Долмб-хана; тогда эти два батара сказали Галь-Долмб-хану, что безъ знамени враги пріѣхали и безъ пробы войска прибыли. Послѣ этихъ словъ они померли. Тогда Галь-Долмб-ханъ большимъ узнаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ, что прямо съ западной стороны Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, живущій въ мѣстности Хатанъ, обитающей въ мѣстности Найжинъ пріѣхалъ съ войскомъ воевать съ нимъ. Галь-Долмб-ханъ большой сборъ собираетъ, собираетъ въ путь всѣхъ своихъ батаровъ и приготовляетъ войско. Когда всѣ приготовились, Галь-Долмб-ханъ со своими батарами и войскомъ пріѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, къ подошвѣ высокой горы, на которой остановился Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Съ помощью своихъ волшебствъ Галь-Долмб-ханъ сѣдалъ золотой тронъ и сидѣть на немъ въ ожиданіи.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ этой высокой горы спустился внизъ къ подошвѣ горы, гдѣ съ помощью своихъ волшебствъ тоже сѣдалъ золотой тронъ и сидѣть на немъ.

Галъ-Долмб-ханъ говорить Абай-Гэхэрь-Богдо-хану: „Ты отъ меня не получилъ никакого оскорбления или мести, зачѣмъ будемъ воевать другъ съ другомъ. Съ перышко вражды другъ къ другу мы не имѣли, величиною съ клеша чернаго пятнышка между нами не было“. Въ это время два большия царя запада и востока начали говорить о прекращеніи войны, чтобы не воевать другъ съ другомъ.

Тогда у Абай-Гэхэрь-Богдо-хана второй прекрасный батарь Эржинъ-Шумаръ все это время ходилъ спереди и сзади ихъ и подслушивалъ ихъ разговоръ. Потомъ онъ говорить имъ: „Два большия царя запада и востока съѣхались, собираясь сдѣлать такое хорошее веселье. И хотите разойтись безъ всего! Попробовали бы силы своихъ дѣтей! Заставьте побороться по одному сыну! который изъ нихъ побореть“? Тогда эти два большия царя говорятъ между собою: „Сказанное правда и думанное вѣрно! У двухъ батаровъ нужно попробовать силы“. Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ выбрать для борьбы второго батара Эржинъ-Шумара; Галъ-Долмб-ханъ также выбралъ второго батара Боржинъ-Шумара. Эти два красивые батары разъѣхались на разстояніе одной мѣты и вырѣшили стрѣлять другъ въ друга изъ лука стрѣлою. Тогда Боржинъ-Шумаръ-батарь говорить Эржинъ-Шумаръ-батару: „Ты стрѣляй впередъ“! Эржинъ-Шумаръ-батарь говорить Боржинъ-Шумаръ-батару: „Ты стрѣляй впередъ! Домашній человѣкъ сытое брюхо! Если не стрѣляя, будешь убитъ, то душа твоя будетъ не довольна“. Боржинъ-Шумаръ-батарь согласился стрѣлять впередъ, взявъ большую черную стрѣлу, натянулъ желтый лукъ Бухарь и говоритъ: „Если мнѣ суждено создателемъ умереть, то пусть стрѣла моя уйдетъ безъ возвратно, если же я имѣю старшаго создателя и мнѣ суждено побѣдить врага, то пусть стрѣла моя, попавши, насквозь пробьетъ широкую грудь Эржинъ-Шумаръ-ба-

и кладеть на него шелковый потникъ, сѣдлаетъ его серебрянымъ сѣдломъ, десятью прекрасными подпругами тugo подтягиваетъ, двадцатью прекрасными подпругами крѣпко на крѣпко подтягиваетъ, такъ что конь нагибается, говорить послѣ этого, что приготовленіе коня окончилось, и прекрасный шелковый поводъ привязываетъ къ серебряной коновязи. Послѣ этого Эр-Тохоло-мѣргбнъ бѣглымъ шагомъ входитъ въ свой дворецъ, ставить золотой столъ, на столъ ставить вкусную пищу, ставить серебряный столъ, на немъ ставить превкусную пищу, и єесть, какъ волкъ глотаетъ, какъ птица клюетъ; наѣвшись досыта, встаетъ, и начинаетъ одѣваться, повертываясь во все стороны передъ зеркаломъ величиною съ двери; передъ зеркаломъ величиною съ потникъ стоя и поворачиваясь, одѣвается; ни пылинки на немъ не оказывается. Потомъ надѣваетъ шелковую шубу, которую онъ носить въ лѣтнюю пору, сто восемь пуговицъ безошибочно застегиваетъ; сверху надѣваетъ шелковую шубу, которую онъ носить въ зимнее время; потомъ онъ беретъ правый бокъ давящую серебряную саблю Бордо, на лезвіѣ имѣющую волшебство, на тупой сторонѣ имѣющую печать; черень ея сдѣланъ изъ хитраго дерева, а рукоятка сдѣлана изъ дерева жимэги. Послѣ этого беретъ желтый лукъ Бухарь, кладеть его въ футляръ и вмѣстѣ съ серебрянымъ колчаномъ Буда надѣваетъ на себя (т. е. ремнемъ подпоясывается); беретъ острое, колючее черное копье, которое (обыкновенно) онъ держитъ (въ руکѣ) въ военное время и на голову надѣваетъ лисью шапку. Потомъ онъ говоритъ: „приготовленіе тѣла окончилось“! и бѣглымъ шагомъ выходитъ на улицу; подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ прекрасный шелковый поводъ, ногу безошибочно кладеть въ золотосеребряное стремя и садится на коня. Такъ онъ поѣхалъ прямо въ юго-западную сторону. У серебряной коновязи только и было

видно, что запылилась горсть земли и за тремя долами красная кисть на шапкѣ мелькнула; болѣе ничего не было видно. Онъ поѣхалъ далѣе, пыля и туманя; черезъ десять падей ровно рысилъ, черезъ двадцать падей не кривя рысилъ. Когда на небѣ стоялъ день, то онъ рысилъ до тѣхъ поръ, пока на небѣ не настанетъ ночь; когда на небѣ стояла ночь, то онъ рысилъ до тѣхъ поръ, пока на небѣ не настанетъ день. Въ жаркіе дни безъ питья ъехалъ, въ темною ночь безъ сна ъехалъ. По крику пестрой сороки замѣчалъ, что настала половина зимы, лисью шапку нахлобучивая глубже, рысилъ; по пѣнію соловья соображалъ, что наступаетъ половина лѣта и лисью шапку поднявши вверхъ, рысилъ. Отъ его скорой ъезды дѣжался сильный вихорь, который сносилъ рыхлые камни, и дуль черный вѣтеръ, который сносилъ черные камни. Тринадцати царямъ вѣсть подавая рысилъ, до двадцати трехъ батаровъ шумъ распространяя, рысилъ.

Во время этой поѣздки выѣзжаетъ онъ на вершину одной высокой горы; онъ остановился на ней, слѣзъ съ коня, снявъ сѣдло и потникъ, отпустилъ коня, потомъ развелъ сѣрокрасный костеръ огня, одною стрѣлою свалилъ самца изюбря и самку изюбря и приставилъ ихъ на рожнѣ къ огню жариться, а самъ, разостлавъ потникъ и сѣдло положивъ подъ голову, легъ спать, груѣ спину на огнѣ. На другое утро всталъ, привель волосы въ порядокъ, умылъ руки и лицо, и вѣсть жареныхъ самца изюбря и самку изюбря, кости черезъ носъ и ротъ выфыркивая. Какъ лытка, большую ганзу *) достаетъ и накладываетъ въ нее краснаго табаку изъ кошелька, какъ рукавъ. Какъ чашки, большими глазами смотритъ по золотой землѣ и золотисто-черными глазами смотритъ вокругъ широкой земли. Въ это самое

*) Ганза — курительная трубка

время прямо на юговосточной сторонѣ высококрасная пыль по обширной землѣ разстилается и тонко-красная пыль по низменной землѣ разстилается; когда посмотрѣть въ эту пыль, то увидѣлъ въ ней четыре ноги коня мелькаютъ, красная кисть шапки, касаясь до неба, мелькаетъ. Сѣренѣкое сердце Эрэ-Тохоло-мѣргонца бѣется, коротенѣкія его ребра гнутся. „Этой моей головы война миновать не можетъ, вершины высокой горы Улы туманъ миновать не можетъ“! Такъ говоря, онъ стоялъ. Изъ большихъ золотисто-черныхъ глазъ льются слезы, какъ изъ чашки, изъ плоскихъ черныхъ глазъ постепенно льются слезы. Такъ стоя, думаетъ: „Человѣческій сынъ не лучше человѣка; позвонковъ въ шеѣ не болѣе шести“. Волчью думу думаетъ и сердце его дѣлается, какъ камень. Послѣ этого мигомъ сѣдлаетъ коня, скоро на скоро сѣдлаетъ его серебрянымъ сѣдломъ и, приготовившись къ Ѣздѣ, въ золотосеребряное стремя кладеть ногу и садится на сиваго коня. Поскакаль на встрѣчу высокой красной пыли, говоря: „Пріѣхавшую войну присужденъ встрѣтить и отъѣхавшую войну (принужденъ) провожать“. Самъ онъ Ѣдетъ такъ быстро, какъ стрѣла скользить отъ горы и какъ ястребъ и соколь мелькаетъ. Онъ выѣхалъ на царскую дорогу и, побрякивая, рыситъ по ней; Ѣхавши такъ, встрѣтился въ упоръ съ этимъ врагомъ; тотъ, встрѣтившись, спрашивается: „Выпитая вода гдѣ и земля, на которую падаль, гдѣ?“ Тогда отвѣчаетъ: „Прямо на сѣверной сторонѣ живущій, на берегу синяго моря и у подошвы горы Монгото-Ула родившійся благодаря своей добротѣ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ называется“. Тотъ спрашивается: „Куда имѣешь намѣреніе Ѣхать?“ Тогда отвѣчаетъ: „Ѣду прямо на югозападную сторону къ живущему на берегу чернаго моря и на подошвѣ отвѣсной каменной горы Хашалыкъ-ула царю Наринь-Шаратъ, у котораго хочу высватать дочь его Шара-Сасекъ-абаха“. Тотъ

говорить: „Какой ты пролившийся смѣленък! Чужого желаешь, доставшимся не доволенъ! Я съ пеленокъ запасаль ее въ невѣсты и съ люльки имѣлъ намѣреніе жениться на ней. Ты развѣ не слыхивалъ, что поговаривали о Моръ-мѣргонѣ, какъ о мѣткомъ стрѣлкѣ и о горбатомъ чаломъ конѣ, какъ о быстромъ бѣгунцѣ? Укажи поскорѣе, гдѣ назначить мѣсто для борьбы! Какъ будемъ воевать, силою ли большого пальца или силою плеча!“ Такъ говоря, покрикивалъ Моръ-мѣргонъ на Эрэ-Тохоло-мѣргону. Они условились сначала воевать силою большого пальца т. е. стрѣлять другъ въ друга стрѣлою. Одинъ изъ нихъ выѣхалъ на южную гору, а другой на сѣверную гору. Моръ-мѣргонъ съ сѣверной горы кричитъ Эрэ-Тохоло-мѣргону: „Стрѣляй впередъ ты! Послѣ смерти твоя душа, если ты будешь убить не стрѣлявші, будетъ недовольна“. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ кричитъ ему съ южной горы: „Нѣть, стрѣляй ты впередъ, на свое мѣсто брохѣ сйтѣ *) послѣ смерти твоя душа, если будешь убить не стрѣлявші, будетъ недовольна“. Послѣ этого Моръ-мѣргонъ береть свой желтый лукъ Бухарь изъ футляра, изъ серебрянаго колчана выдергиваетъ черную стрѣлу, прикладываетъ къ тетивѣ желтаго лука Бухарь и натягиваетъ желтый лукъ Бухарь; изъ выемки стрѣлы выходитъ дымъ и съ острія на конечника стрѣлы искры сыплются. Такъ натягивая, говоритъ: „Если мнѣ суждено умереть, то безъ вѣсти иди, а если большими Творцомъ суждено побѣдить, то попади Эрэ-Тохоло-мѣргону въ самую грудь, пробей ее насквозь, какъ дверь, большую рану сдѣтай, чтобы чрезъ эту рану видно было, какъ днемъ! Сердце съ легкимъ, намотавъ на выемкѣ („оно“), унеси, къ носу пестрой сороки брось! Такъ пустить стрѣлу. Эта стрѣла, выйдя изъ руки, горко летить (идетъ); изъ

*) Сытомъ? Ред.

подъ большого пальца выйдя съ силою летить. Отъ визга стрѣлы широкая земля трясется, отъ свиста (стрѣлы) высокое небо гудитъ. Эта стрѣла на землѣ дѣлаетъ пыль и туманъ, въ которыхъ козули отъ козулять блуждаютъ и птицы отъ своихъ птенцовъ блуждаютъ. Отъ этого визга и свиста стрѣлы Эрэ-Тохоло-мѣргонъ на ногахъ не можетъ стоять, раскрывши грудь и выставивъ впередъ грудную пеструя кости. Эта стрѣла, прилетѣвши, попала въ большую пустую грудь его и насквозь ее пробила, какъ дверь, большую рану сдѣлала и въ эту рану видно было, какъ днемъ свѣтло; сердце съ легкимъ намотавши на выемкѣ, вылетѣла. Въ это время онъ схватилъ стрѣлу, сердце съ легкимъ обратно положилъ въ грудь на старое мѣсто, доставши изъ кармана красный шелковый платокъ, потеръ имъ по ранѣ и вылѣчилъ ее совсѣмъ; (стала грудь) какъ прежде. Говорить рѣчисто и, стоя, смигается закатисто: „Мѣръ мѣргонъ! въ меня съ гору величиною Эрэ-Тохоло-мѣргона не попавши стрѣлою, послѣ этого въ кого же попадешь“? Мѣръ-мѣргонъ, сильно стыдясь, стоитъ и удивляется, что промахнулся. Потомъ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ говорить: „Теперь настала моя очередь стрѣлять“! Эрэ-Тохоло-мѣргонъ вынимаетъ изъ футляра желтый лукъ Бухарь и изъ серебрянаго колчана черную стрѣлу (хангай), выемкою прикладываетъ къ тетивѣ желтаго лука Бухарь и натягиваетъ такъ, что изъ выемки стрѣлы выходить дымъ и съ наконечника стрѣлы сыплются искры. Такъ натягивая лукъ, говорить: „Если мнѣ суждено умереть, то безъ вѣсти иди, а если большими Творцомъ мнѣ суждено побѣдить, то попади Мѣръ-мѣргону прямо въ пустую черную грудь, пробей ее насквозь, какъ дверь, большую рану сдѣтай, чтобы въ эту рану видно было, какъ днемъ свѣтило бы. Сердце съ легкимъ на выемку намотавши, выпети и унося, брось къ зубамъ кабана и къ клюву пестрой сороки“! Послѣ этого пу-

стиль стрѣлу. Эта пущенная стрѣла, изъ руки выйдя горько летить, изъ подъ большого пальца выйдя съ силою летить. Отъ визга стрѣлы широкая земля трясется и отъ свиста стрѣлы высокое небо гудитъ. Эта стрѣла дѣлаетъ на землѣ пыль и туманъ, въ которомъ козули отъ козулъ блуждаютъ и птицы отъ своихъ птенцовъ блуждаютъ. Отъ этого визга и свиста стрѣлы Мѣръ-мѣргонъ, шатаясь, едва стоять на ногахъ, оба глаза темнѣютъ, въ обоихъ ушахъ шумить. Онъ стоитъ, раскрывши черную пустую грудь. Эта стрѣла прилетѣла и попала въ черную пустую грудь его и сквозь пролетѣла, какъ дверь, большую рану сдѣлавши; въ эту рану свѣтило, какъ днемъ. Сердце съ легкимъ, намотавши на выемкѣ, стрѣла унесла и бросила къ зубамъ кабана и къ клюву пестрой сороки. Тогда Мѣръ-мѣргонъ упалъ на спину, и, раскинувъ руки и вытянувшись, умеръ. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ съ южной стороны спускается и поднимается на сѣверную гору и, подъѣхавъ, говоритъ: „Въ его конѣ не нуждаюсь и обойдусь безъ него“! Горбатаго чалаго коня убилъ надъ Мѣръ-мѣргономъ.

Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ поѣхалъ далѣе. Онъ ѻхалъ по царской дорогѣ. Побрякивая рысить, черезъ десять падей ровнѣхонько рысить, и черезъ двадцать падей прямохонько рысить; въ дальнюю сторону прямой путь держа, рысить, въ жаркіе дни безъ питья рысить, въ темную ночь безъ сна рысить. Тринадцати царямъ вѣсть подавая, рысить; до двадцати трехъ богатырей шумъ распространяя, рысить; тѣ шопотомъ между собою говорятъ: „Если Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, рѣшившись, выѣхалъ изъ дома, то будетъ конецъ миру; свадьба и преданіе (будутъ); и будутъ жестокая война и побоища“. Во время этой ѻады наступаетъ сѣренѣкая ночевка; тогда онъ выѣзжаетъ на вершину одной высокой горы, где съ сиваго коня снимаетъ сѣдло и узду и отпускаетъ его,

тотъ спотыкался впередъ; толкалъ назадъ и тотъ падалъ назадъ.

Въ это время у Абай-Гэхэрь-Богдо-хана изъ тринацдцати волшебствъ или превращеній осталось только три волшебства, а у Галь-Долмо-хана изъ тысяча трехъ волшебствъ осталось только триста волшебствъ. Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ призываетъ, крича: „Западные высокіе тэнгерины, пятьдесят пять тэнгериныхъ выручите! Самый старшій тэнгери Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, отецъ мой, выручи! У западныхъ тэнгериныхъ на съверо-западной сторонѣ живущая бабушка Манзанъ-Гормо выручи! Старшій братъ Ами-Сахидакъ выручи! три старшія сестры бурханы Хохо выручите“! Такъ призываля, кричали. Съ помощью трехъ оставшихся волшебствъ онъ свое призываніе превратилъ такъ, что Галь-Долмо-хану слышалось, будто Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ поетъ пѣсню, будто онъ побѣжденъ имъ. У западныхъ тэнгериныхъ на съверозападной сторонѣ живущая бабушка Манзанъ-Гормо большими знаніемъ узнала и большими разумомъ уразумѣла, что Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ воюетъ съ Галь-Долмо-ханомъ. Бабушка Манзанъ-Гормо быстро, торопясь открываетъ материнское желтое большое священное писаніе и читаетъ въ немъ, что Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ воюетъ на землѣ съ Галь-Долмо-ханомъ, что послѣдній побѣждаетъ перваго и что Абай-Гэхэрь-Богдо-хану остается до смерти только три часа времени. Тогда бабушка Манзанъ-Гормо немедля, быстро дала знать отцу Абай-Гэхерь-Богдо-хана Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, который, узнавши объ этомъ, быстро и наскоро приготовить старшаго сына Ами-Сахидака и послать внизъ на землю на помощь Абай-Гэхэрь-Богдо-хану.

Ами-Сахидакъ спускается внизъ на землю, прямо на восточную сторону. Ёдя въ серединѣ между небомъ и землей, на половинномъ разстояніи между ними, онъ читаетъ свое

священное писаніе; изъ него онъ узнаеть, что Абай-Гэхэрь-Богдо-хану жить осталось только полтора часа времени; если продолжать спускаться и бѣхать далѣе, то онъ долженъ опоздать, и Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ умретъ до прїѣзда старшаго брата. Тогда Ами-Сахидакъ съ половины разстоянія между небомъ и землей выстрѣлилъ стрѣлой, говоря: „Если старшимъ отцомъ присуждено умереть, то, стрѣла моя, иди безъ вѣсти; если же не суждено умереть, то попади Галь-Долмѣхану на спинной сторонѣ изъ ста тысячъ глазъ въ самый средній бѣлый глазъ и вылети сквозь“! Стрѣла Ами-Сахидака полетѣла прямо на восточную сторону. Галь-Долмѣханъ въ это время большимъ знаніемъ узналь и разумомъ уразумѣль, что летить къ нему стрѣла Ами-Сахидака; бросивъ Абай-Гэхэрь-Богдо-хана и сѣвъ на коня, онъ поскакалъ отъ стрѣлы, а она погналась за нимъ. Галь-Долмѣханъ поскакалъ по направлению къ горѣ Зэрэнъ, гдѣ хотѣль спрятаться отъ преслѣдующей стрѣлы, но по ошибкѣ, заблудившись, поскакалъ къ горѣ Мѣрѣнъ; прїехавши къ горѣ Мѣрѣнъ, поскакалъ далѣе къ горѣ Зэрэнъ. Стрѣла Ами-Сахидака догнала Галь-Долмѣхана и изъ находящихся на спинной сторонѣ ста тысячъ глазъ попала въ самый средній бѣлый глазъ и пробила его насквозь. Тогда Галь-Долмѣханъ упалъ впередь веничъ и обѣ руки протянулъ впередь; мизинцемъ одной руки едва досталъ до горы Зэрэнъ; поэтому онъ не умеръ еще, а лежалъ едва живой. Послѣ этого Ами-Сахидакъ спустился на землю и прїѣхалъ къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану и большимъ пальцемъ исцѣлилъ его, указательнымъ пальцемъ вылѣчилъ. Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ всталъ, вошедши въ прежнія силу и тѣло.

Потомъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ съ старшимъ братомъ Ами-Сахидакомъ и съ тридцатью тремя батарами побѣхали за Галь-Долмѣханомъ, который лежалъ едва живой. Когда они

тара. Пока натягиваю желтый лукъ Бухарь, чтобы съ острія наконечника стрѣлы вылетали искры, а изъ выемки стрѣлы выходилъ дымъ“. Такъ говоря, онъ выпустилъ стрѣлу изъ желтаго лука Бухаря. Эта стрѣла попала въ обширную черную грудь Эржинъ-Шумаръ-батара и пробила ее насовсмъ. Эржинъ-Шумаръ-батаръ поймалъ стрѣлу, пробитую рану большімъ пальцемъ исцѣлилъ и указательнымъ пальцемъ вылѣчилъ. Потомъ говоритъ: „Имѣющія остріе не знаютъ своихъ хозяевъ“! Послѣ этого тою же стрѣлою выстрѣлилъ обратно, говоря: „Если мнѣ умереть суждено создателемъ, то пусть стрѣла эта уйдетъ безвозвратно, а если я имѣю старшаго создателя и мнѣ суждено побѣдить Боржинъ-Шумаръ-батара, то попади ему прямо въ шею и голову его отѣли отъ тѣла прочь“. Такъ говоря, онъ выпустилъ стрѣлу. Самъ Эржинъ-Шумаръ поскакалъ за стрѣлою, говоря: „Кто быстрые, конь или стрѣла“? Эта стрѣла летѣла, летѣла и прилетѣла къ Боржинъ-Шумаръ-батару, попала ему прямо въ шею и отѣлила голову отъ тѣла. Тогда Боржинъ-Шумаръ, распростершись, упалъ и растянувшись, легъ; въ это время по верхушкѣ травы одѣвшись, по верхушкѣ тростника соединившись, хотѣль онъ встать. Тогда Эржинъ-Шумаръ-батаръ прискакалъ, колючее острое копье воткнулъ въ голову Боржинъ-Шумаръ-батара и обратно ускакалъ. Пріѣхавши обратно, привезенную голову Боржинъ-Шумаръ-батара бросилъ на колѣни Галь-Долмѣ-хана: „Имѣя такого батара, какъ ты, подумалъ назначить бороться съ человѣкомъ“! Такъ говоря, стоялъ Эржинъ-Шумаръ-батаръ.

Тогда Галь-Долмѣ-ханъ сильно разсердился. Послѣ этого вырѣшили воевать обоимъ царямъ. Такъ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать съ войсками Галь-Долмѣ-хана. Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана рубятъ саблями въ одну сторону и убиваютъ тысячу людей,

рубятъ на обѣ стороны, убиваютъ двѣ тысячи людей. Такъ они воевали. Къ вечеру возвратились на стоянку; оказалось только тридцать два батара, одного батара не хватаетъ. Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ спрашиваетъ у своихъ батаровъ: „Гдѣ одинъ изъ васъ“? Тридцать два батара не знаютъ. Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ сильно разсердился и говорить имъ: „Другъ за другомъ посматривайте! Чужое мѣсто сильно, и въ порѣ тарбагана слотыкаются“!

На другое утро тридцать два батара опять уѣхали воевать съ войсками Галь-Долмб-хана; когда они прїѣхали, то начали воевать; въ одну сторону рубили и убивали тысячу людей, на обѣ стороны рубили и убивали двѣ тысячи людей; мясные бугры сдѣлали, кровавые ручи потекли. Къ вечеру опять прїѣхали обратно тридцать два батара, одного все не хватаетъ, какъ вчера. Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ спрашиваетъ: „Гдѣ у васъ одинъ изъ“? Тридцать два батара не знаютъ, куда потерялся одинъ изъ нихъ. Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ опять сильно разсердился и говоритъ своимъ тридцати двумъ батарамъ: „Другъ за другомъ надо посматривать“. Послѣ этого Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ началъ провѣрять своихъ батаровъ; оказалось, что нѣть Эржинъ-Шумаръ-батара. На третью утро Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ говоритъ тридцати двумъ батарамъ: „Когда вечеромъ прїѣдете обратно на стоянку, то найдите Эржинъ-Шумаръ-батара. Живъ онъ или убитъ“? Тридцать два батара совсѣмъ уже собралисьѣхать; въ это врѣмя изъ среды войска Галь-Долмб-хана выѣхалъ верхомъ одинъ человѣкъ и прїѣхалъ къ нимъ. Когда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ увидаль этого человѣка, то говоритъ своимъ тридцати двумъ батарамъ: „Подождите этого человѣка“! Тридцать два батара подождали его. Когда этотъ человѣкъ подѣхалъ къ нимъ, то оказался Эржинъ-Шумаръ-батаромъ; прїѣхавъ къ нимъ, онъ сильно разсердился на прочихъ ба-

ровъ и говоритъ: „Развѣ мы прѣѣхали спокойно погулять на вечерку или прѣѣхали, отыхая, гулять на свадьбу? Такъ воюя, когда кончите войска Галь-Долмѣ-хана“? Эржинъ-Шумаръ-батаръ такъ говоря, сидя на конѣ, напился и наѣлся и послѣ этого опять поскакалъ воевать. Остальные тридцать два батара поѣхали за нимъ. Теперь всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать такъ, что позабыли Ѣду и сонь; тридцать три батара воевали въ продолженіи трехъ дней и почей; наконецъ шесть сутокъ воевали, не могли кончить и едва, едва на девятыя сутки прикончили всѣ войска Галь-Долмѣ-хана и прѣѣхали обратно всѣ въ крови, и сами и лошади ихъ.

Послѣ этого оба царя Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галь-Долмѣ-хантъ начали воевать между собою. Галь-Долмѣ-хантъ вынимаетъ свою саблю. Онъ ударилъ ею Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, разрубилъ и разѣкъ его насквозь отъ праваго плеча до пятки лѣвой ноги, потомъ разрубилъ и разѣкъ его съ лѣваго плеча до пятки правой ноги. Въ то время, какъ на четыре части разрублений Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ падалъ на землю, Галь-Долмѣ-хантъ разрубилъ его поперекъ тѣла и сдѣлалъ восемь частей. Такъ разрубленный Абай-Гэхэръ-Богдо-хантъ падалъ на землю, какъ будто вода потекла, какъ будто ледъ растаялъ. Не дойди до земли, по вершинамъ травъ всѣ разрубленные части слились вмѣстѣ, по вершинамъ тростника всѣ разрубленные части соединились вмѣстѣ и Абай-Гэхэръ-Богдо-хантъ всталъ; вставши, онъ рѣчисто говорилъ и закатисто смеялся, говоря: „Думаешь ли, что у мужчины нѣтъ столько воинствства и таинственной силы“?

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хантъ беретъ свою саблю и рубить Галь-Долмѣ-хана. Онъ ударилъ его саблею съ праваго плеча и разрубилъ до пятки лѣвой ноги; потомъ ударилъ саблею съ лѣваго плеча и разрубилъ до пятки правой ноги.

Когда Галь-Долмб-ханъ, разрубленный на четыре части падалъ на землю, Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ разрубилъ его по перекъ тѣла и сдѣлалъ восемь частей. Такъ разрубленный Галь-Долмб-ханъ падалъ на землю, но не дойдя до земли, какъ вода потекла и какъ ледъ разтаиль, по вершинѣ травы все разрубленные куски слились вмѣстѣ и по вершинѣ тростника соединились; Галь-Долмб-ханъ всталъ и рѣчисто говорить и закатисто смѣется, говоря: „Что? думаешь ли, что у мужчины нѣть столько волшебства и таинственной силы“?

Послѣ этого оба царя Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ и Галь-Долмб-ханъ говорили другъ другу, что оружіемъ, имѣющимъ остріе, они не могутъ побѣдить другъ друга и рѣшили воевать силою плеча. Они оба прекрасные подола заткнули за поясъ, оба рукава засучили до локтей; такъ начали воевать силою плеча. Они воевали другъ съ другомъ въ продолженіи трехъ сутокъ, не могли побѣдить другъ друга; воевали въ продолженіи девяти сутокъ, тоже не могли побѣдить другъ друга; продолжали воевать три мѣсяца, не могли побѣдить другъ друга, вслѣдствіе чего продолжали воевать девять мѣсяцевъ; въ это время они воевали, къ коину бросить действительно равномѣрно воевали, и къ верблоду бросить, равнымъ равно воевали; впередъ упираясь, красную гору дѣлали, назадъ пинаясь, высокую гору дѣлали, ровная мѣста сдѣлали гористыми; на землѣ сдѣлали туманъ и пыль, птицы, имѣющія птенцовъ, заблудились отъ птенцовъ, козули заблудились отъ козулъ и люди, имѣющіе балаганы, заблудились отъ своихъ балагановъ; сдѣлалось на землѣ свѣто-преставленіе. Въ продолженіи девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга, а потому продолжали воевать въ течение трехъ лѣтъ. Тогда Галь-Долмб-ханъ началъ побѣждать Абай-Гэхэрь-Богдо-хана, который выбился изъ силъ. Галь-Долмб-ханъ тянуль Абай-Гэхэрь-Богдо-хана впередъ и

пріѣхали, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ взялъ свою стрѣлу и выстрѣлилъ Галъ-Долмѣ-хану въ пятки; стрѣла попала въ пятки и вылетѣла черезъ голову; тогда только Галъ-Долмѣ-ханъ умеръ. Потомъ тѣло Галъ-Долмѣ-хана сожгли на кострѣ, собравши лѣсныя деревья съ верхушками и таежныя деревья тоже съ верхушками, оставшися пепель и золу березовою лопатою разбросали на южную сторону и осиновою лопатою разбросали на сѣверную сторону. Послѣ этого всѣ они поѣхали къ дворцу Галъ-Долмѣ-хана; въ этомъ дворцѣ стояла необыкновенно красивая жена его. Когда они увидѣли жену Галъ-Долмѣ-хана, то всѣмъ захотѣлось имѣть ее. Старшій братъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Ами-Сахидакъ говорить: „Отдайте ее мнѣ! Я увезу“! Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: „Отдайте ее мнѣ! Я увезу домой“! Тогда сынъ Бомбохія Буда-Уланъ-батаръ говоритъ: „Отдайте ее мнѣ! Я женюсь на ней. Одинъ изъ васъ небесный человѣкъ и на небѣ имѣеть жену; зачѣмъ ему земную женщину везти на небо? А другой изъ васъ имѣеть трехъ женъ, на что ему еще четвертую жену? Я же не имѣю жены, потому я долженъ жениться на ней“.

Тогда у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана изъ висѣвшихъ у праваго бока ноженъ выскоцила сабля и упала на землю. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: „Въ прежнее время такъ падала моя сабля передъ труднымъ и продолжительнымъ воеваніемъ и предсказывала сильнаго непріятеля, а теперь это что предзначаетъ?“ Такъ говоря, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этою саблею разсѣкъ съ головы до ногъ жену Галъ-Долмѣ-хана. Она упала на землю, разсѣченная на двѣ части; изнутри ея вышелъ трехмѣсячный мальчикъ, который строгаль костяной наконечникъ стрѣлы и пѣлъ пѣсню. Начали рубить этого мальчика, никакъ не могли зарубить, даже царпины не было. Кололи, никакъ не могли заколоть, даже

ямочки не было. Послѣ этого съ неба спустились семидесять три кузнеца и девяносто три мѣховыхъ; они сдѣлали желѣзный амбаръ и посадили въ него этого мальчика; снаружи желѣзного амбара выстроили деревянный амбаръ и деревянный амбаръ засыпали углемъ, потомъ зажгли и начали дуть мѣхами со всѣхъ сторонъ; деревянный амбаръ сгорѣлъ, а желѣзный амбаръ раскалился до красна. Послѣ этого открыли дверь желѣзного анбара и посмотрѣли на мальчика; онъ сидѣлъ, продолжая дѣлать костяной наконечникъ стрѣлы и пѣль по прежнему пѣсню: „Отецъ скончался. Я, опоздавши, тоже скончаюсь“! Послѣ этого опять заперли дверь желѣзного анбара и продолжали калить анбаръ; отъ сильнаго жара анбаръ началъ таять, тогда и этотъ мальчикъ началъ раскаливаться и таять; наконецъ сдѣлался величиною съ клеща и ушелъ въ землю, говоря: „Пока не потрется ушко желѣзного стремени, пока родившійся у тебя не будетъ носить колчанъ, буду преслѣдоватъ“.

Послѣ этого всѣхъ подданныхъ Галь-Долмб-хана, скотъ, золото и серебро собрали и прїѣхали обратно домой; по дорогѣ всѣхъ подданныхъ и скотъ Ганга-Бэрэдъ-хана остали на прежнемъ мѣстѣ, какъ прежде жили, а сами прїѣхали домой. Старшій братъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана поднялся на небо. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами сдѣлали большой пиръ, по окончаніи котораго они зажили счастливо.

* * *

Помѣщаю здѣсь пѣсню, которую буряты поютъ въ честь красоты трехъ женъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Тэнгэрин наран хайханью
Томбон жаргалан хайханью

Окторгон наран хайханью
 Урма гохон хайханью
 Алтан варан хайханью
 Алма мөргөн хайханью

По русски:

Небесное солнце красиво,
 Тёмонь-Жаргалань красивъе!
 Солнце ночного неба красиво,
 Урма-Гохонь красивъе!
 Золотое солнце красиво,
 Алма-Мөргөнть красивъе!

Отрывки изъ повѣсти объ Абай-Гэхэрь- Боддо-ханѣ.

1. По словамъ бильширскихъ бурятъ когда западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри воевалъ съ восточнымъ Ата-Уланъ-тэнгэри-номъ и побѣдилъ послѣдняго, Ата-Уланъ-тэнгэри убѣжалъ и укрылся у Бурьтакъ-Бала-тэнгэри. Западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри не могъ далъе преслѣдоватъ своего противника, потому что Бурьтакъ-Бала-тэнгэри не чистый и около него западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и самъ могъ сдѣлаться нечистымъ. Такимъ образомъ восточный Ата-Уланъ-тэнгэри избѣгъ преслѣдованія и остался на небѣ.

2. Изъ восточныхъ тэнгэриновъ девять Жилбэнъ-тэнгэри спустились на землю и сдѣлались Галь-Дольмб-ханомъ.

3. У западнаго тэнгэрина Аракъ-Саганъ-тэнгэри была дочь, которую звали Алма-Гохонь-абаха; она заболѣла оттого, что у нея украли душу три сына восточнаго тэнгэрина Шаранъ-гурбанъ-тэнгэри; этихъ трехъ сыновей называли Гурбанъ-

Хонгоръ-хобудъ *). Душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха не могли найти; тогда Аракъ-Саганъ-тэнгэри обратился къ бабушкѣ Манзанъ-Гормб, а та и сказала, что душу дѣвицы украли Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, три сына восточного тэнгэрина Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, и что все это можетъ узнать сынъ западного Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мөргөнъ-Төгөлтөръ, если онъ пойметъ птичку „алтаргана“, на спинѣ которой написано, какъ и кѣмъ украдена душа Алма-Гохонъ-абаха. Аракъ-Саганъ-тэнгэри сталъ просить Мөргөнъ-Төгөлтөбра, чтобы онъ поймалъ птичку „алтаргана“ и прочиталъ, что тамъ написано; Мөргөнъ-Төгөлтөръ согласился и спустился на землю, подкараулилъ птичку алтаргана и выстрѣлилъ въ нее нечистою стрѣлою; тогда эта птичка сдѣлалась нечистою и упала на землю. Мөргөнъ-Төгөлтөръ прочиталъ на спинѣ птички; тамъ было написано, что душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха украли сыновья Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, три Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, и держать ее въ золотомъ ящикѣ подъ подушкою; если эту украденную душу возвратить дѣвицѣ Алма-Гохонъ-абаха, то дѣвица выздоровѣетъ. Мөргөнъ-Төгөлтөръ передалъ прочитанное Аракъ-Саганъ-тэнгэрину. Тогда западные тэнгэрины поручили Мөргөнъ-Төгөлтөбу освободить душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха. Мөргөнъ-Төгөлтөръ побѣхаль къ восточнымъ тэнгэриамъ и началъ воевать съ тремя сыновьями Шаранъ-Гурбанъ-тэнгэрина, съ братьями Гурбанъ-Хонгоръ-хобунами, побѣдилъ ихъ и бросилъ на землю. Гурбанъ-Хонгоръ-хобудъ, очутившись на землѣ, сдѣлались тремя царями Шарабали (Шарабали гурбанъ-хобудъ). Мөргөнъ-Төгөлтөръ, побѣдивъ трехъ братьевъ, освободилъ душу дѣвицы Алма-Гохонъ-абаха и она выздоровѣла.

*) Хобудъ, множественное число отъ единственного хобунъ „сынъ“.

4. Жену Хань-Тюрмасъ-тэнгэрина называли Хань-Гурмэхатанъ; она была дочь западнаго тэнгэрина, живущаго въ съверовосточной сторонѣ, по имени Хань-Боргёдъ-тэнгэри.

5. На землю хотѣлъ спуститься самъ Хань-Тюрмасъ-тэнгэри, чтобы избавить земныхъ людей отъ нападеній восточныхъ тэнгэриновъ, но тестъ Хань-Боргёдъ-тэнгэри отсовѣтовалъ ему. „Ты самъ не можешь спуститься на землю, сказъль онъ, потому что на землѣ сдѣлаешся нечистымъ; а на землю долженъ спуститься сынъ твой Моргонъ-Тоголтбръ“.

6. На землѣ присудили изгнать дѣвицу Хадара-Гохонъабаха, дочь Наранъ-Гэрэлтэ-хана *), и изгнали. Отъ нея родился на землѣ Абай-Гэхэрт-богдо-ханъ.

Ута-Саганъ-батарь.

Въ прежнее счастливое время жилъ Ута-Саганъ-батарь съ своею женою Урма-Гохонъ-хатанъ. Ута-Саганъ-батарь имѣлъ прекрасный дворецъ, который снаружи былъ бѣлѣ снѣга, а внутри былъ вызолоченъ и высеребренъ; двери были перламутровыя. Дворецъ былъ вышиною до облаковъ, съ серебрянымъ крыльцомъ; снаружи онъ былъ обведенъ дворомъ изъ рыжаго камня (хурэ шулун хурэ); запирали дворъ чернымъ камнемъ (хара шулун халга). Середи двора были три серебряные коновязи. Ута-Саганъ-батарь имѣлъ быстрого бѣлорогаго бѣлаго коня, который пасся на южной сторонѣ Хѣхѣ**) и на съверной сторонѣ Алтая. Ута-Саганъ-батарь жилъ на берегу Чернаго моря, черезъ которое былъ выстроенъ чер-

*) Наранъ—по бурятски „солнце“; гэральт—„сияніе“, „лучъ“; все три члена имени будутъ значить „ханъ съ солнечнымъ сияніемъ“.

**) Хѣхѣ вѣроятно большой хребетъ Хань-Хухэй въ Монголіи, къ с. отъ монгольского Алтая.

ный желѣзный мостъ. Черное море служило водопоемъ для его скота. Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ множество подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ моря, и множество разнаго скота, который пасся на южной сторонѣ моря. Кромѣ того Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ бѣлосеребряный храмъ, который былъ вышиною выше бѣгущихъ облаковъ и едва ниже синѣющаго неба; въ этомъ храмѣ въ сѣверовосточномъ углу находится глубокая яма хуръ-тама*) глубиною 80 сажень; на днѣ этой хуръ-тама стоитъ озеро живой воды, которая гладко чернѣется; въ этомъ озерѣ живой воды играютъ три большихъ тальменя. Въ югозападномъ углу храма стоитъ бѣлоскіянай столь; на немъ лежитъ бѣло-костяная собака, которая днемъ три раза лаетъ и ночью три раза лаетъ. Въ югозападномъ углу бѣло-серебряный зайчикъ день и ночь играетъ, все узнавая. Ута-Саганъ-батаръ въ этомъ храмѣ имѣлъ моленіе.

Прямо на восточной сторонѣ далеко на дальнемъ мѣстѣ, до котораго имѣющіе копыта кони не могутъ доѣхать, имѣющія плохія крылья галки не могутъ долетѣть, въ такой дальней сторонѣ Ута-Саганъ-батаръ имѣлъ двухъ дядей; одинъ дядя доброжелательный Сарагаль-ноѣнъ, а другой завистливый Хара-Сотонъ. Эти два дяди имѣли бѣло-серебряные дворцы, множество подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ, множество скота, пасущагося на южной сторонѣ. Въ одно утро завистливый дядя Хара-Сотонъ входитъ во дворецъ доброжелательного дяди Сарагаль-ноена и говоритъ ему: „Я сегодня во снѣ видѣлъ, будто я прямо съ западной стороны, съ далеко-дальнаго мѣста, до котораго имѣющіе копыта кони не могутъ доѣхать, съ плохими крыльями галки не могутъ долетѣть, съ такой дальней стороны пригнали мн-

*) Тама „адъ“.

самъ разводить стъ бугоръ величиною сърокрасный костеръ огня. Одной стрѣлой онъ свалилъ двухъ изюбрея, самца и самку, и изжарилъ на рожнѣ. Разостлавъ потникъ, подъ голову положивъ серебряное сѣдло, ложится спать, грѣя спину на огнѣ. На другое утро встаетъ, приводить въ порядокъ волосы, моетъ лицо и руки; потомъ сѣсть изжаренныхъ изюбрея сампа и самку, кости выфыркнуль черезъ носъ и выплюнуль черезъ ротъ; вынувъ изъ пазухи ганзу и кисеть, курить табакъ. Въ это время смотрить въ даль и видитъ прямо на юговосточной сторонѣ серебряный дворецъ высотою до высокаго неба, едва бѣлѣя, виднѣется. На дворѣ этого бѣлосеребрянаго дворца у серебряной коновязи привязанный стоитъ, будто сиво-сѣрий конь, сдѣлавшійся кровяно-краснаго цвѣта; на серебряномъ сѣдлѣ этого сѣраго коня повѣшены серебряный колчанъ Буда и желтый лукъ Бухарь въ футлярѣ. Видя это, Эрэ-Тохоло-мѣргонъ сильно обрадовался и говорить: „Въ молодости этого тѣла, пока горячо мясо козленка, какая славная война предвидится“? Послѣ этого поймалъ коня и вскоро осѣдлавъ его, поѣхалъ по направлению къ виденному серебряному дворцу. Пріѣхавъ къ нему остановился у серебряной коновязи и слѣзъ съ сиваго коня. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ сравниваетъ своего сиваго коня съ привязаннымъ конемъ; его конь оказывается немного ниже и короче. Беретъ желтый лукъ Бухарь изъ футляра съ этого сиво-сѣраго коня и сравниваетъ со своимъ лукомъ; оказывается, его лукъ немного короче. Послѣ этого онъ думаетъ: „Неужели онъ лучше и сильнѣе меня“? Потомъ онъ привязалъ своего сиваго коня къ серебряной коновязи рядомъ съ сиво-сѣрымъ конемъ, а самъ пошелъ ко дворцу. Эти два коня, понюхавши другъ друга, заржали, а потомъ начали другъ друга щипать. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, обернувшись, увидаль это и говоритъ: „Эти два коня гдѣ другъ друга видывали“? Онъ

входить послѣ этого во дворецъ, тамъ лежитъ и спить, какъ лопата, съ большими зубами и съ рыжекраснымъ лицомъ молодой молодецъ; голова его лежитъ у одной стѣны, а ноги упираются въ другую стѣну. Онъ никакъ не можетъ разбудить этого молодого молодца; тогда начинаетъ рубить и не можетъ вырубить; даже царапины незамѣтно тамъ, гдѣ онъ рубилъ; начинаетъ колоть, и не замѣтно, что колото. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ ложится рядомъ на его постель и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Черезъ нѣкоторое время домохозяинъ пробудился и видѣть, что рядомъ съ нимъ спить незнакомый человѣкъ; тогда онъ говорить: „Это какая такая земная лягушка? что за жукъ, вошедший въ чужой домъ спать? вставай!“ Сказавши такъ, пнулъ его ногою. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ въ просонкахъ вскочилъ на ноги. Оба они въ просонкахъ начали воевать во дворцѣ, пробили югозападный уголъ дворца и вышли на улицу, продолжали и тамъ воевать, но никакъ не могутъ побѣдить другъ друга. Тогда они остановились и говорятъ: „Нужно искать другъ у друга души, чтобы побѣдить другъ друга“. Оба они берутъ другъ у друга желтую книгу „Заяни-шара-худоръ“ и читаютъ; въ этихъ желтыхъ книгахъ они вычитываютъ, что ихъ обоихъ на землѣ создалъ одинъ творецъ, что они созданы однимъ создателемъ Бурханомъ; оба они сдѣлались родными братьями. Тогда хозяинъ дворца спрашивается: „Ты откуда и какъ тебя зовутъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я прямо на сѣверной сторонѣ живу, на берегу синаго моря и на подошвѣ горы Мѣнгѣтѣ-ула родившійся Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю матерью“. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ спрашивается: „Какъ тебя зовутъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я сынъ неба Хохонгона, меня зовутъ Хохонго-мѣргонъ; прямо на южной сторонѣ у царя Шажинъ-Номона есть дочь Шаралду-Гохонъ-абаха; я сватаюсь за нее и воюю, оспаривая ее, съ тремя

братьями мангатхаями, которые тоже сватаются за нее; здесь, выстроивши дворецъ, отдыхаю. Три брата мангатхаи очень сильные враги, подданныхъ и войска у нихъ множество; этихъ подданныхъ и войско его я избиваю до единаго, но они по вершинѣ травы сходятся и по вершинѣ тростника соединяются и снова встаютъ и воюютъ со мною. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ говоритъ: „Въ молодости этого тѣла, пока тепло мясо козленка провожать долгій годъ и много дней, какія славныя слова услышалъ“. Такъ стоя, онъ сильно обрадовался. Они мѣняются золотыми кольцами, говоря другъ другу: „если одинъ изъ насъ будетъ побѣженъ врагами, то у того кольцо будетъ тускнѣть и чернѣть; тогда другой долженъ пріѣхать на помощь“. Такъ послѣ этого оба эти добрые молодца сѣли на коней и поѣхали прямо на южную сторону и пріѣхали къ царю Шажинъ-Номону, остановились у серебряной коновязи, привязали къ ней коней красными шелковыми поводьями, входя въ бѣлосеребряный дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяютъ, черезъ серебряный порогъ, не насоривши шагая, входятъ. Войдя царскимъ здоровьемъ здороваются и, какъ царица, кланяются; сплошно-серебряный полъ отъ тяжелыхъ шаговъ гнется и скрипить. Царь Шажинъ-Номонъ съ покойного серебряного трона сходитъ и на серебряный тронъ садитъ гостей; въ это время сѣвъ, не помнить, что сидѣть, и вставъ, не помнить, что всталъ. Передъ двумя этими прекрасными молодцами поставили золотой столъ, на него поставили вкусную пищу, поставили серебряный столъ, на немъ поставили действительно вкусную пищу и крѣпкое вино подавали. Въ это время царь Шажинъ-Номонъ спрашивается у Эрэ-Тохоло-мѣргона: „Гдѣ питая вода и упавшая*) земля“? Тогда Эрэ-Тохоло-мѣргонъ отвѣчаетъ:

*) Земля паденія? Ред.

„Прямо на съверной сторонѣ на разстояніи столѣтней Ѣзы
живущій на берегу синяго моря на подошвѣ горы Монгото-
улы и имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю ма-
терью, Эрэ-Тохоло-мѣргономъ называть“. Въ это самое время
три брата мангатхаи, старшій, имѣющій семидесять пять
головъ Дабагарь-шара-мангатхай, средній, имѣющій двадцать
пять головъ, Хорт-шара-мангатхай и младшій, имѣющій
только двѣ головы Лѣхоръ-Тайжи-мангатхай приплыли на
трехъ корабляхъ черезъ желтое море и пристали къ берегу,
гдѣ живетъ царь Шажинъ-Номонъ; въ трехъ корабляхъ было
посажено множество войска; войско высадили и оно на берегу
желтаго моря кипитъ, какъ муравьи въ муравейникѣ. Три брата
мангатхаи, узнавъ, что Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и Хѣхсб-мѣргонъ
пріѣхали къ царю Шажину-Номону свататься на его дочери
Шаралду-Гохонъ-абахай, приплыли, чтобы повоевать съ этими
двумя молодцами. Три брата мангатхаи послали трехъ бы-
стрыхъ пословъ къ царю Шажину-Номону узнать, выдастъ
ли онъ свою дочь замужъ за ихъ младшаго брата, и если
не выдастъ, то чтобы указалъ място для войны. Эти два
прекрасные молодца указали тремъ посланнымъ посламъ
място войны на съверной сторонѣ, на ровной степи Там-
шинъ кое-гдѣ съ березками. Послѣ этого эти два прекрас-
ныхъ молодца наскоро собравшись бѣглымъ шагомъ выхо-
дятъ на улицу, говоря: „Пріѣхавшую войну мы должны
встрѣтить и отѣхавшую войну проводить“. Выйдя на улицу,
садятся на коней и ёдутъ прямо на съверную сторону на
ровную степь Тамшинъ кое гдѣ съ березками. Пріѣхавши
на ровную степь Тамшинъ, они ждутъ своихъ враговъ съ
ихъ многочисленными войсками. Три брата мангатхаи семи-
десятипятиголовый Дабагарь-шара-мангатхай, двадцатипяти-
головый Хорт-шара-мангатхай и съ двумя головами Лѣхоръ-
Тайжи-мангатхай тоже поѣхали за ними со всѣми своими

войсками прямо на съверную сторону на ровную степь Тамшинъ кое гдѣ съ березками. Когда они пріѣхали на эту степь, Эрэ-Тохоло-мѣргонъ началъ воевать съ многочисленными войсками мангатхаевъ. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ беретъ правый бокъ давящую саблю Бордокта; сабля вытягивается на двадцать саженей и укорачивается на десять саженей. Держа эту саблю въ рукахъ, онъ поскакалъ къ войскамъ мангатхаевъ. Прискакавши, началъ рубить; рубилъ въ одну сторону и убивалъ сразу сто человѣкъ, а рубилъ на обѣ стороны, убивалъ сразу двѣсти человѣкъ. Такъ онъ рубилъ и рубилъ на обѣ стороны, убивалъ и убивалъ множество людей, и едва, едва въ продолженіе одного мѣсяца прикончилъ до одного человѣка: кровавые ручи потекли и мясные бугры подѣлались. Прикончивъ всѣ непріятельскія войска, пріѣхалъ къ Хѣбсѣ-мѣргону и къ тремъ братьямъ мангатхаемъ. Мангатхай говорятъ: „Сильно не радуйтесь, что побѣдили наши войска. Попробуйте съ нами воевать“. Тогда они вырѣшили, что Эрэ-Тохоло-мѣргонъ долженъ впередъ воевать съ младшимъ братомъ Лѣхорѣ-Тайжи-мангатхаемъ. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и Лѣхорѣ-Тайжи-мангатхай начали. Обѣ прекрасныя полы за поясъ заткнули, оба прекрасные рукава по локоть засучили. Какъ порозы закружились, какъ самцы верблюды заскрежетали зубами, какъ ястребъ и соколь сдѣпились; ухватили другъ друга руками; куски мяса рвали другъ у друга и бросали; брошеные куски подбирали пестрая сорока и черный воронъ. Такъ они воевали въ продолженіе девяти сутокъ; впередъ упирались, красную гору дѣлали; назадъ пинали, сѣрую гору дѣлали. Продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; къ верблюду бросить, равнымъ равно воевали, къ коню прикинуть, дѣйствительно равно воевали и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ; въ это время сдѣлались туманъ и пыль, козули блудили отъ козулять и

птицы блудили отъ птенцовъ. На исходѣ третьяго года у Лѣхорѣ-Тайжи-мангатхая сѣренѣкое сердце бѣется, коротенькия ребра гнутся, въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ шумитъ, въ обоихъ прекрасныхъ глазахъ темнѣетъ. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-Мѣргонъ свалилъ его на землю; Лѣхорѣ-Тайжи-мангатхай, растянувшись, упалъ на спину и лежить, не шевелясь. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ взялъ свой тоненѣкій бѣлый ножикъ, острый, какъ буравъ, ткнулъ въ самую среднюю бѣлую кровянную жилу и убилъ его. Тогда два старшіе мангатхая говорять имъ: „Убивъ нашего младшаго брата, много не радуйтесь! Не пройдетъ ночь, прекратимъ ваше существованіе и не пройдетъ день, прекратимъ вашу жизнь“! Послѣ этого четыре добрые молодца концы обѣихъ прекрасныхъ поль заткнули за поясъ и оба прекрасныя рукава засучили по локоть, какъ порозы закружились, какъ верблюды самцы заскреметали зубами и, уцѣпившись другъ за друга, начали воевать; гдѣ только другъ у друга захватятъ (тѣло), до костей рвутъ куски мяса и бросаютъ; пестрая сорока и черный воронъ подбираютъ эти куски. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ воюетъ съ семидесятипятиголовымъ Дабагаръ-шара-мангатхаемъ, а Хѣхсѣ-мѣргонъ съ двадцатипятиголовымъ Хорт-шара-мангатхаемъ. Они воевали въ продолженіе девяти сутокъ, другъ друга не могутъ одолѣть. Впредь упираются, красную гору дѣлаютъ, назадъ пинаются, сѣрую гору дѣлаютъ; такъ продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ это время воевали, къ верблюду бросить равнымъ равно и къ коню бросить дѣйствительно равно и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ. Въ это время сдѣлались такие густые туманъ и пыль, что козули заблудились отъ козулъ и птицы заблудились отъ птенцовъ. Тридцать царей и двадцать три батара между собою говорятъ: „Если Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, рѣшившись, выѣхалъ изъ дому,

то должны быть кровавое побоище и жестокія войны". На исходѣ третьяго года у двадцатипятиголоваго Хорт-шара-мангатхая и у семидесятипятиголоваго Дабагарь-шара-мангатхая сѣрепъкія сердца бьются, коротенькія ребра гнутся; въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ шумитъ и въ обоихъ прекрасныхъ глазахъ темнѣеть. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и Хохсомѣргонъ двухъ мангатхаевъ брали на правыя бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю, такъ что въ западной тайгѣ сырья деревья гнулись, а сухія деревья ломались; потомъ они этихъ двухъ мангатхаевъ брали на лѣвые бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю, такъ что въ восточной тайгѣ сырья деревья гнулись, а сухія деревья ломались. Эти два мангатхая, растянувшись, упали на землю и лежать, какъ мертвые. Послѣ этого у этихъ двухъ мангатхаевъ они отрубыли (у каждого) самую среднюю бѣлую голову и тѣ умерли. Тогда они тѣла всѣхъ троихъ стащили въ одну кучу, собрали лѣсныя деревья съ верхушками и таежныя деревья съ вѣтвями и сожгли тѣла трехъ мангатхаевъ; оставшіяся кости и пепель березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Двухъ старшихъ мангатхаевъ желто-саврасыхъ коней убили надъ ними, у младшаго двуголоваго мангатхая темно-чнѣдого коня тоже убили надъ нимъ. Эти два добрыхъ молодца говорять другъ другу: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годовалаго жеребенка закололи“!

Потомъ они сѣли на коней, поѣхали по направленію къ царю Шажинъ-Номону и прїѣхали къ нему. Царь Шажинъ-Номонъ вставши, не помнить, что онъ всталъ, сѣвші, не помнить, что онъ сидѣть. Онъ сильно обрадовался и говорить: „Вы ядовитыхъ враговъ моихъ уничтожили и непобѣдимыхъ враговъ моихъ побѣдили“. Поставили золотой столъ, на немъ поставили вкусныя яства; поставили серебряный

столъ, на немъ поставили дѣйствительно вкусныхъ яства и крѣпкое вино подносили. Эти два молодца какъ волки глотали и какъ птицы клевали и наѣлись досыта. Потомъ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ съ царемъ Шажинъ-Номономъ помѣнялся поясами и сдѣлался сватомъ, какъ старшій братъ, а Хюхсѣ-мѣргонъ сдѣлался зятемъ. Послѣ этого Шажинъ-Номонъ приказалъ бить въ золотой барабанъ, чтобы собрать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, чтобы собрать южныхъ подданныхъ. Онъ сдѣлалъ большой свадебный пиръ; какъ большое озеро, вина отпустилъ, какъ большой бугоръ, мяса отпустилъ; весь собравшійся народъ ѡеть и пить въ продолженіе девяти сутокъ. Девятидневный большой пиръ устроили, десятидневный старшій пиръ устроили; едва, едва остановились. „Шедшій дождь перестаетъ, пріѣхавши гости разѣзжаются!“ такъ говоря, Хюхсѣ-мѣргонъ приготовляется къ отѣзду домой. Дочь царя Шажинъ-Номона тоже приготавляется ѿхать съ мужемъ; для нея запрягли въ бѣлосеребряную коляску восемь карихъ иноходцевъ; тогда царь Шажинъ-Номонъ даетъ своей дочери въ приданое (онжи) половину своего разнаго скота, золота, серебра и подданныхъ. Хюхсѣ-мѣргонъ уѣзжаетъ домой со своею женой; передъ бѣлосеребряной коляской идутъ десять тѣлохранителей (хянур) и сзади двадцать тѣлохранителей. Такъ они уѣхали.

Эрэ-Тохоло-мѣргонъ остался у царя Шажинъ-Номона и продолжаетъ у него пировать по прежнему. Въ это время завистливый дядя царя Шажинъ-Номона Хара-Сотонъ началь въ темную ночь думать черныя думы; въ сѣрыя ночи онъ думалъ сѣрыя думы и выдумалъ непремѣнно отравить Эрэ-Тохоло-мѣргона. Послѣ этого завистливый дядя Хара-Сотонъ выкапываетъ семьдесятъ разныхъ ядовитыхъ корней и выгоняетъ изъ нихъ три бочки крѣпкаго ядовитаго тарасуна; потомъ приходитъ къ царю Шажинъ-Номону и приглашаетъ

къ себѣ домой Эрэ-Тохоло-мѣргѣна, чтобы онъ побѣлился (сагалха). Эрэ-Тохоло-мѣргѣнъ пріѣхаль къ нему. Завистливый дядя Хара-Сотонъ поить его одною бочкою тарасуна*); онъ выпилъ, сидить и разговариваетъ рѣчисто наравнѣ съ десятю человѣками; завистливый дядя Хара-Сотонъ поить его второю бочкою тарасуна; онъ и эту выпилъ, сидить, разговариваетъ и шутить наравнѣ съ двадцатью чѣловѣками. Завистливый дядя Хара-Сотонъ поить его третьею бочкою тарасуна; выпивъ ее, Эрэ-Тохо-Мѣргѣнъ сидить и въ это время у рта его появилась бѣлая пѣна; онъ сидить и головой мотаетъ. Въ это время сивый конь большимъ вѣдѣніемъ узнаеть, что его хозяина травятъ ядомъ; большимъ разумомъ онъ уразумѣль, что его хозяина отравили. Сивый конь прибѣжалъ, ржетъ и говоритъ: „Хозяинъ отецъ! поскорѣе выходи сюда на улицу“! Тогда Эрэ-Тохоло-мѣргѣнъ бѣгомъ выходитъ на улицу, сѣвъ на коня, скакеть прямо на сѣверную сторону. Во время этой Ѣзды у него не хватаетъ силъ бѣхать далѣе. Тогда онъ свои тринадцать превращеній заставляетъ бѣгать на ладони и двадцать три свои волшебства заставляетъ бѣгать на пальцахъ; своего сиваго коня превращаетъ въ золотую бабку, которую кладеть въ карманъ, а самъ падаетъ и, растянувшись, лежитъ, какъ мертвый. Завистливый дядя Хара-Сотонъ, сѣвъ на своего бѣлаго коня, съ широкимъ топоромъ въ рукѣ гонится за нимъ, говоря: „Ядовитый врагъ мой! Наконецъ я убиль тебя“. Пріѣхавши къ Эрэ-Тохоло-мѣргѣну, онъ начинаетъ собирать и складывать на него лѣсныя деревья съ вершинами и таежныя деревья съ вѣтвями; потомъ, подложивъ огонь, начинаетъ дуть, такъ какъ огонь не горѣлъ. Въ это самое время Эрэ-Тохоло-мѣргѣнъ опомнился. Вытрезвившись, онъ уходитъ подъ тремя слоями земли

* Тарасунъ — вино изъ молока.

и выходитъ на землю на разстояніи однодневной ъзды. Онъ вошелъ въ прежнее свое тѣло и принялъ дѣйствительную свою наружность. Потомъ, сѣвъ на сиваго коня, пріѣзжаетъ сзади къ этому старику, который все еще дуетъ въ огонь, и спрашиваетъ у него: „Старикъ, старики! что дѣлаешь“? Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ отъ сильного испуга вскакиваетъ на ноги; какъ пуговицей, головой кивая, кланяется, и на кривое колено вставая, кланяется и говоритъ: „Отпусти (мою) красную жизнь, какъ тоненький шелкъ“ (т. е. хоть едва живого, но отпусти). Тогда Эрэ-Тохоло-мѣргонъ сильно разсердился; во рту его зубы заблистали и на головѣ волосы дыбомъ встали. Онъ говоритъ: „Развѣ, презирая тебя, отпущу живымъ“? Послѣ этого беретъ съ него обѣщаніе впередъ не травить людей и не завидовать имъ.

Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ пріѣхалъ къ своему младшему брату Хѣхбсѣ-мѣргону. Пріѣхавши, остановился у серебряной коновязи, привязалъ къ ней свой прекрасный шелковый поводъ, а самъ входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяетъ, черезъ серебряный порогъ, не насоривши, перешагнулъ. Войдя во дворецъ, царскимъ здоровьемъ здоровается и, какъ царица, кланяется младшему брату и невѣстѣ. Тѣ сильно обрадовались пріѣзду старшаго брата. Садятъ его на серебряный тронъ и угощають его; ставятъ передъ нимъ золотой столъ съ вкусными кушаньями, ставятъ серебряный столъ съ дѣйствительно вкусными кушаньями; Эрэ-Тохоло-мѣргонъ какъ волкъ глотаетъ, и какъ птица клюетъ. Въ это время они разговариваютъ, припоминая, что съ ними случилось и краснорѣчиво говорятъ о томъ, что должно случитьсяся. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ отпустилъ своего сиваго коня, а самъ живеть у младшаго брата и отдыхаетъ. Живя у младшаго брата Хѣхбсѣ-мѣргона, онъ, ночуя, не помнить, что онъ но-

чеваль, и проводивши день, не помнить, что онъ день провелъ. Такъ онъ продолжалъ жить.

Послѣ этого къ царю Шажинъ-Номону приходитъ завистливый дядя Хара-Сотонъ и говоритъ ему: „Не найдя хорошаго зятя, нашелъ кого и выдалъ свою дочь за очень плохого Хѣхсѣ-мѣргона, который ничего не имѣеть. Не найдя, нашелъ свата пропади-худого и ничего не имѣющаго Эрэ-Тохоло-мѣргона“. Царь Шажинъ-Номонъ говоритъ завистливому дядѣ Хара-Сотону: „Положимъ, такъ то такъ, но какъ мы съ ними справимся? они очень сильные непріятели“. Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ говоритъ: „О чѣмъ тутъ печалиться? Приготовимъ три бочки отравленного тарасуна (арза-хорзо); изъ южнаго вѣтра ты сдѣлай красно-чалаго коня и красно-шелковую шубу; изъ сѣвернаго вѣтра сдѣлай темно-чалаго коня и темно-шелковую шубу; тогда поѣдешь къ нимъ и скажешь: свату и зятю привезъ надѣть шелковыя шубы и привельѣздить коней. Когда они выпьютъ три бочки отравленного тарасуна (арза-хорзо), то опьянѣютъ. Когда они будутъ пьяны, то одинъ изъ нихъ, надѣвшій красную шелковую шубу и сѣвій на красно-чалаго коня, исчезнетъ съ южнымъ вѣтромъ, а другой, надѣвшій темную шелковую шубу и сѣвій на темно-чалаго коня, исчезнетъ съ сѣвернымъ вѣтромъ. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ съ твоимъ зятемъ Хѣхсѣ-мѣргономъ умрутъ“. Царь Шажинъ-Номонъ согласился и послѣ этого съ завистливымъ дядей Хара-Сотономъ вдвоемъ начали приготавлять три бочки отравленного тарасуна; когда приготовили три бочки, царь Шажинъ-Номонъ изъ южнаго вѣтра сдѣлалъ красно-шелковую шубу и красно-чалаго коня, изъ сѣвернаго вѣтра сдѣлалъ темно-шелковую шубу и темно-чалаго коня. Приготовивъ все, царь Шажинъ-Номонъ приказалъ запрячь въ бѣлосеребряную коляску восемь карихъ иноходцевъ. Когда въ

бѣлосеребряную коляску запрягли восемь карихъ иноходцевъ, то въ коляску вкатили три бочки отравленного тарасуна, а также положили красно-шелковую и темно-шелковую шубы; сзади коляски привязали красно-чалаго и темно-чалаго коней. Послѣ этого царь Шажинъ-Номонъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ прямо на сѣверную сторону къ своему зятю Хѣхсѣ-мѣргону; прїѣхавъ къ нему, остановился у серебряной коновязи. Въ это время Эрэ-Тохоло-мѣргонъ большими узнаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что царь Шажинъ-Номонъ прїѣхалъ отравить ихъ. Онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу на улицу и говорить ему: „Ты черный безрогий злодѣй! не найдя кого обмануть, хочешь обмануть меня, не найдя кого перехитрить, хочешь перехитрить своего зятя“. Потомъ съ южнымъ вѣтромъ отвязалъ поводъ у красно-чалаго коня и красно-шелковую шубу; они исчезли съ южнымъ вѣтромъ; съ сѣвернымъ вѣтромъ отвязалъ темно-чалаго коня и бросилъ темно-шелковую шубу; они исчезли съ сѣвернымъ вѣтромъ. Три бочки отравленного тарасуна за три раза, сильно разсердившись, все выпили. Потомъ царя Шажинъ-Номона прогналъ обратно домой. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, не входя во дворецъ младшаго брата Хѣхсѣ-мѣргона, остался на улицѣ, и отъ выпитаго отравленнаго тарасуна разорвался на двѣ совершенно отдѣльныя части и, превратившись въ два красно-рыжихъ камня, упалъ на землю. Младшій братъ Хѣхсѣ-мѣргонъ не могъ воскресить старшаго брата Эрэ-Тохоло-мѣргона и, завернувъ его въ бѣлошелковую матерію, положилъ его во дворцѣ за вещами.

Послѣ этого жена Хѣхсѣ-мѣргона Шаралду-Гохонъ-абахай родила двухъ мальчиковъ близнецовыхъ, у которыхъ грудь была золотая, а нижняя часть тѣла серебряная. Такіе прекрасные мальчики, родившись, лежали. Въ это самое время пришла одна баба Хакша-хамаганъ, у которой щеки были

изъ кожи, а губы мѣдныя; остановившись у воротъ, она крикнула: „А бурханъ! а бурханъ! какой страшный“! Сказавъ это, она хотѣла повернуться и ити, но Хохѣсѣ-мѣргонъ остановилъ ее словами: „А бурханъ! бабушка, заходи во дворецъ. Жена моя родила“. Баба Хакша-хамаганъ говорить: „Зайдти-то зайду, только страшно мнѣ; сильно боюсь того, что у васъ во дворцѣ за вещами лежитъ“. Тогда Хохѣсѣ-мѣргонъ спрашиваетъ: „Что знаете и что видѣли, говорите! Чѣмъ можно воскресить за вещами лежащаго“? Баба Хакша-хамаганъ говоритъ: „Сказать-то, скажу теперь. Не выразимое ваше приходится выразить, несказываемое ваше приходится высказать. Не рѣщаюсь выговорить“. Тогда Хохѣсѣ-мѣргонъ настаиваетъ: „Бабушка, во что бы то ни стало, скажи, что нужно дѣлать, чтобы воскресить за вещами лежащаго“? Баба Хакша-хамаганъ говоритъ: „Этихъ двухъ младенцевъ близнецовыхъ своихъ разѣки пополамъ съ головы до ногъ, потомъ возьми желчь и капай ею на него; тогда онъ встанетъ“. Послѣ этого она ушла. Хохѣсѣ-мѣргонъ входить во дворецъ, береть серебряный кортъ (?), разсѣкаетъ имъ съ головы до ногъ двухъ своихъ младенцевъ близнецовыхъ, и береть ихъ желчь. Этихъ двухъ разсѣченныхъ младенцевъ близнецовыхъ, завернувъ въ бѣлую матерію, спрятали въ ящикъ. Потомъ онъ капаетъ желчь на Эрэ-Тохоло-мѣргона; тотъ встаетъ и говоритъ: „Какъ я долго спалъ“! Вставая, онъ привелъ свои волосы въ порядокъ. Потомъ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ узнаетъ, что у младшаго брата-Хохѣсѣ-мѣргона родились два сына близнецы. Онъ спрашиваетъ младшаго брата и невѣстку, гдѣ родившіеся у нихъ два мальчика близнецы, и никакъ не можетъ допроситься. Младшій братъ и невѣстка, боясь его, не говорятъ, что у нихъ родились два мальчика близнецы, а говорятъ, что у нихъ такие мальчики вовсе не рождались. Тогда Эрэ-Тохоло-мѣргонъ бѣгомъ выбѣгаешь на

улицу, береть съ сѣдла верховый кнутъ, кладетъ его въ ру-
кавъ, опять входить во дворецъ, войдя, береть за волосы
младшаго брата и невѣстку и бьетъ ихъ кнутомъ, и говорить:
„Двухъ родившихся мальчиковъ близнецовыхъ куда дѣли? Ука-
жите, во что бы то ни стало“! Они говорятъ: „Ай, собака,
старшій братъ! отпусти нась! Мы покажемъ тебѣ тѣло двухъ
родившихся нашихъ мальчиковъ, которыхъ мы разсѣкли по-
половамъ, чтобы взять желчь ихъ и ею воскресить тебя, стар-
шаго брата“. Тогда Эрэ-Тохоло-мѣргонъ отпустилъ ихъ. Хѣ-
хѣсѣ-мѣргонъ съ женою своею Шаралду-Гохонъ-абахай до-
стаютъ изъ ящика тѣла двухъ мальчиковъ, завернутыя въ
блѣдую матерію и отдаютъ старшему брату Эрэ-Тохоло-мѣр-
гону. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, взявши тѣла двухъ мальчиковъ
близнецовыхъ, начинаетъ заставлять двадцать большихъ своихъ
превращеній бѣгать по пальцамъ и десять большихъ своихъ
волшебствъ бѣгать по ладони; съ помощью большихъ
волшебствъ и превращеній онъ приводитъ этихъ двухъ маль-
чиковъ близнецовыхъ въ прежнее ихъ состояніе и оживляетъ.
Когда два мальчика близнецы ожили, онъ посадилъ ихъ на
свои колѣни и ласкаетъ ихъ. Такъ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ си-
дить, нянѣться съ этими двумя мальчиками, не замѣчая, какъ
проходятъ дни и ночи. Когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ,
у него начали тупиться во рту блѣдые зубы и черные волосы
на головѣ начали сѣдѣть. Тогда онъ въ умѣ своемъ думаетъ
печальные думы, въ груди своей думаетъ затвердѣлые думы
и говоритъ: „Куда намѣренъѣхать, туда и поѣду“. Такъ ска-
завъ, началъ собираться въ путь. Выйдя на улицу, кличетъ
своего сиво-сѣраго коня, который не медля прибѣжалъ на
зовъ своего хозяина.

Эрэ-Тохоло-мѣргонъ взнуздалъ своего сиваго коня сереб-
ряною уздою, осѣдлалъ серебрянымъ сѣдломъ и привязалъ
къ серебряной коновязи красношелковымъ поводомъ, а самъ

вовсю во дворецъ. Невѣстка его Шарадду-Гохонъ-абахай поставила золотой столъ, на который положила вкусную пищу и поставила серебряный столъ, на который положила подлинно вкусную пищу. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ какъ волкъ глотать и какъ птица клевалъ; наѣвшись встаетъ и береть все нужные для войны доспѣхи. Простишись съ младшимъ братомъ Хѣхсѣ-мѣргономъ и невѣсткою, вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо къ юго-западу. У серебряной коновязи только видно было, что запылилась горсть земли и за тремя холмами красная кисть на шапкѣ мелькнула. Тогда вслѣдъ за нимъ смотрѣвшіе Хѣхсѣ-мѣргонъ и Шарадду-Гохонъ-абахай говорять между собою: „Если у человѣка рождается сынъ, то хорошо родиться такому молодцу и если у кобылы рождается жеребенокъ, то хорошо родиться такому коню. Они другъ друга стоять“.

Эрэ-Тохоло-мѣргонъѣхалъ иѣхалъ и прїѣхалъ къ одному большому препятствію (нэгэ эхэ богол); на дорогѣ его стоять нецроходимый лѣсъ и болото; тоненькая змѣя не можетъ проползти въ этомъ лѣсу. Онъ рысиль поверхъ лѣса, и не могъ найти прохода, повернувъ, рысиль внизъ, тоже не могъ найти прохода. Постѣ этого онъ повернулъ назадъ, проѣхалъ разстояніе въ три версты и слѣзъ съ коня. Береть желтый лукъ Бухарь, изъ серебрянаго колчана черную стрѣлу Ханга, прикладываетъ ее выемкой къ тетивѣ лука и натягиваетъ желтый лукъ Бухарь; изъ большой выемки стрѣлы выходитъ дымъ, изъ острія наконечника стрѣлы искры сыплются. Такъ натягивая, онъ говоритъ: „Если мнѣ суждено большими творцомъ умереть, то иди безъ вѣсти, а если суждено старшимъ творцомъ жить, то черезъ это болото и лѣсъ сдѣлай торную дорогу, по которой можно было быѣздить на телѣгахъ и на верблюдахъ“. Такъ наказывая стрѣлѣ, пустилъ ее. Эта стрѣла, изъ рукъ выходя, горько летить, изъ

подъ большого пальца выходя, съ силою летить; отъ визга ея широкая земля трясетъся, отъ свиста ея высокое небо гудитъ. Дѣлая на землѣ пыль и туманъ, полетѣла стрѣла. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ побѣжалъ за стрѣлою рысью, побрякивая. Стрѣла его черезъ это болото и лѣсь сдѣлала торную дорогу, по которой можно было проѣхать на телѣгахъ и верблюдахъ. Стрѣла пролетѣла черезъ болото и лѣсь на другую сторону, гдѣ упала на землю; падая, она вырвала землю величиною съ утугъ*) богатаго человѣка. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ проѣхалъ по этой дорогѣ на другую сторону болота и лѣса, гдѣ и взялъ свою стрѣлу, положилъ въ серебряный колчанъ и побѣжалъ далѣе. Бѣхалъ и ъхалъ, пріѣхалъ къ одному большому желтому морю и остановился; по берегу желтаго моря впередъ и назадъ рысилъ и не могъ найти брода. Онъ возвратился назадъ на трехдневное разстояніе, правый поводъ, держа покороче, дернуль, въ правое заднее бедро коня ударили верховымъ кнутомъ; тогда сиво-срѣдний конь побѣжалъ во весь махъ; повыше плавающихъ облаковъ и пониже синѣющаго неба скакеть. Прибѣжавши къ желтому морю, перескочилъ черезъ на другую сторону; только правую заднюю ногу немного замочилъ въ водѣ желтаго моря. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ говорить своему коню: „Черный злодѣй безрогий! еслибъ немнога было шире желтое море, то ты, не выскочивъ на другой берегъ, попалъ бы въ желтое море и утонулъ бы“. Сильно разсердившись, правый поводъ покороче держа, дернуль, въ правое заднее бедро коня ударили кнутомъ. Тогда сивосрѣдний конь говорить: „Ай собака, хозяинъ батюшка! если черезъ такое большое препятствіе (приходится) выскочить на другую сторону, то нельзя выскочить безъ одной примѣты“. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ находить эти слова

*) Утугъ — огороженный хозяиномъ сѣнокосный лугъ.

правдивыми и говорить: „Сказанное правда и вздуманное вѣрно“. Потомъ онъ, повернувшись, посмотрѣль на желтое море, а оно говорить: „Какое же я препятствіе, если черезъ меня перескочилъ конь, имѣющій четыре черныхъ копыта“! Желтое море сдѣлалось желтымъ ручьемъ и потекло. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ поѣхалъ прямо въ югозападную сторону; прѣѣхалъ къ одной высокой и крутой горѣ, на подошвѣ которой лежать сломанныя кости добрыхъ молодцовъ и кости хорошихъ коней разбросанныя лежать. Онъ остановился на подошвѣ этой высокой и крутой горы и слѣзъ съ коня. Береть сломанныя кости добрыхъ молодцовъ и сравниваетъ съ своими костями; кости этихъ умершихъ молодцовъ оказываются подлиннѣе и потолще его костей; онъ береть разбросанныя кости коней и сравниваетъ съ костями своего сѣрощаваго коня; кости пропавшихъ коней, оказывается, подлиннѣе и потолще костей его сивоѣраго коня. У Эрэ-Тохоло-мѣргона сѣренѣкое сердце бѣется и коротенькія ребра гнутся. Онъ говоритъ: „Были лучше и сильнѣе меня добрые молодцы, но здѣсь они померли, не могли подняться на эту высокую и крутую гору“! Онъ говоритъ своему сивоѣраму коню: „Однако поѣду обратно домой, чтобы не оставить здѣсь своихъ костей“. Тогда сивоѣрый конь говоритъ: „Ты, мужчина-человѣкъ, какой коротенький умъ имѣешь! Если мужчина-человѣкъ задуманное оставляетъ, то онъ не будетъ попадать стрѣлою въ стрѣлянное, а волки и собаки, если укушенное выпускаютъ изъ зубовъ, то дѣлаются тончими“. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ спрашиваетъ своего коня: „На эту высокую и крутую гору можешь ли выскочить на самую вершину“? Сивоѣрый конь отвѣтываетъ: „На самую вершину этой высокой и крутой горы могу выскочить, но ты, хозяинъ-батюшка, удержишься ли на мнѣ“? Онъ говоритъ: „Если можешь, то скачи, а про меня не думай“. Послѣ этого Эре-Тохоло-мѣр-

гёнъ возвратился назадъ на трехдневное разстояніе, откуда сивоѣрый конь побѣжалъ со всего маха; повыше облаковъ плавающихъ, а пониже синѣющаго неба поскакалъ; выскочилъ на самую вершину высокой и крутой горы и ушелъ въ землю до сѣдла. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ вытащилъ коня изъ земли и побѣжалъ далѣе; по песку, какъ по водѣ бороздилъ, такъ какъ на вершинѣ этой горы былъ песокъ. Онъ едва, едва спустился на другую сторону къ подошвѣ этой горы и побѣжалъ далѣе. Эта высокая и крутая гора говорить: „Какое же я препятствіе, если черезъ меня перескочилъ конь, имѣющій четыре черныхъ копыта“! Сказавъ это, гора развалилась и обратилась въ небольшие песчаные бугры. Эрэ-Тохоло-мѣргонъѣдетъ далѣе и видитъ издали блѣющійся дворецъ царя Наринъ-Шарата. Онъ приѣхалъ къ блессеребряному дворцу царя Наринъ-Шарата и остановился у серебряной коновязи, коня красношелковымъ поводомъ привязалъ къ коновязи, серебряный колчанъ со стрѣлами и желтый лукъ Бухарь съ футляромъ положилъ на сѣдло, а самъ входитъ во дворецъ, перламутрово-серебряную дверь складно, хорошо отворяетъ и серебряный порогъ, не насоривши, не решагиваетъ; входитъ во дворецъ, сплошь серебряный полъ скрипитъ подъ его ногами. Царь Наринъ-Шаратъ приводить свою дочь Шара-Сэсэнъ-абахай и показываетъ ее Эрэ-Тохоло-мѣргону, который осматриваетъ ее съ ногъ до головы и съ головы до ногъ. Сквозь одежду на тѣло смотрить, сквозь тѣла на кости смотрить, сквозь кости на мозгъ смотрить. Въ умѣ находитъ ее очень красивою и пріятною. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ женился на дочери царя Наринъ-Шарата Шара-Сэсэнъ-абахай и живетъ у своего тестя. Черезъ некоторое время Эрэ-Тохоло-мѣргонъ говоритъ: „Выпитая своя вода вспоминается и своя земля, на которую падаль, вспоминается; чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка

въ котлѣ не помѣщается. Нужно Ѳхать домой! Выѣхавши изъ дома, много времени провелъ на чужбинѣ! Большое приготовленіе приготвляетъ и большіе сборы Ѳхать домой собираетъ. Царь Наринь-Шаратъ своей дочери Шара-Сэсэкъ-абахай даетъ въ приданое половину своего золота и серебра, половину подданныхъ и разнаго скота. Послѣ этого велѣль запрячь въ бѣлосеребряную коляску восемь карихъ иноходцевъ. Когда всѣ приготовленія окончились, Эрэ-Тохоло мѣргонъ со своею женою Шара-Сэсэкъ-абахай поѣхалъ прямо къ сѣверовостоку домой.

Шара-Сэсэкъ-абахай Ѳдетъ въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной восемью карими иноходцами. Впереди Ѳдуть десять тѣлохранителей, а сзади Ѳдуть двадцать тѣлохранителей; подданные Ѳдуть сзади, а разнаго скота гонять впереди. Такъ Ѳхалъ домой Эрэ-Тохоло-мѣргонъ, едва помѣщаясь со скотомъ въ большихъ падяхъ, и едва утоляя его жажду водой ручьевъ. Такъ Ѳхалъ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и прїѣхалъ къ своему младшему брату Хохѣсѣ-мѣргону; подданныхъ своихъ онъ оставилъ въ одномъ мѣстѣ, а разный скотъ свой въ другомъ мѣстѣ, самъ съ женою заѣхалъ къ младшему брату Хохѣсѣ-мѣргону. Невѣстка Шаралду-Гохонъ-абахай поставила передъ Эрэ-Тохоло-мѣргономъ золотой столь съ вкусными кушаньями, поставила серебряный столь съ подлинно вкусными кушаньями и крѣпкое вино подала. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ какъ волкъ глотаетъ и какъ птица клюетъ; досытъ и наѣлся и напился. Послѣ этого Хохѣсѣ-мѣргонъ съ своею женой тоже собираются Ѳхать къ Эрэ-Тохоло-мѣргону, чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ. Они говорятъ: „Нынѣшній вѣкъ перемѣнился; войны стали частыя. Около головы коней поворачиваются, по хвостамъ коней катаются. Лучше жить съ своимъ старшимъ братомъ“. Такъ говорилъ Хохѣсѣ-мѣргонъ и собрался въ путь. Когда всѣ собрались, то поѣхали прямо

къ сѣверовостоку. Проѣхавъ половину пути Эрэ-Тохоло-мѣргёнъ и Хохсб-мѣргёнъ говорятъ: „По черточкѣ поѣзжайте, а гдѣ будеть сдѣланъ кружокъ, тамъ ночуйте, а мы поѣдемъ впередъ, тамъ приведемъ дома въ порядокъ“. Эрэ-Тохоло-мѣргёнъ и Хохсб-мѣргёнъ поѣхали впередъ и прїѣхали домой. По прїѣздѣ нашли всѣхъ подданныхъ своихъ благополучно живущими; стада разнаго скота по прежнему, размножаясь, паслись. Только три табуна лошадей оказались похищенными непріятелями. Эрэ-Тохоло-мѣргёнъ привелъ свой бѣлосеребряный дворецъ въ порядокъ и съ помощью своихъ десяти волшебствъ и двадцати трехъ превращеній недалеко отъ своего дворца выстроилъ прекраснѣйшій бѣлосеребряный дворецъ для Хохсб-мѣргёна. На другой день за ними прїѣхали ихъ жены и подданные, а также пригнали множество разнаго скота. Эрэ-Тохоло-мѣргёнъ сталъ жить въ своеи дворцѣ съ своею женой Шара-Сасекъ-абахай, а Хохсб-мѣргёнъ со своею женой Шаралду-Гохонъ-абахай сталъ жить во вновь выстроенномъ бѣлосеребряномъ дворцѣ. Прїѣхавшихъ разныхъ подданныхъ поселили на мѣстахъ съ прежними подданными, а разный скотъ угнали на пастбище на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя. Лошадей своихъ они отпустили пастьись съ табунами. Такъ они жили счастливо и отдыхали отъ долгаго пути.

Черезъ нѣсколько времени Эрэ-Тохоло-мѣргёнъ говоритъ: „Кто угиаль мои три табуна лошадей? Нужно узнать иѣхать въ погоню“. Послѣ этого онъ съ утренняго краснаго солнца начинаетъ разстилать материнское большое священное писаніе до дверей; старое желтое священное писаніе разоссталъ отъ двери до противоположной стѣны, и такъ разославъ, читаетъ. Въ это время вычитывается ему, что его три табуна лошадей угнали живущіе прямо на восточной сторонѣ Элтэсэ и Хултаса, очень сильные враги и очень ядовитые

враги; воевать съ ними очень трудно. Такъ вычитывается Эрэ-Тохоло-мёргону, который послѣ этого сложилъ священное писаніе и положилъ на старое мѣсто. Эрэ-Тохоло-мёргонъ, сильно разсердившись, сидѣть и говорить: „Черные злодѣи безрогіе! чей сынъ, родившись, долженъ бабою сидѣть дома, а чей сынъ родившись мужчиною угоняетъ чужие табуны? человѣческій сынъ не лучше человѣка и шейные позвонки не болѣе, какъ въ числѣ шести“! Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мёргонъ съ своимъ младшимъ братомъ Хохбс-мёргономъ начали собираться Ѣхать прямо въ восточную сторону къ Элтэсэ и Хултаса (тутъ описывается въ стереотипномъ порядкѣ, какъ въ предыдущихъ эпизодахъ сборъ, приготовленіе коня, одѣваніе богатырей, Ѣда и выѣздъ).

Эрэ-Тохоло-мёргонъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Хохбс-мёргономъ поѣхали прямо на восточную сторону въ сторону мангатхаевъ. Они Ѣхали, Ѣхали и проѣхали свою прекрасную сторону и въѣхали въ чужую, холодную сторону мангатхаевъ. Эти два добрые молодца Ѣхали рысью, звена, какъ стрѣлы, пущенные въ гору. Два мангатхая Элтэсэ и Хултаса большими узnanіемъ узнали и большими разумомъ уразумѣли, что къ нимъ Ѣдутъ воевать Эрэ-Тохоло-мёргонъ и Хохбс-мёргонъ и выѣхали имъ на встрѣчу. Два мангатхая Элтэсэ и Хултаса выѣхали не какъ мужчины, а какъ волшебники, и не какъ человѣки, а какъ „худэрэхбѣ“. На ровной мѣстности Тамшинъ-Шара, на обширной желтой степи кое-гдѣ съ деревцами они встрѣтились въ упоръ. Встрѣтившись, они какъ цари, здоровались и какъ простые люди поклонились другъ другу, стоя на коняхъ. Эрэ-Тохоло-мёргонъ говоритъ имъ: „Черные злодѣи безрогіе, чужое захватывающіе и надѣленыи недовольствующіе! Имущество отца вашего или приданое вашей матери я не угоняль. Силою плеча будемъ воевать или силою большого пальца

будемъ воевать"? Такъ говоря, спрашиваетъ. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса говорятъ: „Вы убили трехъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ. Хорошо это? За вражду вражда и за месть мщеніе“. Четыре эти добрые молодца соскочили съ коней, шелковые поводья бросили на сѣдла, концы двухъ прекрасныхъ полъ заткнули за поясъ на бедрахъ, прекрасные рукава засутили по локоть. Послѣ этого они начали воевать другъ съ другомъ силою плеча. Они другъ у друга рвутъ куски мяса и бросаютъ; брошенное мясо ёдятъ черные вороны и пестрыя сороки; наѣвшись, они имъ желаютъ, чтобы они вѣчно воевали и ихъ кормили досыта. Такъ говоря, они улетаютъ. Эти четыре добрыхъ молодца, воюя, упираются впередъ и дѣлаютъ красную гору, пинаются назадъ и дѣлаютъ сѣрыя горы. Они воевали въ продолженіе девяти сутокъ, не могли другъ друга побѣдить; воюютъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, тоже не могутъ побѣдить другъ друга. Въ это время на землѣ сдѣлалась такая густая пыль, что козули блудили отъ своихъ козулять, а птицы потеряли своихъ птенцовъ. Воюютъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ у Эрэ-Тохоло-мѣргона и Хохсѣ-мѣргона оба черные глаза начинаютъ темнѣть, въ обоихъ прекрасныхъ ушахъ начинаетъ шумѣть; у нихъ сѣренѣкое сердце бѣтается и коротенькія ребра гнутся; впередъ ихъ дергаютъ, они пятясь падаютъ; Наконецъ они, растянувшись, упали на землю и померли. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса ихъ коней убили надъ ними, а потомъ говорятъ другъ другу: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годовалаго жеребенка закололи“. Послѣ этого два мангатхая Элтэсэ и Хултаса поѣхали домой.

Два прекрасные мальчика у Хохсѣ-мѣргона, имѣющіе золотыя груди и серебряные зады, въ отсутствіе отца и дяди

выросли большими и спрашиваютъ у своей матери и у своей тетки: „Гдѣ наши отецъ и дядя? куда они уѣхали, что до сихъ поръ не прїезжаютъ“? Эти мальчики никакъ не могутъ допроситься у своей матери и у своей тетки, которая имъ говорятъ: „Отца и дяди у васъ не было. Какого отца и какого дядю вы спрашиваете“? Однажды Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай варили въ домѣ молоко. Въ это время эти два прекрасные мальчика выходятъ на улицу, отпускаютъ къ коровамъ телятъ и кричатъ матери и теткѣ: „Выходите поскорѣе! телята сосутъ“! Тогда Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай выбѣгаютъ на улицу разнимать телятъ отъ коровъ. Тѣмъ временемъ эти два прекрасные мальчика входятъ во дворецъ, прячутъ всѣ поваренки и кричатъ: „Молоко кипитъ и бѣжитъ черезъ край котла“! Тогда женщины прибѣжали во дворецъ и не могутъ найти поваренокъ помѣшать кипящее молоко. Эти два прекрасныхъ мальчика ловятъ женщинъ по одной и ихъ правыми руками мѣшаютъ кипящее молоко и въ это время спрашиваютъ: „Отецъ и дядя наши куда уѣхали, скажите? и отчего они до сихъ поръ не ёдутъ“? Послѣ этого Шара-Сэсэкъ-абахай и Шаралду-Гохонъ-абахай, не вынося сильной боли, говорятъ имъ: „Отецъ и дядя ваши уѣхали прямо на восточную сторону воевать съ двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но мангатхай побѣдили ихъ“. Эти два прекрасные мальчика сильно запечалились и не знаютъ, что дѣлать; у нихъ нетъ коней, на которыхъ можно было быѣхать на войну въ такую дальнюю сторону. Они посыпаютъ своего табунщика Аксагалда-Хара-Китаха посмотрѣть въ табунахъ, не родились ли кони для нихъ. Табунщикъ Аксагалда-Хара-Китадъ *) поѣхалъ посмотреть табуны лошадей. Въ одномъ табунѣ, имѣющемъ ка-

*) Въ одномъ случаѣ въ рукописи стоятъ Китаха, въ другомъ Киталь. Ред.

ряго жеребца, у двухъ карихъ кобылъ родились каріе жеребчики, которые, высосавъ мать, бѣгаютъ вокругъ нея иноходью и обѣгаютъ ее тринадцать разъ; онъ этотъ табунъ пригналъ домой и заперъ во дворъ. Эти два прекрасные мальчика выходятъ изъ дворца, смотрять этихъ двухъ прекрасныхъ карихъ жеребятъ и говорять другъ другу: „Человѣку дѣйствительно можноѣездить на этихъ коняхъ. Они для насъ родились“. Они ловятъ коней, надѣваются на нихъ вывѣнченные серебряные недоуздки (далѣе описывается въ прежнемъ порядкѣ выдерживаніе коней, обуздываніе и сѣданіе). Послѣ этого эти два мальчика входятъ, одѣваются и берутъ всѣ нужные доспѣхи (описывается, какъ они єдятъ передъ отправленіемъ въ путь). Потомъ выходятъ на улицу, садятся на своихъ коней и єдутъ прямо на восточную сторону въ страну мангатахеевъ. Эти два прекрасные мальчика поѣхали полною рысью; какъпущенныя изъ лука стрѣлы, иссялись со свистомъ; они выѣхали изъ своей прекрасной стороны и вѣѣхали въ холдиную страну мангатахеевъ. Они єхали и єхали въ жаркіе дни безъ питья и въ темныя ночи безъ сна.

Въ это самое время два мангатахая Элтэсэ и Хултаса большими узnanіемъ узнали и большими разумомъ уразумѣли, что два сына Хохсѣ-мѣргона єдутъ къ нимъ воевать. Они скоро поймали своихъ чубарыхъ коней и прїѣхали на нихъ навстрѣчу двумъ прекраснымъ мальчикамъ. Встрѣтившись, два мангатахая Элтэсэ и Хултаса кричать имъ: „Пока вы маленькие, мы раздавимъ васъ! пока вы ребенками, мы васъ раздавимъ совсѣмъ, пока ваше мясо мягкое и пока ваши kostи хрящи“! Тогда эти прекрасные мальчики говорятъ имъ: „Не радуйтесь много, что побѣдили нашихъ отца и дядю! Не видавши ручей, не снимайте унты“ (*). Послѣ этого четыре

*) Унты сибирская обувь изъ звѣрьныхъ шкуръ, сплетаная шерстью наружу.

добрыхъ молодца соскаиваютъ съ коней, прекрасные шелковыя поводья бросаютъ на сѣдла; концы двухъ прекрасныхъ поль затыкаютъ за поясъ на бедра, два прекрасные рука възасучиваются до локтей. Потомъ, какъ порозы, косясь кружатся и какъ самцы верблюды скрежещутъ зубами. Схватившись другъ за друга, начали воевать. Гдѣ схватятъ, тамъ вырвутъ мясо съ чашку величиной и бросятъ; гдѣ поймаютъ, тамъ рвутъ мясо съ большую чашку величиною и бросаютъ; черные вороны и пестрыя сороки ёдятъ брошеное мясо. Эти четыре добрыхъ молодца воевали въ продолженіе девяти дней; не могли другъ друга побѣдить и воевали въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Воевали—къ коню бросить дѣйствительно ровно, къ верблюду бросить равнымъ равно воевали. Въ это время на землѣ сдѣлалась очень густая пыль до высокаго неба, такъ что козули заблудились отъ своихъ козулять и птицы, летающія по воздуху, заблудились отъ своихъ птенцовъ. На землѣ сдѣлалось свѣтопреставленіе. Эти четыре добрыхъ молодца въ продолженіе девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга. Они продолжали воевать въ продолженіе трехъ годовъ и на исходѣ третьяго года у двухъ мангатаевъ Элтэсэ и Хултаса два черныхъ глаза потемнѣли, въ двухъ прекрасныхъ ушахъ зашумѣло, ихъ сѣренъкія сердца бьются и коротенькія ребра гнутся; какъ сырое дерево гнутся и какъ сухое дерево ломаются; впередъ дергаются ихъ, они, спотыкаясь, падаютъ, ихъ назадъ толкаютъ, они, пятятся, падаютъ. Въ это время два мангатая, какъ козулонокъ и козель крича, рыдаются и плачутъ, а два прекрасные мальчика только, только что разгорячились и начали потеть. Два эти мангатая Элтэсэ и Хултаса, растянувшись, упали на землю. Тогда эти два прекрасные мальчика распороли у нихъ брюха и взяли ихъ желчь; убивши ихъ, собрали таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ вершинами и

сожгли этихъ двухъ мангатхаевъ; оставшійся пепель и кости березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Двухъ чубарыхъ ихъ коней убили надъ ними. Послѣ этого эти два прекрасные мальчика разыскали кости своихъ отца и дяди и кости ихъ коней; собранныя кости положили въ порядкѣ, потомъ покапали на нихъ желчь двухъ убитыхъ мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса; тогда Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и Хохбѣ-мѣргонъ и ихъ кони ожили и встали. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ и Хохбѣ-мѣргонъ вставши, приводятъ свои волосы въ порядокъ и говорятъ: „Какъ долго мы спали!“ Потомъ Хохбѣ-мѣргонъ узналъ своихъ дѣтей, а Эрэ-Тоголо-мѣргонъ узналъ своихъ племянниковъ. Они очень обрадовались и подѣловали другъ друга. Послѣ этого четыре добрыхъ молодца поѣхали далѣе воевать съ прочими мангатхаями; они поѣхали рысью, побрякивая. Въ это время мать убитыхъ Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-хара большими узнаніемъ узнала и большими разумомъ уразумѣла, что ея сыновья мангатхай Элтэсэ и Хултаса побѣждены и побѣдители будуть къ ней. Она свою верхнюю челость приставила къ высокому небу, нижнюю челость приставила къ широкой землѣ, и съ трехдневнаго разстоянія стала втягивать ихъ въ себя. Эти четыре молодцаѣхали, не зная этого. Когда она стала втягивать ихъ въ себя, они понеслись и со своими конями, какъ въ вихрѣ, и попали въ нутро мангатхайхи Эмэ-Хара; проглотивъ четырехъ молодцовъ, она стала по прежнему жить.

Послѣ этого у жены Эрэ-Тохоло-мѣргона у Шара-Сэсэкъ абахай родился сынъ; его звали „послѣ родившійся Оро-Хэнэ“. Когда мальчикъ Оро-Хэнэ выросъ, онъ спрашивается у своей матери и у своей тетки: „Гдѣ мой отецъ, мой дядя и мои братья? куда они поѣхали? почему до сихъ порь не возвращаются?“ Тогда его мать и его тетка говорятъ: „Ка-

кихъ ты отца, дядю и братьевъ спрашиваешь? вовсе ихъ у тебя не было". Мальчикъ Оро-Хэнзэ никакъ не могъ допроситься, куда уѣхали его отецъ, дядя и двоюродныя братья. Однажды онъ просить у матери и тетки горячаго молока. Мать и тетка стали варить молоко. Въ это время мальчикъ Оро-Хэнзэ выходитъ на улицу, всѣхъ телятъ отпускаеть къ матерямъ и кричить матери и теткѣ: „Телята сосутъ матерей"! Тогда матъ и тетка его выбѣгаютъ на улицу, разнимаютъ телятъ и коровъ. Мальчикъ Оро-Хэнзэ входитъ во дворецъ, прячетъ всѣ поваренки и кричигъ: „Молоко бѣжитъ"! Мать и тетка вѣбѣгаютъ во дворецъ, суетятся, но не находять поваренокъ, чтобы помѣшать кипящее молоко, а мальчикъ Оро-Хэнзэ ловить свою мать и свою тетку, ихъ руками мѣшаетъ кипящее молоко и допрашивается: „Куда уѣхали отецъ, дядя и двоюродныя братья? скажите, во что бы то ни стало". Тогда мать его Шара-Сэсэй-абахай и тетка Шаралду-Гохонъ-абахай, не вынося боли, признаются: „Отецъ и дядя твои поѣхали прямо на восточную сторону воевать съ двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но были ими побѣдены; послѣ двоюродныя твои братья тоже поѣхали къ нимъ воевать, побѣдили мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса, воскресили твоего отца и твоего дядю и всѣ вмѣстѣ поѣхали далѣе, но мать мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-Хара проглотила ихъ всѣхъ со всѣми ихъ конями". Тогда мальчикъ Оро-Хэнзэ отпустилъ руки своей матери и своей тетки; обожженныя ихъ руки онъ вылѣчилъ съ помощью своихъ тринацдати волшебствъ и двадцати трехъ превращений. Послѣ этого мальчикъ Оро-Хэнзэ говоритъ: „Надоѣхать за отцомъ, за дядей и за двоюродными братьями"! У него не оказывается ни коня, на которомъѣхать, ни одежды, ни доспѣховъ. Тогда мальчикъ Оро-Хэнзэ говоритъ: „Если боги сотворили человѣка на землѣ, то дадутъ коня, одежду и до-

спѣхи". Потомъ онъ идетъ къ табунамъ и ловить въ нихъ одну большую бѣлую кобылу; пойманную кобылу береть подъ мышку и поднимается на гору Монгото-ула. Поднявшись на вершину горы Монгото-улы, онъ дѣлаетъ большою бѣлою кобылою талганъ небеснымъ бурханамъ *) и просить у нихъ коня, одежду и доспѣхи. Мальчикъ Оро-Хэнзэ такими словами призываетъ небесныхъ бурхановъ:

Барулама тэнгэри
 Табин табан тэнгэри
 Эсэгэ тэнгэри
 Эсэгэ малан тэнгэри
 Эхэ тэнгэри
 Эхэ юран тэнгэри
 Окторгон олон саган бурхашул
 Тэнгэрин томон саган бурхашул
 Табихан табулгахуд мини
 Заяхсан заябарихуд мини
 Унаха тата мори мини
 Ёмотхо тата хубсаха мини
 Барьха тата тонон мини огыэ!

Переводъ:

Западные тэнгерини—
 Пятьдесятъ пять тэнгэриновъ,
 Отецъ тэнгэри—
 Эсэгэ-маланъ тэнгэри,
 Мать тэнгэри—
 Эхэ-юранъ тэнгэри,
 Ночного неба множество бѣлыхъ бурхановъ,
 Дневного неба десять тысячъ бѣлыхъ бурхановъ,

* Т. е. закололъ кобылу въ жертву бурханамъ. Ред.

Творившие творцы мои,
Создавшие создатели мои,
Бхать приятного коня моего,
Одѣться приятныхъ шатель мои,
Держать приятные доспѣхи мои дайте!

Такъ взывая, дѣлалъ талганъ мальчикъ Оро-Хэнзэ. Западные тэнгерины и отецъ тэнгери Эсэгэ-Маланъ услышали призываніе мальчика Оро-Хэнзэ. Западные тэнгерины, отецъ-тэнгери Эсэгэ-Маланъ, ночного неба многочисленные бѣлые бурханы и дневнаго неба десять тысячъ бѣлыхъ бурхановъ на лунѣ сдѣлали хороший сугланъ *) и на Плеядахъ (Мешить) сдѣлали мѣткій сугланъ, и въ это время говорятъ: „Созданный нами на нижней землѣ сынъ Оро-Хэнзэ, выросши, просить коня, одежду и доспѣхи“. Они сотворили коня; одежду отдали шить небеснымъ „Улинши“, доспѣхи приказали сдѣлать небеснымъ кузнецамъ. Когда конь былъ сотворенъ, одежда была сшита, доспѣхи были сдѣланы, они взнудали и осѣдили коня, одежду и доспѣхи привязали въ потороки и поручили бурхану Хлѣбному (Таряши бурхан) передать коня мальчику Оро-Хэнзэ. Бурханъ Хлѣбный, взявъ коня, спустился съ неба на гору Монгото-ула. Въ это время мальчикъ Оро-Хэнзэ, превратившись въ сухой конской аргаль *), лежалъ въ травѣ. Хлѣбный бурханъ, спустившись на гору Монгото-ула, крикнулъ: „Возьми“! и отпустилъ коня, который, волоча по землѣ прекрасный поводъ, побѣжалъ; лежавшій на землѣ Оро-Хэнзэ, вскочивши, схватился за прекрасный шелковый поводъ и остановилъ своего коня. Послѣ этого Оро-Хэнзэ отвязываетъ изъ поторока одежду и надѣваетъ на себя; одежда оказывается немного велика. Тогда онъ

*) Сугланъ „собраніе“, „сеймъ“.

**) Аргаль — кизякъ, скотский пометъ.

говорить: „Мужчина-человѣкъ растетъ, а войлокъ вытягивается. Со временемъ будетъ въ пору“. Потомъ беретъ желтый лукъ Бухарь и натягиваетъ его; желтый лукъ Бухарь оказывается немного слабоватымъ. Послѣ этого, навѣшивъ на себя всѣ доспѣхи, садится на коня. Конь начинаетъ сбрасывать его съ себя, съ земли скакеть, но Оро-Хэнзэ, благодаря своему проворству, держится; конь до неба скакеть и бьется, Оро-Хэнзэ, ровно сидя, держится на конѣ. Когда конь пересталъ скакать и биться, Оро-Хэнзэ спрашиваетъ коня: „Отчего ты такъ сильно скакешъ и бѣшся“? Конь говоритъ: „Пока не поспѣть мясо трехгодичного барана, я могу обѣжать три раза вокругъ земли; не поспѣть мясо четырехгодичного барана, я могу обѣжать четыре раза вокругъ земли“. Конь спрашиваетъ у него: „Ты какъ удержанялся на мнѣ“? Тогда Оро-Хэнзэ говоритъ: „На этой землѣ имѣющіе плеча не выборятъ меня; и имѣющимъ большие пальцы не уступлю въ стрѣльбѣ стрѣлою изъ лука“. Они другъ другу сказали: „Мы сошлись равные“. Послѣ этого Оро-Хэнзэ приѣхалъ домой (следуетъ стереотипное описание Ѣзы и приготовленіе къ поѣздкѣ).

Оро-Хэнзэ, собравшись, уѣхалъ прямо на восточную сторону въ страну мангатхаевъ; онъ проѣхалъ свою прекрасную сторону и вѣхалъ въ холодную страну мангатхаевъ. Ёхалъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, со свистомъ. Отъ скорой Ѣзы сдѣлался сильный вихорь, который сносилъ рыхлые камни, и дулъ черный вѣтеръ, который сносилъ черные камни. Жаркие дни ёхалъ безъ питья, и темные ночи ёхалъ безъ сна. Онъ ёхалъ и ёхалъ и наконецъ сталъ доѣзжать до мангатхайки Эмэ-Хара, которая съ трехдневнаго разстоянія большими узнаніемъ узнала и большими разумомъ уразумѣла, что къ ней Ѣдетъ съ войною Оро-Хэнзэ, сынъ Эрэ-Тохоло-мѣргона. Она разинула ротъ; верхнюю челюсть

приставила къ высокому небу, нижнюю челюсть приставила къ обширной землѣ и стала втягивать его въ себя. Тогда Оро-Хэнзэ, не смотря на всѣ свои старанія, вмѣстѣ съ конемъ полетѣлъ и попалъ въ ротъ мангатхайкъ Эмэ-Хара. Попавъ въ ротъ, онъ береть серебряное копье; это острое серебряное копье онъ воткнулъ въ нижнюю челюсть и верхнимъ концомъ подперъ верхнюю челюсть, чтобы мангатхайка Эмэ-Хара осталась съ разинутымъ ртомъ. Къ копью привязалъ коня, самъ входить въ нее и ищетъ тамъ своего отца Эрэ-Тохоло-мѣргбнъ и дядю Хѣхѣсѣ-мѣргбнъ съ его двумя сыновьями; едва нашелъ ихъ внутри ея и вывелъ ихъ съ конями едва живыхъ. Въ обратный путь, выходя изъ нутра мангатхайки Эмэ-Хара, Оро-Хэнзэ перерубилъ у нея артерію аорту (голто зурхэн) и она умерла. Послѣ этого Оро-Хэнзэ выходитъ изъ рта мангатхайки Эмэ-Хара и выводить тѣхъ; потомъ, собравъ таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками, сжигаетъ тѣло мангатхайки Эмэ-Хара; оставшіеся пепель и кость березовою лопатою разбросалъ къ сѣверу и осиновою лопатою разбросалъ къ югу. Послѣ этого своихъ отца, дядю и двоюродныхъ братьевъ приводить въ прежнее состояніе. Они говорятъ другъ другу: „Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка за-кололи“.

Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргбнъ съ сыномъ Оро-Хэнзэ и Хѣхѣсѣ-мѣргбнъ съ двумя сыновьями всѣ пятеро поѣхали къ отцу мангатхаевъ Элтэсэ и Хултаса, къ мангатхаю Оборто-Шара, который имѣть рога. Этотъ имѣющій рога Оборто-Шара-мангатхай имѣть на спинной сторонѣ множество тысячи глазъ и на передней сторонѣ сто тысячъ глазъ. Онъ большимъ узнаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что къ нему ёдуть воевать Эрэ-Тохоло-мѣргбнъ съ своимъ сыномъ Оро-Хэнзэ и Хѣхѣсѣ-мѣргбнъ съ двумя сво-

ими сыновьями. Онъ поѣхалъ имъ навстрѣчу, и встрѣтившись съ ними, говоритъ имъ: „Не радуйтесь, что убили двухъ моихъ сыновей Элтэсэ и Хултаса и жену мою Эмэ-Хара“. Послѣ этого съ имѣющимъ рога Оборто-Шара-мангатхаемъ началъ воевать Эрэ-Тохоло-мѣргонъ; мангатхай, имѣющій рога, Оборто-Шара началъ его мять. Тогда началъ воевать Хѣхсѣ-мѣргонъ, но мангатхай и его началъ мять. Тогда начали воевать два сына Хѣхсѣ-мѣргона; мангатхай началъ ихъ мять сильно; тогда началъ воевать съ нимъ Оро-Хэнзэ.

Оро-Хэнзэ и имѣющій рога Оборто-Шара-мангатхай прекрасныя полы затыкаютъ за поясъ, прекрасные рукава засучиваютъ по локоть; потомъ, какъ порозы, кружатся, какъ самцы верблюды, скрежещутъ зубами. Схватившись другъ за друга, рвутъ куски мяса съ чашку величиною и бросаютъ; черные вороны и пестрыя сороки Ѣдятъ брошеное мясо. Воевали они въ продолженіе девяти дней и не могли побѣдить другъ друга; продолжали воевать въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Въ это время на землѣ сдѣлалась такая густая пыль, что козули заблудились отъ своихъ козулять, птицы блудили отъ своихъ птенцовъ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ не могли побѣдить другъ друга и продолжали воевать въ теченіе трехъ годовъ. На исходѣ третьяго года у имѣющаго рога Оборто-Шара-мангатхая черные глаза потемнѣли, въ ушахъ зашумѣло; его сѣренѣкое сердце бьется, его коротенькія ребра гнутся; впередъ его дергаютъ, спотыкаясь падаетъ, назадъ толкаютъ, падаясь падаетъ. Наконецъ рогатый Оборто-Шара-мангатхай, растянувшись, падаетъ на землю и лежитъ. Когда Оро-Хэнзэ свалилъ на землю имѣющаго рога мангатхая Оборто-Шара, онъ взялъ свою серебряную саблю и прокололъ насквозь самый средній бѣлый глазъ; тогда этотъ мангатхай умеръ. Тогда они собрали таежныхъ

деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками и сожгли тѣло имѣющаго рога Оборто-Шара-мангатхая; оставшійся пепель березовою лопатою разбросали къ сѣверу и осиновою лопатою разбросали къ югу. Они говорять другъ другу: „Непобѣдимаго врага побѣдили, годовалаго жеребенка закололи“.

Послѣ этого они всѣ впятеромъ поѣхали далѣе къ двоюродному брату убитаго имѣющаго рога мангатхая Оборто-Шара, въ мѣстность Такшаланги, гдѣ живеть мангатхай Такшиль-Лохоръ. Этотъ мангатхай Такшиль-Лохоръ большими узнаніемъ узнаетъ и большимъ разумомъ уразумѣваетъ, что къ нему єдутъ войною Эрэ-Тохоло-мѣргонъ съ сыномъ своимъ Оро-Хэнзэ и Хохѣсѣ-мѣргонъ съ двумя своими сыновьями. Мангатхай Такшиль-Лохоръ имѣеть на спинной сторонѣ множество тысячи желѣзныхъ кольевъ и на передней сторонѣ сто тысячъ желѣзныхъ кольевъ, которыми онъ во время войны людей рветъ и колетъ. Этотъ мангатхай Такшиль-Лохоръ имѣеть своего чубараго коня. Онъ садится на него, єдетъ на встрѣчу и, встрѣтившись съ Эрэ-Тохоло-мѣргономъ, съ сыномъ его Оро-Хэнзэ, съ Хохѣсѣ-мѣргономъ и съ его двумя сыновьями, говоритъ имъ: „Вы не радуетесь, что убили Элтэсэ и Хултаса и двоюроднаго брата моего Оборто-Шара съ женой. Я съ вами одинъ справлюсь“. Послѣ этого съ Такшиль-Лохоръ-мангатхаемъ сперва воюеть Эрэ-Тохоло-мѣргонъ; мангатхай Такшиль-Лохоръ съ желѣзными кольями начинаетъ рвать и колоть его, тотъ никакъ не можетъ воевать съ нимъ и падаетъ. Тогда съ мангатхаемъ Такшиль-Лохоромъ воюеть Хохѣсѣ-мѣргонъ; мангатхай и этого рветъ и колетъ своими желѣзными кольями; Хохѣсѣ-мѣргонъ тоже падаетъ на землю. Послѣ этого съ мангатхаемъ воюютъ два сына Хохѣсѣ-мѣргона; они тоже не могутъ воевать, тоже падаютъ на землю. Тогда Оро-Хэнзэ съ по-

мошью своихъ тринадцати волшебствъ дѣлаеть желѣзный молотъ вѣсомъ въ двадцать пять пудовъ и этимъ молотомъ бѣть желѣзныя колья на спинѣ мангатхая, ломаетъ ихъ и гнетъ; съ помощью двадцати трехъ превращеній дѣлаеть желѣзный молотъ вѣсомъ въ сорокъ пять пудовъ и этимъ молотомъ бѣть желѣзные колья на передней сторонѣ мангатхая, ломаетъ и гнетъ ихъ. Такъ Оро-Хэнзэ воеваль съ мангатхаемъ въ продолженіе трехъ годовъ, на исходѣ третьяго года у мангатхая Такшиль-Лохора два черные глаза стали темнѣть, въ обоихъ ушахъ стало шумѣть. Тогда мангатхай Такшиль-Лохоръ кричитъ, призываю на помощь:

Зулэмэ тэнгэри
Дошин дорбон тэнгэри
Табилган табилга мини
Заяган заябари мини абыги!

Такъ крича и зовя, мангатхай Такшиль-Лохоръ падаеть на землю, а Оро-Хэнзэ его убиваетъ. Потомъ всѣ они собираютъ таежныя деревья съ верхушками и лѣсныя деревья съ верхушками и сжигаютъ тѣло мангатхая Такшиль-Лохора; оставшійся пепель и кости березовою лопатою разбрасываютъ къ сѣверу и осиновою лопатою разбрасываютъ къ югу. Въ это время „восточные тэнгэрины сорокъ четыре тэнгэри, создавшіе создатели, творившіе творцы“ *) мангатхая Такшиль-Лохора услыхали его просьбу и начали спускаться съ неба на землю къ нему на помощь. Восточное небо отворилось; черезъ его дверь спустилась на землю желѣзная лѣстница, нижній конецъ которой упирался въ землю, а верхній конецъ упирался въ небо. По этой лѣстницѣ съ восточного неба стали спускаться мангатхай на землю. Эти

*) Поставленное въ кавычкахъ есть переводъ бурятскаго текста, помѣщенаго вѣсколько строкъ выше (Зулэмэ тэнгэри и пр.).

мангатхай были такие, что потники срослись со спинами ихъ коней, сѣдла срослись съ потниками, а сами мангатхай приросли къ сѣдламъ, а луки приросли къ ихъ рукамъ. Такие мангатхай спускались съ восточного неба. Эти мангатхай были непобѣдимы и не убиваемы; они безъ жизни. Оро-Хэнзэ, смотря на нихъ, говоритъ: „Ихъ никакъ нельзя побѣдить и убить, потому что они безъ жизни. Они настъ побѣдять; мы будемъ побѣждены ими“. Послѣ этого онъ заставляетъ свои тринадцать волшебствъ бѣгать по ладони и двадцать три превращенія заставляетъ бѣгать по пальцамъ; съ помощью своихъ тридцати волшебствъ и двадцати трехъ превращеній всѣхъ этихъ спускавшихся съ восточного неба мангатхаевъ крѣпкими желѣзными цѣпями онъ приковалъ къ желѣзной лѣстницѣ, къ каждой ея поперечинѣ, такъ что не даль имъ спуститься на землю. Такъ всѣ эти мангатхай и остались прикованными желѣзными цѣпями къ желѣзной лѣстнице. Послѣ этого Эрэ-Тохоло-мѣргонъ съ сыномъ своимъ Оро-Хэнзэ и Хохсѣб-мѣргонъ съ двумя сыновьями поѣхали къ домамъ мангатхаевъ; дома ихъ сожгли, а все добро, золото, серебро и разный скотъ едва привезли и пригнали домой. По пріѣздѣ домой сдѣлали большой пиръ; пировали въ продолженіе девяти сутокъ, на десятый день едва разошлись. Такъ они живутъ счастливо. Анхуга, ашта бурханда туша.

Сказка рассказана бурятомъ Монко Мулгановымъ; она еще не окончена, рассказчикъ не знаетъ ея продолженія.

Царь Баань-Хара.

Въ прежнее время жилъ прямо на западной сторонѣ въ мѣстности Шана на подошвѣ трехъ горъ Монгото-ула, сдѣлавшій три моря Манзанъ водопоемъ, жилъ при подошвѣ четырехъ горъ Монгото-ула, сдѣлавшій четыре моря водопоемъ. Его высокій бѣлый четырехугольный дворецъ, какъ

снѣгъ, бѣлѣеть (пропускаю описание дворца, серебряной коновязи и двора, которые во всѣхъ сказкахъ описываются одинаково).

На сѣверной сторонѣ паслось сто тысячъ разнаго скота, на южной сторонѣ паслось многое множество разнаго скота. Онъ имѣетъ на сѣверной сторонѣ живущихъ подданныхъ и народовъ и на южной сторонѣ живущихъ такое множество подданныхъ, какъ муравьи въ муравейникѣ, какъ травы въ ложбинахъ. На ъездѣ пріятный конь его, имѣющій бѣгъ подъ синѣющимъ небомъ, желѣзно-вороной конь, который пасется, горстями хватая въ черномъ пыреѣ, на сѣверной сторонѣ Алтая и пасется на верху возведенного мѣста Хѣбоя, гдѣ растетъ черный пырей. Всѣми этими подданными и разнымъ скотомъ распоряжаться родился царь Баянъ-Хара, который жилъ спокойно и счастливо.

Однажды утромъ царь Баянъ-Хара говоритъ: „Когда ходить одинокій человѣкъ, человѣкомъ онъ не дѣлается; изъ одной головы огонь не дѣлается. Нужно искать суженую невѣstu“. Послѣ этого онъ достаетъ желтое материнское священное писаніе (ном), читаетъ его, слѣдя большими пальцемъ, и читаетъ, перебирая рукою, имѣющіе пальцы. Въ священномъ писаніи вычитывается, что его суженая невѣста находится прямо на южной сторонѣ на разстояніи столѣтней ъезды. Это дочь богатаго царя Агу; зовутъ ее тринацатилѣтняя царевна Урма-Гохонъ. Послѣ этого онъ закрылъ материнское желтое священное писаніе и положилъ на старое мѣсто, гдѣ оно лежало прежде.

Потомъ царь Баянъ-Хара выходитъ на улицу и, крича, зоветъ желѣзно-вороного коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Желѣзно-вороной конь услыхалъ своимъ правымъ ухомъ, узналъ голосъ своего хозяина и говоритъ: „Зачѣмъ зоветъ хозяинъ-абай? съ близка ли

пріѣхаль непріятель или съ далека пріѣхали непріятельскія войска"? Такъ говоря, конь побѣжалъ домой. Большую гриву въ обхватъ на спину бросая, бѣжитъ и большой и густой хвостъ на крестецъ бросая, бѣжитъ; прибѣжавши, остановился у серебряной коновязи и звонко ржетъ. Тогда царь Баянъ-Хара выходитъ изъ дворца, сплошно-серебрянымъ недоуздкомъ обнуздалъ, какъ ребро серебряною уздою обнуздалъ, и привязалъ жѣлѣзно-вороного коня на галькѣ, чтобы копыта были тверды и привязалъ его на ледъ, чтобы копыта были круглы, старый волосъ весь соскребъ, горстью травы кормилъ и чашкою воды поилъ. Послѣ этого на жѣлѣзно-вороного коня положилъ шелковый потникъ, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ, десятью подпругами крѣпко на крѣпко подтянулъ и двадцатью подпругами сильно-крѣпко подтянулъ. Послѣ этого жѣлѣзно-вороного коня шелковымъ поводомъ привязалъ къ серебряной коновязи и говорить: „Кончилъ приготовленіе коня“.

Потомъ царь Баянъ-Хара вошелъ во дворецъ, подвинулъ золотой столъ, поставилъ на него превкусную ъду, подвинулъ серебряный столъ, поставилъ на него дѣйствительно вкусную ъду. Онъ ъль, какъ птица клюетъ и какъ волкъ глотаетъ. Наѣвшись досыта, онъ всталъ изъ за стола. Послѣ этого онъ начинаетъ одѣваться; на красное тѣло онъ надѣваетъ шелковую рубаху, поверхъ ея надѣваетъ шелковую шубу, которую носятъ лѣтомъ; еще сверху надѣваетъ шелковую шубу, которую носятъ зимой; наконецъ надѣваетъ еще какъ уголь черный доспѣхъ *), не промокающій въ семидесятисурочное ненастье, не пробиваемый стрѣлой съ семидесятью наконечниками. Надѣвается на себя всѣ нужные доспѣхи. Потомъ царь Баянъ-Хара говоритъ: „Кончиль приготовленіе тѣла“.

* Найдчъ? Ред.

Послѣ этого выходить на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ отъ нея шелковый поводъ, садится на коня и отправляется въ путь. Онъ ёдетъ рысью черезъ десять падей, и, перебѣжая ихъ поперекъ, рысить; ёдетъ черезъ двадцать падей и, пересѣкая ихъ, рысить. Разстояніе столѣтней ёзды предполагаетъ проѣхать въ три мѣсяца. Когда поетъ птица соловей (алтан гургалдай), тогда онъ думаетъ, что настало лѣто, лисью легкую шапку къ затылку подвигая, рысить и когда щекочеть пестрая сорока, тогда думаетъ, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу подвигая, рысить. Такъ онъ рыся, ёхалъ. На пути его стоитъ одна высокая гора; поднявшись на ея вершину, слѣзъ съ коня и, сидя, курить трубку. Въ это время онъ смотритъ въ даль туда и сюда; такъ смотря, онъ видитъ въ дали блестящій дворецъ царя Агу, поданные котораго около дворца чернѣютъ, какъ трава въ ложбинѣ и какъ деревья въ лѣсу; разныи скотъ царя Агу подходитъ къ водопою, къ черному морю; передовыи табуны пьютъ чистую воду, а послѣдніе лижутъ только мокрый песокъ и тину. Все это видя, царь Баянъ-Хара начинаетъ трусить; бѣться сѣрое сердце его и тоненькие ребра гнутся. Онъ думаетъ думу; пріѣхавши въ такую дальнюю сторону и проѣхавши такую длинную дорогу, непремѣнно нужно доѣхать и узнать. Въ это время волчью думу думаетъ и сердце его дѣлается, какъ камень, крѣпкое: „Мужчины желаніе свое не оставляютъ, волкъ и собака закушеное не оставляютъ. Куда думаль, туда нужно доѣхать“. Послѣ этого онъ досталъ изъ колчана насквозь дверь простираливающую большую стрѣлу, выдернуль изъ наручна (хормого) желтый лукъ Бухарь, имѣющій девяносто девять подставокъ; потомъ наложилъ стрѣлу ушкомъ на тетиву лука, натягиваетъ лукъ и въ это время говоритъ: „Если суждено мнѣ долею умирать, то иди безъ вѣсти, а если имѣю старшую долю, то иди и втыкайся въ

югозападный уголъ дворца царя Агу“! Такъ говоря, выстрѣлилъ. Выпущенна стрѣла его прямо полетѣла къ дворцу царя Агу и воткнулась въ югозападный уголъ дворца, который отъ этого пошатнулся къ югозападу. Тогда царь Агу выходитъ изъ дворца и приказываетъ своимъ подданнымъ выдернуть эту стрѣлу; подданные никакъ не могутъ выдернуть ее.

Потомъ царь Баянъ-Хара сѣлъ на своего вороного коня, спустился подъ гору и ёдетъ къ дворцу царя Агу. Когда онъ пріѣхалъ, то говоритъ подданнымъ царя Агу: „Столь много народа, не можете выдернуть стрѣлу простого человѣка“! Послѣ этого подошелъ, выдернулъ свою стрѣлу и воткнулъ въ серебряный колчанъ, желѣзновороного коня шелковымъ поводомъ привязаль къ серебряной коновязи, а самъ входить во дворецъ и здоровается съ царемъ Агу, какъ царь; поцарски здоровается, и какъ царица кланяясь, здоровается. Тогда царь Агу царя Баянъ-Хара сажаетъ на правую сторону дворца на серебряный тронъ, а потомъ угощаетъ его; онъ подвинулъ передъ нимъ золотой столъ, поставилъ на него вкусныя блюда, и подвинулъ серебряный столъ, поставилъ на него дѣйствительно вкусныя блюда. Царь-Баянъ-Хара ёсть, какъ птица клюетъ и какъ волкъ глотаетъ. Въ это время царь Агу спрашивается: „Изъ какой страны? родившая земля гдѣ? питая вода гдѣ? куда ёдете и какъ васъ зовутъ“? Тогда царь Баянъ-Хара говоритъ: „Живу прямо на сѣверной сторонѣ на подошвѣ трехъ горъ Монгото-ула, на берегу трехъ морей Манзанъ. Меня зовутъ царемъ Баянъ-Хара, а ёхалъ я сюда. Тѣло мое ёдетъ по слѣду зятя, а ротъ мой сватомъ“. Царь Агу говоритъ: „Думано правдиво и говорено вѣрно. Какъ о васъ думать и что сказать о васъ дурного? я согласенъ сдѣлать васъ зятемъ“. Послѣ этого царь Баянъ-Хара сдѣлался зятемъ царя Агу, выеваталъ его тринацатилѣтнюю дочь Урма-Гохонъ. Тогда царь Агу приказалъ бить въ золо-

той барабанъ, собрать вѣхъ подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ и приказалъ бить въ серебряный барабанъ, собрать вѣхъ подданныхъ, живущихъ на южной сторонѣ. Побили въ золотой барабанъ, собрались всѣ подданные, живущіе на сѣверной сторонѣ, и побили въ серебряный барабанъ, собрались всѣ подданные, живущіе на южной сторонѣ. Тогда богатый царь Агу выпустилъ, какъ озеро, большое вино и какъ бугоръ, большое мясо. Въ продолженіе девяти сутокъ сдѣлали большой пиръ и на десятый день едва разошлись по домамъ. Послѣ, нѣсколько времени спустя, царь Баянъ-Хара говоритъ своему тестю царю Агу: „Чужой человѣкъ въ чужбинѣ не уживается, а лытка изюбря въ котлѣ не помѣщается. Человѣкъ, имѣющій родину, долженъѣхать на свою родину и человѣкъ, имѣющій воду, долженъѣхать къ своей водѣ“. Такъ говоря, онъ началъ собираться домой.

Тогда царь Агу говоритъ своему зятю: „Думано правда и сказано вѣрно“. Царь Агу далъ своей дочери въ приданое половину своихъ подданныхъ, половину разнаго скота и половину золота и серебра; потомъ въ серебряную коляску запрѣгъ трехъ бѣлыхъ иноходцевъ. Тринадцатилѣтняя царевна Урма-Гохонъ сѣла въ серебряную коляску, а царь Баянъ-Хара поѣхалъ верхомъ на желѣзно-ворономъ конѣ. Царь Баянъ-Хара впереди гонитъ разнаго скота, а подданные єдутъ за нимъ сзади. Такъ єдутъ они, едва помѣщаюсь въ пади и поя скотъ въ ручьяхъ. Когда царь Баянъ-Хара проѣхалъ половину дороги, онъ говоритъ женѣ своей тринадцатилѣтней Урма-Гохонъ: „Я поѣду впередъ привести въ порядокъ дома, а ты поѣзжай по сдѣланной черточкѣ, а гдѣ будетъ сдѣланъ кружокъ, тамъ ночуйте“. Послѣ этого царь Баянъ-Хара поѣхалъ впередъ. Ёдетъ по дорогѣ и видить, что высокая красная пыль поднимается до высокаго неба и тонкокрасная пыль разстилается по широкой землѣ; такъ

ѣдетъ ему на встрѣчу (всадникъ) на желтомъ конѣ, спина котораго, вся въ язвахъ, покрыта холщевымъ потникомъ и деревяннымъ сѣдломъ; єдетъ и бьетъ своего желтаго коня спереди и сзади сорокапудовымъ молотомъ; такъ єдетъ на встрѣчу царю Баянъ-Хара семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай. Встрѣтившись, они остановились на дорогѣ. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай говорить: „Чужого желающій, своимъ недовольствующійся, зачѣмъ взять чужую невѣсту? Я съ пеленокъ сберегаль ее для себя и съ люльки присватыvalъ себѣ въ невѣсты. Силою большого пальца будешь воевать со мною или силою плеча будешь воевать со мною? скорѣе и послѣшно говори!“ Этакъ говоря, спрашивалъ онъ царя Баянъ-Хара. Тогда царь Баянъ-Хара говорить ему: „Впередъ будемъ воевать силою большого пальца“. Послѣ этого они разъѣхались на двѣ стороны, поднялись на вершины двухъ горъ и кричатъ другъ другу: „Ты впередъ стрѣляй!“ Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай согласился стрѣлять впередъ; онъ беретъ свою чугунно-серебряную стрѣлу, прикладываетъ ушкомъ къ тетивѣ лука и натягиваетъ, говоря: „Если мнѣ суждено помирать, то иди безъ вѣсти, а если мнѣ суждено побѣдить, то пробей насквозь большую и широкую грудь царя Баянъ-Хара, чтобы сквозь рану свѣтились лучи солнца“. Такъ натягивая лукъ, выстрѣлилъ. Стрѣла его летить со свистомъ и гуломъ. Царь Баянъ-Хара, растегнувши пуговицы, выставилъ голую грудь и, стоя, ждеть. Въ это время со свистомъ прилетѣла стрѣла семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая и пробила насквозь большую широкую грудь царя Баянъ-Хара; сквозь рану свѣтятся лучи солнца. Царь Баянъ-Хара упалъ было, но до земли поднялся; переднюю рану заткнулъ камнемъ величиною съ же-ребенка, а заднюю рану заткнулъ камнемъ величиною съ барана; рану свою погладилъ большимъ пальцемъ и вылѣчилъ;

указательнымъ пальцемъ погладилъ и совсѣмъ оздравѣлъ. Потомъ говоритъ семидесятипятиголовому Дарда-шара-мангатхаю: „Не думай, чтобы у мужчины не было столько волшебствъ и таинственныхъ силъ, чтобы вылѣчиться! Теперь моя очередь стрѣлять“. Царь Баянъ-Хара достаетъ стрѣлу изъ серебрянаго колчана и желтый лукъ Бухарь изъ наручна, прикладываетъ стрѣлу ушкомъ къ тетивѣ лука и натягиваетъ. „Если мнѣ суждено долею умереть, то иди безъ вѣсти, а если старшею долею суждено побѣдить, то отсѣки самую среднюю голову“! Такъ говоря, выстрѣлилъ. Стрѣла его полетѣла со свистомъ и гуломъ. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай стоитъ на горѣ и ждетъ стрѣлу; стрѣла прилетѣла и отсѣкла ему самую среднюю голову, а потомъ возвратилась къ своему хозяину. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай упалъ было на землю, но до земли поднялся, схватилъ отсѣченную стрѣлой среднюю свою голову, вставилъ на старое мѣсто, погладилъ большимъ пальцемъ и вылѣчился; погладилъ указательнымъ перстомъ и совсѣмъ оздравѣлъ; потомъ, смѣясь, говоритъ: „Не думай, чтобы у мужчины не было столько волшебствъ и таинственныхъ силъ!“ Потомъ они говорятъ другъ другу: „Мы не въ состояніи побѣдить другъ друга силою большого пальца; будемъ воевать силою плеча“. Оба они спустились (съ горы), пріѣхали къ ровному мѣсту, слѣзали съ своихъ коней и отпустили ихъ, а сами начали бороться. Они боролись въ теченіе трехъ сутокъ; не могли побѣдить другъ друга. Боролись въ теченіе девяти сутокъ, потомъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, борясь, воевали, не могли побѣдить другъ друга и борясь, воевали въ теченіе девяти мѣсяцевъ. И тогда только едва начали потѣть и кровь и мясо ихъ стали грѣться въ тѣлѣ. Такъ воевали они въ теченіе трехъ лѣтъ; въ это время впередъ они упирались, красныхъ горъ надѣлали, назадъ лягались, сѣрыхъ горъ надѣлали. На землѣ

сдѣлались туманъ и пыль, въ которыхъ птицы блудили отъ своихъ гнѣздъ и птенцовъ, звѣри блудили отъ своихъ дѣтенышней и люди блудили отъ своихъ балагановъ. По истечении трехъ годовъ у семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая сѣрое сердце бьется, тонкія ребра гнутся и въ обоихъ глазахъ темнѣеть, и царь Баянъ-Хара начинаетъ побѣждать семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая. Онъ складываетъ его, какъ войлокъ, подбираетъ его, какъ хубсуръ. Беря на правую сторону, бросаетъ обѣ землю; тогда въ западной тайгѣ сухое дерево ломается и сырое дерево гнется; беря на лѣвую сторону, бросаетъ обѣ землю, тогда въ восточной тайгѣ сухое дерево ломается и сырое дерево гнется. Тогда семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай, какъ козель крича, плачетъ и какъ козуленокъ пища, плачетъ. Царь Баянъ-Хара свалилъ на землю семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая, отрубилъ ему среднюю голову и убилъ. Потомъ таежныя деревья съ вершинами собралъ и лѣсныя деревья съ корнями собралъ и тѣло семидесятипятиголоваго Дарда-шара-мангатхая сжегъ; сдѣлавши березовую лопату, оставилшися пепель и кости разбросалъ къ сѣверу и, сдѣлавши осиновую лопату, оставилшися пепель и кости разбросалъ къ югу. Послѣ этого поймалъ желтаго съ язвами на спинѣ коня и тоже убилъ. Потомъ царь Баянъ-Хара говоритъ: „Непобѣдимаго врага побѣдилъ и неколимаго годовалаго жеребенка закололъ“!

Послѣ этого Баянъ-Хара вѣдетъ далѣе и думаетъ думу, что пошевелилъ гнѣздо осы, постоянную войну затѣялъ, пошевелилъ гнѣздо комаровъ, всѣхъ непріятелей задѣлъ. „Съ этого времени съ вершины высокой горы не сойдетъ туманъ, головы моей не минуетъ война“! На пути своемъ царь Баянъ-Хара поднимается на одну высокую гору; поднявшись на ея вершину, онъ слѣзаетъ съ коня и, сидя, курить трубку; въ

это время онъ смотрить въ даль туда и сюда и вдали видѣть три мѣдные дворца, которые блестятъ. Покурившись, онъ сѣлъ на желѣзно-вороного коня и спустился подъ гору. Потомъ побѣхалъ по направлению къ тремъ мѣднымъ дворцамъ. Пріѣхавъ къ первому мѣдному дворцу, слѣзъ съ коня и входить во дворецъ; тамъ сидѣть одна большая черная баба Эмэ-хара-мангатхай и мнѣтъ изюбревую кожу; у этой бабы верхніе вѣки глазъ падали на носъ, а нижніе вѣки глазъ падали на щеки; верхняя губа падала на нижнюю челюсть, а нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо, а брюхо падало на колѣни. Такая страшная баба Эмэ-хара-мангатхай сидѣла. Она подняла верхніе вѣки глазъ и посмотрѣла на царя Баянъ-Хара; послѣ этого верхніе вѣки глазъ подперла деревомъ толщиною въ столбъ и говоритъ: „Ты не радуйся, что побѣдилъ моего сына. Не пройдетъ ночь, я порву твою жизнь и не пройдетъ день, оторву твои суставы“. Говоря такъ, она встала и бѣжитъ къ нему, держа въ рукѣ хэдэргэ *). Тогда царь Баянъ-Хара побѣжалъ къ двери; когда онъ одной ногой шагнулъ черезъ порогъ на улицу, а другая нога была еще во дворцѣ, догнала его баба Эмэ-хара-мангатхай, ударила его хэдэргэ'емъ и съ головы до ногъ разсѣкла на двѣ части; изъ одной половины сдѣлала птицу ястреба, изъ другой половины сдѣлала птицу сокола. Птицъ ястреба и сокола заставила летать, кружась надъ воротами, и онъ стали кружиться надъ воротами двора бабы Эмэ-хара-мангатхай. Потомъ баба Эмэ-хара-мангатхай вышла на улицу, пошла къ желѣзно-вороному коню, ударила его хэдэргэ'емъ и тоже пересѣкла на двѣ половины, какъ и его хозяина и изъ каждой половины сдѣлала по собакѣ; этихъ сдѣланныхъ двухъ собакъ привязала къ воротамъ. Послѣ этого она гово-

*) Хэдэргэ - зубчатая линейка, которой минутъ выдѣльвая шкуру

рить: „Безрогий молодецъ! Непобѣдимаго непріятеля побѣдила и неколимаго годового жеребенка заколола“. Эмэ-харамгатхай вошла во дворецъ и по прежнему начала выдѣлывать изюбревую кожу.

Жена царя Баянь-Хара тринадцатилѣтняя Урма-Гохонъ со своими подданными и разнымъ скотомъ по черточкѣѣхала и гдѣ сдѣланы кружки, тамъ ночевала; такъ єдя, прїехала къ дворцу своего мужа; тамъ никого не было. Она большимъ удивленiemъ удивилась, что мужа ея царя Баянь-Хара нѣту дома. Она всѣхъ своихъ подданныхъ поселила на мѣстахъ, разный скотъ пустила пастьись на пастьбу на сѣверную сторону Алтая и на возвышенныя мѣста Хѣхоя. Она поправила свой дворецъ, въ которомъ и живетъ. Черезъ нѣсколько времени она родила сына, у которого верхняя часть тѣла золотая, а нижняя часть тѣла серебряная. Когда родился сынъ, тогда царица Урма-Гохонъ приказала бить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ подданныхъ. Тогда побили въ золотой барабанъ, собрались сѣверные подданные и побили въ серебряный барабанъ, собрались южные подданные. Царица Урма-Гохонъ выпустила, какъ озеро, много вина и какъ бугоръ, мяса. Тогда всѣ подданные въ теченіе восьми дней сдѣлали веселый пиръ и въ теченіе девяти дней сдѣлали большой пиръ. Въ это время царица Урма-Гохонъ на отдельный столъ поставила самыя лучшія и вкусныя блюда и говоритъ: „Кто новорожденному сыну моему дастъ имя, тотъ будетъ єсть это кушанье“. Никого не находится, кто бы далъ новорожденному имя. Въ это время входитъ одинъ старикъ, который имѣеть бороду до земли, тоненькую, претоненькую; онъ имѣеть шляпу, у которой верхушка въ дырахъ, и чарки безъ подошвъ. Этотъ старикъ, входя во дворецъ, стоящимъ и сидящимъ людямъ

говорить: „Кто бы ни былъ, кто дасть имя новорожденному сыну, можетъ поѣсть эту пищу“? Тогда этому старику говорить: всякий. Этотъ старикъ прямо подходитъ къ столу, садится за столъ и ъестъ поставленную пищу. Когда кончилъ ъесть, встаетъ изъ-за стола и говоритъ: „Сына царя Баянъ-Хара будуть звать Алтанъ-Жоло-мѣргонъ“. Потомъ этотъ старикъ выходитъ изъ дворца на улицу и уходитъ. Всѣ собравшіеся подданные на десятый день едва, едва разошлись по домамъ.

Этотъ новорожденный сынъ Алтанъ-Жоло-мѣргонъ, переночевавъ одну ночь, не можетъ помѣститься въ кожѣ годовалаго барана *) и не наѣдается молокомъ одной коровы, а переночевавъ двѣ ночи, не можетъ помѣститься въ кожѣ двухгодовалаго барана и не наѣдается молокомъ двухъ коровъ. Съ каждымъ днемъ растетъ все больше и больше и, ночь пройдетъ, дѣлается все выше и выше. Черезъ нѣсколько времени уже выходитъ на улицу, шагаетъ въ попадъ, не въ попадъ, шатаясь направо и налево. Такъ этотъ мальчикъ Алтанъ-Жоло-мѣргонъ растетъ все выше и выше и начинаетъ играть со своими ровесниками. Однажды другіе мальчики, ровесники Алтанъ-Жоло-мѣргона поколотили его, говоря: „У тебя нѣть отца“! Тогда Алтанъ-Жоло-мѣргонъ заплакалъ, со слезами пришелъ домой и жалуется матери, что его поколотили другіе мальчики ровесники, говоря, что у него нѣть отца. „Гдѣ мой отецъ, скажи“? Тогда царица Урма-Гохонъ говорить своему сыну: „У тебя нѣть отца. Какого отца спрашивываешь“? На другой день Алтанъ-Жоло-мѣргонъ опять ушелъ играть съ другими мальчиками ровесниками; къ концу игры его опять поколотили мальчики ровесники, говоря: „У тебя

*) Буряты и монголы для грудныхъ дѣтей вместо пеленокъ употребляютъ овечинки.

нѣть отца“! Алтанъ-Жоло-мѣргонъ плача, со слезами приходитъ домой и жалуется матери, что его опять другіе мальчики ровесники поколотили говоря, у тебя нѣть отца. „Гдѣ мой отецъ? скажи“! Тогда царица Урма-Гохонъ говорить своему сыну: „У тебя нѣть отца. Какого отца ты спрашиваешь“? Алтанъ-Жоло-мѣргонъ не отстаетъ отъ матери, все спрашивается: „Скажи, гдѣ мой отецъ“? Тогда Урма-Гохонъ говорить своему сыну: „Отецъ твой побѣжденъ (бабой) Эмэхара-мангатхай; она обратила твоего отца въ птицъ ястреба и сокола, которые, кружась, летаютъ надъ воротами ея двора, а желѣзно-вороного коня его обратила въ двухъ собакъ, которые стоять, привязанныя къ ея воротамъ. Ты еще очень молодой; не можешь еще воевать съ (бабой) Эмэхара-мангатхай, которая очень сильная непріятельница; у тебя еще мясо мягко и кости еще хрящи“.

Тогда Алтанъ-Жоло-мѣргонъ говорить своей матери: „Пойду просить у своего создавшаго создателя и у творившаго творца къ ъздѣ пріятнаго коня, въ войнѣ держать пріятные доспѣхи и къ надѣванію пріятное платье“. Послѣ этого онъ пѣшкомъ отправился къ тремъ горамъ Мѣнгѣтѣ-ула, и, поднявшись на самую ихъ верхушку, началъ кричать, призываю:

Табихан табилга мини
 Заяхан заябари мини
 Барулама тэнгэри
 Табин табан тэнгэри
 Ахалаха ехэ тэнгэри
 Хан Тюрмас тэнгэри
 Минган саган бурха
 Ахалха Манзан Гормѣтѣ-ула
 Газар дэрэ ху заяхан хойно
 Унаха тата морин мини

Баръха тата тонок мини
 Омбтхб тата хубсахан мини
 Огыги!

Переводъ:

Творившій творецъ мой,
 Создавшій создатель мой,
 Западные тэнгэрины—
 Пятьдесят пять тэнгэриновъ,
 Старшій и большой тэнгэри—
 Ханъ-Тюрмасъ тэнгэри,
 Тысяча бѣлыхъ бурхановъ,
 Постарше бабушка Манзанъ Гормб—
 Послѣ созданія человѣка на землѣ
 Къ ъездѣ пріятнаго коня моего,
 Къ держанію пріятное оружіе мое,
 Къ надѣванію пріятное платье мое
 Дайте!

Такъ крича, призывалъ Алтанъ-Жоло-мбргёнъ; отъ крика верхнее обитаемое небо гудѣло и нижняя обитаемая земля тряслась. Тогда пятьдесят пять тэнгэриновъ услыхали призываніе и собрались на лунѣ, сдѣлали на ней хороший сугланъ *) и собрались на Плеядахъ, сдѣлали на нихъ мѣткій сугланъ; во время суглана открыли материнское желтое священное писаніе и читаютъ въ немъ, что внизу на землѣ созданный ими Алтанъ-Жоло-мбргёнъ просить у нихъ, создателей своихъ, коня, оружіе и одежду; когда прочли, то скоро и быстро приготовили къ надѣванію пріятное платье, къ держанію пріятное оружіе и къ ъездѣ пріятнаго коня, тѣло

*) Сугланъ—народное собраніе, сходка.

котораго было восемьдесят сажень длиною, а масть золотисто-оловая; осёдлали коня серебряным сёдломъ, обнуждали сплошь-серебрянымъ недоузкомъ и какъ ребро, серебряной уздой; въ торока привязали всю одежду и оружіе и отправили его на землю волочащимъ поводья по землѣ. Тогда западные пятьдесят пять тэнгэриновъ говорили: „Если ты хороший мужчина, то поймаешь этого коня, и будешь на немъ ёздить, а если ты худой мужчина, то ходи пѣшкомъ“! Въ это время Алтанъ-Жоло-мөргөнъ, превратившись въ трехгодовалое сухое конское ялло, лежитъ въ травѣ. Золотисто-оловой конь спустился съ неба на гору Гурбанъ-Мёнгётö-ула и ходить взадъ и впередъ. Когда золотисто-оловой конь проходилъ мимо лежащаго Алтанъ-Жоло-мөргөна близко, Алтанъ-Жоло схватилъ волочившійся поводъ и вскочилъ на ноги; такъ онъ поймалъ своего золотисто-олового коня, и вывязалъ изъ торокъ всю одежду и надѣлъ на себя; оказывается, эта одежда въ пору ему въ зимнее время, а лѣтомъ немножко тяжеловата. Алтанъ-Жоло-мөргөнъ говоритъ: „Ладно, мужчина развивается, а войлокъ вытягивается“. Послѣ этого онъ беретъ разное оружіе и надѣваетъ на себя и все въ пору, какъ разъ. Потомъ беретъ желтый лукъ Бухарь и натягиваетъ его; въ лѣтнее время въ самый разъ, а въ зимнее время немножко туговать. Тогда Алтанъ-Жоло говоритъ: „Мужчина развивается, а войлокъ вытягивается“. Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мөргөнъ положилъ ногу въ серебряное стремя и сѣлъ верхомъ на золотисто-олового коня, который, отскакивая отъ земли дыбомъ, бьется; Алтанъ-Жоло-мөргөнъ съ проворной ловкостью удержался на немъ; потомъ конь, до неба отскакивая, бьется; Алтанъ-Жоло-мөргөнъ съ ровной ловкостью удержался на немъ; тогда золотисто-оловой конь пересталъ сбрасывать съ себя. Алтанъ-Жоло-мөргөнъ спрашиваетъ своего коня: „Отчего ты такъ сильно сбрасы-

ваешь меня съ себя"? Золотисто-соловой конь отвѣтываетъ: „Когда три раза обѣгаю трехгодовую землю, тогда не успѣть свариться мясо трехгодовалаго кладенаго барана, и когда обѣгаю четырехгодовую землю, тогда не успѣть свариться мясо четырехгодовалаго кладенаго барана“. Потомъ золотисто-соловой конь спрашиваетъ своего хозяина: „Почему ты удержанялся на мнѣ? какую имѣешь силу?“ Тогда Алтанъ-Жоло-мѣргонъ говоритъ: „Человѣкъ, имѣющій большой палецъ не одолѣетъ меня и (люди), имѣющіе плечи, не выборятъ меня на этой землѣ“. Они между собою говорятъ: „Мы сошлись равные“. Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мѣргонъ на золотисто-соловомъ конѣ прїезжаетъ домой къ своей матери; по прїездѣ отпустилъ своего коня пастьись на сѣверную сторону Алтая и пастьись на возвышенныхъ мѣстахъ Хѣхбя, а самъ живеть и отдыхая, поправляется для дальней дороги, чтобы воевать съ сильною и непобѣдимою непріятельницею Эмэ-хара-мангатхай.

Нѣкоторое время спустя Алтанъ-Жоло-мѣргонъ собирается въ дорогу; оборваное вставляетъ и разорваное починяетъ, потомъ выходить на улицу, крича, призываетъ своего золотисто-солового коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Золотисто-соловой конь правымъ ухомъ услышалъ призывъ своего хозяина и говоритъ: „Это голосъ моего хозяина. Зачѣмъ онъ зоветъ меня? ближніе непріятели прїѣхали или дальняя войска прїѣхали воевать“? Какъ большіе рукава, уши взадъ и впередъ шевеля, слушаетъ. Такъ стоя, фыркнуль; туманъ сдѣлался. Ногою порылъ землю, сдѣлалъ пыль. Въ обхватъ большую гриву на спину забросивъ, прибѣжалъ домой, остановился у серебряной коновязи и звонко ржетъ. Тогда Алтанъ-Жоло-мѣргонъ выходитъ изъ дворца, сплошно-серебрянымъ недоуздкомъ недоуздываетъ и какъ

ребро, серебряной уздой вануздывает золотисто-солового коня и привязывает его на ледъ, копыто дѣлаетъ круглымъ, привязываетъ на гальки, копыто дѣлаетъ твердымъ. Въ это время горстью травы кормилъ и чашкою воды поилъ. Потомъ на золотисто-солового коня положилъ шелковый потникъ, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ, десятью подпругами натуго подтянулъ и двадцатью подпругами крѣпко на крѣпко подтянулъ. Послѣ этого шелковый поводъ привязалъ къ серебряной коновязи и сказавъ: „Приготовленіе коня кончилось“! бѣгомъ входить во дворецъ. Тогда мать его Урма-Гохонъ подвинула золотой столъ, на который поставила вкусную пищу и подвинула серебряный столъ, на который поставила действительно вкусную пищу. Алтанъ-Жоло-мѣргонъ какъ птица поклевалъ, какъ волкъ поглоталъ эту пищу. Наѣвшись, вышелъ изъ-за стола и началъ одѣваться, на красное тѣло надѣлъ шелковую рубаху, сверхъ ея надѣлъ шелковую шубу, которую надѣваютъ въ лѣтнее время, а сверхъ этой надѣлъ шелковую шубу, которую надѣваютъ въ зимнее время; еще сверху надѣлъ непромокающій въ семидесятисуточное ненастье и непробиваемый семьюдесятью наконечниками стрѣль, какъ уголь черный доспѣхъ *); послѣ этого взялъ нужное на войнѣ оружіе и навѣсилъ на себя. Потомъ говорить: „Приготовленіе тѣла окончилось“! Послѣ этого выходитъ на улицу, подходитъ къ серебряной коновязи, отвязываетъ шелковый поводъ, кладетъ ногу въ серебряное стремя, садится на золотисто-солового коня и уѣзжаетъ прямо на южную сторону. Мать его царица Урма-Гохонъ вышла за нимъ на крыльцо и смотрѣть, какъ онъ поѣхалъ; у основанія серебряной коновязи съ горстю земли запыдились, вдали за хребтомъ красная кисть его шапки мелькнула, такъ онъ

*) Панциры? Ред.

исчезъ изъ виду. Тогда она думаетъ: „Хорошо родиться отъ человѣка такому молодцу и хорошо родиться отъ кобылы такому жеребенку“! Такъ она, думая, стояла.

Алтанъ-Жоло-мбргбнъ ёдетъ прямо на южную сторону по направлению къ Эмэ-хара-мангатхай. На пути, когда поетъ птица соловей, онъ думаетъ, что настало лѣтнее время, лисью легкую шапку къ затылку подвигая, рысить, и когда щекочеть пестрая сорока, думаетъ, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу придвигая, рысить. Такъ рыся, въхалъ. Когда онъ доѣхалъ до половины пути, онъ слѣзъ съ золотисто-солового коня, обратилъ его въ рублевую серебрянную монету и положилъ въ карманъ, а самъ обратился въ желтую осу и полетѣлъ къ тремъ мѣднымъ дворцамъ (бабы) Эмэ-Хара-мангатхай. Прилетѣлъ къ тремъ мѣднымъ дворцамъ и сѣлъ на самомъ лѣвомъ дворцѣ, смотрить и изучаетъ характеръ и величество (бабы) Эмэ-хара-мангатхай. Онъ сидитъ тутъ въ продолженіи трехъ годовъ; все это время каждый день онъ слѣдилъ и изучалъ. Въ одинъ день въ этотъ дворецъ входить одна красивая и молодая дѣвица съ восьмидесяти восемью косами; она, кружась, поетъ пѣсни. Тогда Алтанъ-Жоло-мбргбнъ спустился во дворецъ, обратился въ человѣка и спрашиваетъ у этой дѣвицы: „Откуда ты и какъ тебя зовутъ“? Эта дѣвица говоритъ: „Я дочь трехъ ламъ Соржи, живущихъ на вершинѣ горы Монготб-ула. Меня зовутъ Наринъ-Зала-абахай. Меня хотѣла проглотить Эмэ-хара-мангатхай, но я вместо ея рта попала въ этотъ дворецъ; если-бъ я попала ей въ ротъ, она проглотила бы меня. Ты откуда и какъ тебя зовутъ“? Тогда Алтанъ-Жоло-мбргбнъ говоритъ: „Я сынъ царя Баянъ-Хара, я Алтанъ-Жоло-мбргбнъ, прїѣхалъ сюда, чтобы, побѣдивши Эмэ-хара-мангатхай, освободить своего отца“. Тогда Наринъ-Зала-абахай говоритъ ему: „Ты мой суженый женихъ; отцы мои три ламы

Соржи говорили мнѣ, что я должна выйти замужъ за сына царя Баянъ-Хара за Алтанъ-Жоло-мѣргона. Эмэ-хара-мангатхай непобѣдимая непріятельница, какъ ты ее побѣдишь?"

Послѣ этого Алтанъ-Жоло-мѣргонъ выходить изъ этого мѣднаго дворца и бѣгомъ входить въ самый правый дворецъ, въ которомъ сидить сама Эмэ-хара-мангатхай и выдѣлываетъ шкуру изюбря; у Эмэ-хара-мангатхай верхніе вѣки глазъ падали на ность, нижніе вѣки глазъ падали на щеки, верхняя губа падала на нижнюю челюсть, нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо и брюхо падало на колѣни. Такая страшная баба была Эмэ-хара-мангатхай, которая сидѣла въ правомъ мѣдномъ дворцѣ. Она верхніе вѣки глазъ подняла, видить Алтанъ-Жоло-мѣргона и говоритъ ему: "Имѣющій отца человѣкъ за отцомъ прѣхалъ. Не пройдетъ день, суставы твои оторву, не пройдетъ ночь, жизнь твою оторву". Такъ говоря, она вѣки глазъ подперла деревомъ толщиною въ столбъ; встала съ мѣста, и держа въ рукѣ чугунно-серебряный хэдэргэ, бѣжитъ къ нему. Тогда Алтанъ-Жоло-мѣргонъ подбѣжалъ къ ней на встрѣчу, схватилъ ее за обѣ косы и началъ воевать. Они воевали во дворцѣ; проломивъ во время борьбы сѣверозападный уголъ дворца, вышли на улицу, гдѣ и воевали въ продолженіе трехъ сутокъ, далѣе воевали въ продолженіе девяти сутокъ, не могутъ другъ друга побѣдить; въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ воюютъ, не могутъ побѣдить другъ друга; ровнымъ ровно воюютъ и въ продолженіе трехъ годовъ. Въ это время они впередъ упирались и красныхъ горъ понадѣлали, назадъ лягались, сѣрыхъ горъ понадѣлали; такъ они воевали. Въ это время на землѣ сѣдались такие сильные туманъ и пыль, что птицы блудили отъ своихъ гнѣздъ и птенцовъ, звѣри блудили отъ своихъ дѣтенышней и люди блудили отъ своихъ балагановъ; такъ воюя, они боролись. Въ это время Эмэ-хара-мангатхай гово-

ритъ дѣвицѣ Наринь-Зала-абахай: „Ты была суженая моего сына. Кому думаешь добро, тому бросай бѣлое просо, а кому думаешь зло, тому бросай черное просо“! Тогда Наринь-Зала-абахай Алтань-Жоло-мѣргбну бросаетъ бѣлое просо. Алтань-Жоло-мѣргбнъ отъ бѣлого проса дѣлается сытымъ и еще сильнѣе прежняго. Наринь-Зала-абахай къ бабѣ Эмэхара-мангатхай бросаетъ черное просо, отъ которого силы той убываютъ и она скользить. На исходѣ третьяго года Алтань-Жоло-мѣргбнъ едва, едва бабу Эмэхара-мангатхай свалилъ на землю и распороль ей брюхо; черезъ распоротое брюхо изъ нутра ея вышли во множествѣ звѣри, птицы и люди, щущіе въ телѣгахъ, верхомъ на коняхъ и пѣши. Звѣри убѣжали въ лѣсъ, птицы улетѣли, и люди разѣзжаются въ разныя стороны и говорятъ между собою: „Я такого-то царя подданный“! „Я въ такой-то мѣстности живу!“ и все они благодаря Алтань-Жоло-мѣргбнѣ, которому желаютъ добра, чтобы онъ до скончанія вѣка всегда побѣжалъ своихъ непріятелей. Послѣ этого Алтань-Жоло-мѣргбнъ съ девяти таѣгъ взялъ бересту и съ источниковъ девяти ключей взялъ воду, потомъ поймалъ ястреба и сокола, которые, кружась, летали надъ воротами, посвятилъ ихъ берестой и вымылъ водою изъ девяти ключей; тогда соколъ и ястребъ, соединившись, опять сдѣлались царемъ Баянъ-Хара; послѣ этого привязанныхъ къ воротамъ двухъ собакъ также посвятилъ берестой и вымылъ ключевой водою, тогда изъ двухъ собакъ сдѣлся желѣзновороной конь. Потомъ царь Баянъ-Хара узналъ сына, сильно обрадовался и говорить ему: „Ты непобѣдимаго врага побѣдилъ и неколимаго жеребенка закололъ“. Послѣ этого тѣло убитой бабы Эмэхара-мангатхай сожгли, таѣжныя деревья привезли съ вершинами и лѣсныя деревья привезли съ корнями; оставшіяся кости и пепель, сдѣлавши березовую лопату, повѣяли къ сѣверу, и

жество разнаго скота и подданихъ племянника Ута-Саганъ-батара, котораго я будто бы побѣдилъ". Тогда доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ сильно разсердился и говорить: „Не найдя съ кѣмъ воевать, будемъ воевать съ единственнымъ племянникомъ на землѣ Ута-Саганъ-батаромъ; не найдя чего пожелать, пожелаемъ похитить скотъ и подданныхъ единственнаго племянника на землѣ Ута-Саганъ-батара“! Говоря такія слова, доброжелательный Сарагаль-ноенъ прогналъ завистливаго Хара-Сотона и тотъ ушелъ домой. На другое утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному Сарагаль-ноену и говорить ему тѣ же слова, что и въ первое утро. Доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ опять сильно разсердился и прогналъ завистливаго дядю Хара-Сотона, который опять ушелъ домой. На третью утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному дядѣ Сарагаль-ноену и опять говорить тѣ же самыя слова, что и въ первые два утра. Тогда доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ говоритъ завистливому дядѣ Хара-Сотону: „У насъ нѣтъ коня, который бы могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара и также нѣтъ человѣка, который бы могъ доѣхать до такой дальней стороны“. Съ этими словами онъ опять прогналъ завистливаго дядю Хара-Сотона.

Завистливый дядя Хара-Сотонъ пришелъ домой и думаетъ большую думу, какъ найти коня, который бы могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара, кого найти, чтобы онъ могъ доѣхать до Ута-Саганъ-батара и пригласить его въ гости. На четвертое утро завистливый дядя Хара-Сотонъ опять приходитъ къ доброжелательному дядѣ Сарагаль-ноену и говорить: „Въ твоемъ табунѣ съ желтогнѣдымъ жеребцомъ ходитъ желтогнѣдой жеребчикъ, который можетъ дойти до Ута-Саганъ-батара, а изъ людей я могу доѣхать до него. Къ прїездѣ племянника приготови, отраву: выкури три бочки тарасуна и по-

ложи въ него отраву; потомъ эти три бочки кури, чтобы сдѣлалось двѣ бочки; а эти двѣ бочки кури, чтобы сдѣлалась одна бочка, и эту одну бочку кури, чтобы получилась одна чашка. Когда пріѣдетъ племянникъ Ута-Саганъ-батаръ, то подай эту отраву вмѣсто питья; когда онъ выпьетъ, то его разорветъ на четыре части". Такъ сказавъ, ушелъ завистливый дядя Хара-Сотонъ отъ доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена, который, наконецъ, согласился поѣхать за племянникомъ Ута-Саганъ-батаромъ.

Послѣ этого завистливый дядя Хара-Сотонъ поймалъ желтогнѣдого жеребчика изъ табуна доброжелательнаго дяди Сарагаль-ноена и началъ учить и выдерживать его; когда выучилъ, взнудзalъ его серебряною уздою, обсѣдлalъ серебрянымъ сѣдломъ, и красивымъ красношелковымъ поводомъ привязалъ къ серебряной коновязи. Потомъ завистливый дядя Хара-Сотонъ вошелъ во дворецъ, надѣть на себя шелковую одежду и всѣ нужные доспѣхи; покуپавъ вкусной пищи, вышелъ изъ дворца, сѣять на коня и поѣхалъ прямо въ западную сторону къ Ута-Саганъ-батару. Завистливый дядя Хара-Сотонъѣхалъ рысью прямо въ западную сторону; онъ єхалъ и єхалъ и едва доѣхалъ до половиннаго разстоянія; когда проѣхалъ половину пути, сдѣлался отъ усталости маленькимъ, какъ ребенокъ, а желтогнѣдой жеребчикъ сдѣлался маленькимъ, какъ жеребенокъ, отъ дальней єзды утомился и исхудалъ. На половинѣ пути завистливый дядя Хара-Сотонъ остановился отдохнуть и поправиться. Когда онъ поправился, а также когда поправился и желтогнѣдой жеребчикъ, завистливый дядя Хара-Сотонъ поѣхалъ далѣе; єхалъ и єхалъ, едва доѣхалъ до царства Ута-Саганъ-батара. Пріѣхавъ къ Ута-Саганъ-батару, завистливый дядя Хара-Сотонъ красивымъ красношелковымъ поводомъ того желтогнѣдого жеребчика привязалъ къ серебряной коновязи, а самъ вошелъ въ бѣ-

сдѣлавши осиновую лопату, повѣяли къ югу. Потомъ Алтанъ-Жоло-мѣргонъ женился на дѣвицѣ Наринъ-Зала-абахай. Послѣ этого они взяли весь скотъ и имущество убитой бабы Эмэ-хара-мангатхай, не оставляя обрывка ремня и обломка ножа. Все забравъ, пріѣхали домой.

Когда пріѣхали домой, видяты, что у нихъ все взято въ плѣнъ и угнано; только черный воронъ кричитъ и желтая лисица лаетъ; около дворца выросъ черный пырей до сѣдла лошади. Такъ стоять царь Баянъ-Хара съ сыномъ Алтанъ-Жоло-мѣргономъ, большими удивленіемъ удивляются, большими дивомъ дивятся. Входя во дворецъ, отецъ съ сыномъ говорятъ: „Чей сынъ и чей потомокъ заполонилъ и угналь все“? Царь Баянъ-Хара, вошедши во дворецъ, говоритъ: „Прежде моя жена Урма-Гохонъ-хатанъ была умница. Она, должно полагать, оставила какой нибудь знакъ“. Съ этими словами царь Баянъ-Хара выдернуль въ очагъ сѣверозападный подставной камень (доли) и смотрить, тамъ лежить бумага величиною съ подоль; взявши эту бумагу, читаетъ. Тамъ написано: „Все заполонилъ и угналь съ дальней далекой страны прибывшій, въ сѣверовосточной сторонѣ живущій „Съ-рогами-Желтый-мангатхай“*), который непобѣдимый воинъ и неодолимый непріятель. За мной не пріѣзжайте! Если будете живы, то найдется добро“. Царь Баянъ-Хара, прочитавши эту бумагу, сильно разсердился и говоритъ: „Чей сынъ, родившись бабою, долженъ сидѣть дома, лишившись жены, всѣхъ подданыхъ и разнаго скота? чей сынъ, родившись мужчиною, долженъ безнаказанно заполонить чужую жену, чужихъ подданыхъ и угнать чужой скотъ“? Послѣ этого все обставили по прежнему и пригнанный скотъ пустили пастьись на сѣверную сторону Алтая и на возвышенныя мѣста Хѣхѣя. Потомъ царь

*). По бурятски: Оббр-о-шара-мангатхай? Ред.

Баянъ-Хара съ своимъ сыномъ Алтанъ-Жоло-мёргёномъ вдвоемъ поѣхали прямо въ сѣверовосточную сторону въ страну Съ-рогами-Желтаго-мангатхая. Когда они проѣхали половину пути, тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай большими узаніемъ узналъ и большими разумомъ уразумѣлъ, что царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоло-мёргёномъ ёдутъ къ нему съ войною. Съ-рогами-Желтый-мангатхай говорить: „Человѣкъ имѣющій жену, къ женѣ ёдетъ и человѣкъ имѣющій имущество, къ имуществу своему ёдетъ, а сынъ его, имѣющій мать, къ матери своей ёдетъ. Входящее войско я долженъ встрѣтить и уходящее войско я долженъ проводить“! Послѣ этого Съ-рогами-Желтый-мангатхай садится на своего краснаго пороза, идущаго безъ повода, темнобураго жеребца безъ узды ведетъ за собою. Такъ поѣхалъ на встрѣчу. Пріѣхавши на вершину одной пади Съ-рогами-Желтый-мангатхай слѣзъ съ краснаго пороза и ложится на землю; нижней челюстью подпираетъ широкую землю, а верхней челюстью подпираетъ высокое небо; такъ лежа, втягиваетъ въ себя все и глотаетъ. Царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоло-мёргёномъ, ничего не зная и не разумѣя, ёдуть впередъ. Когда пріѣхали близко, то вдругъ отдѣлились отъ земли, какъ перышко полетѣли по воздуху и попали въ ротъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, который царя Баянъ-Хара между правыми коренными зубами немного пожевалъ; когда тотъ выбился изъ силъ, Съ-рогами-Желтый-мангатхай вынулъ его изъ рта, выдернуль свой правый рогъ, положилъ въ него царя Баянъ-Хара и рогъ вставилъ на прежнее мѣсто; послѣ этого Алтанъ-Жоло-мёргёна пожевалъ между лѣвыми коренными зубами; когда тотъ выбился изъ силъ, Съ-рогами-Желтый-мангатхай вынулъ его изъ рта, выдернуль лѣвый рогъ, положилъ въ него Алтанъ-Жоло-мёргёна и рогъ вставилъ на прежнее мѣсто. Послѣ этого Съ-рогами-Желтый-мангатхай

говорить: „Непобѣдимыхъ враговъ побѣдилъ и неколимаго годового жеребенка закололь“! Потомъ онъ сѣлъ на краснаго пороза и пріѣхалъ домой.

Когда царь Баянъ-Хара съ сыномъ своимъ Алтанъ-Жоломбогономъ уѣхали воевать въ страну Съ-рогами-Желтагомангатхая, въ то время Наринъ-Зала-хатанъ сдѣлалась беременною; нѣсколько времени спустя у нея родились два мальчика близнецы; запеленавъ ихъ, Наринъ-Зала-хатанъ положила ихъ, а сама легла; лежитъ и не въ состояніи встать; никто изъ людей не входить во дворецъ. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай узнаетъ, что у жены Алтанъ-Жоломбогона родились два мальчика близнецы, которые, если выростутъ большими, то будутъ непобѣдимыми врагами и неподолимыми непріятелями. Онъ говоритъ: „Надо раздавить ихъ, пока они маленькие; нужно ихъ уничтожить, пока они младенцы“. Послѣ этого онъ сѣлъ на своего краснаго пороза безъ повода и повелъ за собою безъ узды темно-бураго жеребца. Такъ онъ ѿхалъ. Когда Съ-рогами-Желтый-мангатхай проѣхалъ половину пути, только что родившіеся два мальчика близнецы большими узнаніемъ узнали и большими разумомъ уразумѣли, что ѿдетъ къ нимъ Съ-рогами-Желтый-мангатхай, чтобы ихъ еще маленькихъ убить. Они плачутъ и говорятъ: „Если бы мы пососали немногого материнскаго желтаго молока, то были бы въ состояніи избавиться отъ Желтаго-съ-рогами-мангатхая“. Мать ихъ Наринъ-Зала-хатанъ никакъ не можетъ встать, чтобы покорзить грудью новорожденныхъ своихъ двухъ мальчиковъ близнецовыхъ; она лежитъ безъ силъ. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай пріѣзжаетъ ко дворцу и, соскочивъ съ краснаго пороза, бѣгомъ входить во дворецъ, подходитъ къ лежащимъ двумъ мальчикамъ близнецамъ и хочетъ ихъ взять. Онъ говоритъ: „Безропотные молодцы! Пока вы маленькие, раздавлю васъ! пока

вы младенцы, нужно уничтожить васъ“! Въ это время Наринъ-Зала-хатанъ говоритъ: „Старикъ, старикъ! подожди! какой ты до старости лѣтъ безъ ума и какой же ты въ кипяченіи безъ щей? Мы въ твоихъ рукахъ, никуда не уйдемъ. Они только что родились, материнского желтаго молока еще не сосали. Если ты ихъ убьешь, не давъ сосать материнского желтаго молока, то ты долго будешь чувствовать грѣхъ и въ жизни ты не будешь счастливъ“. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай говоритъ: „Говорено вѣрно и дума правдива“. Послѣ этого онъ женщину Наринъ-Зала-хатанъ легко бѣть собольимъ рукавомъ и шлепая, бѣть выдровымъ рукавомъ; отъ этого она выздоровѣла. Она встаетъ съ постели здоровою; тихо, плавно наступаетъ, тонкая трава растетъ, ноги баясь, тихо шагаетъ, овцы и козлы кричатъ; говоритъ до того, что на плоскихъ плитахъ камня трава выростаетъ; говоритъ до того, что на черной водѣ образовались пѣнки. Такъ говоря и разговаривая, подвигаетъ золотой столъ, на который кладеть вкусную пищу и подвигаетъ серебряный столъ, на который кладеть дѣйствительно вкусную пищу. Съ-рогами-Желтый-мангатхай какъ цтица клюетъ и какъ волкъ глотаетъ. Въ это время Наринъ-Зала-хатанъ садится около двухъ своихъ мальчиковъ близнецовыхъ, одного береть на правое колѣно, а другого на лѣвое; такъ сидя, кормить ихъ грудью. Эти родившіеся два мальчика близнецы, сидя на колѣнахъ матери, сосутъ материнское желтое молоко. Въ это время Съ-рогами-Желтый-мангатхай большими знаніемъ узнаетъ и большими разумомъ уразумѣваетъ и говоритъ: „Обманщица обманула, хитрая перехитрила“. Всакиваетъ съ мѣста и бѣжитъ къ Наринъ-Зала-хатанъ, чтобы отнять у ней родившихся двухъ мальчиковъ близнецовыхъ, которыхъ она кормить. Когда Съ-рогами-Желтый-мангатхай прибѣжалъ къ Наринъ-Зала-хатанъ и хотѣль было схватить дѣ-

тей, одинъ мальчикъ, обратившись въ соловья, полетѣлъ вверхъ, а другой мальчикъ, обратившись въ расплавленное бѣлое серебро, ушелъ въ очагъ огня. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай, обратившись въ семь ястребовъ, погнался за соловьемъ, трехгодовую землю три раза облетѣлъ, четырехгодовую землю четыре раза облетѣлъ и высокое небо восемь разъ облетѣлъ. Въ это время семь ястребовъ стали догонять соловья; соловей упалъ на землю и обратился въ три низкорослыхъ черныхъ березы въ пади. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь бабъ лакша, которыя начали рубить низкорослыхъ черныхъ березы на вѣники. Черезъ долгое время семь бабъ лакша всѣ березки вырубили постепенно, только осталась одна березка; хотѣли и ее срубить, но она обратилась опять въ соловья, который полетѣлъ вверхъ. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь ястребовъ, которые погнались за соловьемъ; только ястреба хотѣли поймать соловья, какъ онъ обратился въ семьдесятъ маленькихъ рыбъ, которыя и ушли въ море. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь тальменей, которые ушли въ море, чтобы догнать семьдесятъ маленькихъ рыбъ и съѣсть ихъ. Тальмени догнали рыбокъ, шестьдесятъ девять изъ нихъ проглотили, и погнались за послѣднею; догнавши, только хотѣли было проглотить ее, какъ эта оставшаяся маленькая рыба обратилась снова въ соловья и полетѣла вверхъ. Съ-рогами-Желтый-мангатхай обратился въ семь ястребовъ, которые погнались за соловьемъ; соловей полетѣлъ на гору Монгото-ула, черезъ окно влетѣлъ во дворецъ трехъ ламъ Соржи и спрятался подъ подоломъ одного изъ нихъ. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай спустился подъ гору Монгото-ула, на подошвѣ которой сѣлъ верхомъ на своего краснаго пороза и поѣхалъ прямо домой.

Три ламы Соржи воспитывали этого внука и выrostили его большими; дали ему имя Алтанъ-Шагай-мөргёнъ, а брата его назвали Монгёнъ-Шагай-мөргёнъ *). Когда Алтанъ-Шагай-мөргёнъ выросъ большими, тогда три ламы Соржи дали ему золотое перо, на которомъ сидя онъ куда хотѣлъ, туда и летѣлъ. Алтана-Шагай-мөргёнъ, взявши отъ трехъ ламъ Соржи золотое перо, сѣлъ на него и прилетѣлъ домой къ матери. Прилетѣвъ къ дворцу, на улицѣ слѣзъ съ пера, положилъ его въ карманъ, самъ входитъ во дворецъ, въ которомъ сидѣлъ его мать Наринъ-Зала-хатунъ, пылью запылившаяся и въ пеплѣ выпепелившаяся. Алтынъ-Шагай-мөргёнъ вошелъ во дворецъ, сѣлъ около очага и курить табакъ. Его мать Наринъ-Зала-хатунъ спрашиваетъ его: „Откуда ты и куда ъдешь“? Тогда Алтанъ-Шагай-мөргёнъ говоритъ: „Я табунщикъ царя Томо-Улана; три года тому назадъ потерялъ трехгодовалаго верблюда и разыскиваю его, на каждую гору смотрю и спрашиваю въ каждомъ царствѣ, не могу найти до сихъ порь. Вы не слыхали ли о такомъ верблюде“? Его мать Наринъ-Зала-хатунъ говоритъ: „Не слыхала. Такъ ъзда, ты не слыхалъ ли отъ людей, что сдѣлалось съ моими двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ обратился въ соловья и полетѣлъ вверхъ, а другой обратился въ расплавленное бѣлое серебро, которое ушло въ очагъ? За ними погнался Съ-рогами-Желтый-мангатхай“. Тогда Алтанъ-Шагай-мөргёнъ говоритъ: „Не знаю. Будто слышалъ, что того сына, который обратился въ соловья, Съ-рогами-Желтый-мангатхай догналъ и проглотилъ его, а о другомъ не слыхалъ“. Наринъ-Зала-хатунъ начинаетъ плакать и говорить: „Я думала, если они останутся живыми, то послѣ когда-нибудь придутъ ко мнѣ“. Тогда Алтанъ-Шагай-мөргёнъ пожалѣлъ свою мать, не сталъ

*) Алтынъ „золотой“, монгёнъ „серебряный“; шагай – кость бабка.

долго шутить надъ нею и открылся ей, что онъ ея сынъ и выросъ у трехъ дѣдовъ (нагаса) ламъ Соржи и теперь пріѣхалъ къ ней, чтобы жить съ ней вмѣстѣ. Мать его Наринъ-Зала-хатанъ, обвивъ руками его тонкую шею, поцѣловала его и обвивъ его толстую шею, поцѣловала его. Она такъ сильно обрадовалась, что вставши, не знала, что встала и сѣвши не знала, что сѣла. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мѣргбнъ вѣвъ дворца и во дворцѣ все поправилъ и сдѣлалъ по старому, какъ прежде было. Потомъ, когда поправилась его мать Наринъ-Зала-хатанъ и сдѣлалась по прежнему, Алтанъ-Шагай-мѣргбнъ говорить ей: „Теперь пойду искать младшаго брата, гдѣ онъ находится“. Собравшись, пошель искать своего брата; идя, находитъ старый слѣдъ червяка, по которому идетъ въ продолженіи двадцати лѣтъ; слѣдъ червяка сдѣлался слѣдомъ мизгирия*); по слѣду мизгирия идетъ десять лѣтъ; слѣдъ мизгирия сдѣлался слѣдомъ горностая; онъ идетъ по слѣдамъ горностая; слѣдъ горностая сдѣлался слѣдомъ хорыка; онъ идетъ по слѣду хорыка, пока онъ не сдѣлался слѣдомъ зайца; онъ идетъ по слѣду зайца, который потомъ сдѣлался слѣдомъ лисицы; онъ идетъ по слѣду лисицы, который сдѣлался потомъ слѣдомъ медвѣдя; онъ идетъ по слѣду медвѣдя; слѣдъ медвѣдя сдѣлался слѣдомъ змѣя, Алтанъ-Шагай-мѣргбнъ идетъ по слѣду змѣя; слѣдъ этотъ ушелъ въ яму; по слѣду змѣя и Алтанъ-Шагай-мѣргбнъ уходитъ въ яму и въ ней слѣдить слѣдъ змѣя. Спустившись внизъ по этой ямѣ, онъ вышелъ въ нижнюю обитаемую землю. На нижней обитаемой землѣ, стоя на одной высокой горѣ, онъ смотритъ въ даль туда и сюда и видить въ дали на берегу синяго моря стоять одинъ дворецъ, во дворѣ которого стоять большое корыто съ водой. Изъ этого дворца выходитъ молодой человѣкъ, подходитъ къ

*.) Мизгирь русско-сибирск. „паукъ“.

корыту, ложится въ него и, покатавшись въ корытѣ, дѣлается большой змѣй Абарга-мого. Этотъ большой змѣй Абарга-мого вползаетъ въ синее море, которое послѣ этого начинаетъ сильно волноваться, выходить изъ береговъ и пѣнится бѣлою пѣною. Алтанъ-Шагай-мѣргонъ спустился съ этой высокой горы, дошелъ до этого дворца и вошелъ въ него; тамъ на столѣ стоитъ приготовленная пища; онъ поѣлъ все, потомъ ушелъ въ подполье и, спрятавшись тамъ, лежитъ. Черезъ нѣсколько времени большая змѣя Абарга-мого выходитъ изъ синяго моря, подходитъ къ корыту и, покатавшись въ немъ, дѣлается по прежнему молодымъ человѣкомъ. Этотъ человѣкъ входитъ во дворецъ; на столѣ ничего не оказывается, все съѣдено. Тогда этотъ молодой человѣкъ начинаетъ искать и въ подпольѣ находить Алтанъ-Шагай-мѣргона. Оба они выходятъ изъ подполья и начинаютъ воевать другъ съ другомъ; во время борьбы они проломили югозападный уголъ дворца, вышли на улицу и, борясь на просторѣ, воюютъ другъ съ другомъ равнымъ равно. Въ это время въ середину между ними падаетъ сверху письмо; они читаютъ его; въ этомъ письмѣ написано, что они оба родные братья, что они дѣти Алтанъ-Жѣло-мѣргона, старшій изъ нихъ Алтанъ-Шагай-мѣргонъ, а младшій Монгонъ-Шагай-мѣргонъ. Тогда они узнали, что они родные братья и перестали воевать. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мѣргонъ говоритъ своему младшему брату Монгонъ-Шагай-мѣргону: „Почему ты здѣсь живешь, не ёдешь домой“? Монгонъ-Шагай-мѣргонъ говоритъ старшему брату: „Какъ только я сюда пришелъ, стала воевать съ одною большою змѣею Абарга-мого и никакъ не могу побѣдить ее до сихъ поръ“. Потомъ они сѣли на золотое перо, поднялись на верхнюю обитаемую землю и пришли домой.

Когда они пришли домой, Алтанъ-Шагай-мѣргонъ началъ сбираться въ дорогу, въ страну Съ-рогами-Желтаго-мангатхая,

чтобы выручить своего дѣда, бабушку и отца; Монгбнъ-Шагай-мѣргонъ долженъ быть оставаться съ матерью и беречь ее отъ непріятельского нападенія. Приготовившись къ дорогѣ, Алтанъ-Шагай-мѣргонъ сѣлъ на золотое перо и полетѣлъ прямо къ сѣверовостоку и пролетѣлъ половину дороги; тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай узналъ, что Алтанъ-Шагай-мѣргонъ летитъ къ нему съ войною. Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай говоритъ: „Имѣющій отца человѣкъ къ отцу летить, имѣющій дѣда и бабушку человѣкъ къ дѣду и бабушкѣ летить и имѣющій подданныхъ и скота человѣкъ къ подданнымъ и къ скоту летить! Бдущаго непріятеля я долженъ встрѣтить и отъѣзжающаго непріятеля долженъ проводить“! Такъ говоря, Съ-рогами-Желтый-мангатхай сѣлъ на своего краснаго пороза безъ повода и поѣхалъ на встречу; на вершинѣ одной пади онъ слѣзъ съ краснаго пороза и легъ на землю; нижней челюстью упираясь въ обширную землю, верхней челюстью подпирая высокое небо, онъ началъ втягивать въ себя все и глотать. Тогда таежные деревья съ вершинами влетаютъ ему въ ротъ и лѣсныя деревья съ корнями влетаютъ ему въ ротъ, звѣри и птицы тоже влетаютъ ему въ ротъ и онъ всѣхъ проглатываетъ. Алтанъ Шагай-мѣргонъ все летѣлъ на золотомъ перѣ, не зная ничего. Когда прилетѣлъ близко, то полетѣлъ прямо въ ротъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая. Попавъ въ его разинутый ротъ, онъ не медля схватилъ черное колючее копье, воткнулъ его поперекъ горлани и кричать изъ горла: „Старикъ, старикъ! жуй!“ Съ-рогами-Желтый-мангатхай остался съ разинутымъ ртомъ. Тогда Алтанъ-Шагай-мѣргонъ взялъ свой булатный ножикъ и началъ пилить затылокъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, перепилилъ затылокъ насеквоздь и вышелъ вверхъ. Тогда взялъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая за сѣдые волосы одною рукою, а другою выдернуль съ корнями одну большую

красную лиственницу и началъ ею бить его, а Съ-рогами-Желтый-мангатхай началъ, какъ козель крича, плакать и какъ козуля пища, плакать. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргёнъ спрашивает Съ-рогами-Желтаго-мангатхая: „Куда ты дѣвалъ моихъ отца, дѣда и бабушку? Укажи ихъ“! Тогда Съ-рогами-Желтый-мангатхай, не вынося сильной боли, принужденъ былъ уступить; онъ изъ праваго своего рога вынуль его дѣда царя Баянъ-Хара и изъ лѣваго рога вынуль его отца Алтанъ-Жэлло-мэргёна и еле живыхъ отдалъ ему. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргёнъ до смерти добилъ Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, таежныя деревья собралъ съ вершинами и лѣсныя деревья собралъ съ корнями и тѣло Съ-рогами-Желтаго-мангатхая сжегъ на огнѣ, оставшися кости и пепель, сдѣлавши березовую лопату, разбросаль въ южную сторону и сдѣлавши осиновую лопату, разбросаль въ южную сторону. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргёнъ съ девяти таегъ взялъ бересту и изъ источниковъ девяти ключей взялъ воду, берестой посвятиль своихъ отца и дѣда и ключевою водою вымыль ихъ; тогда они стали по прежнему. Послѣ этого они втroeемъ поѣхали къ дому Съ-рогами-Желтаго-мангатхая, который жилъ въ черномъ желѣзномъ дворцѣ, на всѣ стороны по шестидесяти верстъ. Когда они приѣхали, то едва, едва нашли Урма-Гохонъ-хатанъ; она была заперта въ желѣзный амбаръ безъ двери; въ этотъ амбаръ были заперты три зимнихъ холода, соединенныхъ въ одинъ холодъ; кормили ее, впуская пищу въ амбаръ по жолобу. Желѣзный амбаръ сломали и выпустили Урма-Гохонъ-хатанъ, которая (отъ сидѣнья въ амбарѣ) сдѣлалась маленькая, какъ ребенокъ. Царь Баянъ-Хара съѣздилъ за берестой къ девяти тайгамъ и изъ источниковъ девяти ключей взялъ воду; по приѣздѣ привезенной берестой изъ девяти таегъ посвятиль Урма-Гохонъ-хатанъ, а потомъ вымыль ее водою изъ девяти ключей; тогда она сдѣлалась по прежнему красива и умна.

Послѣ этого они втроемъ подожгли черный желѣзный дворецъ Сърогами-Желтаго-мангатхая; всѣхъ подданныхъ, разный скотъ, золото и серебро все взяли, не оставивъ ни обрывка ремня, ни обломка ножа; едва помѣщаясь со скотомъ въ пацяхъ ъхали, едва досыта напаивая скотъ въ ручьяхъ, ъхали; такъ ъдя, пріѣхали домой. Всѣхъ подданныхъ поселили на прежнихъ мѣстахъ, весь скотъ пустили пастись на прежнихъ мѣстахъ на сѣверной сторонѣ Алтая и на возвышенныхъ мѣстахъ Хёхбя. А сами живутъ счастливо и богато. Ан хуга ашта бурханда түш!

Богатый царь Бадма

Въ прежнее счастливое и богатое время жилъ богатый царь Бадма, имѣвшій въ ъздѣ пріятнаго сиваго коня, который пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Царь Бадма имѣлъ сто тысячъ разнаго скота, который пасся на сѣверной сторонѣ и множество подданныхъ, которые жили на сѣверной сторонѣ. Онъ имѣлъ также множество разнаго скота, который пасся на южной сторонѣ и многочисленныхъ подданныхъ, которые жили на южной сторонѣ. Богатый царь Бадма имѣлъ упирающійся въ дневное небо четырехугольный бѣлый дворецъ, который былъ бѣлѣ снѣга; упирающійся въ ночное небо высокій бѣлый дворецъ, который былъ бѣлѣ бумаги. Внутри этотъ дворецъ былъ высеребренъ бѣльмъ серебромъ, по угламъ стояли изображенія бурхановъ, по стѣнамъ изображенія царей, на правой сторонѣ дворца стоялъ золото-серебряный престолъ; вокругъ дворца было три ограды, а вѣтрѣ трехъ оградъ была серебряная коновязь. Богатый царь Бадма имѣлъ трехъ женъ; двѣ старшія царицы жили въ одномъ дворцѣ, а младшая царица Намту-харакшинъ жила отдельно. Въ одно утро богатый царь Бадма говорить своимъ

тремъ женамъ: „Я поѣду на охоту; къ моему прїездѣ съ охоты пригответъ мнѣ подарокъ“. Двѣ старшія царицы говорять: „Мы пригответъ тебѣ новыя шубы, которыя будешь надѣвать въ лѣтнєе время“. А младшая царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Я къ прїездѣ твоему рожу мальчика съ золотой грудью и серебряной задницей“. Послѣ этого богатый царь Бадма вышелъ на крыльце и крикнулъ своего въ ёздѣ пріятнаго сиваго коня, который въ это время пасся на сѣверной сторонѣ Алтая. Сивый конь услышалъ голосъ своего хозяина, прибѣжалъ домой и остановился у серебряной коновязи. Тогда богатый царь Бадма беретъ сплошно-серебряный недоузокъ и какъ ребро, серебряную узду и выходитъ на улицу; сплошносеребрянымъ недоузкомъ зануздываетъ и какъ ребро, серебряной уздой обнуздываетъ сиваго коня; кладеть на него шелковый потникъ, сѣдлаетъ серебрянымъ сѣдломъ, накрѣпко подтягиваетъ десятью подпругами, крѣпко на крѣпко подтягиваетъ двадцатью подпругами и привязываетъ сиваго коня шелковымъ поводомъ къ серебряной коновязи. Послѣ этого говоритъ: „Приготовленіе коня окончилось“. Потомъ входить во дворецъ. Двѣ старшія царицы подвигаютъ золотой столъ, поставивъ на него вкусныя кушанья; подвигаютъ серебряный столъ, поставивъ на него дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма есть, какъ волкъ глотаетъ и какъ птица клюетъ. Наѣвшись, онъ всталъ изъ-за стола и началъ одѣваться. Онъ взялъ всѣ нужные для охоты орудія, вышелъ на улицу и, сѣвши на сиваго коня, поѣхалъ по направлению къ Алтаю и Хобю. На пути осмотрѣлъ свой разный скотъ, который размножился пуще прежняго. Осмотрѣвши его, поѣхалъ охотиться. По отѣїздѣ богатаго царя Бадма двѣ старшія царицы, каждая изъ нихъ сшила лѣтнюю шелковую шубу; окончивъ шитье, сшитыя шубы повѣсили, а младшая царица Намту-харакшинъ

родила сына съ золотою грудью и серебряною задницею; родившагося сына, спеленавши, положила около себя, а сама лежитъ. Двѣ старшія царицы узнавъ, что младшая царица Намту-харакшинъ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей, взяли только что родившагося чернаго щенка и пошли къ младшей царицѣ. Пришедши, незамѣтно подмѣнили, на мѣсто родившагося мальчика положили чернаго щенка, а сына съ золотой грудью и серебряною задницей взяли съ собою и вышли изъ дворца на улицу; взятаго ребенка отнесли къ черному морю и бросили его, а сами пришли домой и ждутъ прїѣзда мужа, богатаго царя Бадма.

Богатый царь Бадма охотился на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя, во время охоты убивалъ жирныхъ звѣрей, а сухихъ отпускаль; убивши многихъ звѣрей, прїѣхаль домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня, отвязалъ торока, убитыхъ звѣрей свалилъ по обѣ стороны коня и отпустилъ коня пастьись на сѣверной сторонѣ Алтая. Тогда двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, изъ убитыхъ звѣрей отдалили, что подлежитъ пищѣ и тѣхъ бросили къ пищѣ; что подлежитъ выдѣлкѣ, тѣхъ бросили къ выдѣлкѣ и послѣ этого вошли во дворецъ; войдя во дворецъ, подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставивъ на него дѣйствительно вкусныя кушанья. Богатый царь Бадма ъль, какъ птица клеваль и какъ волкъ глоталъ. Наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Послѣ этого двѣ старшія царицы показываютъ ему шубы и говорятъ: „Мы сшили тебѣ лѣтнія шелковыя шубы; ты будешь носить ихъ въ лѣтнее время“. Богатый царь Бадма надѣль на себя сшитыя шелковыя шубы; онъ какъ разъ впору ему. Онъ обрадовался, что сшили ему лѣтнія шелковыя шубы. Потомъ старшія царицы говорятъ: „Младшая твоя царица Намту-харакшинъ родила тебѣ;

бездѣтному, въ дѣти чернаго щенка, и спеленавши его, лежить въ ожиданіи тебя". Тогда богатый царь Бадма сильно разсердился, взявиши верховыи кнутъ, пошелъ къ младшей царицѣ Намту-харакшинѣ и побилъ ее кнутомъ, говоря: „Бездѣтному мнѣ родила въ дѣти чернаго щенка"!

Богатый царь Бадма жилъ такъ нѣкоторое время, а по томъ опять собирается на охоту; передъ выѣздомъ онъ спрашиваетъ у своихъ трехъ женъ, что онъ приготовить къ его прїѣзду. Двѣ старшія царицы говорятъ: „Мы приготовимъ шелковыя шубы, которая ты будешь носить въ зимнее время". А младшая царица говоритъ: „Я къ твоему прїѣзду рожу сына съ золотою грудью и серебряною задницей". Послѣ этого богатый царь Бадма уѣхалъ на охоту на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѣхѣя. Послѣ отѣѣзда богатаго царя Бадма двѣ старшія царицы сшили двѣ шелковыя шубы, какія носять въ зимнее время и приготовленныя шубы повѣсили. Младшая царица Намту-харакшинѣ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей, спеленала родившагося сына, положила его около себя, а сама лежитъ. Двѣ старшія царицы, узнавши, что младшая царица Намту-харакшинѣ родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей, взяли съ собою чернаго щенка и понесли къ ней; родившагося у нея сына съ золотою грудью и серебрянною задницею незамѣтно взяли, на его мѣсто положили принесенаго чернаго щенка, потомъ пошли къ черному морю и бросили въ него мальчика съ золотою грудью и серебряною задницей, а сами пришли во дворецъ и ждутъ прїѣзда мужа, богатаго царя Бадма. Охотившійся на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя богатый царь Бадма убилъ множество звѣрей; жирныхъ онъ убивалъ, а сухихъ отпускаль. Набивъ звѣрей, онъ прїѣхалъ домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня,

развязавши торона, свалилъ убитыхъ звѣрей и сиваго коня отпустилъ на сѣверную сторону Алтая. Двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, изъ убитыхъ звѣрей подлежащихъ пищѣ бросили къ пищѣ, подлежащихъ выдѣлкѣ бросили къ выдѣлкѣ. Потомъ вошли во дворецъ, подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья и подвинули серебряный столъ, поставивъ на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья. Богатый царь Бадма Ѳль, какъ птица клевалъ и какъ волкъ, глоталъ. Наѣвшись, всталъ изъ-за стола. Тогда двѣ старшія царицы взяли приготовленныя шелковыя шубы и подали своему мужу; онъ надѣлъ шелковыя шубы,—какъ разъ впору. Тогда онъ обрадовался. Двѣ старшія царицы говорятъ: „Твоя младшая царица Намту-харакшинъ тебѣ бездѣтному въ дѣти родила чернаго щенка и, спеленавъ его, лежитъ“. Богатый царь Бадма сильно разсердился, взялъ верховыи кнутъ, пошелъ къ младшей царицѣ и побилъ ее кнутомъ, говоря: „Бездѣтному мнѣ въ дѣти родила чернаго щенка“! Побивши ее ибросивши, ушелъ къ двумъ старшимъ царицамъ.

Такъ жиль богатый царь Бадма. Нѣсколько времени спустя онъ опять собрался на охоту; тогда двѣ старшія царицы подвинули золотой столъ, поставивъ на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставивъ на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма Ѳль, какъ птица клевалъ и какъ волкъ глоталъ и наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Потомъ говорить своимъ тремъ царицамъ: „Что приготовите къ моему прїѣзду“? Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Мы приготовимъ лисы легкія шапки“, а младшая царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Я къ твоему прїѣзду рожу тебѣ сына съ золотою грудью и серебряною задницей“. Послѣ этого богатый царь Бадма выходитъ изъ дворца; сѣвши на сиваго коня, онъ уѣхалъ на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѣхѣя.

Послѣ того, какъ богатый царь Бадма уѣхалъ на охоту, двѣ старшія царицы сшили двѣ лисьи легкія шапки и по-вѣсили. Младшая царица родила сына съ золотою грудью и серебряною задницей; она взяла сына и спрятала въ рукавъ, а чернаго щенка запеленала въ пеленки и положила около себя и сама лежитъ. Двѣ старшія царицы взяли чернаго щенка и пошли къ младшей царицѣ, нашли возлѣ нея чернаго щенка въ пеленкахъ взяли его незамѣтно, на его мѣсто положили щенка, котораго принесли съ собой, а сами пошли къ черному морю и бросили въ него взятаго чернаго щенка. Потомъ онѣ пришли во дворецъ и сидѣть въ ожиданіи мужа, богатаго царя Бадма, который охотился на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя. Онъ убилъ много звѣрей; жирныхъ звѣрей онъ убивалъ, а сухихъ отпускалъ. Убивши много звѣрей, онъ пріѣхалъ домой, остановился у серебряной коновязи, слѣзъ съ коня, развязалъ торока, убитыхъ звѣрей свалилъ по обѣ стороны коня и коня отпустилъ пастьись на сѣверную сторону Алтая. Двѣ старшія царицы вышли на встрѣчу, убитыхъ звѣрей, подлежащихъ пищѣ, бросили къ пищѣ и подлежащихъ выдѣлкѣ, бросили къ выдѣлкѣ. Послѣ этого вошли во дворецъ, тамъ подвинули золотой столъ и поставили на немъ вкусныя кушанья, подвинули серебряный столъ, поставили на немъ дѣйствительно вкусныя кушанья; богатый царь Бадма быль, какъ птица клевалъ и какъ волкъ глоталъ; наѣвшись, вышелъ изъ-за стола. Тогда двѣ старшія царицы принесли ему приготовленныя легкія лисьи шапки; онъ надѣль ихъ на голову—какъ разъ въ пору. Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался. Въ это время двѣ старшія царицы говорять: „Твоя младшая царица Намту-харакшинъ тебѣ бездѣтному въ дѣти опять родила чернаго щенка“. Тогда богатый царь Бадма сильно разсердился, схватилъ вер-

ховый кнутъ, прибѣжалъ къ младшей царицѣ, избилъ ее кнутомъ, потомъ зашилъ ее въ бычью кожу, потомъ положилъ въ желѣзную бочку и вкатилъ въ черное море. Послѣ этого богатый царь Бадма жилъ съ двумя старшими царницами.

Младшая царица Намту-харакшинъ, защита въ бычью кожу и положенная въ желѣзную бочку, катится по дну чернаго моря. Спрятанный ею въ рукавѣ сынъ съ золотою грудью и серебряною задницей съ каждымъ днемъ и съ каждой ночью растетъ въ бочкѣ болѣе и болѣе. Однажды онъ говоритъ матери: „Почему мы все и днемъ и ночью живемъ въ темнотѣ, безъ травы и солнца и отчего всегда катимся“? Тогда его мать царица Намту-харакшинъ говоритъ ему: „По глупости твоего отца, и по зависти двухъ старшихъ царницъ мы катимся въ желѣзной бочкѣ по дну чернаго моря“. Тогда этотъ мальчикъ начинаетъ кричать, призывая небесныхъ боговъ, чтобы они освободили его и его мать изъ желѣзной бочки. Небесные боги услыхали крикъ и призываніе; на лунѣ сдѣлали хороший суглань и на Плеядахъ сдѣлали мѣткій суглань; на сугланѣ они открыли материнское желе-
тое священное писаніе и читаютъ его. Въ немъ вычитывается, что младшая царица Намту-харакшинъ съ младшимъ сыномъ, защищая въ бычье кожѣ, катится по дну чернаго моря. Тогда небесные бурханы (боги) сдѣлали такъ, что желѣзная бочка со дна моря выкатилась на островъ. Когда бочка выкатилась, младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ узналъ, что желѣзная бочка выкатилась на сухое мѣсто; онъ ночью разбилъ бочку и разорвалъ бычью кожу, въ которой они были защиты. Когда они вышли на островъ, то съ помощью волшебной и таинственной силы онъ устроилъ большой и прекрасный дворецъ, въ которомъ царица Намту-харакшинъ стала жить съ своимъ младшимъ сыномъ. Въ одно утро

младшій сынъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинѣ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Томо-Улана; они будутъ просить показать дорогу къ богатому царю Бадма; тогда ты скажи имъ: дорогу не знаю, спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка“. Послѣ этого младшій сынъ выходитъ на улицу, обращается въ желтаго щенка и лежитъ подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя во дворецъ входятъ три табунщика царя Томо-Улана и спрашиваютъ о дорогѣ къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-харакшинѣ говоритъ: „Я не знаю дороги; выходите на улицу, тамъ подъ крыльцомъ лежитъ желтый щенокъ, у него спросите, онъ знаетъ дорогу и укажетъ вамъ“. Три табунщика царя Томо-Улана вышли изъ дворца на улицу и спрашиваютъ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка: „Укажи намъ дорогу къ богатому царю Бадма“. Тогда желтый щенокъ, лежащій подъ крыльцомъ, вытягивается изъ подъ крыльца, выходитъ и ведеть трехъ табунщиковъ по направленію къ богатому царю Бадма. Когда дошли до половины дороги, то желтый щенокъ указалъ дворецъ богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ домой; на пути обратился въ черную муху и улетѣлъ за табунщиками, догналъ ихъ и сѣлъ на спинѣ одного изъ нихъ. Эти три табунщика прѣѣхали ко дворцу богатаго царя Бадма; царь разсердился на нихъ, что долгоѣхали. Тогда три табунщика говорятъ: „Мы заблудились и попали на островъ чернаго моря, гдѣ стоитъ прекраснѣйшій дворецъ; смотря на этотъ дворецъ, мы незамѣтно провели три дня“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Это ничего. Прямо на южной сторонѣ, на берегу большого моря стоитъ вѣчнозеленѣющая береза, которая зимой и лѣтомъ въ зеленыхъ листьяхъ; на этой березѣ гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ, которые поютъ и играютъ круглый годъ. Если бъ вы эту березу увидали, то что было

бы съ вами“? Тогда черная муха, сидѣвшая на спинѣ однаго табунщика, услыхавъ этотъ разсказъ, улетѣла домой и обратилась въ человѣка. Входя во дворецъ, онъ говорить своей матери Намту-харакшинъ: „Я слышалъ, что прямо на южной сторонѣ, на берегу большого моря стоитъ вѣчнозеленая береза, на которой гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ, которые поютъ и играютъ круглый годъ. Я пойду и привнесу эту березу“. Тогда его мать говоритъ: „Ты еще маленький, путь дальний, тебѣ нельзя еще итти“. На другое утро младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ собрался въ дорогу, взять въ руки трость и, опираясь на нее, отправился прямо въ южную сторону. Нѣсколько времени спустя онъ приходитъ къ берегу большого моря; дѣйствительно, на берегу большого моря стоитъ одна большая и вѣчнозеленѣющая береза, на которой гнѣздится семьдесятъ разныхъ птицъ поющихъ и играющихъ. Этотъ младшій сынъ обратился въ тринацдцать черныхъ мышей; эти мыши и подрыли землю подъ корнями этой березы; ни одного корня не испортили и не оторвали, когда рыли землю подъ березою. Послѣ этого, обратившись снова въ человѣка, онъ поднялъ эту березу съ корнями, положилъ на голову и принесъ домой со всѣми семидесятью разными птицами. Онъ посадилъ ее около дворца; принесенная береза на новомъ мѣстѣ растетъ еще лучше прежняго и по прежнему на этой березѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ, которые поютъ и играютъ круглый годъ.

Въ одно утро младшій сынъ говоритъ своей матери Намту-харакшинъ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Томб-Улана, они будутъ спрашивать о дорогѣ къ богатому царю Бадма; ты скажи, что не знаешь дороги, пусть спросить лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка“. Послѣ этого онъ выходитъ на улицу и, обратившись въ желтаго щенка, ло-

жится подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя приходятъ три табунщика, входятъ во дворецъ, просятъ указать дорогу къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-харакшинъ говоритъ имъ: „Я не знаю дороги къ богатому царю Бадма, спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка; онъ покажетъ вамъ дорогу“. Три табунщика выходятъ на улицу и спрашиваютъ о дорогѣ у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ; щенокъ, вытягиваясь, выходитъ изъ-подъ крыльца и ведетъ ихъ по направленію къ богатому царю Бадма. Пройдя половину разстоянія, онъ показалъ имъ дворецъ богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ обратно домой; по дорогѣ обратился въ черную муху; муха полетѣла за табунщиками, догнала ихъ и сѣла одному изъ нихъ на спину. Эти три табунщика пріѣхали къ дворцу богатаго царя Бадма и вошли во дворецъ. Тогда богатый царь Бадма на нихъ разсердился, что они долгоѣздили. Три табунщика говорятъ: „Мы по дорогѣ заблудились и попали на островъ чернаго моря; на этомъ острову стоять красивый дворецъ и около дворца растеть вѣчнозеленѣющая береза, на березѣ гнѣздится семидесять разныхъ птицъ, которые поютъ и играютъ круглый годъ. Смотря на нихъ, мы незамѣтно простояли три дня, почему долго промедлили“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Прямо на сѣверной сторонѣ есть большая свинья Хадарганъ, которая носомъ пашетъ землю, сѣвть хлѣбъ и хвостомъ боронитъ круглый годъ; подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино; гуляя, вино пьютъ. Что было бы съ вами, если бы вы посмотрѣли на эту свинью“? Тогда черная муха, сидѣвшая на спинѣ одного табунщика, полетѣла домой и снова обратилась въ человѣка; входя во дворецъ, этотъ человѣкъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинѣ: „Я слышалъ, прямо на сѣверной сторонѣ есть одна большая

свинья Хадаргань, которая носомъ пашетъ землю, сбеть хлѣбъ и хвостомъ боронить круглый годъ, а подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой гонять вино и вино, гуляя, пьютъ. Я пойду къ этой свиньѣ и приведу ее домой". Тогда мать царица Намту-харакшинъ говоритъ: „Эта свинья очень сильная и сердитая, ты съ нею не управишься. Не ходи! ты еще молодъ". На другое утро младшій сынъ, взявши трость и опираясь на нее, отправился прямо въ сѣверную сторону. Нѣсколько времени спустя онъ приходитъ въ мѣстность, где дѣйствительно видитъ одну большую свинью Хадаргань, которая носомъ пашетъ замлю, сбеть хлѣбъ и боронить хвостомъ; подданные этотъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино и, гуляя, вино пьютъ. Эта свинья Хадаргань ѓсть одно дерево, которымъ только и питается. Этотъ младшій сынъ царицы Намту-харакшинъ набралъ этихъ деревьевъ съ корнями и, маня и кормя эту свинью Хадаргань этими деревьями, привелъ ее домой со всѣми подданными. Тогда эта большая свинья со своими подданными поселилась около дворца младшаго сына царицы Намту-харакшинъ и по прежнему носомъ пашетъ землю, сбеть хлѣбъ и хвостомъ боронить круглый годъ, а подданные жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ которой выгоняютъ вино и, гуляя, вино пьютъ.

Въ одно утро младшій сынъ говоритъ своей матери царицѣ Намту-харакшинѣ: „Сегодня придутъ три табунщика царя Томб-Улана, будутъ спрашивать о дорогѣ къ богатому царю Бадма; ты скажи, что не знаешь дорогу; спросите на улицѣ у лежащаго подъ крыльцомъ желтаго щенка". Послѣ этого онъ вышелъ на улицу, обратился въ желтаго щенка и лежитъ подъ крыльцомъ. Нѣсколько времени спустя приходятъ три табунщика, входятъ во дворецъ и спрашиваютъ о дорогѣ къ богатому царю Бадма. Тогда царица Намту-ха-

ракшинъ говоритъ: „Я не знаю дорогу, выходите на улицу и тамъ спросите у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ. Онъ знаетъ дорогу“. Тогда три табунщика вышли изъ дворца и спрашиваютъ о дорогѣ у желтаго щенка, лежащаго подъ крыльцомъ. Щенокъ вытягивается, выходитъ изъ-подъ крыльца и ведетъ ихъ по направлению къ богатому царю Бадма. Доведя ихъ до половины дороги, онъ показалъ имъ дворецъ богатаго царя Бадма, а самъ пошелъ обратно домой, по дорогѣ обратился въ черную муху. Муха полетѣла за тремя табунщиками, догнала ихъ и сѣла на спинѣ одного изъ табунщиковъ. Табунщики пріѣхали ко дворцу богатаго царя Бадма, слѣзли съ коней и вошли во дворецъ. Богатый царь Бадма разсердился на нихъ, что долгоѣхали. Три табунщика царя Томё-Улана говорятъ: „Мы по дорогѣ заблудились и попали на островъ чернаго моря, гдѣ увидѣли красивый дворецъ, во злѣ дворца растетъ вѣчнозеленѣющая береза, на которой семьдесятъ разныхъ птицъ гнѣздятся, выводятъ птенцовъ и круглый годъ поютъ и играютъ; кроме того около дворца одна большая свинья Хадарганъ несомъ пашетъ землю, сѣеть хлѣбъ и хвостомъ боронить; этотъ хлѣбъ всѣ поданные жнутъ, молотятъ, мелютъ на муку, изъ муки выгоняютъ вино, которое, гуляя, пьютъ. На это смотря, провели три дня“. Тогда двѣ старшія царицы говорятъ: „Это ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что есть на концѣ чернаго моря. Тамъ есть желѣзный дворецъ въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ; въ этомъ дворцѣ живутъ два нагіе мальчика; они выходятъ изъ дворца и каждый изъ нихъ поднимается на отдельную гору; поднявшись, они играютъ, бросая другъ въ друга горами. Около нихъ стоитъ одна черная собака на цѣпи; эта черная собака кругомъ бѣгаєть на разстояніи версты, ловитъ разныхъ звѣрей и ёсть ихъ. Что было бы съ вами, если бы вы это посмотрѣли“? Послѣ этого черная муха,

сидѣвшая на спинѣ одного табунщика, вылетѣла изъ дворца и прилетѣла домой, и здѣсь обратилась въ человѣка, какъ прежде. Послѣ этого онъ входитъ во дворецъ и говорить своей матери царицѣ Намту-харакшинѣ: „На концѣ чернаго моря стоитъ желѣзный дворецъ въ длину и ширину шестьдесятъ верстъ, въ этомъ дворцѣ живутъ два нагіе мальчика, которые, выйдя изъ желѣзного дворца, поднимаются на двѣ разныя горы и играютъ, бросая другъ въ друга горами. Около нихъ стоитъ черная собака на цѣли; она бѣгааетъ кругомъ на разстояніи версты, ловить разныхъ звѣрей и ёсть. Я пойду къ нимъ и приведу ихъ домой“! Тогда его мать царица Намту-харакшинѣ говоритъ: „Ты еще маленький, не можешь съ ними управиться. Подожди немногого“! Младшій сынъ говоритъ: „Пойду непремѣнно и приведу ихъ“! Тогда его мать царица Намту-харакшинѣ надоила своего молока, испекла на немъ два калача и отдала младшему сыну. На другое утро младшій сынъ царицы Намту-харакшинѣ, взявши трость, опираясь на нее, отправился пѣшкомъ по берегу чернаго моря; черезъ нѣсколько времени онъ дошелъ до конца чернаго моря; дѣйствительно стоитъ желѣзный дворецъ длиною и шириной шестьдесятъ верстъ. Изъ этого дворца вышли два нагіе мальчика, поднялись на отдѣльныя горы и начали играть, бросая другъ въ друга горами, какъ мячиками. Около нихъ на цѣли бѣгааетъ одна большая черная собака на разстояніи версты, ловить разныхъ звѣрей и ёсть сама. Этотъ младшій сынъ царицы Намту-харакшинѣ незамѣтно входитъ въ желѣзный дворецъ, въ которомъ на столѣ стоятъ разныя кушанья; онъ съѣлъ ихъ, положилъ на столъ принесенные калачи, а самъ влезъ въ подполье и тамъ спрятался. Нѣсколько времени спустя эти два нагіе мальчика входятъ во дворецъ, смотрятъ, на столѣ ничего не оказывается, лежать только два калача; они взяли каждый по калачу. Старшій два раза

укусиль и съѣль, а младшій одинъ разъ укусиль и съѣль, потомъ смотрять другъ на друга и спрашиваются другъ друга: „Что ты узналъ? „А ты что узналъ? Старшій нагой мальчикъ говорить: „Я два раза сосаль материнское молоко, вкусъ котораго находится въ этомъ калачѣ“. А младшій нагой мальчикъ говорить: „Я одинъ разъ сосалъ молоко моей матери, вкусъ котораго въ этомъ калачѣ“. Послѣ этого каждый изъ нихъ съѣль свой калачъ, а потомъ они говорятъ другъ другу: „Должно быть пришла наша мать“?

Эти два нагіе мальчика начали искать въ жѣлѣзномъ дворцѣ и подѣзли въ подполье, гдѣ и нашли младшаго сына царицы Намту-харакшинъ. Тогда они узнали, что они родные братья, что они дѣти богатаго царя Бадма и что мать ихъ младшая царица Намту-харакшинъ. Тогда они собрались итти къ матери, взяли большую черную собаку и повели ее за собою по берегу чернаго моря и такъ пришли домой къ своей матери. Когда они пришли, то мать ихъ царица Намту-харакшинъ сильно обрадовалась; съ этого времени она стала жить съ тремя своими сыновьями на своемъ островѣ. Потомъ эти три мальчика собралисьѣхать къ своему отцу богатому царю Бадма; они въ одинъ день поѣхали, на дорогѣ, немного не доѣзжая, остановились ночевать, развели большой огонь, около котораго и ночевали. На другое утро богатый царь Бадма увидѣлъ этотъ огонь и послалъ человѣка, которому приказалъ пригласить ночевавшихъ, чтобы они заѣхали къ нему въ гости. Посланный человѣкъ прїѣхалъ и проситъ этихъ трехъ мальчиковъ заѣхать къ богатому царю Бадма. Эти три мальчика согласились. „Если насть приглашаетъ самъ царь, сказали они, то намъ, простымъ людямъ, сидѣть нечего“. Послѣ этого встали, сѣли на своихъ коней и поѣхали къ богатому царю Бадма. Прїѣхавъ, остановились у серебряной коновязи, привязали къ ней шелковыми пово-

дами своихъ коней, а сами вошли во дворецъ и здороваются. Тогда богатый царь Бадма посадилъ ихъ на правой сторонѣ дворца на серебряномъ престолѣ и спрашиваетъ: „Откуда вы єдете, куда путь держите и какъ васть зовутъ“? Эти три мальчика говорятъ: „Мы живемъ на островѣ чернаго моря, мать нашу зовутъ царицей Намту-харакшинъ, а отца не знаемъ. По слухамъ, по людскимъ словамъ, отецъ нашъ богатый царь Бадма, котораго мы поѣхали искать“.

Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался, вставши съ мѣста, не знаетъ, что всталъ и сѣвши, не знаетъ, что сѣлъ. Въ это время онъ говоритъ: „Я думалъ, что я не имѣю сыновей, а оказывается имѣю трехъ прекрасныхъ сыновей, которыхъ не зналъ“. Потомъ богатый царь Бадма отъ трехъ своихъ сыновей разспросилъ все и узналъ всѣ хитрыя злодѣйства двухъ старшихъ царичъ; онъ сильно на нихъ разсердился и спрашиваетъ ихъ: „Любы ли вамъ хвосты семидесяти соловыхъ кобыль и вершины семидесяти красныхъ лиственницъ“? Двѣ старшія царицы говорятъ: „Если мы будемъ доить семьдесятъ соловыхъ кобыль, то молокомъ ихъ будемъ сыты, а если будемъ топить (дворецъ) дровами отъ семидесяти лиственницъ, то будемъ сидѣть въ теплѣ“. Богатый царь Бадма одну старшую жену привязалъ къ хвостамъ семидесяти соловыхъ кобыль; привязавъ, кобыль отпустили и крикнули; семьдесятъ соловыхъ кобыль разорвали ее на семьдесятъ частей и убѣжали въ разныя стороны. Другую старшую царицу привязали къ вершинамъ семидесяти красныхъ лиственницъ и вершины отпустили; вершины семидесяти лиственницъ выпрямились и разорвали ее на семьдесятъ частей. Всѣ разорванныя части поклевали сороки и вороны. Послѣ этого три сына богатаго царя Бадма переехали къ отцу своему; дворецъ, березу, свинью Хадарганъ и черную собаку привели съ собой. Богатый царь Бадма сталъ жить съ млад-

шею царирей Намту-харакшинъ и съ тремя своими сыновьями. Онъ живеть очень счастливо и богато. Ан хуга ашта бурханда туше.

Ангахай-мёргёнъ

Въ прежнее время жилъ одинъ парень, который былъ сирота и быть очень сильный; онъ родился такимъ сильнымъ. Его звали Ангахай-мёргономъ. Онъ не могъ удержать свою силу, пошелъ странствовать по разнымъ землямъ и разыскивать другихъ сильныхъ людей. Разъ онъ ходилъ по одной неизвѣстной мѣстности и видить, что одинъ сильный человѣкъ выдергиваетъ растущія лиственницы; хватая ихъ за верхушки и выдернувъ съ корнями, онъ бросаетъ ихъ на сторону. Поздоровавшись съ нимъ, Ангахай-мёргонъ спрашиваетъ: „Какъ тебя зовутъ“? Тогда этотъ неизвѣстный и сильный человѣкъ отвѣчаетъ: „Меня зовутъ Шонхёши-бѣхѣ*). Ангахай-мёргонъ говоритъ: „Ты родился этакимъ сильнымъ человѣкомъ“? Шонхёши-бѣхѣ говоритъ: „Если бы ты видѣлъ самого Ангахай-мёргона, что-бы ты тогда сказалъ“! Ангахай-мёргонъ говоритъ: „Побратимся, будемъ жить, ходить и помогать другъ другу“! Послѣ этого они сдѣлались братьями и далѣе пошли вмѣстѣ. Они ходили по разнымъ мѣстамъ и однажды подходятъ къ одному человѣку, который выдергиваетъ большія сосны; хватаетъ сосны за верхушки и, выдернувъ съ корнями, бросаетъ въ разныя стороны. Они поздоровались съ нимъ. Ангахай-мёргонъ говоритъ: „Какой ты сильный человѣкъ? выдергиваешь сосны съ корнями и бросаешь въ разныя стороны“! Тогда этотъ неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если бъ вы увидѣли самаго Ангахай-мёрг-

*.) Бѣхѣ „силачъ“.

гёна, то что сказали бы“? Ангахай-мёргёнъ спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ“? Тогда этотъ человѣкъ говоритъ: „Меня зовутъ Нархаши-бѣхѣ“. Тогда Ангахай-мёргёнъ говоритъ: „Побратимся! Будешь ли ходить съ нами вмѣстѣ“? Нархаши-бѣхѣ согласился. Всѣ трое побратились, Ангахай-мёргёнъ сдѣлался старшимъ братомъ, Шонхѣши-бѣхѣ среднимъ братомъ и Нархаши-бѣхѣ младшимъ братомъ. Всѣ они втроемъ пошли въ тайгу и выстроили въ ней домъ; въ этомъ домѣ они жили и охотились за звѣрями, мясомъ которыхъ они питались. Они охотились поочередно; одинъ остается домовничать, а двое охотятся на звѣрей. Однажды два старшіе брата Ангахай-мёргёнъ и Шонхѣши бѣхѣ пошли охотиться на звѣрей, а домовничать остался младшій братъ Нархаши-бѣхѣ, который вечеромъ къ приходу старшихъ братьевъ долженъ быть приготовить ужинъ. Нархаши-бѣхѣ вечеромъ вариТЬ ужинъ, а самъ сидѣть, заложивши дверь на крюкъ, дожидаясь возвращенія своихъ старшихъ братьевъ. Мясо сварилось совсѣмъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь“! Нархаши-бѣхѣ кричитъ: „Не отворю! убирайся далъе“! Тогда неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ“. Нархаши-бѣхѣ говоритъ: „Не отворю“. Тогда неизвѣстный человѣкъ опять кричитъ ему: „Отворяй дверь, а то сломаю“! Послѣ этого онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючокъ сломался; входить неизвѣстный человѣкъ, стариkъ вышиною съ четверть, борода его длинѣе четверти, а глаза его величиною съ чашки; такой маленький стариkъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ пойсть мяса“. Нархаши-бѣхѣ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса. Едва самъ приготовилъ и сварилъ его къ приходу двухъ старшихъ братьевъ“. Тогда этотъ неизвѣстный стариkъ говоритъ: „Если не дашь мяса, то силою от-

беру и съемъ". Нархаши говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса! убирайся вонъ отсюда“! Тогда этотъ неизвѣстный старикъ достаетъ безъ позволенія мясо изъ котла и говоритъ: „Буду есть мясо“. Тогда Нархаши-бѣхъ съ неизвѣстнымъ старикомъ началъ бороться и воевать; черезъ нѣсколько времени неизвѣстный старикъ побѣдилъ Нархаши-бѣхъ. Этотъ неизвѣстный старикъ, поднявши уголь дома, сунулъ туда побѣжденаго Нархаши-бѣхъ и прижалъ его между угломъ и землей, а самъ сѣѣль все мясо и ушелъ. Послѣ его ухода Нархаши-бѣхъ едва, едва вырвался и освободился изъ-подъ угла дома, подъ которымъ былъ прижатъ. Освободившись изъ подъ угла, онъ началъ снова варить мясо. Въ это время пришли съ охоты два старшіе брата Ангахай-мѣргонъ и Шонхёши-бѣхъ и говорятъ: „Какъ ты поздно началъ варить мясо? еще не сварилось до сихъ поръ“! Нархаши-бѣхъ говоритъ: „Съ утра у меня заболѣла голова. Оттого я поздно сварилъ мясо“. Когда сварилось мясо, они сѣѣли его и легли спать.

На другое утро домовничать остался средній братъ Шонхёши-бѣхъ, а Ангахай-мѣргонъ и Нархаши-бѣхъ пошли на охоту. Шонхёши-бѣхъ къ вечеру сварилъ мясо, дверь заперъ на крюкъ, а самъ сидѣть, дожинаясь возвращенія двухъ братьевъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь“! Шонхёши-бѣхъ въ отвѣтъ кричитъ ему: „Не отворю! убирайся дѣлѣе“! Тогда неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ“. Шонхёши-бѣхъ говоритъ: „Не отворю“. Тогда неизвѣстный человѣкъ опять кричитъ ему: „Отворяй дверь, а то сломаю“! Потомъ онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючекъ сломался; входитъ неизвѣстный человѣкъ, старикъ вышиною съ четверть, борода его длиною болѣе четверти, и глаза его

величиною съ чашки; такой маленький старикъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ поѣсть мяса“! Шёнхёши-бѣхѣ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса; едва самъ приготовилъ и сварилъ мясо къ приходу двухъ старшихъ братьевъ“. Этотъ неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не дашь мяса, силою отберу и съѣмъ“. Шёнхёши-бѣхѣ говоритъ: „Не дамъ тебѣ мяса! убирайся вонъ отсюда“! Этотъ неизвѣстный старикъ безъ позволенія достаетъ изъ котла мясо и говоритъ: „Буду Ѣсть мясо“! Тогда Шёнхёши-бѣхѣ съ неизвѣстнымъ маленькимъ старикомъ началъ бороться и воевать; черезъ нѣсколько времени неизвѣстный маленький старикъ едва, едва побѣдилъ Шёнхёши-бѣхѣ, поднявши уголь дома, едва засунули его туда и прижалъ въ углу, потомъ съѣлъ все мясо и ушелъ. Послѣ ухода старика Шёнхёши-бѣхѣ едва, едва вырвался и освободился изъ-подъ угла дома, подъ которымъ былъ прижатъ. Освободившись изъ-подъ угла, онъ снова началъ варить мясо. Въ это время пришли съ охоты два брата Ангахай-мѣргонъ и Нархаши-бѣхѣ и говорятъ: „Какъ ты поздно началъ варить мясо? оно еще не поспѣло“. Шёнхёши-бѣхѣ говоритъ: „Съ самаго утра у меня болитъ голова. Оттого я поздно сварилъ мясо“. Когда сварилось мясо, они съѣли его и легли спать.

На другое утро домовничать остался старшій братъ Ангахай-мѣргонъ, а двое младшихъ братьевъ Шёнхёши-бѣхѣ и Нархаши-бѣхѣ пошли на охоту. Ангахай-мѣргонъ къ вечеру сварилъ мясо, дверь заперъ на крюкъ, а самъ сидитъ, ожидая возвращенія двухъ младшихъ братьевъ. Въ это время одинъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ двери и кричитъ: „Отвори дверь“! Ангахай-мѣргонъ въ отвѣтъ кричитъ: „Не отворю! убирайся далѣе“! Тогда неизвѣстный человѣкъ говоритъ: „Если не отворишь, то сломаю дверь и войду въ домъ“. Ангахай-мѣргонъ говоритъ: „Не отворю“! Тогда неиз-

вѣстный человѣкъ опять кричитъ ему: „Отвори дверь, а то сломаю“! Потомъ онъ дернулъ дверь такъ сильно, что крючекъ сломался и входить неизвѣстный человѣкъ, старикъ вышиною съ четверть, борода длиною болѣе четверти, а глаза величиною съ чашки. Такой маленький старикъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Парень, дай мнѣ поѣсть мяса“! Ангахай-мѣргбнъ говоритъ: „Убирайся вонъ! не дамъ тебѣ мяса! Я тебѣ не работникъ варить мясо“. Тогда этотъ неизвѣстный старикъ говоритъ: „Если ты не дашь мяса, силою отберу и съѣмъ“. Онъ безъ позволенія достаетъ изъ котла мясо и начинаетъ єсть. Тогда Ангахай мѣргбнъ сильно разсердился на неизвѣстнаго старика, и началъ съ нимъ бороться и воевать; черезъ нѣсколько времени Ангахай-мѣргбнъ едва, едва побѣдилъ старика, вытащилъ его на улицу и повѣсилъ на дерево за бороду. Самъ вошелъ обратно въ домъ, хорошенько сварилъ мясо и ждетъ двухъ младшихъ братьевъ съ охоты. Когда два младшіе брата пришли, они втроемъ начали єсть свареное мясо. Въ это время Ангахай-мѣргбнъ говоритъ своимъ братьямъ: „Я одного неизвѣстнаго старика повѣсила за бороду на дерево, идите и посмотрите на него“. Окончивъ єсть мясо, братья вышли посмотреть на этого неизвѣстнаго старика, но онъ, оторвавъ бороду, ушелъ и на деревѣ осталась только его борода. На другое утро втроемъ Ангахай-мѣргбнъ, Шонхбши-бѣхѣ и Нархashi-бѣхѣ пошли по слѣдамъ неизвѣстнаго старика, которые прошли прямо къ одному большому, четырехугольному, величиною съ быка камню; этотъ камень онъ своротилъ на сторону и самъ ушелъ въ яму подъ землю. Всѣ трое достали много веревокъ, связали ихъ одна къ другой и Ангахай-мѣргбнъ одинъ конецъ веревки привязалъ вокругъ своего тѣла и спустился въ эту яму подъ землю, а два младшіе брата Шонхбши-бѣхѣ и Нархashi-бѣхѣ остались на верху ямы, держа другой конецъ ве-

ревки; они постепенно опускали Ангахай-мёргёна вниз въ яму. Ангахай-мёргёнъ спустился въ нижнюю землю (додо зомби), гдѣ точно такая же земля, какъ и наша. Когда онъ спустился на нижнюю землю, то отвязать конецъ веревки и пошель по нижней землѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ обратился въ комнатную муху и полетѣть прямо къ дому мангатхая, влетѣть въ его домъ и подслушиваетъ, что будетъ говорить мангатхай, который лежалъ съ оторваною бородой и охалъ. Этотъ мангатхай имѣлъ трехъ женъ, которыхъ тутъ же сидѣли. Мангатхай спрашивается у старшей жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Тогда старшая жена говоритъ: „Къ намъ идетъ воевать Ангахай-мёргёнъ, который скоро придетъ и будетъ воевать съ тобою. Я сдѣлаю такой сильный жаръ, что лошадиный навозъ будетъ кипѣть отъ него; тогда я буду сидѣть около дороги, по которой къ намъ придетъ Ангахай-мёргёнъ; около меня будетъ протекать ручей. Ангахай-мёргёнъ, проходя мимо меня, отъ сильнаго жара захочетъ пить воды; я предложу ему воду изъ ручья; когда онъ выпьетъ эту воду, тогда я ему сдѣлаю одно“. Потомъ мангатхай спрашивается у средней жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Тогда средняя жена говоритъ: „Я сдѣлаю сильный холодъ, отъ котораго будутъ трескаться рога быка. Въ это время я буду сидѣть около дороги, по которой придетъ къ намъ Ангахай-мёргёнъ, около себя разведу огонь; когда Ангахай-мёргёнъ, проходя мимо меня, отъ холода замерзнетъ, тогда будетъ грѣться около моего огня; въ это время я сдѣлаю одно“. Потомъ мангатхай спрашивается у младшей жены: „Ты какое имѣешь превращеніе и что знаешь“? Младшая жена говоритъ: „Я сдѣлаюсь густымъ кустарникомъ, такимъ, что тоненькая змѣя не можетъ проползти въ немъ. Ангахай-мёргёнъ, подходя къ густому кустарнику, задумаетъ вырубить себѣ черень для бича.

Въ это время я сдѣлаю одно". Такъ разговаривая, сидѣли три жены съ мужемъ мангатхаемъ.

Обратившійся въ комнатную муху Ангахай-мѣргонъ, выслушавъ разговоръ мангатхая съ тремя женами, вылетаетъ изъ дома мангатхая, прилетаетъ обратно и опять дѣлается человѣкомъ по прежнему. Сдѣлавшись человѣкомъ, онъ пошелъ по направленію къ дому мангатхая. Въ это время вдругъ сдѣлался такой сильный жаръ, что лошадиный навозъ закипѣлъ; на его дорогѣ сидѣть одна женщина, около которой течетъ ручей. Ангахай-мѣргонъ проходитъ мимо этой женщины; она кричитъ ему: „Парень, парень! подойди сюда. Я утоляю жажду жаждущихъ. Выпей воду и утоли жажду“! Тогда Ангахай-мѣргонъ говоритъ ей: „Я не хочу пить“! Онъ пошелъ далѣе. Въ это время сдѣлался такой сильный холодъ, что растрескались рога быка; на дорогѣ сидѣть одна женщина, около которой разведенъ огонь. Ангахай-мѣргонъ проходитъ мимо этой женщины, а она ему кричитъ: „Парень, парень! подходи къ огню и грѣйся. Я замерзшихъ отъ холода грѣю“. Тогда Ангахай-мѣргонъ говоритъ: „Я не замерзъ“. Онъ пошелъ далѣе. На дорогѣ стоять такая густая чаща кустарника, что черезъ нее не проползеть тоненькая змѣя. Ангахай мѣргонъ остановился было срубить одинъ кустъ на черень бича, но въ это время вспомнилъ слова младшей жены мангатхая и потому пошелъ далѣе. Потомъ онъ приходитъ къ дому мангатхая, входить въ домъ; мангатхай лежитъ въ немъ больной. Ангахай-мѣргонъ убилъ мангатхая, тѣло его сжегъ, оставшіеся пепель и кости березовою лопатою разбросаль къ сѣверу и осиновою лопатою разбросаль къ югу. Послѣ этого онъ собраль все имущество мангатхая, взяль трехъ женъ и пошелъ обратно. Когда пришелъ къ веревкѣ, впередъ привязалъ все имущество, взятое у мангатхая и подернулъ веревку. Тогда вверху стоявшіе два младшіе брата

Шонхбши-бöхö и Нархажи-бöхö потянули веревку вверхъ, вытянули ее, отвязали съ нея вещи, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мёргёнъ привязалъ къ веревкѣ старшую жену мангатхая и дернулъ веревку, а на верху стоявшіе два младшіе брата вытянули веревку, вытащили старшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мёргёнъ къ спущенной веревкѣ привязалъ среднюю жену мангатхая и дернулъ веревку, которую братья тоже потащили наверхъ; вытащивъ среднюю жену, отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. Ангахай-мёргёнъ привязалъ къ ней младшую жену мангатхая и дернулъ веревку. Наверху стоявшіе два младшіе брата вытащили наверхъ младшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили внизъ. На этотъ разъ Ангахай-мёргёнъ привязалъ къ веревкѣ самого себя и дернулъ веревку; его потащили наверхъ. Когда его вытащили, онъ все имущество мангатхая раздѣлилъ на три части; двѣ части отдалъ двумъ младшимъ братьямъ, одну часть взялъ себѣ; двумъ младшимъ братьямъ отдалъ по одной женѣ, а себѣ оставилъ одну жену покрасивѣе. Такъ они трое женились и живутъ счастливо.

*Со словъ бурята Бильширского инородческаго вѣдомства
Хохинскаго рода Василия Иванова.*

Охотникъ.

Въ прежнее время жилъ одинъ охотникъ. Однажды онъ охотился и упалъ въ змѣиную яму. Со всѣхъ сторонъ приползли къ нему змѣи, чтобы ужалить его. Въ серединѣ ямы около бѣлаго камня лежалъ большой змѣй; это былъ змѣиный царь, Могонъ-ханъ. Змѣинный царь зашипѣль на змѣй, онъ всѣ убѣжали и спрятались между камнями. Охотникъ ле-

житъ въ змѣйной норѣ и видѣть, что змѣи поодиночкѣ подползаютъ къ бѣлому камню и лижутъ его языкомъ, а потомъ обратно ползутъ; змѣйный царь тоже лижетъ этотъ камень. Охотникъ сильно проголодался, а змѣйный царь головой показываетъ ему на камень. Охотникъ подошелъ къ камню, полизалъ его и сдѣлался сытымъ, какъ будто поѣлъ какой пищи. Такъ этотъ охотникъ пролежалъ въ змѣйной норѣ цѣлую зиму до весны. Когда настала весна, то всѣ змѣи выползли изъ норы; охотникъ остался въ норѣ съ змѣйнымъ царемъ; змѣйный царь превратился въ человѣка и говоритъ охотнику: „Я давно воюю съ лягушечимъ царемъ Баханьханомъ, но не могу его побѣдить. Можешь ли ты убить его?“ Послѣ этого змѣйный царь опять обратился въ большую змѣю, посадилъ охотника на себя, вылетѣлъ изъ ямы и прилетѣлъ къ желтому морю Шара-дала *); тутъ онъ остановился около дерева и говоритъ: „Вотъ скоро желтое море будетъ кипѣть и выйдетъ изъ него лягушечій царь; на его спинѣ есть золотой крестъ; если попадешь въ этотъ золотой крестъ, то убьешь его. Но только нужно стрѣлять прежде, чѣмъ лягушечій царь сдѣлаетъ синій ядовитый туманъ, отъ которого все живое умираетъ. Я подъ деревомъ вырою яму, а ты залѣзъ на дерево и сядь противъ ямы; когда ты выстрѣлишь, сдѣлается синій ядовитый туманъ, отъ которого ты упадешь въ яму, а я тебя накрою“. Сказавъ это, змѣйный царь вырылъ подъ деревомъ яму. Охотникъ залѣзъ на дерево, сидѣть противъ ямы и ждетъ царя лягушекъ. Немного погодя желтое море начинаетъ кипѣть и пѣниться желтою пѣной; изъ желтаго моря выходитъ большая лягушка, на спинѣ которой блеститъ золотой крестъ. Охотникъ прицѣлился въ крестъ, выстрѣлилъ и попалъ въ него, убилъ лягушечьяго

*) Шара — желтый, далай — море

царя. Сдѣлался синій ядовитый туманъ; сидѣвшій на дерсвѣ охотникъ потерялъ сознаніе и упалъ въ яму. Змѣйный царь накрылъ его. Когда ядовитый туманъ разсѣялся, то змѣйный царь оживилъ охотника и говоритъ: „Теперь опять желтое море будетъ кипѣть, изъ воды выйдетъ сама царица лягушекъ; на груди у нея будетъ серебряный крестъ; если попадешь въ этотъ крестъ, то убьешь царицу лягушекъ; тогда сдѣлается желтый туманъ; ты опять упадешь въ яму, я тебя оживлю. Только нужно стрѣлять прежде, чѣмъ лягушечья царица сдѣлаетъ желтый и ядовитый туманъ“. Охотникъ опять залѣзъ на дерево и сидѣть противъ ямы. Немного погодя желтое море начинаетъ кипѣть и пѣниться желтою пѣною; изъ моря выходитъ большая лягушка, на груди которой блеститъ серебряный крестъ. Охотникъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ серебряный крестъ, убилъ царицу лягушекъ; тогда сдѣлался желтый ядовитый туманъ, отъ котораго охотникъ потерялъ сознаніе и упалъ въ яму; а змѣйный царь накрылъ его. Когда желтый ядовитый туманъ разсѣялся, змѣйный царь оживилъ охотника и говоритъ: „Я нѣсколько лѣтъ воевалъ съ царемъ лягушекъ, никакъ не могъ побѣдить его; онъ убилъ множество моихъ подданныхъ; а ты не побѣдимыхъ моихъ враговъ побѣдиль. Возьмешь ли золото и серебро или узнаешь семьдесятъ языковъ“? Тогда охотникъ говоритъ змѣйному царю: „Мнѣ не нужно ни золота, ни серебра. Какъ ихъ понесу домой? Откуда, скажу, взялъ? Лучше научи меня понимать семьдесятъ языковъ“. Тогда змѣйный царь научилъ этого охотника понимать семьдесятъ разныхъ языковъ, а потомъ и говоритъ ему: „Если ты обѣ этомъ комунибудь скажешь, то умрешь“! Послѣ этого змѣйный царь улетѣлъ, а охотникъ пошелъ домой.

По дорогѣ онъ проходитъ мимо одного дерева, на которомъ сидятъ сорока и воронъ. Они между собою говорятъ:

„На берегу моря стоитъ соловой жеребенокъ; кто первый изъ насть перешагнетъ черезъ него, тотъ будетъ счастливъ и богатъ“. Охотникъ, услышавъ разговоръ сороки и ворона, побѣжалъ на берегъ моря, гдѣ стоялъ соловой жеребенокъ, и перешагнулъ черезъ него прежде сороки и ворона. Какъ только онъ перешагнулъ, жеребенокъ сталъ невидимъ. Послѣ этого охотникъ, понимающій семьдесятъ языковъ, пришелъ домой и живетъ. Однажды ночью онъ слышитъ, что двѣ мыши вышли изъ норы, подошли къ крынкамъ съ молокомъ и говорятъ между собою. Одна мышь говоритъ другой: „Ты держи меня за хвостъ, а я буду есть молоко; когда я наѣмся, ты будешь Ѣсть, а я буду держать тебя за хвостъ“. Послѣ этого одна мышь стала Ѣсть молоко, а другая держала ее за хвостъ своими зубами. Когда первая мышь наѣлась, вторая начала Ѣсть молоко, а первая стала держать ее за хвостъ. Передъ тѣмъ вторая мышь говорила первой: „Смотри, держи хорошенъко; не урони меня въ молочное море“. Когда вторая мышь Ѣла молоко, у первой, державшей зубами хвостъ второй, сдѣлалась отрыжка и она отпустила хвостъ; Ѣвшая молоко мышь упала въ молоко, начала тонуть и упрекать свою товарку: „Я говорила тебѣ, держи хорошенъко“! Слышившій весь этотъ разговоръ бурятъ-охотникъ засмѣялся, всталъ и выбросилъ мышь изъ молока. Жена охотника начинаетъ допрашивать его, отчего онъ засмѣялся и какъ узналъ, что мышь попала въ молоко. Онъ никакъ не можетъ отговориться; жена настаиваетъ, чтобы онъ сказалъ. Наконецъ онъ говоритъ своей женѣ: „Приготовь хорошаго коня, осѣдлай лучшимъ сѣдломъ, надѣнь на него лучшую узду, приготовь также мою хорошую одежду; тогда я скажу; потому что, когда я тебѣ скажу, я долженъ умереть“. Его жена поймала хорошаго коня, взнудила его хорошею уздою, осѣдлала наилучшимъ сѣдломъ и приготовила ему всю одежду. Онъ одѣлся

и рассказалъ ей, какъ онъ попалъ въ нору змѣй, гдѣ онъ пробылъ цѣлую зиму, какъ онъ съ змѣйнимъ царемъ прилетѣлъ къ желтому морю, побѣдилъ царя и царицу лягушекъ и какъ выучился понимать семьдесятъ языковъ. Сказавъ это, охотникъ умеръ; его похоронили.

Змѣйный царь, узнавъ, что охотникъ, который помогъ ему побѣдить царя и царицу лягушекъ, умеръ, сказавши о своемъ знаніи семидесяти языковъ, прилетѣлъ и вырылъ тѣло охотника изъ земли, три раза перешагнулъ черезъ него и каждый разъ на него помочился; тогда умершій охотникъ ожилъ. Змѣйный царь говоритъ ему: „Зачѣмъ ты рассказалъ, что знаешь семьдесятъ языковъ? Я тебѣ говорилъ, что нельзя рассказывать“. Тогда охотникъ говоритъ ему: „Тарасунъ страшный! это онъ меня заставилъ говорить“. Змѣйный царь спрашиваетъ, что такое тарасунъ. „Приходи черезъ семь дней“, отвѣчаетъ охотникъ змѣйному царю, „тогда узнаешь, что такое тарасунъ“. Змѣйный царь согласился притти черезъ семь дней и улетѣлъ. Ожившій охотникъ пришелъ домой и началъ выгонять троёный тарасунъ*). На седьмой день змѣйный царь, превратившись въ человѣка, приходитъ въ домъ охотника; тотъ угощаетъ его троенымъ тарасуномъ. Змѣйный царь пьетъ троеный тарасунъ и хвалитъ: „Какое славное питье! Напился до пьяна и повалился, превратившись снова въ змѣю. Тогда охотникъ взялъ змѣйнаго царя, началъ бить его обѣ стѣну и волочить по землѣ; потомъ приготовилъ мягкую постель и положилъ на нее змѣйнаго царя. На другой день змѣйный царь проснулся, встаетъ и спрашиваетъ у охотника, отчего у него все тѣло болитъ. Охотникъ говоритъ ему: „Когда ты напился пьянымъ, то, превратившись въ змѣю, бился и катался по землѣ,— оттого, надо

*.) Троеный тарасунъ—три раза перегнанное вино изъ молока.

полагать, болитъ все твое тѣло". Змѣиный царь повѣрилъ, что тарасунъ страшень, разрѣшилъ охотнику говорить, что онъ знаетъ семьдесятъ языковъ и улетѣль домой. Послѣ этого охотникъ началъ жить по прежнему.

Однажды этотъ охотникъ проѣхалъ мимо одного улуса; въ это время на него полаяли собака богача и собака бѣдняка. Собака бѣдняка лаяла ему: „Заѣзжай къ моему хозяину; онъ бѣдный, имѣть одну корову и одну овцу; если заѣдешь къ моему хозяину, то его жена подастъ тебѣ побѣлиться (са-галха)*) молокомъ ея единственной коровы и заколеть единственную овцу, а если заѣдешь къ богатому, то жена богача на тебя и не посмотритъ и не подастъ даже побѣлиться, не то, что накормить". Такъ лаяла собака бѣдняка. А собака богача лаяла: „Заѣзжай къ моему хозяину; онъ очень богатъ, но скучой. Немного покормить тебя". Охотникъ заѣхалъ къ богатому, вошелъ въ юрту, поздоровался и сѣлъ у двери. Жена богача на него даже не взглянула и не подала побѣлиться. Охотникъ вышелъ изъ юрты, сѣлъ на коня, подѣхалъ къ юртѣ бѣдняка, входитъ. Жена бѣдняка пригласила его сѣсть цалѣво отъ двери **) и подала молоко побѣлиться. Бѣдный домохозяинъ пригласилъ его ночевать, вечеромъ закололь свою единственную овцу; когда сварилось мясо, онъ большое количество кусковъ его бросиль въ огонь, потомъ сталъ угождать гостя. Въ это время входитъ въ юрту собака, ласкается къ охотнику, визжитъ и говоритъ: „Хорошій гость, урони лопатку съ мясомъ, я схватчу ее и выбѣгу на улицу; хозяинъ не будетъ сердиться". Охотникъ понялъ слова собаки и, какъ будто нечаянно, уронилъ лопатку съ мясомъ. Стоявшая собака схватила лопатку и выбѣжала изъ юрты;

*) Побѣлиться — поѣсть молока.

**) Цалѣво отъ дверей мѣсто, где салять почетныхъ гостей.

хозяинъ не погнался за собакой, чтобы отнять лопатку съ мясомъ. Охотникъ наѣлся досыта и легъ спать. Ночью въ юрту бѣдняка входить хозяинъ огня *) богача и начинаетъ разговаривать съ хозяиномъ огня бѣдняка. Хозяинъ огня бѣдняка спрашиваетъ у хозяина огня богача, отчего у него выколоты глаза. Тотъ говорить ему: „Глаза миѣ выкололь мой хозяинъ. Онъ очень скупой, когда жарить мясо, то достаетъ ножемъ; такимъ образомъ и выкололь мнѣ глаза. Когда пріѣдетъ съ талгана **), то бросаетъ въ огонь маленький кусокъ жира, а мяса не бросаетъ; ему жалко куска мяса. Когда бросаетъ кусокъ жира, то бросаетъ мнѣ прямо въ глаза. Когда варить саламатъ, то мнѣ въ глаза льеть одно масло, а саламату не даетъ; когда разводить огонь, то мнѣ на голову бросаетъ дрова“. Такъ разсказываетъ хозяинъ огня богача. А хозяинъ огня бѣдняка говорить: „Мой хозяинъ бѣдный, но очень хороший! когда пріѣзжаетъ съ талгана, то около меня кладеть много мяса и жира, такъ что я досыта наѣдаюсь. У насъ хотя одна корова, но все таки онъ варить саламатъ и даетъ мнѣ его достаточно, а также даетъ и масла и я наѣдаюсь досыта. Дровъ мнѣ на голову никогда не бросаетъ. Ты лучше приходи ко мнѣ; будешь жить вмѣстѣ“. Хозяинъ огня богача говорить: „Приду жить къ тебѣ, но только впередъ сожгу своего хозяина“. Тогда хозяинъ огня бѣдняка сказалъ ему: „У твоего хозяина въ юртѣ стоитъ наша ступка ***); выброси ее на улицу, а то сгоритъ!“ Хозяинъ огня богача ушелъ. Въ эту ночь все юрты богача сгорѣли въ пожарѣ, а ступка бѣдняка была выброшена на улицу и осталась цѣла. Богачъ сталъ подозрѣвать бѣдняка, что онъ изъ зависти поджегъ его

*) Т. е. духъ огня.

**) Талганъ — общественное жертвоприношеніе. Ред.

***) Деревянная ступка, въ которой толкнуть кирпичный чай.

юрты, такъ какъ его ступка оказалась выброшеною на улицу. Тогда охотникъ рассказалъ богачу, какъ хозяины огней разговаривали между собой, и что поджогъ сдѣлать хозяинъ огня, а бѣдный сосѣдъ не виноватъ. Онъ рассказалъ про себя, что знаетъ семьдесятъ языковъ, понимаетъ разговоръ всѣхъ животныхъ и видитъ духовъ, и убѣдилъ ихъ. Богачъ оставилъ свое подозрѣніе. Послѣ этого охотникъ уѣхалъ домой: бѣднякъ поправился и сталъ жить счастливо, а богачъ раззорился.

Чингисъ-ханъ.

А. Рожденіе Чингисъ-хана.

1. Царь Ухэръ-Боксо имѣлъ дочь, которую постоянно держалъ взаперти и за занавѣскою. Однажды она увидѣла солнечные лучи и оттого забеременѣла; впослѣдствіи она родила сына; она положила его въ кожаную корзину и пустила по рѣкѣ. Этого ребенка нашли; онъ выросъ; его назвали Чингисъ-ханомъ.

2. Дочь царя Ухэръ-Боксо должна была выйти замужъ за Эсхэ-Уланъ-батара, но на ней силою женился Ёрёрши-мёргёнъ. Нѣкоторое время спустя Эсхэ-Уланъ-батаръ, пріѣхалъ къ дому Ёрёрши-мёргёна; его не было дома; Эсхэ-Уланъ-батаръ говоритъ женѣ Ёрёрши-мёргёна: „Ты моя суженая! Какъ я увезу тебя въ свой домъ“? Она говоритъ Эсхэ-Уланъ-батару: „Тебѣ съ моимъ мужемъ Ёрёрши-мёргёномъ не справиться; онъ убьетъ тебя. Лучше ты спрячься въ юртѣ; мой мужъ пріѣдетъ, ляжетъ спать; утромъ я встану доить коровъ; вставая, откину немнога одѣяло; тогда мой мужъ отвернется лицомъ къ стѣнѣ и будетъ спать; въ это время на спинѣ его между лопatkами ты увидишь его жизнь; ты

выстрѣли въ это мѣсто; если попадешь, то онъ умреть". Послѣ ея словъ Эсхэ-Уланъ-батаръ спрятался въ юртѣ. Къ вечеру пріѣхалъ Ёрбрши-мѣргонъ и легъ спать съ женой; утромъ, вставая доить коровъ, жена его откинула пемного одѣяло, Ёрбрши-мѣргонъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и заснулъ. Эсхэ-Уланъ-батаръ дѣйствительно увидѣлъ на спинѣ его между лопatkами его жизнь; онъ вышелъ изъ засады, выстрѣлилъ и стрѣла его попала какъ разъ куда слѣдуетъ. Тогда Ёрбрши-мѣргонъ сѣлъ на постели и говоритъ: „Это устроила моя жена! Чѣмъ вѣрить женѣ, лучше повѣрить дверной колодѣю"! Потомъ Ёрбрши-мѣргонъ умеръ.

Убивъ Ёрбрши-мѣргона, Эсхэ-Уланъ-батаръ привезъ его жену, свою суженую, къ себѣ въ домъ и женился на ней. У него отъ нея родился сынъ; никто не могъ этому ребенку дать имя; въ это время съ неба спустилась маленькая птичка и стала кричать: чингъ! чингъ! Поэтому новорожденному мальчику дали имя Чингисъ. Впослѣдствіи мальчикъ выросъ и сдѣлался Чингисъ-ханомъ.

Б. Изобрѣтѣе вина Чингисъ-ханомъ.

Чингисъ-ханъ придумалъ сдѣлать вино; для этого онъ употребилъ двѣнадцать эрдэни*); желая испробовать силу полученнаго вина, онъ пролилъ его на плоскій камень; камень раскололся на нѣсколько частей; тогда Чингисъ-ханъ убавилъ въ винѣ три эрдэни; вновь вылилъ вино на плоскій камень и камень на этотъ разъ не раскололся. Чингисъ-ханъ подумалъ: „Теперь хорошо! Нужно попробовать напоить людей, что они будутъ дѣлать, когда опьянѣютъ". Онъ собралъ калѣкъ, безглазаго слѣпого, безрукаго и безногаго, и напоилъ ихъ. Безглазый слѣпой, опьянѣвъ, говорить: „Какъ красиво,

* Эрдэни—драгоценность.

чернѣя, блестить вино“? Безрукій ему отвѣчаетъ: „Ты вѣдь слѣпой, какъ же ты увидѣлъ, что вино, чернѣя, красиво блестить? Я тебя ударю и ты полетишь кубаремъ“! Безногій, услышавъ эту рѣчъ, сказалъ: „Одинъ изъ васть слѣпой, не видить ничего; другой безрукій, хотеть ударить. Я обоихъ васть толну ногой и раздавлю“! Такимъ образомъ они разругались. Чингисъ-ханъ подумалъ: „Это хорошо! Безглазый сдѣлался съ глазами, безрукій и безногій калѣки сдѣлались съ руками и ногами“. Подумавъ такъ, онъ оставилъ вино на девяти эрдѣни, не уменьшая болѣе его крѣости.

Вино состоить изъ слѣдующихъ эрдѣни: 1) изъ слоны бѣшеной собаки, 2) изъ верхушекъ растущихъ травъ, 3) изъ пламени краснаго огня, 4) изъ острія ножа вора, 5) изъ пара текущей воды, 6) изъ конца копытъ быстраго бѣгунца, 7) изъ узла треножника, 8) изъ объема большого котла, 9) изъ „дадынъ жирэлгэнъ“, 10) изъ мозга глупаго барана, 11) изъ острія ножницъ хорошей бабы и 12) изъ краснаго румянца со щеки красивой женщины.

Кто выпить вина, тотъ большею частью пьянееть отъ какого-нибудь одного изъ этихъ эрдѣни. Опьянѣвшій отъ эрдѣни слоны бѣшеной собаки сдѣлается, какъ бѣшеная собака, будетъ на всѣхъ бросаться и драться; опьянѣвшій отъ эрдѣни, взятыхъ изъ верхушекъ травъ, сдѣлается, какъ растущая трава и какъ цвѣтущий цвѣтокъ; опьянѣвшій отъ эрдѣни, взятаго изъ краснаго пламени огня, будетъ, какъ огонь, горѣть и можетъ сгорѣть отъ вина и умереть; опьянѣвшій отъ эрдѣни, взятаго отъ острія ножа вора, сдѣлается острымъ, какъ ножъ, и пойдетъ воровать и грабить; кто опьянееть отъ эрдѣни, взятого отъ паровъ текущей воды, будетъ какъ паръ воды; опьянѣвшій отъ эрдѣни, взятыхъ отъ конца копытъ быстраго бѣгунца, сдѣлается въ ходьбѣ быстрымъ и неутомимымъ; опьянѣвшій отъ эрдѣни, взятыхъ

отъ узла треножника*), не можетъ ходить и падаетъ, какъ будто ноги его стреножены; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ изъ объема большого котла, выливаетъ много вина и все таки не можетъ насытиться; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ отъ „дадынъ жирэлгэнъ“, дѣлается, какъ вѣтеръ, легкомысленъ и непостояненъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятаго отъ глупаго барана, дѣлается глупъ, какъ баранъ; опьянѣвшій отъ эрдэни, взятыхъ отъ острія ножницъ хорошей бабы, будетъ рѣзать, какъ острыя ножницы; наконецъ кто опьянѣвтъ отъ эрдэни, взятой отъ румянца со щеки красивой женщины, дѣлается румянымъ и въ немъ возбуждается любовь къ женщинамъ.

Однажды Чингисъ-ханъ поѣхалъ на охоту и встрѣтился съ царемъ звѣрей Аргаланъ-зонъ **), который воевалъ съ царемъ змѣй Абарга-мого и никакъ не могъ его побѣдить. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ обратился съ просьбою къ Чингисъ-хану, чтобы онъ помогъ ему въ борьбѣ съ змѣинымъ царемъ Абарга-мого и Чингисъ-ханъ согласился; въ то время, когда царь звѣрей Аргаланъ-зонъ сражался съ царемъ змѣевъ Абарга-мого, Чингисъ-ханъ подкараулилъ моментъ, выстрѣлилъ и стрѣлою убилъ Абарга-мого. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ сильно обрадовался, поблагодарилъ Чингисъ-хана, посадилъ его на себя и повезъ его къ его дому; немного не доходя до дома Чингисъ-хана, онъ остановился и говорить ему: „Теперь слѣзай и далѣе иди самъ; ни кому не говори, что ты ёздилъ на мнѣ; если скажешь, то я узнаю, приду и убью тебя“. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ ушелъ обратно, а Чингисъ-ханъ пришелъ домой. Во время одной пирушки Чингисъ-ханъ сильно опьянѣлъ и проговорился, что онъ убилъ змѣинаго царя Абарга-могоя и ёздилъ на звѣриномъ

*) Вѣроятно отъ узла ременного тренога, которымъ треножатъ лошадей. Ред.

**) Аргаланъ, „левъ“.

царь Аргаланъ-зонъ. Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ узналъ, что Чингисъ-ханъ рассказалъ людямъ, какъ онъ ъездилъ на немъ верхомъ, обратился въ человѣка, пришелъ къ нему и сказалъ: „Я тебѣ приказалъ ни кому не говорить, что ты на мнѣ ъездилъ“. Чингисъ-ханъ оправдывался, что онъ былъ пьянь, ничего не помнить,—вино его побѣдило. „Что это такое—вино“? спрашиваетъ царь звѣрей Аргаланъ-зонъ. „Я хочу попробовать“. Чингисъ-ханъ выкатилъ одну бочку вина; звѣриный царь Аргаланъ-зонъ выпилъ всю бочку, немного опьянившись и говоритъ: „Вино пить хорошо! можно еще выпить! еще давай“! Чингисъ-ханъ выкатилъ другую бочку; и эту всю выпилъ звѣриный царь, опьянившись и свалился; пьяный онъ изъ человѣка обратился вновь въ звѣря. Тогда Чингисъ-ханъ связалъ ноги звѣринаго царя, отколотилъ его хорошенько и оставилъ вытрезвляться; на другое утро Аргаланъ-зонъ вытрезвился и спрашивается, отчего онъ связанъ и отчего болитъ все его тѣло? Чингисъ-ханъ говоритъ ему: „Вы вчера опьянили, начали кататься по землѣ и сильно биться; мы боялись, чтобъ вы не ушибились и связали васъ“. Аргаланъ-зонъ сказалъ: „Вино сильно и всѣхъ побѣждаетъ; теперь ты можешь говорить, что ты на мнѣ ъездилъ; я не буду сердиться“! И Аргаланъ-зонъ, звѣриный царь, ушелъ.

Со словъ бурята Зунгаро-Быкотского вѣдомства Мадаса Макарова.

Обогонъ.

Обогонъ имѣлъ трехъ сыновей: Онгой, Онхотой и Хогой. Обогонъ родился отъ дочери Тоглокъ. Тоглокъ имѣлъ семь сыновей и одну дочь, которая пасла скотъ. Однажды она увидѣла на могилѣ растущій цветокъ; она вырвала его и играла имъ, а потомъ съѣла его, сдѣлалась беременною и родила

сына, котораго звали Обогонъ. Цвѣтокъ этотъ былъ „ургуй“ (*Pulsatilla patens*); поэтому буряты говорять объ Обогонѣ: ургун үзурхъ оддохон Обогон, „подъ корнемъ поденѣжника найденный Обогонъ“.

Гора Мёнгётё-ула.

Унгинскіе буряты рассказываютъ, когда въ первый разъ проводили границу между русскимъ и китайскимъ государствами, со стороны Россіи былъ такъ называемый бурятами Гунь-Сава*), а со стороны китайцевъ Сэсэнъ-уганъ**). Когда провели границу, гора Мёнгётё-ула (по русски „серебряная гора“) осталась за русскимъ государствомъ. Сэсэнъ-уганъ, желая взять гору Мёнгётё-ула себѣ, придумалъ обмануть Гунь-Саву. Онъ попросилъ Гунь-Саву отдать ему участокъ земли величиною съ кожу быка; Гунь-Сава, не подозрѣвая хитрости, согласился. Тогда Сэсэнъ-уганъ выбралъ самую большую кожу быка, разрѣзаль ее на тонкіе ремни и обтянулъ ими всю гору Мёнгётё-ула; вслѣдствіе этого гора Мёнгётё-ула отошла въ китайскую землю. Гора эта должна бы стойти къ русской землѣ, такъ какъ по преданію на ней явилась печать русского государства; китайцы вытесываютъ гору, чтобы снять печать, но печать снова является.

Никола-бурханъ.

Въ прежнее время человѣкъ посѣялъ хлѣбъ, который и уродился. Человѣкъ пріѣхалъ убирать его; онъ привезъ съ собою запасъ коротенькихъ волосяныхъ веревокъ, началъ вырывать хлѣбъ съ корнемъ и перевязывать снопы привезен-

* Графъ Савва Рагузинскій.

**) Вѣроятно монгольскій Цэцэнь-ханъ.

ными волосяными веревками. Въ то время, какъ тотъ человѣкъ уходилъ обѣдать, пришелъ Никола-Бурханъ (св. Николай) съ золотымъ серпомъ (алтан хадур) и пожаль хлѣбъ, связалъ снопы соломою, сложилъ крестъ и воткнулъ въ него серпъ, а самъ ушелъ. Все это онъ сдѣлать, чтобы научить того человѣка жать хлѣбъ, хлѣбомъ вязать снопы и класть снопы крестомъ. Приходитъ человѣкъ и видитъ, хлѣбъ сжатъ, снопы перевязаны хлѣбомъ и складены въ кресты; онъ сильно испугался, потому что принялъ золотой серпъ за зубатаго червяка и подумалъ, что червякъ сѣѣлъ его хлѣбъ; онъ взялъ золотой серпъ и выбросилъ.

Никола-Бурханъ видитъ, что этотъ человѣкъ не понимаетъ его. Онъ обратился въ сѣдого старика, приходитъ къ этому человѣку и спрашиваетъ: „Что дѣлаешь“? Тотъ говоритъ: „Хлѣбъ вырываю“. Никола-Бурханъ указалъ на сжатый хлѣбъ и спросилъ: „А этотъ хлѣбъ кто сжалъ“? Тотъ говоритъ: „Это сѣѣлъ зубатый червякъ“.

Тогда Никола-Бурханъ сказалъ ему: „Это не червякъ, а серпъ, которымъ жнуть хлѣбъ“. Никола-Бурханъ нашелъ заброшенный серпъ и научилъ этого человѣка какъ жать хлѣбъ, вязать снопы и класть въ кресты. Съ этого времени люди научились жать хлѣбъ.

Небо и земля

Высокое небо (бидэр тэнгэри) и Широкая земля (үлгэн дэлхэ) породнились; Высокое небо за своего сына высватало дочь Широкой земли; земля за свою дочь потребовала въ калымъ отъ Высокаго неба солнце и луну. Небо отдало эти свѣтила; тогда на небѣ и землѣ сдѣлалось темно, потому что Широкая земля заперла солнце и луну въ ящикъ.

Высокое небо не можетъ придумать средство, какъ получить солнце и луну обратно отъ Широкой земли. У Высокаго неба было девять сыновей и девять дочерей. Оно послало за Заря-Азарга *), отъ котораго надѣялось получить съвѣтъ, какъ поступить, и строго приказало своимъ сыновьямъ и дочерямъ не смѣяться, когда войдетъ Заря-Азарга, который не имѣлъ ногъ, и не ходилъ, а катился по землѣ. Когда Заря-Азарга вошелъ въ юрту, девять сыновей и девять дочерей Высокаго неба, увидѣвъ его, не могли удержаться отъ смѣха. Заря-Азарга сильно осердился и укатилъ назадъ. Тогда Высокое небо послало пять звѣрей, чтобы они пошли по слѣдамъ Зари-Азарги и подслушали, что онъ будетъ говорить. Посланные пять звѣрей были: заяцъ (шандаганъ), маленький козуленокъ (инзаганъ), горностай (үгинъ), бѣлка (хэрмэнъ) и хорекъ (холбонгб).

Заяцъ первый подслушалъ слова обиженнаго Зари-Азарги и передалъ ихъ Высокому небу. Заря-Азарга, катясь обратно, ругался и говорилъ: „Высокое небо не можетъ держать въ подчиненіи своихъ девять сыновей и девять дочерей! Они смѣются надо мной. Пусть же девять сыновей спустятся на землю и сдѣлаются девятью западными хатами, а девять дочерей пусть спустятся на землю и сдѣлаются девятью онгонами. Высокое небо породнилось съ Широкою землей, въ калымъ отдало солнце и луну и не можетъ придумать, какъ ихъ обратно взять отъ Широкой земли; а для этого нужно только побѣхать къ Широкой землѣ въ гости и попросить у ней эхо лѣса и мерцаніе воды; Широкая земля не будетъ въ состояніи поймать ни эха лѣса, ни мерцанія воды, и приуждено будетъ отдать назадъ солнце и луну“. Эти-то слова подслушалъ заяцъ и передалъ Высокому небу. Вотъ почему

*) Заря побурятски „ежъ“.

въ шаманскихъ обрядахъ шкура зайца стоитъ первой въ правой сторонѣ.

Высокое небо поѣхало къ Широкой землѣ въ гости и по-просило подарить ему эхо лѣса и мерцаніе воды. Широкая земля поручила своимъ тремъ сыновьямъ поймать эхо лѣса и мерцаніе воды, но три сына не могли поймать. Тогда Широкая земля отдала Высокому небу обратно солнце и луну. Пріѣхавъ домой, Высокое небо привезенныя свѣтила вновь пустило по небу, тогда на небѣ и землѣ по прежнему стали чередоваться день и ночь. Слова Зари-Азарги исполнились, девять сыновей Высокаго неба спустились на землю и стали девятью западными хатами, а девять дочерей его, тоже спустившись на землю, стали онгонами.

Цари земли.

На югозападной сторонѣ есть царство Маса-Богдо-хана, гдѣ находится царь всей земли гора Сэмбэрь-ула, на которой растетъ царь всѣхъ деревьевъ Аха-занданъ-модонъ, а царь всѣхъ травъ Йгитэ-саганъ-оббхонъ растетъ, обвившись вокругъ царя всѣхъ деревьевъ Аха-занданъ-модонъ до самой вершины, откуда царь травъ спускается опять внизъ до половины дерева Аха-занданъ-модона; на этой горѣ находится царь всѣхъ звѣрей Аргаланъ-зонъ, царь всѣхъ домашнихъ животныхъ Пѣгій лончакъ (алак даган) и царь всѣхъ змѣй Абарга-мого.

Со словъ бурята Буханского вѣдомства Харитона Антонова.

На горѣ Сэмбэрь-улѣ находятся четыре царя земли; на ней растетъ царь деревьевъ Заханъ-занданъ-модонъ; обвившись вокругъ него растетъ царь травъ Йгитэ-саганъ-оббхонъ, поднимается до вершины дерева и потомъ спускается внизъ

до его половины; царь птицъ Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ имѣеть гнѣзда на царѣ деревьевъ Заханъ-занданъ-модонѣ, а змѣйный царь лежитъ, три раза обвившись вокругъ царя деревьевъ.

Со словъ бурята Зунтаро-Быкотскаго вѣдомства Мадиса Макарова.

Открытие дверей неба.

Иэрѣдка тэнгэрины открываютъ дверь неба; если человѣкъ увидитъ, что дверь у неба открылась и въ это время что-нибудь попросить, то просьба его исполнится.

Если дверь неба откроется на южной или западной сторонѣ, это хороший признакъ; если же на сѣверовосточной, то это худо, и увидѣвшій это человѣкъ будетъ несчастливъ; чтобы избѣжать несчастья, нужно сказать:

Ши убра хада	Если ты выворачиваешься,
Би урба хаб	И я выворачиваюсь!
Шини хёрбб хада	Если ты измѣняешься,
Би хорббхбб	И я измѣняюсь!

Съ этими словами нужно снять съ себя шубу, выворотить вверхъ шерстью иѣхать или идти далѣе.

Если дверь неба открываютъ восточные и худые тэнгэрины, это худо для людей и для того, кто это увидѣлъ, потому что эти тэнгэрины смотрятъ на землю и посылаютъ людямъ несчастье. Если дверь неба открываютъ западные тэнгэрины, это хорошо для людей, а также и для того, кто это увидитъ, потому что западные тэнгэрины смотрятъ на землю и посылаютъ людямъ счастье и богатство. Если дверь неба откроется на восточной или сѣверовосточной сторонѣ, то свѣтъ бываетъ красный, если на западной или южной, то свѣтъ бываетъ бѣлый.

Небесные и атмосферные явления.

1) Когда бывает северное сияние (побурятски тэнгэри улага), буряты говорят, что будет тяжелый годъ для людей, люди будут часто болѣть и умирать. Иногда говорятъ, что будетъ большая война.

2) Кто есть заплесневѣшій хлѣбъ, тотъ не боится грома.

3) Я случайно услышалъ, что вѣтеръ зовутъ хүхэлэхэн анда (порусски „пріятель Хүхэлэхэнъ“; анда „пріятель“, Хүхэлэхэнъ—собственное имя). Не считали ли прежніе буряты какого-то Хүхэлэхэна покровителемъ вѣтровъ? Нынѣ, когда дуетъ вѣтеръ, рѣдкие старики говорятъ: „Хүхэлэхэн анда ерэ хайса иделхэ“ (порусски: пришелъ пріятель Хүхэлэхэнъ поѣсть хорошенъко). Не дѣлали ли въ прежнее время, когда дуло вѣтеръ, какихъ-нибудь соединенныхъ съ жертвоприношеніемъ обрядовъ, которые теперь забыты?

4) Если осенью листья съ деревьевъ падаютъ рано и скоро или вдругъ, то уингинскіе буряты говорятъ, что весна будетъ теплая и снѣгъ растаетъ скоро или вдругъ. Если листья падаютъ медленно, то говорятъ, что весна будетъ холода и снѣгъ растаетъ медленно.

5) Молькинскіе буряты говорятъ, если осенью листья съ деревь падаютъ недружно или не все спадаютъ, а нѣкоторые остаются на деревьяхъ, то въ этотъ годъ людямъ будетъ плохо, годъ будетъ тяжелый.

6) Если зимою по утрамъ разсвѣтаетъ скоро, то говорятъ, что весна будетъ теплая и скоро растаетъ снѣгъ. Если медленно разсвѣтаетъ, весна будетъ холода и снѣгъ не растаетъ скоро.

7) Если въ новолуніе рога луны немнога загнуты внутрь и луна стоитъ круто, тотъ мѣсяцъ будетъ бурный и холод-

ный. Если рога луны не загнуты внутрь и луна стоит погло, мѣсяцъ будетъ теплый и безъ вѣтровъ.

8) Во время тумана по землѣ ходятъ злые духи, которые вредятъ людямъ и насылаютъ на нихъ болѣзни.

Первая чета.

Сперва земли не было, а только были вода и огонь; последній плавалъ по водѣ отдельными полосками, какъ дорога. По водѣ плавали въ двухъ отдельныхъ серебряныхъ лодкахъ (монгон онгосо), въ одной мужской половой органѣ (эсэгэн монгонъ бахана, буквально порусски „отцовскій серебряный столбъ“), въ другой женскій (эхэн алтан тоно, „материнскій золотой органъ“, вариантъ: эхэн алтан ума, „материнское золотое влагалище“). Лодки сдѣлали два круга по солнцу и не могли сойтись; тогда они сдѣлали еще кругъ противъ солнца (нара буру) и тогда соединились и произвели оплодотвореніе. Въ память объ этомъ во время свадьбы женихъ и невѣста, идя подъ шалью, дѣлаютъ кругъ противъ солнца.

Со словъ бурята Унгинского вѣдомства Шетинского улуса Башни Трубачеева, грамотного кузнеца, знающаго русскій языкъ.

Царство дѣвицъ.

Съ трудомъ очень немногое мнѣ пришлось узнать о царствѣ дѣвицъ (Охин хани урам). На всѣ вопросы буряты большую частью говорятъ только, что гдѣ-то прежде было такое царство, въ которомъ царицей была дѣвица и все войско (сэрэк) состояло изъ дѣвицъ. Прежде наши старики, говорятъ буряты, рассказывали объ этомъ царствѣ, а нынѣ забыли. Другіе во время разспросовъ о дѣвичьемъ царствѣ вспомнятъ, что между восточными тэнгэринами есть Охинъ-

тэнгэри; эта Охинъ-тэнгэри была покровительницею царства дѣвицъ. Нѣкоторые буряты указываютъ, что у бурятъ есть сказки объ Охинъ-ханѣ и Охинъ-батарѣ*), у которыхъ все войско состояло изъ дѣвицъ. Царь дѣвица со своимъ войскомъ изъ дѣвицъ выходила на войну и воевала. Нужно заметить, что буряты считаютъ сказки за дѣйствительность; по ихъ мнѣнію сказочные герои и богатыри когда-то дѣйствительно жили на землѣ.

По одному разсказу, записанному у унгинскихъ бурятъ, дѣвичье царство находится на сѣверо-восточной сторонѣ; въ немъ живутъ только женщины; царемъ у нихъ дѣвица (ханин басаган); всѣ чиновники въ царствѣ, все войско, всѣ подданные—дѣвицы; мужчинъ въ ихъ царствѣ нѣть. Есть у нихъ разный скотъ, но въ табунахъ однѣ кобылы, рогатый скотъ состоитъ только изъ коровъ, овецъ и козъ; же ребцовъ, коней, порозовъ, быковъ, барановъ и козловъ вовсе нѣть. Дѣвицы дѣвичьяго царства знаютъ много волшебства. Въ царствѣ дѣвицъ былъ Обогд-ханъ (такъ буряты зовутъ Петра Великаго) и едва, едва убѣжалъ отъ нихъ.

Собачье царство.

(Нохо хани урам).

По повѣрю унгинскихъ бурятъ въ сѣверо-восточной сторонѣ находится царство собакъ. Въ странѣ, гдѣ царствуютъ собаки, всѣ мужчины рождаются собаками, какъ наши собаки, а женщины рождаются людьми, какъ наши обыкновенные женщины; эти женщины собачьяго царства говорять почтоловѣчески; въ то же время онѣ знаютъ собачій языкъ и понимаютъ языкъ своихъ мужей. Буряты соблюдаютъ правило, мужчины избѣгаютъ мочиться по ночамъ, обратившись ли-

*) Ханъ „царь“, батаръ „богатырь“.

цомъ на съверовостокъ, потому что въ это время всѣ женщины въ собачьемъ царствѣ исполняютъ обрядъ „хурулхъ“, обратившись лицомъ на югозападъ, т. е. въ нашу сторону, надѣясь, что отъ совершения этого обряда, у нихъ мальчики будутъ родиться не собаками, какъ обыкновенно, а людьми. Если кто помочится ночью, обратившись лицомъ на съверовостокъ, то съ нимъ можетъ случиться несчастье—его сыновья родятся въ собачьемъ царствѣ и онъ останется бездѣтнымъ.

По преданію унгинскихъ бурятъ, одинъ бурята заблудился во время охоты; онъ долго блудилъ, вся одежда его износилась и онъ уже ходилъ нагишомъ. Однажды онъ остановился у озера и пилъ воду; въ это время къ нему подъѣхала дѣвица верхомъ на конѣ; сѣдло ея было серебряное. Конь ея имѣлъ восемь ногъ, а не четыре, какъ у нашихъ коней. Дѣвица остановилась около бурята и завела съ нимъ разговоръ; бурята спросилъ ее, гдѣ онъ находится и какъ зовутъ эту мѣстность. Она сказала ему, что онъ пришелъ въ собачье царство. Затѣмъ эта дѣвица отвела бурята къ себѣ домой, одѣла его въ свою одежду и накормила. Это была дочь собачьяго царя, котораго въ это время не было дома; со своими подданными собаками онъ ушелъ на охоту. Черезъ нѣсколько дней собачій царь со своими собаками возвратился съ охоты. Дочь собачьяго царя и ея мать спрятали бурята. Собачій царь, войдя въ домъ, по запаху узналъ, что безъ него въ домѣ былъ чужой, началънюхать и пособачи говорить женѣ и дочери: „Кого вы спрятали? приведите его“! Жена и дочь собачьяго царя вывели спрятанного бурята. Собачій царь, обнюхавъ его, поворчалъ немножко, легъ на положенные перины и подушки и говоритъ своимъ подданнымъ пособачи, что черезъ трое сутокъ этого бурята нужно сѣсть. На другой день собачій царь съ собаками

опять ушелъ на охоту. Тогда дочь собачьяго царя говорить буряту: „Мой отецъ говорилъ своимъ подданнымъ, что черезъ три дня, когда собаки возвратятся съ дороги, тебя съѣдятъ. Нужно отъ нихъ убѣжать“! Они все приготовили и убѣжали. Когда собачій царь возвратился съ охоты и узналь, что его дочь убѣжала съ этимъ бурятомъ, онъ собраль всѣхъ своихъ подданныхъ собакъ и побѣжалъ за ними въ погоню, нюхая по слѣдамъ. Онъ началъ догонять ихъ; тогда бурятъ съ дочерью собачьяго царя залѣзли на дерево. Собачій царь и его собаки прибѣжали къ дереву; собаки положили на землю перину и подушки, которыя они принесли съ собой въ зубахъ; царь легъ на перину и подушки и приказалъ собакамъ грызть дерево поочередно. Собаки начали грызть. Дочь собачьяго царя говорить буряту: „Онъ скоро перегрызутъ дерево и съѣдятъ насъ. Ты стрѣлий въ моего отца! Когда убешь ихъ царя, онъ убѣгутъ обратно“. Бурятъ выстрѣлилъ и убилъ собачьяго царя. Собаки перестали грызть дерево, отбѣжали отъ него и говорятъ: „Ты нашла человѣка, убила своего отца и живи съ этимъ человѣкомъ счастливо“! Потомъ однѣ собаки взяли въ зубы перину и подушки, другія тѣло убитаго собачьяго царя и убѣжали обратно.

Когда собаки скрылись изъ виду, бурятъ и дочь собачьяго царя слѣзли съ дерева и пошли впередъ; кое-какъ они пришли въ домъ бурята; здѣсь онъ женился на дочери собачьяго царя; она была очень красива; въ собачьемъ царствѣ всѣ женщины красивы. Черезъ нѣсколько времени эта девица начала худѣть и скучать по родинѣ. Близкій родственникъ мужа этой женщины тоже пожелалъ достать себѣ жену изъ собачьяго царства; онъ обратился къ ней за сопѣтомъ, чтобы она указала дорогу, какъ ѣхать. Пріѣхавъ въ собачье царство, онъ зашелъ въ домъ собачьяго царя, въ

которомъ жила только одна его жена. Она сказала ему, что ему не достать здѣсь жену, что собаки его загрызутъ, какъ только его увидятъ, и что ему лучше всего поскорѣе уѣхать домой, пока собаки не возвратились съ охоты. Она дала этому буряту чо-то въ мѣшечкѣ и просила передать ея docheri. Бурята, убѣдившись, что достать жену изъ собачьяго царства не возможно, уѣхалъ домой и, пріѣхавъ, привезен-ный мѣшечекъ передалъ dochери собачьяго царя. Она раз-вязала мѣшечекъ и видитъ тамъ сушеное и толченое мясо восьминогаго коня. Когда она начала ъесть это сушеное и толченое мясо, она начала понемногу поправляться и со-всѣмъ поправилась. У этой женщины были дѣти, а потомки этихъ живутъ среди бурята и нынѣ.

Огонь.

1) Поздно вечеромъ постороннему человѣку давать огонь на выносъ изъ юрты или дома большой грѣхъ.

4) Если въ очагѣ послѣ огня сидѣтъ продолговатый уголь, буряты говорятъ, пріѣдетъ гость. На этотъ угольсыпаютъ пепель; это будто бы пріѣвшаго гостя угошаютъ, а по-томъ укладываютъ спать; сверху еще посыплютъ пепломъ, это будто одѣли одѣяломъ. Если уголь сѣлъ на „хойморъ тала“ *), за очагомъ, это значитъ будетъ гостья, уважаемая женщина или дѣвица, которую нужно угостить. Если уголь сѣлъ на „барунъ тала“ **), значитъ гость будетъ уважаемый и почетный мужчина. Если уголь сѣлъ на „удэнъ-тала“ ***), то гость будетъ бѣдный, который будетъ сидѣть около двери.

*) Хойморъ—мѣсто въ юртѣ между очагомъ и задней стѣной юрты.

**) Барунъ „правая“, тала—„сторона“.

***) Уденъ „дверь“.

3) Одна женщина сидѣла и чесала волосы около очага; въ это время въ очагѣ на „хойморъ тала“ сѣлъ уголь (побурятски сок *хуга*); она разсердилась на то, что пріѣдетъ гостья женщина, взяла сѣвшій уголь и бросила въ хибуръ съ водой. На другой день она узнала, что къ нейѣхала гостить ея дочь, выданная замужъ, и на дорогѣ утонула въ рѣкѣ.

4) Унгинские буряты говорятъ, пепель выбрасывать изъ очага куда попало не слѣдуетъ; это грѣхъ; выброшенный пепель можетъ потоптать человѣкъ или скотъ. Обыкновенно же буряты ссыпаютъ пепель кучкою на особомъ мѣстѣ, гдѣ люди не ходятъ. Другое же ссыпаютъ пепель изъ очага вокругъ дома, чтобы злой духъ не входилъ въ домъ.

5. Также и уголь выбрасывать куда попало, топтать его и раздавливать грѣшно.

6) Иногда буряты совершаютъ обрядъ „тарим-даха“. Если въ домѣ плачетъ ребенокъ какъ-то подозрительно, тогда дѣлаются такъ: возьмутъ изъ очага или изъ печи раскаленный пепель, бросаютъ его въ домѣ кругомъ и кончаютъ бросать около двери; это значитъ выгоняютъ нечистаго духа, который вошелъ въ домъ. Когда бросаютъ раскаленный пепель, онъ падаетъ дождемъ изъ огненныхъ искръ, а злой духъ боится искры. Этотъ обрядъ можетъ исполнять всякий человѣкъ и даже женщина.

Медвѣдь.

1) Жилъ бѣдный посудникъ; пошелъ онъ на островъ моря вырубить обручъ для посуды; увидѣлъ на островѣ красную березу (побурятски улан бургаханъ)*), и хочетъ рубить ее. Въ это время красная береза говорить ему: „Не руби меня!

*) Бургасунъ, помонгольски „талъ“, „иива“. Ред.

я тебѣ дамъ все, что спросишь^{“”}! Тогда посудникъ говоритъ ей: „Не буду рубить. Сдѣлай меня купцомъ“. Послѣ этого посудникъ вдругъ разбогатѣлъ и сдѣлался купцомъ.

Спустя некоторое время посудникъ опять приходитъ къ красной березѣ на морскомъ острову и просить сдѣлать его царемъ; она сдѣлала его царемъ.

Сдѣлавшись царемъ, посудникъ пріѣзжаетъ на островъ моря въ повозкѣ и съ войскомъ, чтобы срубить красную березу. Царь и царица сидятъ въ повозкѣ, а войско подходитъ къ березѣ и по приказанію царя想要 ее рубить. Красная береза говоритъ имъ: „Посмотрите на своего царя и на царицу^{“”}! Войско оглянулось и видѣть, что царь и царица обратились въ медвѣдей и уѣжали въ лѣсъ. Войско, испугавшись, разбѣжалось. Вотъ почему буряты говорятъ, что медвѣдь прежде былъ царемъ.

Встрѣтившись съ медвѣдемъ, слѣдуетъ сказать: хан хүн харгая ѿгђо, „царь-человѣкъ, дорогу свою дай^{“”}! Тогда медвѣдь своротить съ дороги.

3) Если кто убьетъ девяносто девять медвѣдей, того непремѣнно сотый медвѣдь задавитъ. За сто убитыхъ медвѣдей долженъ умереть одинъ человѣкъ.

Лисица.

Буряты Молькинского вѣдомства черную лисицу или огневку (побурятски галта хара ўнэгэн, въ буквальномъ переводе: „огненно-черная лисица“) называютъ „собакою Эрлэнъ-хана“ *). Если кто убьетъ эту лисицу, долженъ зарыть ее въ очагъ огня и держать ее спрятанной такимъ образомъ въ продолженіи трехъ лѣтъ; Эрлэнъ-ханъ будетъ три года искать

*) Эрлэаъ-ханъ, царь подземного царства, царь мертвыхъ.

убитую лисицу, но, спрятанную въ очагѣ, не найдеть и прекратить поиски. Если же человѣкъ спрячетъ лисицу не въ очагѣ, а въ какое-либо другое мѣсто. Эрлэнъ-ханъ найдеть свою „собаку“ лисицу и убившаго ее человѣка жестоко накажеть.

Сурокъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ, если сурокъ (побурятски зумара) въ домѣ или подъ домомъ человѣка выроетъ себѣ нору, это худо; нужно скорѣе убить сурка*).

Волкъ.

- 1) Если во время облавы гонимый волкъ забѣжитъ кому-нибудь во дворъ или въ сарай и если тутъ убьютъ волка, это дурная примѣта; въ томъ домѣ случится несчастье или кто-нибудь въ немъ заболѣтъ; поэтому хозяева дома въ такихъ случаяхъ обыкновенно не даютъ убить волка въ своемъ дворѣ и стараются выгнать волка изъ двора, чтобы онъ былъ убитъ въ открытомъ мѣстѣ.
- 2) Если волки нападаютъ на людей или гоняются за людьми и хотятъ ихъ сѣсть, это значитъ будетъ война.
- 3) Если во время облавы убьютъ волка, то пролитую имъ кровь забрасываютъ снѣгомъ. Если же кровь останется не покрытою, то будетъ холодный вѣтеръ со снѣгомъ, такъ называемая „зада“.
- 4) Во время облавы на волковъ унгинскіе буряты соблюдаютъ старинный обычай: когда убьютъ волка, то шкуру съ него снимаютъ вмѣстѣ съ головой, съ дыхательнымъ горломъ,

* Подъ сурокомъ авторъ разумѣетъ, кажется, звѣрка, котораго въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ сусликомъ. Ред.

съ сердцемъ и съ легкими; такимъ образомъ вырѣзанная часть называется по бурятски хүрай, а обрядъ называется „хүралхъ“. Снятую въ такомъ видѣ шкуру волка съ такими прилатками, сушать и хранять до окончанія облавы. Облавы на волковъ у унгинскихъ бурятъ бывають обыкновенно, когда дѣлается тепло, а прекращаются, когда растаетъ снѣгъ. Когда облавы прекратятся, голову и хүрай отрѣзываютъ отъ шкуры и бросаютъ на амбаръ или на сарай. Если голову и хүрай отдѣлять отъ шкуры до окончанія облавы или снимутъ шкуру безъ головы и хүрая, то убивать волковъ не удастся; волки будутъ убѣгать отъ облавщиковъ; когда облава не удачна, буряты говорятъ: улѣ унтара, „фартъ погасъ“.

Мышь.

1. Если мышь въ чью-нибудь одежду или въ унты, въ сапоги и т. п. натаскаетъ круглого или печенаго хлѣба, или что-нибудь другое, это считается хорошею примѣтой; тому человѣку будетъ счастье и прибыль.

2. По повѣрю бурятъ Бильширскаго вѣдомства, если мышь въ чьейнибудь одеждѣ принесеть дѣтенышей, это считается хорошею примѣтой.

3. Унгинские буряты считаютъ худою примѣтой, если мышь изгрызетъ чью-нибудь одежду или часть ея.

4. Если въ концѣ лѣта или осени мыши рано приносятъ дѣтенышей и рано ихъ выводятъ, это означаетъ, что рано упадетъ снѣгъ. Если мыши поздно выводятъ дѣтей, то значитъ, снѣгъ упадетъ поздно и осень будетъ теплая и долгая.

5. Если мыши на пашняхъ и въ соломѣ гнѣзда для своихъ дѣтей устраиваютъ высоко, это означаетъ, что будетъ глубокий и большой снѣгъ; если гнѣзда устраиваютъ низко, снѣгъ будетъ малый.

6. По повѣрю бурять мыши кладутъ въ свое гнѣзда волшебный камень; кто его найдетъ и возьметъ, тотъ будетъ счастливъ.

7. По повѣрю молькинскихъ бурять есть мышь, называемая „ада-хулгана“; эта мышь черезъ известное время линяетъ и дѣлается „ада“. Кто увидитъ эту мышь, долженъ убить ее.

8. По повѣрю бурять Боянского вѣдомства есть мышь, называемая хэрэсэ-хулгана, которая черезъ известное время линяетъ и дѣлается „ада“.

9. По повѣрю унгинскихъ бурять если человѣкъ увидить бѣлую мышь (по бурятски саган-хулгана), онъ долженъ убить ее, снять ея шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себѣ, потому что бѣлая мышь приносить счастье, особенно въ торговлѣ. Мясо бѣлой мыши высушиваютъ и хранятъ, потому что оно имѣеть цѣлебное свойство отъ разныхъ болѣзней; больной человѣкъ скоро выздоравливаетъ, если поѣсть мясо бѣлой мыши. Бѣлыхъ мышей видѣть очень счастливые люди.

10. По повѣрю бурять Унгинского вѣдомства мышь такъ называемая „атаха хулгана“ или „үргэнши хулгана“ выпросила у Бога разрѣшеніе кормить половину его людей; вслѣдствіе этого мышь „үргэнши хулгана“ все лѣто собираетъ саранку (по бурятски харана) и другіе корни и кладетъ ихъ въ особо вырытую яму, чтобы люди взяли ихъ изъ ямы и ёли. Когда люди находятъ этотъ мышний запасъ и берутъ, мышь радуется; а если не находятъ, то печалится и даже удавливается. Въ первомъ случаѣ мышь говоритъ, что ея черный трудъ не пропалъ, а во второмъ, плача, говоритъ: „трудъ даромъ пропалъ“. Убить мышь „атаха хулгана“ буряты считаютъ за грѣхъ.

лосеребряный дворецъ Ута-Саганъ-батара, который сидѣль на золотомъ тронѣ. Войдя во дворецъ, завистливый дядя Хара-Сотонъ царскимъ здоровьемъ здоровается и какъ царица кланяется своему племяннику Ута-Саганъ-батару; Ута-Саганъ-батарь приглашаетъ его сѣсть на правой сторонѣ и спрашивается: „Съ которой стороны, съ какой земли, куда ёдешь и какъ тебя зовутъ“? Тогда завистливый дядя Хара-Сотонъ говоритъ: „Я прїѣхалъ къ тебѣ прямо съ восточной стороны; я твой дядя Хара-Сотонъ: меня послалъ другой твой дядя доброжелательный Сарагаль-ноенъ, который приглашаетъ тебя въ гости къ себѣ“. Ута-Саганъ-батарь сильно обрадовался и говоритъ: „Невиденного дядю увидѣль и познакомаго дядю узналь; если дяди приглашаютъ прїѣхать, то мнѣ, племяннику, нечего сидѣть дома. Поѣду“! Такъ онъ говорилъ. И началъ угождать завистливаго дядю Хара-Сотона. Урма-Гохонъ-хатанъ поставила золотой столъ, положила на него вкусную пищу и поить гостя крѣпкимъ виномъ. Такъ племянникъ съ дядею гуляли. Послѣ гулянья Ута-Саганъ-батарь крикнулъ своего бѣлорогаго быстрого бѣлаго коня; услыхавъ голосъ своего хозяина, конь прибѣжалъ съ южной стороны Хобхя и съ сѣверной стороны Алтая. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь прибѣжалъ и остановился у серебряной коновязи и заржалъ звонкимъ голосомъ, говоря: „Хозяинъ абай, выходи“! Тогда Ута-Саганъ-батарь выходитъ на улицу, серебряною уздою взнузываетъ коня, серебрянымъ сѣдломъ сѣдлаетъ его и красивымъ красношелковымъ поводомъ привязываетъ къ серебряной коновязи; самъ входить во дворецъ, одѣвается въ шелковую одежду, сверху надѣваетъ черный желѣзный доспехъ. Послѣ этого они ёдуть вкусную пищу и пьютъ крѣпкое вино. Потомъ племянникъ Ута-Саганъ-батарь съ завистливымъ дядей Хара-Сотономъ выходятъ на улицу, садятся на своихъ коней и ёдуть прямо на восточную сторону.

Ута-Саганъ-батаръ на своемъ бѣлоротомъ быстромъ бѣломъ конѣ поѣхалъ рысью, а завистливый дядя Хара-Сотонъ на своемъ желтогнѣдомъ жеребчикѣ поѣхалъ во весь махъ и не можетъ догнать. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь бѣжитъ рысью, а изъ его носа выходить дымъ; между ушами его козелъ и баранъ, бодаясь, играются; на шеѣ хорекъ и горностай, бѣги бѣгая, играются; на шеѣ передъ сѣдломъ разведенъ костеръ; на кострѣ повѣшенъ котелокъ, въ котелкѣ кипитъ вода; на крестцѣ растетъ большой кедръ, на кедрѣ гнѣздятся семьдесятъ разныхъ птицъ; птицы поютъ и играютъ; на хвостѣ левъ и медвѣдь борются, играются; съ колѣнъ заднихъ ногъ огненная лава течеть и съ колѣнъ переднихъ ногъ ключи текутъ, въ которыхъ рыбы харюзы играютъ. Ута-Саганъ-батаръ, сидя на конѣ, удитъ жирныхъ харюзей; варить въ котлѣ и ёстъ. Сѣади ёдущій завистливый дядя Хара-Сотонъ, видя все это, думаетъ: „Если у человѣка родится сынъ, то такому молодцу родиться хорошо; если у кобылы родится жеребенокъ, то такому коню родиться хорошо“. Онъ никакъ не можетъ догнать племянника и отсталъ далеко. Ута-Саганъ-батаръ, такъ рыся, поѣхалъ далѣе. Пока завистливый дядя Хара-Сотонъ не проѣхалъ половину пути, Ута-Саганъ-батаръ уже прїѣхалъ къ бѣлосеребряному дворцу доброжелательного дяди Сарагалъ-ноена; прїѣхавши, остановился у серебряной коновязи, привязать къ ней своего коня красивымъ красно-шелковымъ поводомъ, а самъ входить во дворецъ, здоровается царскимъ привѣтствиемъ *) и кланяется, какъ царица, потомъ садится на правую сторону. Тогда доброжелательный дядя Сарагалъ-ноень, сидя, не помнить, что сидѣть, вставая не помнить, что онъ всталъ. Въ это время у доброжелательного дяди Сарагалъ-ноена сѣреныкое

) Въ подлиннике „здравствуй“. Ред.

сердце бьется и коротенькое ребро гнется отъ боязни. Доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ подаетъ своему племяннику побѣлиться *), а потомъ говоритъ: „Путнику, проѣхавшему дальний путь, хочется пить“! Съ этими словами онъ подаетъ своему племяннику въ чашкѣ приготовленную отраву вместо питья. Ута-Сагань-батаръ, взявши эту отраву, узнаетъ, что его хотятъ отравить. Онъ эту отраву льетъ на черный камень, камень раскололся на двѣ части; льетъ на рыжий камень, камень раздробился на мелкие куски. Тогда Ута-Сагань-батаръ сильно разсердился и эту отраву выбросилъ на улицу, схватилъ доброжелательного Сарагаль-ноена за сѣдые волосы и началъ бить. Доброжелательный Сарагаль-ноенъ, рыдая, плачетъ, какъ козель и какъ козуленокъ. Въ это время говоритъ: „Ай, собака, что дѣлаешь! думаешь ли, единственного на землѣ племянника отравлю отравою? Я хотѣль испробовать тебя! Прямо съ сѣверной стороны, съ дальней, дальней мѣстности пятнадцати-головый мангатхай Ашура-шара съ недавняго времени началъ угонять моего скота; я хотѣль тебя послать туда; если узнаешь, что въ чашкѣ отрава, то можешь ѿхать; если не узнаешь, то не можешь. Я не далъ бы пить отраву, а сказалъ бы, я пригласилъ тебя, чтобы послать къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-шара“. Такъ говорилъ доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ своему племяннику Ута-Сагань-батару, и тотъ пересталъ тогда бить своего дядя.

Послѣ этого Ута-Сагань-батаръ соглашается ѿхать и говоритъ: „Если доброжелательный дядя Сарагаль-ноенъ посыпаетъ меня къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-шара, то мнѣ, племяннику нечего сидѣть, потому что я не пріѣхалъ со свадьбою спокойно гулять и не пріѣхалъ на ве-

*) Т. е. угощаетъ чаемъ съ молокомъ.

черку весело гулять“! Съ этими словами онъ выходитъ изъ дворца, садится на своего бѣлоротаго быстраго бѣлаго бѣгунца и ѿдеть прямо на сѣверную сторону, гдѣ живеть пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-шара. Ута-Сагань-батарь єхаль и єхаль, и пріѣхаль къ одному непроходимому болоту, на которомъ росла такая густая чаща, что тоненькая змѣя не могла вползти въ нее. Ута-Сагань-батарь никакъ не можетъ проѣхать. Онъ и взадъ и впередъ єхаль и єхаль, не можетъ найти дорогу и наконецъ спрашиваетъ своего коня: какъ проѣхать это болото? Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Проехать это болото никакъ нельзя. Ты ищи въ моихъ гривахъ одинъ волосъ золотисто желтаго цвета и этимъ волосомъ три раза махни на это болото; тогда сдѣлается дорога“. Ута-Сагань-батарь едва, едва нашелъ въ гривѣ своего коня одинъ волосъ золотисто желтаго цвета; этимъ волосомъ три раза махнулъ надъ этимъ болотомъ, тогда вдругъ черезъ это болото сдѣлалась торная дорога, по которой онъ проѣхалъ рысью. Ута-Сагань-батарь ѿдеть далѣе и пріѣхалъ къ одной очень крутой и высокой горѣ, на которую никакъ не можетъ взѣхать. Онъ искалъ тропинки, но не нашелъ; рыситъ туда и сюда, нигдѣ нѣть проѣзда. Онъ спрашиваетъ своего коня: какъ проѣдемъ эту гору? Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Возвратись назадъ на однодневное разстояніе, я съ-бѣга вскачу на эту высокую гору, а ты только знай удержаться на миѣ“! Ута-Сагань-батарь возвратился на однодневное разстояніе, бѣлоротый быстрый бѣлый конь побѣжалъ и со всего размаха вскочилъ на самую вершину горы и говорить своему хозяину: „Поѣздка наша будетъ благополучной; побѣдимъ пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара“! Послѣ этого Ута-Сагань-батарь спустился съ этой горы на ту сторону, побѣжалъ далѣе и пріѣхалъ къ желтому морю, на берегу ко-

тораго стоитъ высокое дерево. На этомъ деревѣ сидятъ девять сыновей птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ; нѣкоторые изъ нихъ играютъ, одинъ поетъ пѣсню, другой говоритъ сказку, третій плачетъ. Ута-Сагань-батаръ подѣлжаетъ къ девяти сыновьямъ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубунъ и спрашиваетъ ихъ: отчего они такъ сидятъ, одинъ плачетъ, другой говоритъ сказку, третій поетъ пѣсню и другіе играютъ? Тогда девять сыновей Ханъ-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Скоро изъ желтаго моря выйдетъ большой змѣй; на передней сторонѣ онъ имѣеть золотую звѣзду. Этотъ большой змѣй сегодня сѣѣсть того, который плачетъ, а того, который говоритъ сказку, сѣѣсть завтра, а того, который поетъ пѣсню, послѣ-завтра, а тѣхъ изъ нась, которые играютъ, сѣѣсть послѣ, по одному каждый день. Когда эта змѣя выходитъ изъ желтаго моря, то высунетъ изъ воды одну голову и, разинувъ пасть, скажетъ: входи въ пасть! тогда тотъ, который плачетъ, входитъ въ пасть изъ боязни; большой змѣй, проглотивъ его, уходитъ въ море обратно“. Тогда Ута-Сагань-батаръ говоритъ имъ: „Нельзя ли змѣю убить“? Девять сыновей птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Побѣдить ее очень трудно! Она непобѣдима, потому что очень ядовита. Если ты убьешь ее, то самъ умрешь отъ яда, потому что тогда сдѣлается желтый ядовитый туманъ“. Тогда Ута-Сагань-батаръ говоритъ: „Можно попробовать. Кость хорошаго коня на задней сторонѣ, а кость хорошаго молодца на передней сторонѣ!“ Послѣ того Ута-Сагань-батаръ выкопалъ подъ деревомъ глубокую яму и спрятался въ нее съ конемъ; потомъ говоритъ девяти сыновьямъ птицы Ханъ-Хэрэгдэ-шубуна: „Когда большой змѣй высунетъ изъ воды голову и скажетъ: входи въ пасть! тогда отвѣчайте: если хочешь сѣѣсть, то приди и сѣѣши“! Ута-Сагань-батаръ, спрятавшись въ ямѣ, лежитъ, ожидая, когда выйдетъ изъ воды большой змѣй.

Черезъ нѣкоторое время желтое море начинаетъ колыхаться, а потомъ кипѣть; изъ воды высунулась голова большого змѣя, который, разинувъ пасть, говоритъ: входи въ мою пасть! Тогда девять сыновей Хань-Хэрэгдэ-шубуна говорятъ ему: „Если хочешь сѣѣсть, то приди, ёшь“! Большой змѣй говоритъ: „Если не хочешь входить въ мою пасть, то я вѣсь всѣхъ сразу проглочу“! Такъ говоря, этотъ большой змѣй выползаетъ изъ воды; на передней сторонѣ его видна золотая звѣзда. Лежащій въ ямѣ Ута-Сагань-батаръ беретъ лукъ и стрѣлу, прикладываетъ стрѣлу къ тетивѣ лука и натягиваетъ; въ это время говоритъ: „Если я присужденъ умереть, то иди безъ вѣсти, а если присужденъ побѣдить, то попади въ золотую звѣзду на передней сторонѣ змѣя и сквозь вылети!“ Такъ сказавъ, выстрѣлилъ. Стрѣла попала въ золотую звѣзду на передней сторонѣ змѣя; большой змѣй упалъ мертвый. Въ это время сдѣлался желтый ядовитый туманъ. Тогда девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубуна соскочили съ дерева, внизъ въ яму и накрыли Ута-Сагань-батара вмѣстѣ съ конемъ, чтобы они отъ этого желтаго ядовитаго тумана не умерли. Когда желтый ядовитый туманъ разсѣялся, девять сыновей Хань-Хэрэгдэ-шубуна выпустили Ута-Сагань-батара изъ ямы и съ конемъ, и сказали ему: „Ты избавилъ насъ отъ непобѣдимаго врага и спасъ намъ жизнь! Теперь подожди нашихъ родителей, которые скоро прилетятъ“. Ута-Сагань-батаръ говоритъ: „Я ёду въ дальний путь; мнѣ нѣкогда ждать. Вы, сидящіе люди, будьте счастливы, сидя, а я, ёдущий человѣкъ, да буду счастливъ, ёдя“.

Тогда девять сыновей птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ желають ему добра и говорятъ: „Побѣждай своихъ враговъ въ ёздѣ и годового жеребенка коня въ ёздѣ! Счастливо возвращайся обратно!“

Ута-Сагань-батаръ поѣхалъ далѣе. Ёдетъ впередъ; видитъ, высоко вверху пролетѣли двѣ птицы Хань-Хэрэгдэ-шубунъ

по направлению къ желтому морю. Ута-Сагань-батаръ поѣхалъ далѣе. Высоко летѣвшія двѣ птицы Хань-Хэрэгдэшубунъ прилетѣли къ желтому морю къ своимъ сыновьямъ, нашли ихъ всѣхъ живыми и играющими; тогда птицы Хань-Хэрэгдэшубунъ спрашиваются своихъ сыновей: „Какъ одного изъ васъ не сѣла большая змѣя, живущая въ желтомъ морѣ?“ Девять сыновей говорятъ: „Большого желтаго змѣя убилъ нѣкто Ута-Сагань-батаръ, который прятался въ этой ямѣ“. Тогда двѣ птицы Хань-Хэрэгдэшубунъ сильно обрадовались, что ихъ непобѣдимый врагъ побѣженъ. Они спрашиваются своихъ девять сыновей, куда уѣхалъ Ута-Сагань-батаръ; девять сыновей показали, куда онъ уѣхалъ. Тогда двѣ птицы Хань-Хэрэгдэшубуны полетѣли догонять Ута-Сагань-батара и догнали его; догнавши, говорятъ ему: „Ты побѣдилъ непобѣдимаго врага нашего и спасъ жизнь девяти сыновей нашихъ. Мы каждый годъносимъ девять яицъ, изъ которыхъ выходить девять сыновей, но ихъ каждый годъ сѣѣдалъ этотъ большой змѣй; гдѣ бы мы ни прятали своихъ сыновей, онъ вездѣ ихъ находитъ и сѣѣдаетъ. Мы никакъ не могли побѣдить его, а ты побѣдилъ нашего врага“. Потомъ двѣ птицы Хань-Хэрэгдэшубуны даютъ Ута-Сагань-батару золотой и серебряный кнуты и говорятъ: „Возьми этотъ золотой кнѣтъ; когда тебѣ захочется ёсть и пить, то махни этимъ золотымъ кнутомъ, тогда у тебя будетъ всякая пища и всякие напитки; ты ёшь и пей. Возьми также этотъ серебряный кнѣтъ; когда захочешь кого-нибудь поймать, махни имъ и скажи: поймай и вяжи! тогда тотъ будетъ пойманъ и привязанъ“. Ута-Сагань-батаръ взялъ отъ птицъ Хань-Хэрэгдэшубунъ золотой и серебряный кнуты и поѣхалъ далѣе. Двѣ птицы Хань-Хэрэгдэшубуны пожелали Ута-Сагань-батару, чтобы онъ во время ёзды побѣждалъ своихъ враговъ и кололь годовалаго жеребенка. По-

томъ онъ прилетѣли обратно къ желтому морю, къ своимъ девяти сыновьямъ.

Ута-Сагань-батарь ъхалъ и ъхалъ далѣе и пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, который живетъ въ черномъ желѣзномъ домѣ. Онъ остановился около желѣзного дома и кричитъ: „Выходи пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара“! Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ изъ дома и говоритъ: „Изъ какой пади, изъ какой земли пріѣхалъ, молодецъ, и куда ёдешь“? Ута-Сагань-батарь говоритъ: „Прямо изъ западной стороны, изъ далеко-дальней жѣстности. Меня зовутъ Ута-Сагань-батарь и я пріѣхалъ воевать съ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара“. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ, стоя: „Молодецъ, молодецъ! мясо твое мягко и кости твои еще хрящи! поѣзжай обратно домой“! Ута-Сагань-батарь говоритъ: „Мужчина-человѣкъ отъ своего желанія не отказывается; волкъ и собака, укусивши, не отпускаютъ и пробуютъ силы“. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара соглашается пробовать силы. Ута-Сагань-батарь слѣзаетъ съ своего коня, красивые красношелковые повода бросаетъ на сѣдло. Дѣвъ красивыя полы концами затыкаетъ за поясъ и два красивыя рукава засучить по локоть. Потомъ съ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара борется. Они боролись въ продолженіе трехъ сутокъ, не могутъ другъ друга побороть. Тогда они остановились; пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говоритъ: „Мы будемъ бѣгать въ бѣгъ; кто первый выѣдетъ на масляный бугоръ, тотъ побѣдить, а кто отстанетъ, тотъ выѣдетъ на кровяной бугоръ и будетъ побѣженъ“. Такъ они условились. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара ловить своего бѣлокраснаго пороза, садится на него и ёдетъ съ Ута-Сагань-батаромъ. Они стали бѣги бѣгать. Ута-Сагань-батарь бѣ-

жить впереди и показываетъ свои волшебные силы—изъ ноздрей бѣлорогаго быстрого бѣлаго коня дымъ валитъ, между ушами козель и баранъ, бодаясь, играютъ... (и такъ далѣе, какъ ранѣе было описано). Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, увидя это, также дѣлаетъ волшебства; желѣзныя бочки катятся впереди и позади бѣлокраснаго пороза. Ута-Саганъ-батаръ первый прискакалъ на масляный бугоръ, а пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отсталъ и вышелъ на кровавый бугоръ. Стоя каждый на свое мѣсто, они условились стрѣлять другъ въ друга; первому стрѣлять приходилось Ута-Саганъ-батару. Онъ беретъ свой лукъ, кладетъ стрѣлу на тетиву лука, натягиваетъ лукъ и говоритъ стрѣлѣ: „Если мнѣ суждено умереть, то иди безъ вѣсти, а если мнѣ суждено побѣдить, то попади пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара въ широкую грудь и вылети насквозь“! Такъ наказывая стрѣлѣ, онъ выстрѣлилъ. Стрѣла, выходя изъ рукъ, визжитъ, выходя изъ лука гудитъ. Такъ летя, прилетѣла стрѣла, попала въ грудь пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и вылетѣла насквозь. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, растянувшись, упалъ на спину; голова его лежала на подошвѣ одной горы, а ноги на подошвѣ другой. Потомъ онъ встаетъ съ помощью своихъ волшебныхъ силъ, смеется и говоритъ: „Думаешь, у человѣка-мужчины нѣтъ столько волшебной силы? Теперь очередь моя“! Постѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара беретъ свой топоръ, вѣсомъ въ восемьдесятъ пудовъ, и говоритъ этому топору: „Если мнѣ суждено умереть, то иди безъ вѣсти, а если суждено побѣдить, то отсѣки Ута-Саганъ-батару голову“! Такъ сказавъ, онъ бросилъ свой топоръ; выйдя изъ рукъ, топоръ сильно крутится и, гудя, летить къ Ута-Саганъ-батару. Ута-Саганъ-батаръ держать въ это время передъ собою черный камень

величиною съ быка; топоръ прилетѣлъ и разсыпъ черный камень величиною съ быка на двѣ части. Ута-Сагань-батарь поймалъ топоръ за топорище, ударилъ имъ въ сѣдло и стоять. За топоромъ на бѣлокрасномъ порозѣ скакетъ пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара. Когда онъ подъѣхалъ, Ута-Сагань-батарь говорить ему: „Бросая топоръ, не могъ попасть въ человѣка, а попалъ въ сѣдло“! Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорить: „Имѣющими острія мы не можемъ побѣдить другъ друга. Теперь будемъ воевать силою плеча“! Тогда Ута-Сагань-батарь слѣзъ съ своего коня, красивый красношелковый поводъ бросилъ на сѣдло; концы обѣихъ красивыхъ полъ заткнулъ за поясъ, два красивыхъ рукава засучилъ по локоть. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара тоже слѣзъ съ своего пороза и поводъ бросилъ на спину его, концы полъ заткнулъ за поясъ и оба рукава засучилъ по локоть. Потомъ оба они начали воевать силою плеча т. е. бороться. Они упираются впередъ и дѣлаютъ красную гору; упираются назадъ и дѣлаютъ сѣрую гору. Тонко-красная пыль по низменности разстилается; на землѣ сдѣлалось пыльно и туманно. Они воевали такъ въ продолженіе трехъ сутокъ и не могли побѣдить другъ друга; потому воевали еще въ продолженіи девяти сутокъ, не могли побѣдить другъ друга; потому продолжали воевать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; тоже не могли побѣдить другъ друга; потому продолжали воевать девять мѣсяцевъ, и наконецъ они воюютъ въ теченіе трехъ годовъ, никакъ не могутъ побѣдить другъ друга. Въ это время они воевали, если коню бросить—дѣйствительно ровно воевали, если бросить верблуду, то равнымъ равно воевали. Къ концу третьяго года они перестали воевать и говорять другъ другу: „Силами плеча мы не можемъ побѣдить другъ друга, а потому нужно искать другъ у друга душу. Кто впередъ

чью душу убьетъ, тотъ умретъ". Послѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара подаетъ Ута-Сагань-батару свою книгу Творца „шара-хударь“; тотъ беретъ и даетъ свою книгу Творца „шара хударь“ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара; и этотъ беретъ поданную ему книгу. Ута-Сагань-батаръ прочиталъ въ творцовой книжѣ „шара хударь“ пятнадцатиголоваго мангатахая Ашура-Шара, что у мангатахая Ашура-Шара три души. Одна его душа находится прямо на восточной сторонѣ на желтой степи; это золотогрудая сорока, которая на разстояніи сорокадневнаго пространства проглатываетъ всѣхъ; вторая его душа находится прямо на югозападной сторонѣ; тамъ на сѣренъкомъ бугрѣ болдоктынъ стоитъ небольшой храмъ, въ немъ сидятъ тринадцать птицъ бѣдѣнѣ *); а третья душа его находится на сѣверной сторонѣ; на днѣ желтаго озера лежить, какъ жиръ, бѣлый камень; въ этомъ камнѣ сидитъ серебряный заяцъ. Пятнадцатиголовый мангатахай Ашура-Шара, взявши творцову книгу (шара худар) Ута-Сагань-батара, читаетъ въ ней, что Ута-Сагань-батаръ имѣетъ три души; онѣ находятся прямо на западной сторонѣ; далеко въ дальнемъ мѣстѣ стоитъ бѣлосеребряный храмъ, въ сѣверо-восточномъ углу его находится глубокая яма хурь-тама глубиною 80 саженъ; на днѣ этой хурь-тама стоитъ озеро живой воды, которая гладко чернѣется; въ этомъ озерѣ живой воды играютъ три большихъ тальменя. Въ югозападномъ углу храма стоитъ бѣлокостяной столъ; на немъ лежитъ бѣлокостяная собака, которая днемъ три раза лаетъ и ночью три раза лаетъ. Въ югозападномъ углу бѣлосеребряный зайчикъ день и ночь играетъ, все узнавая. Когда они прочитали и узнали, гдѣ находятся ихъ души, они пе-

*.) Бѣдѣнѣ — переводъ.

редали другъ другу свои творческія книги. Послѣ этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашурा-Шара съ Ута-Сагань-батаромъ пріѣхалъ домой; когда они вошли въ домъ, увидѣли, тамъ стоитъ необыкновенно красивая дѣвица, отъ правой щеки свѣтилась правая стѣна, отъ лѣвой щеки свѣтилась лѣвая стѣна. Эта красивая дѣвица была дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашурा-Шара. Она тихо, плавно ходила—выростала тонкая трава, тихо нагибаясь ходила—овцы и ягнята кричали. Такъ ходя, она поставила передъ Ута-Сагань-батаромъ золотой столъ, на столъ поставила вкусные кушанья; поставила серебряный столъ, на немъ поставила дѣйствительно вкусныя кушанья. Ута-Сагань-батарь ъелъ ихъ; онъ глоталъ ихъ, какъ волкъ и какъ птица, клевалъ; набѣлся досыта и сидѣть. Стало поздно и онъ остался ночевать у пятнадцатиголоваго мангатхая Ашурा-Шара.

Ута-Сагань-батарь влюбился въ необыкновенно красивую дочь пятнадцати головаго мангатхая Ашурा-Шара, а потому провелъ здѣсь нѣсколько дней. Однажды она говорить: „Ты съ моимъ отцомъ воевалъ. Вы не могли побѣдить другъ друга, а потому рѣшили искать другъ у друга души, чтобы убивъ душу, умертвить противника. Но тебѣ очень трудно будетъ подѣбажать къ золотогрудой сорокѣ, которая съ сорокадневнаго разстоянія все проглатываетъ. Какъ ты подойдешь? Я дамъ тебѣ золотое кольцо, которое ты покажешь золотогрудой сорокѣ, тогда она тебя не проглотить“. Ута-Сагань-батарь выходитъ на улицу и спрашивается своего коня: „Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашурा-Шара даетъ мнѣ золотое кольцо; если его показать золотогрудой сорокѣ, то она не будетъ насъ проглатывать. Брать ли это золотое кольцо или нѣть“? Тогда бѣлоротый бѣлый быстрый конь говоритъ своему хозяину: „Не бери это золотое кольцо. Она обманываетъ тебя. Надѣйся на меня“.

Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ въ восточную сторону къ золотогрудой сорокѣ. Онъ ѻхалъ и ѻхалъ и наконецъ прїѣхалъ къ золотогрудой сорокѣ, которая дѣйствительно съ сорокадневнаго растоянія всѣхъ проглатываетъ. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь заднимъ проходомъ *) начинаетъ играть и пѣть, восхваляя золотогрудую сороку, а та слушая игру и пѣсни, перестала проглатывать съ сорокадневнаго разстоянія. Тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь начинаетъ ходить вокругъ золотогрудой сороки; каждый разъ подходитъ все ближе и ближе и все продолжаетъ играть и пѣть, восхваляя золотогрудую сороку такими словами: „Какая большая и красивая птица! такая красивая птица гдѣ ходила? я прежде не видалъ ее“! Золотогрудая сорока, слушая, начала дремать. Бѣлоротый быстрый бѣлый бѣгунецъ началъ играть и пѣть пуще прежняго; тогда золотогрудая сорока заснула. Въ это время Ута-Саганъ-батаръ подѣжалъ на конѣ къ золотогрудой сорокѣ, отрубилъ ей голову, а тѣло разрубилъ на двѣ части. Тогда изнутри золотогрудой сороки вышло множество людей, разнаго скота, звѣрей и птицъ; всѣ они вышли съ крикомъ, шумомъ, благословляя Ута-Саганъ-батара и говоря: „На будущее время всегда побѣждай своихъ враговъ и коли годовалыхъ жеребятъ и насть, простыхъ людей, спасай“! Всѣ люди, вышедши изъ золотогрудой сороки, разѣхались въ разныя стороны, говоря: „Я такого-то царя подданный“! „Я этого царя подданный“! Разные звѣри разѣжались по лѣсамъ, а скотъ разбрелся по степямъ; птицы полетѣли въ разныя стороны. Ута-Саганъ-батаръ разрубленную золотогрудую сороку сожегъ на кострѣ, оставшійся пепель березовою лопатою разбросалъ на сѣверную сторону, осиновою лопатою разбросалъ на южную сторону.

*) Anus.

Послѣ этого Ута-Саганъ-батарь поѣхалъ на южную сторону за тринадцатью птицами бѣдѣнѣ. Онъ ѻхалъ и ѻхалъ и пріѣхалъ на сѣренѣкій бугоръ болдокто къ храму, въ которомъ живутъ тринадцать птицъ бѣдѣнѣ, но онѣ изъ храма вылетѣли. Тогда Ута-Саганъ-батарь съ помощью своихъ волшебныхъ силъ сдѣлалъ такъ, что пошелъ сильный дождь, потомъ градъ и наконецъ снѣгъ; послѣ этого сдѣлалъ такой сильный морозъ, что рога быка лопались отъ холода, а на ладони своей сдѣлалъ солнышко, которое свѣтитъ и распространяетъ лучи, Немного погодя всѣ тринадцать птичекъ бѣдѣнѣ прилетѣли сверху, спустились внизъ и сѣли на ладонь Ута-Саганъ-батара, чтобы согрѣться около солнышка; сѣли и дрожать отъ холода. Въ это время Ута-Саганъ-батарь поймалъ всѣхъ тринадцать птичекъ бѣдѣнѣ; десять изъ нихъ раздавилъ, а три оставилъ и положилъ въ кармань. Послѣ этого Ута-Саганъ-батарь поѣхалъ на сѣверную сторону къ желтому озеру. Онъ ѻхалъ и ѻхалъ и пріѣхалъ къ желтому озеру, но никакъ не можетъ достать изъ него какъ жиръ, бѣлый камень. Съ помощью своихъ волшебныхъ силъ онъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конское кало начало кипѣть и вода въ желтомъ озерѣ тоже начала кипѣть. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ вода желтаго озера вся выкипѣла и дно озера высохло; тогда онъ разыскаль, какъ жиръ, бѣлый камень. Никакъ не можетъ разбить этотъ камень; всѣ свои орудія сломалъ объ него. Тогда Ута-Саганъ-батарь спрашиваетъ у своего коня, какъ разбить этотъ, какъ жиръ, бѣлый камень. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Этотъ камень никакъ не разбѣешь! А нужно его положить на семь дней въ вонючее черное озеро. Я буду день и ночь караулить этотъ камень“. Тогда Ута-Саганъ-батарь увезъ этотъ камень къ вонючему черному озеру и положилъ его въ озеро на семь дней, а конь его день и ночь караулилъ.

По прошествии семи дней Ута-Сагань-батаръ досталъ этотъ камень изъ вонючаго чернаго озера, едва, едва раздавилъ его и вынулъ серебрянаго зайца. Пріѣзжаетъ Ута-Сагань-батаръ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и кричитъ: „Выходи поскорѣе на улицу“! Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ на улицу съ повязанною головой и говоритъ, что у него заболѣла голова, никакъ не могъѣхать. Ута-Сагань-батаръ показываетъ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара его души, трехъ птичекъ бѣднѣй и серебрянаго зайчика. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара проситъ Ута-Сагань-батара не убивать его. Тогда выходитъ необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара и говорить: „Не убивай моего отца, если любишь меня“. Тогда Ута-Сагань-батаръ три птички бѣднѣй отдаетъ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, а серебрянаго зайца раздавилъ. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара сдѣлался безъ волшебныхъ силъ, сталъ безсильнымъ, какъ простой человѣкъ. Ута-Сагань-батаръ слѣзъ съ коня и отпустилъ его, а самъ пошелъ въ домъ. Онъ прожилъ тутъ несколько дней, по прошествии которыхъ пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорить ему: „Ты поѣзжай къ птицѣ Хань-Хэрэгдэшубунъ, вырви одно перо изъ ея праваго крыла и привези мнѣ. Мои глаза стали очень слабы. Хочу писать перомъ птицы Хань-Хэрэгдэ-шубуя“. Ута-Сагань-батаръ поймалъ коня, осѣдалъ его и поѣхалъ къ Хань-Хэрэгдэ-шубуну, пріѣхалъ и говорить: „Я пріѣхалъ за перомъ изъ твоего праваго крыла; я хочу его увезти для пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара; онъ имъ хочетъ писать, такъ какъ его глаза стали слабы“. Птица Хань-Хэрэгдэ-шубунъ говорить: „Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара нарочно послалъ тебя ко мнѣ, чтобы я тебя сѣѣль. Другого я и стѣль бы,

а тебя нельзя, потому что ты побѣдилъ моего непобѣдимаго врага желтаго змѣя Абарга". Съ этими словами птица Хань-Хэрэгдэшубунъ вырываетъ одно перо изъ своего праваго крыла, отдаетъ Ута-Саганъ-батару и говоритъ: „Ты это перо держи на чистомъ мѣстѣ". Ута-Саганъ-батарь, получивъ перо, пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашуре-Шара и подаетъ перо Хань-Хэрэгдэшубуна. Мангатхай сильно испугался и говоритъ: „Унеси ты его и брось; теперь мнѣ не нужно". Ута-Саганъ-батарь отвезъ это перо обратно къ птицѣ Хань-Хэрэгдэшубуну; та взяла перо, вставила въ старое мѣсто и говоритъ Ута-Саганъ-батару: „Ты скорѣе уѣзжай домой! Они тебя убьютъ обманомъ". Ута-Саганъ-батарь опять пріѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашуре-Шара и живеть у него.

Нѣсколько времени спустя пятнадцатиголовый мангатхай Ашуре-Шара говоритъ ему: „Поѣзжай отсюда къ востоку. Тамъ въ тайгѣ ходить большой левъ; поймай его и приведи ко мнѣ! Я буду держать его вмѣсто собаки". Ута-Саганъ-батарь поѣхалъ на восточную сторону въ тайгу, гдѣ издалека увидѣлъ большого страшно сильнаго льва. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ своему хозяину: „Ты не поймаешь этого большого льва; онъ очень сильный, сѣсть тебя. Если нужно поймать, то это мы можемъ сдѣлать только обманомъ. Иначе онъ нась обоихъ сѣсть". Сказавъ это, бѣлоротый быстрый бѣлый конь начинаетъ заднимъ проходомъ играть и пѣть, расхваливая этого льва, а левъ слушаетъ эту игру и пѣсню. Бѣлоротый быстрый бѣлый конь играетъ и поетъ пуще прежнаго, ходить вокругъ льва, каждый разъ все ближе и ближе подѣзжаетъ. Этотъ большой левъ, слушая игру и пѣсню, начинаетъ дремать; тогда бѣлоротый быстрый бѣлый конь еще пуще прежнаго начинаетъ играть и пѣть; большой левъ, слушая эту игру и пѣсню, заснуль. Въ

это время Ута-Саганъ-батарь осторожно подходит къ спящему льву, надѣваетъ на его ноги желѣзную цѣпь, на шею тоже надѣваетъ желѣзную цѣпь и пасть этого льва замыкаетъ большимъ желѣзнымъ замкомъ. Потомъ онъ разбудилъ этого льва и повелъ за конемъ. Когда онъ приѣхалъ къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, то льва привязалъ къ коновязи, а самъ вошелъ въ домъ и говоритъ: „Возьми большого льва, которого я привель“! Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходитъ на улицу; увидѣвъ привязанного большого льва, онъ сильно испугался и чуть, чуть не упалъ, а, входя обратно въ домъ, говоритъ Ута-Саганъ-батару: „Уведи этого льва и отпусти въ тайгѣ. Я тебѣ не этого льва велѣлъ привести, а другого“. Ута-Саганъ-батарь побоялся увести льва обратно и отпустить; отпущенныи, онъ можетъ сѣсть его самого, а потому оставилъ его привязаннымъ.

Черезъ нѣкоторое время бѣлоротый быстрый бѣлый конь ржетъ-говоритъ: „Хозяинъ мой, выходи скорѣе“! Ута-Саганъ-батарь выходитъ на улицу и видитъ, что бѣлоротый быстрый бѣлый конь отъ постоянной ъзды едва стоитъ на ногахъ, шатается во всѣ стороны; четыре копыта его едва держатся на ногахъ, оба глаза его едва держатся въ ямахъ. Конь говоритъ: „Скорѣе снимай съ меня сѣдло и узду! Я какъ нибудь пойду домой, чтобы тамъ, на родинѣ, сложить свои кости“. Тогда у Ута-Саганъ-батара изъ гладко-черныхъ глазъ потекли слезы, изъ золотисто-черныхъ глазъ закапали слезы. Обнявши голову своей лошади, рыдая, онъ заплакалъ, отчего высокое небо гудѣло, широкая земля тряслась. Онъ говоритъ: „Съ твою помошью я побѣждалъ своихъ враговъ; я совѣтовался съ тобою; теперь кто мнѣ дастъ совѣтъ? Бѣлоротый быстрый бѣлый конь говоритъ: „Хозяинъ мой, не плачь! Отъ кобылы родится жеребенокъ. Скорѣе отпусти

меня! я пойду на родину". Тогда Ута-Сагань-батарь снялъ съдло и узду съ своего коня и отпустилъ его; конь пошелъ прямо на западную сторону, пошелъ спотыкаясь и шатаясь на всѣ стороны, на пути на тотъ кустъ ткнется, это дерево задѣнетъ. Такъ поплелся бѣлоротый быстрый бѣлый конь. Ута-Сагань-батарь долго смотрѣлъ во слѣдъ коню. Въ это время въ грудь его входять отвердѣвшія думы, въ умъ его входятъ болѣзненныя думы. Войдя въ домъ, онъ сѣлъ и повѣсила голову; пригорюнившись сидитъ. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара говоритъ ему: „Отчего у тебя въ рѣсницахъ будто слезы, въ груди твоей какъ будто есть думы? Ты скажи моему отцу: Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка въ котлѣ не помѣщается. Пойду домой! И проси у моего отца коня золотистосолового цвѣта и меня возьми съ собой". На другой день Ута-Сагань-батарь говоритъ пятнадцатиголовому мангатху Ашура-Шара: „Я пойду домой! Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка въ котлѣ не помѣщается. Дай мнѣ коня золотисто-солового цвѣта. Иначе тебя убью и все увезу съ собой". Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отдалъ Ута-Сагань-батару коня золотисто-солового цвѣта. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара тоже начала приготовлятьсяѣхать къ Ута-Сагань-батару. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара спрашиваетъ у дочери: „Что съ собою возьмешь? половину золота, серебра и разнаго скота"? Дочь отвѣчаетъ ему: „Мнѣ не нужно ни золота, ни серебра, ни разнаго скота; они будутъ только мѣшать въ дорогѣ. А дай мнѣ изъ золота и серебра одну денежку, изъ табуна одного жеребенка, изъ коровъ теленка, изъ овецъ ягненка и изъ козъ козленка". Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара согласился и отдалъ, что она просила. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого

Ута-Сагань-батаръ приготовилъ все къ отъѣзду, онъ поѣхалъ домой вмѣстѣ съ необыкновенно красивой дочерью пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара. Она взяла съ собою полученные отъ отца изъ денегъ денежку, изъ табуновъ жеребенка, изъ коровъ теленка, изъ овецъ ягненка, изъ козъ козленка; золото и серебро пошли за денежкой, всѣ табуны лошадей пошли за жеребенкомъ, всѣ коровы и быки пошли за теленкомъ, всѣ овцы пошли за ягненкомъ и всѣ козлы и козы пошли за козленкомъ. У пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара остался одинъ только бѣлокрасный порозъ. Тогда онъ сѣлъ на пороза и поѣхалъ догонять Ута-Сагань-батара и свою дочь; догнавши, онъ молитъ ихъ дать ему изъ золота, серебра и разнаго скота столько, чтобы ему хватило Ѣсть до смерти; дочь дала ему часть золота, серебра и разнаго скота, сколько нужно, чтобы ему хватило до смерти. Получивъ отъ дочери часть золота, серебра и разнаго скота, пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отправился обратно домой, а Ута-Сагань-батаръ съ дочерью пятнадцатиголоваго мангатхая продолжаютъ Ѣхать впередъ; разнаго скота гонятъ, едва ломящая его въ пади*), едва напаивая въ ручьяхъ. Когда прїѣхали къ высокой горѣ, Ута-Сагань-батаръ нашелъ тутъ своего бѣлорогаго быстрого бѣлого коня; ослѣпнувъ, онъ ходилъ тутъ взадъ и впередъ около горы; не находилъ прохода, обѣ этой каменный утесъ стукался головою, обѣ тотъ камень спотыкаясь, падалъ. Тогда Ута-Сагань-батаръ говоритъ: „Мой бѣлоротый быстрый бѣлый конь ходить здѣсь, ослѣпшій“. Необыкновенно красива дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара даетъ Ута-Сагань-батару ножницы-рыбу**) и говоритъ: „Распори брюхо этой

*) Падь—сибирскій провинціализмъ, значитъ „горная долина“.

**) Лобурнѣски хашы лагахан.

ножницы-рыбѣ, вынь изъ нея икру и вымажь ею глаза и ноги бѣлоротаго быстраго бѣлаго коня; тогда онъ выздоровѣтъ и станетъ лучше прежняго. Ута-Саганъ-батаръ взялъ ножницы-рыбу, распороль ей брюхо, вынуль изъ нея икру и этою икрою помазаль глаза и ноги бѣлоротаго быстраго бѣлаго коня; конь выздоровѣлъ и сталъ красивѣе и лучше прежняго. Ута-Саганъ-батаръ сильно обрадовался, что у него бѣлоротый быстрый бѣлый конь выздоровѣлъ; золотистосолового коня онъ отпустилъ въ табуны. Постѣ этого Ута-Саганъ-батаръ со всѣмъ скотомъ проѣхалъ черезъ гору и говорить необыкновенно красивой дочери пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара: „Поѣзжайте по сдѣланной чертѣ, а гдѣ будеть сдѣланъ кружокъ, тамъ и очуйте“. Давъ такое распоряженіе, Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ впередъ.

Когда Ута-Саганъ-батаръ поѣхалъ воевать съ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара и въ то время, какъ онъ жилъ у него, завистливый дядя Хара-Сотонъ прїѣхалъ въ его отсутствіе къ Ута-Саганъ-батаровой женѣ Урма-Гохонъ-хатанъ и побоями и угрозами заставилъ ее выходить за него замужъ. Онъ говорилъ ей, что Ута-Саганъ-батаръ убить на войнѣ пятнадцатиголовымъ мангатхаемъ Ашура-Шара. Завистливый дядя Хара-Сотонъ, женившись на женщинѣ Урма-Гохонъ-хатанъ, жилъ во дворцѣ своего племянника Ута-Саганъ-батара и управлять его царствомъ, какъ царь. Каждый день онъ катался въ черной желѣзной коляскѣ, въ которую запрягалось четыре карихъ иноходца. Онъ катался по черному желѣзному мосту.

Ута-Саганъ-батаръ, прїѣхавъ домой, превратился въ нищаго въ разорваной одеждѣ; шляпа на его головѣ была дырявая, на ногахъ были волосяные чарки*) безъ подошвъ; онъ

*) Чарки—обувь сибирскихъ крестьянъ.

всталъ на концѣ желѣзного моста и просить подаянія. Въ это время пріѣхалъ завистливый дядя Хара-Сотонъ, катавшійся по черному желѣзному мосту въ черной желѣзной коляскѣ, запряженной четырьмя карими иноходцами. Когда завистливый дядя Хара-Сотонъ поравнялся со стоящимъ нищимъ, онъ бросилъ ему въ подаяніе одну копейку; на обратномъ пути онъ бросилъ этому нищему двѣ копейки; проѣзжая въ третій разъ, онъ бросилъ ему три копейки. Тогда этотъ ницій превратился снова въ Ута-Саганъ-батара; подойдя къ черной желѣзной коляскѣ, Ута-Саганъ-батаръ поймалъ завистливаго дядю Хара-Сотона за сѣдыя волосы, выдернулъ изъ повозки и началъ бить. Завистливый дядя Хара-Сотонъ плачетъ и рыдаетъ, какъ козель и какъ козуленокъ. Ута-Саганъ-батаръ говорить: „Зачѣмъ ты меня мучилъ столько времени? Сколько я страдалъ отъ трудной войны“! Послѣ этого онъ приколотилъ завистливаго дядю Хара-Сотона желѣзными гвоздями къ деревянному столбу на разстани трехъ дорогъ; подъ нимъ поставилъ деревянную бочку, а на деревянномъ столѣ написать, что каждый єдущій мимо долженъ отъ тѣла завистливаго дяди Хара-Сотона отрѣзать кусокъ мяса и положить въ бочку. Если кто не исполнитъ это, тотъ не долго будетъ жить или будетъ несчастливъ въ долгой жизни. Каждый проѣзжающій отрѣзывалъ отъ тѣла завистливаго дяди Хара-Сотона кусокъ мяса и клалъ въ бочку. Потомъ Ута-Саганъ-батаръ подходитъ къ своему дворцу и входить въ него. Урма-Гохонъ-абаха, увидѣвъ своего мужа Ута-Саганъ-батара, сильно обрадовалась. Они цѣлуются, обнявшись. Потомъ Урма-Гохонъ-абаха спрашиваетъ своего мужа: „Гдѣ ты былъ такъ долго? Я думала, что ты побѣжденъ врагами“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ рассказалъ обо всѣхъ своихъ похожденіяхъ. Урма-Гохонъ-абаха тихо-плавно ходила, выростала тонкая трава, тихо нагибаясь ходила, овцы и яг-

ната кричали. Такъ расхаживая, она поставила передъ своимъ мужемъ золотой столъ; на столъ поставила вкусныя яства; поставила передъ мужемъ серебряный столъ, на него поставила дѣйствительно вкусныя яства. Ута-Сагань-батаръ бѣль ихъ, какъ волкъ, глоталъ, какъ птица, клевалъ, и запивалъ крѣпкимъ виномъ. Когда Ута-Сагань-батаръ наѣлся до сыта, то выходитъ на улицу и отпускаетъ бѣлорогаго быстрого бѣлаго коня, и конь уходитъ пастись на сѣверную сторону Алтая и на южную сторону Хѣхѣя. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого прїѣхала необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашурा-Шара и Ута-Сагань-батаръ женился на ней; она сдѣлалась младшей женой; Ута-Сагань-батаръ съ помощью своихъ волшебныхъ силъ построилъ для нея бѣлосеребряный дворецъ, въ которомъ она и стала жить. Такимъ образомъ Ута-Сагань-батаръ жилъ по прежнему счастливо съ двумя прекрасными женами.

Однажды старшая жена Урма-Гохонь-абаха заболѣла и легла на высокія подушки и на широкую постель. Она говоритъ своему мужу Ута-Сагань-батару: „Во время твоей поѣздки къ пятнадцатиголовому мангатхаю Ашурा-Шара у меня родился сынъ, котораго я, боясь, что завистливый дядя Хара-Сотонъ убьетъ его, спрятала въ очагѣ, вырывъ яму глубиною въ 80 сажень; завистливый дядя Хара-Сотонъ не знаетъ этого. Ты не вырывай этого нашего сына до сорока трехъ лѣтъ; если ему суждено быть человѣкомъ, онъ самъ выйдетъ. Ты обѣ немъ никому не говори“. Сказавъ эти слова, Урма-Гохонь-хатанъ умерла. Ута-Сагань-батаръ, обнявши голову своей жены, плачетъ и рыдаетъ; отъ этого плача и рыданія высокое небо гудитъ и широкая земля трясется. Ута-Сагань-батаръ говорить: „Подружившаяся со мной съ темнаго дѣтства подруга моя умерла! какъ теперь буду жить“! Такъ плача и рыдая, сидѣль онъ въ продолженіи девяти дней и

ночей; по прошествии ихъ остановился и говорить: „Если умершаго долго жалѣть, то говорять: вблизи несчастье и въ далекомъ грѣхъ“. Такъ сказавъ, Ута-Саганъ-батаръ всталъ, свою умершую жену положилъ на спину, переднюю сторону тѣла высеребрилъ; сдѣлалъ золотой гробъ и положилъ въ него тѣло жены Урма-Гохонъ-хатанъ; сверхъ золотого гроба сдѣлалъ серебряный гробъ, а сверхъ серебрянаго сдѣлалъ деревянный гробъ. Потомъ въ табунѣ поймалъ большую бѣлую кобылу; взявши гробъ Урма-Гохонъ-хатаны и ведя за собою большую бѣлую кобылу, онъ пошелъ къ горѣ Анга-Уланъ *); когда пришелъ къ подошвѣ горы Анга-Уланъ, бѣлою кобылою сдѣлалъ талганъ **) и молится горѣ Ангай-Уланъ: „Гора моя, Ангай-Уланъ! отройся! хочу положить кости жены своей, чтобы въ лѣтніе жары не потѣла, въ зимніе холода не мерзла“! Тогда гора Ангай-Уланъ открылась. Ута-Саганъ-батаръ положилъ внутрь горы Ангай-Уланъ тѣло своей жены.

Потомъ Ута-Саганъ-батаръ приходитъ домой и живетъ счастливо съ младшею женою. Черезъ нѣсколько времени у младшей жены родился сынъ съ десятью головами. Ута-Саганъ-батаръ большими удивленіемъ удивился, что у него отъ младшей жены родился десятиголовый мангатхай Ангиръ-Шара. Этотъ родившійся десятиголовый сынъ постепенно растетъ все больше и больше. Сынъ жены Урма-Гохонъ-абаха по прошествіи сорока трехъ лѣтъ выходитъ изъ-подъ очага и, превратившись въ трехлѣтняго мальчика, сидитъ на вершинѣ серебряной коновязи и играетъ. Ута-Саганъ-батаръ, выйдя на улицу, видить этого мальчика, узнаетъ, что этотъ мальчикъ сынъ его, родившійся отъ Урма-Гохонъ-абаха, снимаетъ его съ вершины серебряной коновязи и уносить во дворецъ.

*) Анга-Уланъ, по мнѣнію бурятъ, гора, въ которой хоронятъ покойниковъ.

**) Талганъ — поминки съ закланіемъ жертвенаго животнаго.

Два сына Ута-Саганъ-батара постоянно ссорятся между собою. Старший сынъ отъ Урма-Гохонъ-абаха живеть съ отцомъ, а младшій десятиголовый сынъ съ матерью. Когда эти два сына Ута-Саганъ-батара выросли большими, то воевали между собою; старший сынъ Ута-Саганъ-батара едва, едва побѣдилъ своего младшаго брата десятиголоваго мангатхая Ангиръ-Шара. Тогда Ута-Саганъ-батарь свою младшую жену, необыкновенно красивую дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара прогналъ домой. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголоваго мангатхая Ашура-Шара уѣхала домой беременною отъ Ута-Саганъ-батара; по прїездѣ домой черезъ нѣкоторое время она родила сына. Ута-Саганъ-батарь жиль съ своимъ сыномъ *). Однажды сынъ его говоритъ: „Печень мою подергиваетъ **); увижу родное“! Онъ выходитъ на улицу и видить на крышѣ бѣлосеребрянаго своего дворца сидящаго мальчика, который играеть самъ съ собою. Тогда онъ входитъ во дворецъ и говоритъ своему отцу Ута-Саганъ-батару, что на крышѣ ихъ дворца сидить и играеть маленькій мальчикъ. Тогда Ута-Саганъ-батарь большимъ узнаніемъ узналь и большимъ умомъ уразумѣль, что это его сынъ отъ младшей жены; вышелъ на улицу, заѣзъ на крышу,想要 поймать этого мальчика, но никакъ не можетъ поймать. Онъ гонялся за этимъ мальчикомъ по крышѣ въ продолженіи трехъ сутокъ, въ концѣ третьихъ сутокъ едва, едва согналъ его съ крыши на вершину серебряной коновязи, гдѣ и поймалъ его; поймавъ, входитъ съ нимъ во дворецъ. Тогда этотъ мальчикъ говоритъ: „Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка въ котлѣ не помѣщается. Думая что въ странѣ мангатхаевъ не уживусь, я пришелъ къ отцу. Кто былъ мой отецъ, я едва, едва допытался у матери, которая

*) Рассказчица забыла имя этого сына Ута-Саганъ-батара

**) По бурятски: алгин хини татана

послѣ долгаго запирательства мнѣ разсказалъ". Послѣ этого Ута-Саганъ-батаръ жилъ съ двумя своими сыновьями.

Однажды Ута-Саганъ-батаръ, сдѣлавъ три стрѣлы, далъ ихъ своему старшему сыну и сказалъ: „Пусти эти три стрѣлы на весь три стороны, потомъ иди за этими стрѣлами; одна изъ нихъ попадетъ въ твою суженую, на которой ты женишься". Старшій сынъ, взявъ эти стрѣлы, выстрѣлилъ на весь три стороны; потомъ идетъ на западную сторону, находитъ выстрѣленную стрѣлу; она лежитъ на пустомъ мѣстѣ; взявъ эту стрѣлу, онъ идетъ на южную сторону и тамъ ищетъ свою стрѣлу; онъ находитъ ее недалеко отъ одной нищей женщины; стрѣла его немного не долетѣла до этой нищей женщины. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара беретъ свою стрѣлу и идетъ на восточную сторону; тамъ ищетъ свою стрѣлу, но никакъ не можетъ найти, и наконецъ въ одномъ болотѣ около озера находитъ свою стрѣлу; она лежитъ на большой лягушкѣ. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара сильно удивляется и говоритъ: „Я, человѣкъ и сынъ Ута-Саганъ-батара, буду жениться на лягушкѣ? Лягушка будетъ мою женой? Всѣ люди будутъ смѣяться надо мною. Лучше не жениться, чѣмъ жениться на лягушкѣ". Такъ сказавъ, онъ взялъ свою стрѣлу и идетъ обратно домой. Тогда эта лягушка говоритъ: „Ты мой суженый женихъ; ты долженъ на мнѣ жениться". Говоря это, она за нимъ скачетъ. Сынъ Ута-Саганъ-батара, разсердившись, возвратился къ лягушкѣ и отбросилъ ее ногою въ сторону; но лягушка не отстаетъ отъ него, все твердить: „Ты мой суженый женихъ и долженъ на мнѣ жениться". Наконецъ онъ идетъ домой, а за нимъ скачетъ его невѣста лягушка. Когда онъ пришелъ домой съ лягушкою, которая скакала сзади, Ута-Саганъ-батаръ сильно удивился, что у его сына суженая невѣста лягушка; стыдясь этого, онъ устроилъ имъ отдельный дворецъ, въ ко-

торомъ и поселилъ ихъ. Сталъ жить въ этомъ дворцѣ старшій сынъ Ута-Саганъ-батара со своею женою лягушкою, у которой были черная собака и бѣлая съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ корова. Жена его лягушка, прѣѣхавъ во дворецъ, устроила себѣ гнѣздо въ лукошкѣ и лежитъ въ немъ день и ночь.

Когда выросъ младшій сынъ, Ута-Саганъ-батаръ тоже дѣляетъ три стрѣлы, даетъ ихъ младшему сыну, чтобы онъ пустилъ ихъ на всѣ три стороны, а потомъ пошелъ бы искать ихъ; на какую дѣвицу упадетъ которая нибудь изъ трехъ стрѣль, на той долженъ жениться его младшій сынъ. Взявши всѣ три стрѣлы, младшій сынъ Ута-Саганъ-батара выстрѣлилъ на всѣ три стороны и поѣхалъ разыскивать свои стрѣлы. Стрѣлы, пущенные къ востоку и западу оказались пустыми; тогда младшій сынъ Ута-Саганъ-батара ёдетъ на южную сторону, ищетъ тамъ свою стрѣлу и наконецъ находитъ ее; она припѣлилась къ подолу средней дочери царя Шажинъ-Номонъ-хана. Тогда онъ беретъ свою стрѣлу и ёдетъ во дворецъ царя Шажинъ-Номонъ-хана; прїѣхавши ко дворцу, останавливается у серебряной коновязи, привязываетъ къ ней красивый красношелковый поводъ, а самъ входитъ во дворецъ, царскимъ здоровьемъ здоровается, и какъ царица, кланяется царю Шажинъ-Номонъ-хану, который сидить на золотомъ тронѣ. Царь Шажинъ-Номонъ-ханъ приглашаетъ его садиться на правой сторонѣ и спрашивается: „Съ которой стороны, съ какой земли, чей сынъ и какъ тебя зовутъ“? Младшій сынъ Ута-Саганъ-батара садится на правой сторонѣ и говоритъ: „Я съ сѣверной стороны, младшій сынъ Ута-Саганъ-батара. Тѣло мое прїѣхало по слѣду зятя, а кушакъ мой по слѣду свата“. Царь Шажинъ-Номонъ говоритъ: „Прежде—прежде, когда я былъ молодымъ, то слыхивалъ, что Ута-Саганъ-батара называли быстрымъ и мѣт-

кимъ молодцомъ, а младшаго сына Ута-Саганъ-батара какимъ называть? Сказанное вѣрно и дума—правдоподобна". Послѣ этого поставили золотой столъ, вкусною пищею угощали, серебряный столъ поставили, дѣйствительно вкусною пищею угощали и подавали крѣпкое вино. Послѣ этого царь Шажинъ-Номонъ-ханъ призвалъ своихъ трехъ прекрасныхъ дочерей и указывая на нихъ, говорить: „Которую изъ нихъ желаешь"? Младшій сынъ Ута-Саганъ-батаръ указываетъ на среднюю dochь Шара-Сэсэкъ („желтый цвѣтокъ"). Черезъ три дня царь Шажинъ-Номонъ-ханъ велѣлъ бить въ золотой барабанъ, собрать сѣверныхъ своихъ подданныхъ, бить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ своихъ подданныхъ; какъ бугоръ, величиною мяса отпустилъ, и какъ озеро, вина отпустилъ; въ продолженіе девяти сутокъ пировали, на десятыя сутки едва разѣхались. Младшій сынъ Ута-Саганъ-хана живетъ у своего тестя царя Шажинъ-Номонъ-хана. Однажды онъ говоритъ тестю: „Чужой человѣкъ на чужбинѣ не уживается, сохатина лытка въ котлѣ не помѣщается. Нужноѣхать домой". Тогда царь Шажинъ-Номонъ-ханъ даетъ своей dochери Шара-Сэсэкъ въ приданое половину своего скота, половину подданныхъ и половину золота и серебра. Младшій сынъ Ута-Саганъ-батара все это взялъ,ѣхать домой со своею женой Шара-Сэсэкъ; разнаго скота гонять по пади, едва въ ней помѣщая, а подданныеѣдутъ спереди и сзади и едва напаиваютъ скотъ въ ручьяхъ. Съ шумомъ и гамомъ прїѣхали. Когда младшій сынъ, женившись на dochери царя Шажинъ-Номона, прїѣхалъ, Ута-Саганъ-батаръ сильно обрадовался и сдѣлалъ большое гулянье въ продолженіе девяти сутокъ, на девятыя сутки едва разѣхались. Ута-Саганъ-батаръ младшему сыну выстроилъ отдѣльный дворецъ; младшій сынъ со своею женой Шара-Сэсэкъ поселились въ немъ. Такъ они жили счастливо и хорошо.

Однажды Ута-Саганъ-батаръ призываетъ своихъ сыновей. Они пришли къ отцу и спрашиваютъ: „Зачѣмъ насть звалъ отецъ“? Тогда Ута-Саганъ-батаръ даетъ двумъ сыновьямъ по куску шелку и велитъ сшить рубашки для него. Оба сына, взявши по куску шелку, идутъ по домамъ. Старшій сынъ очень печалится, думая, что его жена лягушка не съумѣеть сшить изъ этого шелка рубашки его отцу. Онъ пришелъ домой печальный. Жена его лягушка спрашиваетъ, отчего онъ такой печальный. Онъ говорить своей женѣ: „Отецъ мнѣ и брату дать по куску шелку и велѣть изъ нихъ сшить ему рубашки“. Тогда лягушка, жена его, говоритъ: „Отдай мнѣ шелкъ и будетъ готово“! Онъ отдалъ шелкъ своей женѣ лягушкѣ. Младшій его братъ тоже пришелъ домой, отдалъ кусокъ шелка своей женѣ Шара-Сесэкъ и говоритъ: „Отецъ велѣль изъ этого шелка сшить ему рубашки. Сошай поскорѣе“! Жена младшаго брата Шара-Сесэкъ приходитъ ко дворцу старшаго брата и украдкой смотритъ, какъ будетъ шить рубашки старшая невѣстка лягушка, а та, узнавъ, что невѣстка подсматриваетъ, беретъ кусокъ шелка и рѣжетъ его ножницами на куски; изрѣзала весь шелкъ на куски и выбросила ихъ въ дверь на улицу. Младшая невѣстка Шара-Сесэкъ пришла домой, изрѣзала шелкъ на куски, собрала эти куски и выбросила ихъ на улицу, какъ это сдѣлала старшая невѣстка лягушка. У старшей невѣстки лягушки всѣ нарѣзанные и выброшенные на улицу куски собрала черная собака и отнесла къ бѣлой съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ коровѣ; эта корова всѣ куски собрала и сѣѣла. На другой день у старшей невѣстки лягушки бѣлая корова съ чернымъ пятномъ на лопаткѣ испражняется рубашками, сшитыми безъ шва; эти рубашки подобрала черная собака и отнесла къ своей хозяйкѣ, лягушкѣ; та взяла рубашки, посмотрѣла, сказала: хорошо сшиты! и положила. У младшей невѣстки из-

рѣзанные куски шелка валяются по двору и уносятся вѣтромъ; младшая невѣстка не знаетъ, что дѣлать; поѣхала въ городъ, едва, едва купила подходящаго шелку, привезла домой, кое-какъ сшила рубашки и отдала мужу отнести отцу Ута-Саганъ-батару. Два сына Ута-Саганъ-батара приходятъ къ отцу и отдаютъ ему рубашки, сшитыя невѣстками. Ута-Саганъ-батарь беретъ рубашки отъ старшаго сына, сшитыя старшей невѣсткой лягушкой, смотрить на нихъ и говоритъ: „Хорошо сшито. Если шить, такъ шить хорошо“. И положилъ въ ящикъ. Потомъ Ута-Саганъ-батарь беретъ рубашки отъ младшаго сына, сшитыя младшою невѣсткой Шара-Сэсекъ, смотрить и говоритъ: „Мнѣ, царю человѣку не пригодно носить такія рубашки“! и отдалъ ихъ дворовымъ людямъ. Младшему сыну стало очень стыдно, а старшій сынъ пришелъ домой обрадованный. Черезъ нѣсколько времени Ута-Саганъ-батарь призываетъ своихъ двухъ сыновей и говоритъ имъ: „Дней много и годъ длиненъ. Хочу сдѣлать большой пиръ; пріѣзжайте на этотъ пиръ сами и привезите моихъ невѣстокъ“. Съ этими словами онъ отпустилъ двухъ сыновей. Старшій сынъ дорогой думаетъ и печалится: „Какъ я поѣду на пиръ со своею женой лягушкою? Всѣ надо мною будутъ смеяться“. Такъ думая, приходитъ домой. Его жена лягушка спрашиваетъ, отчего онъ пришелъ такой печальный. Тогда онъ говоритъ своей женѣ лягушкѣ: „Отецъ нашъ дѣлаетъ большой пиръ, на который пригласилъ меня и младшаго брата пріѣхать съ женами. Братъ пріѣдетъ съ своею женой Шара-Сэсекъ, а я какъ поѣду съ тобою? всѣ надъ нами будутъ смеяться“. Лягушка жена говоритъ своему мужу: „Не печалься! Какъ нибудь поѣдемъ. Никто надъ нами не будетъ смеяться“. Ута-Саганъ-батарь началъ приготовляться къ большому пиру; какъ бугоръ, величиною мяса приготовляетъ и какъ озеро, вина приготовляетъ; послѣ этого велитъ

ударить въ золотой барабанъ, собрать съверныхъ подданныхъ, и велить ударить въ серебряный барабанъ, собрать южныхъ подданныхъ. Съверные и южные подданные собрались къ своему царю Ута-Саганъ-батару; пріѣхаль къ нему на пиръ младшій сынъ со своею женою Шара-Сесэкъ въ черной желѣзной коляскѣ, запряженной четырьмя карими иноходцами. Ихъ встрѣтили всѣ подданные и самъ Ута-Саганъ-батарь. На этотъ большой пиръ собирается и старшій сынъ Ута-Саганъ-батара. Лягушка жена говоритъ своему мужу: „Ты поѣзжай теперь одинъ, а я пріѣду за тобою. Когда ты пріѣдешь и всѣ будуть въ полномъ сборѣ, тогда земля будетъ трястись и коляска моя будетъ гудѣть, какъ громъ. Тогда твой отецъ соскочитъ съ трона и будетъ говорить: откуда и какая война приближается? Ты скажи ему, что это ёдетъ твоя жена“. Послѣ этого старшій сынъ Ута-Саганъ-батара уѣзжаетъ къ отцу на пиръ одинъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ пріѣхалъ, земля трясется и гудить гулъ, какъ громъ. Ута-Саганъ-батарь соскакиваетъ съ трона и говоритъ: „Откуда и какая война приближается“? Старшій сынъ говоритъ отцу: „Это ёдетъ моя жена“. Ута-Саганъ-батарь сѣлъ на старое мѣсто. Немного погодя ёдетъ бѣлосеребряная коляска, запряженная четырьмя бѣлыми иноходцами; спереди и сзади ёдутъ тѣлохранители; такъ ёдетъ старшая невѣстка Ута-Саганъ-батара, который со всѣми своими подданными выходитъ встрѣтить свою старшую невѣстку. Она подѣхала ко дворцу; изъ бѣлосеребряной коляски выходитъ необыкновенно красивая дѣвица; Ута-Саганъ-батарь ведетъ ее во дворецъ. Старшій сынъ Ута-Саганъ-батара большими удивленіемъ удивляется, что у него такая красивая изъ красивыхъ жена. Старшая невѣстка выходитъ во дворецъ и садится рядомъ съ младшою невѣсткой Шара-Сесекъ. Всѣ собравшіеся подданные смотрятъ и не насмотрятся на стар-

шую невѣстку своего царя. Она была такая красавая, что отъ красоты правой щеки освѣщалась правая стѣна, отъ красоты лѣвой щеки освѣщалась лѣвая стѣна. Ута-Саганъ-батаръ угощаетъ своихъ невѣстокъ и всѣхъ собравшихся на пиръ гостей. Младшая невѣстка Шара-Сэсэкъ украдкою смотрить на старшую невѣстку, которая всѣ кости отъ съѣденнаго мяса потихоньку кладеть въ правый рукавъ, а молочную пищу украдкою кладеть въ лѣвый рукавъ. Младшая невѣстка, подражая старшей, тоже всѣ кости отъ съѣденнаго мяса украдкою кладеть въ правый рукавъ, а молочную пищу украдкою кладеть въ лѣвый рукавъ. Ута-Саганъ-батаръ говорить двумъ своимъ невѣсткамъ: „Пляшите! я посмотрю вашу пляску“. Первою встаетъ старшая невѣстка; она пляшетъ такъ, что на плоскомъ камнѣ вырастаетъ трава, и на черной водѣ дѣлается пѣнка. Во время пляски она машеть правою рукою; тогда передъ присутствующими ставится золотой столъ съ вкусными блюдами; всѣ ихъ ёдятъ и крѣпкимъ виномъ запиваютъ; такъ угощая, она пляшетъ. Она машеть лѣвою рукою; тогда передъ присутствующими золотые столы замѣняются серебряными столами съ дѣйствительно вкусными яствами; гости ёдятъ ихъ и крѣпкимъ виномъ запиваютъ. Потомъ старшая невѣстка перестаетъ плясать, кланяется и говоритъ: „Царь батюшка, мое умѣнье такое“. Тогда Ута-Саганъ-батаръ благодарить свою старшую невѣстку и говоритъ: „Если имѣть невѣстку, то хорошо имѣть вотъ такую“. Потомъ настала очередь младшей невѣстки; она встала и пляшетъ; когда она пляшетъ, то на плоскомъ камнѣ вырастаетъ трава и на черной водѣ дѣлается пѣнка; во время пляски она машеть правою рукою, изъ праваго рукава вылетѣли положенные въ него кости, которые попали кому въ глаза, кому въ ротъ; тѣ отъ боли схватились кто за глаза, кто за ротъ; младшая невѣстка, такъ поплясывая, машеть лѣвою

рукой; изъ рукава лѣвой руки вылетаетъ положенная молочная пища и попадаетъ кому въ лицо, кому на платье; всѣ сидящіе, кто утираетъ лицо, кто чистить платье. Младшая невѣстка Ута-Сагань-батара сильно сконфуженная садится на старое мѣсто. Пиръ Ута-Сагань-батара продолжался девять сутокъ, на десятый день едва, едва разѣхались. Младшій сынъ съ женою прїѣхали домой сильно сконфуженные. Старшій сынъ Ута-Сагань-батара украдкой до окончанія пира уѣхалъ домой, вошелъ во дворецъ, нашелъ лукошко, въ которомъ постоянно лежала его жена лягушка, спряталъ лукошко, спрятался и самъ и ждетъ свою жену. Прїѣзжаетъ его жена въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной четырьмя бѣлыми иноходцами; и спереди и сзади єдутъ тѣлохранители. Прїѣхавъ домой, выходя изъ бѣлосеребряной коляски, она достала изъ кармана черношельковый платокъ; махнула имъ три раза противъ солнца; тогда вдругъ бѣлосеребряная коляска съ четырьмя бѣлыми иноходцами и съ тѣлохранителями исчезла. Послѣ этого она входитъ во дворецъ, раздѣвшиесь и снова превратясь въ лягушку, она ищетъ свое лукошко и, не найдя его, говоритъ: „Ай, собака! только три дня осталось, чтобы стать человѣкомъ; ранѣе этого спряталъ“ (лукошко). Сказавъ эти слова, она вознеслась вверхъ. Старшій сынъ Ута-Сагань-батара погнался за своею женой, но никакъ не могъ догнать ее и потерялъ изъ виду. Тогда онъ началъ искать свою жену лягушку. Послѣ трудныхъ и мучительныхъ поисковъ однажды подходитъ онъ къ одному шалашу, въ которомъ живеть нищая женщина; онъ спрашиваетъ ее, не видала ли она его жену. Нищая женщина говоритъ ему: „Зачѣмъ ты спряталъ лукошко, въ которомъ она лежала; ей оставалось только три дня, чтобы сдѣлаться человѣкомъ. Ты не могъ подождать три дня. Она сильно разгневалась на тебя. Ты едва ли найдешь и поймаешь ее,

потому что она знаетъ множество превращеній и имѣеть множество волшебныхъ силъ. Сегодня вечеромъ она будетъ кататься по черному морю. Ты обратись въ нищаго и проси подаяніе; когда она будетъ давать тебѣ подаяніе, тогда ты ее лови и старайся удержать ее. Только обманомъ можешь поймать ее, иначе не поймаешь". Тогда старшій сынъ Ута-Саганъ-батара приходитъ къ черному морю; превратившись въ нищаго съ дырявою шляпою, въ волосяныхъ чаркахъ безъ подошевъ, ходитъ онъ по берегу моря взадъ и впередъ въ ожиданіи своей жены. Вечеромъ передъ закатомъ солнца его жена начала кататься по черному морю въ бѣлосеребряной коляскѣ, запряженной четырьмя бѣлыми иноходцами; сзади и спереди у нейѣхали тѣлохранители. Они не подпускали его близко; онъ никакъ не могъ приблизиться къ ней; она узнала своего мужа и скрылась. Безполезно походивъ по берегу чернаго моря, на другое утро онъ опять приходитъ къ нищей старухѣ и говорить ей, что онъ никакъ не могъ поймать свою жену, что она, узнавши его, скрылась. Эта нищая женщина говорить ему: "Ее обмануть очень трудно, потому что она все узнаетъ". Потомъ эта нищая женщина говорить: "Сегодня твоя жена будетъ у меня въ гостяхъ; ты незамѣтно спрячься здѣсь; когда она войдетъ и сядетъ и будѣтъ со мною разговаривать, тогда поймай ее и старайся удержать". Онъ спрятался подъ сидѣніе и лежитъ тамъ. Спустя нѣкоторое время въ этотъ шалашъ входить его жена, садится, начинаетъ разговаривать съ нищую женщиной и говорить ей, что она поднимется на небо и будетъ тамъ жить. Въ это время ея мужъ выскочилъ изъ-подъ сидѣнія, схватился за ея руку и держитъ. Она начинаетъ отбиваться отъ него; онъ уговариваетъ ее, чтобы она простила его, что онъ поступилъ по незнанію, что ея лукошко только спрятано. Она долго отбивалась; наконецъ

едва, едва онъ уговорилъ ее; она простила ему. Послѣ этого старшій сынъ Ута-Саганъ-батара прїѣзжаетъ домой со своею красавицей женой и живетъ счастливо. Жена его говоритъ, что она незаконная дочь царя, который зналъ очень много превращеній и имѣлъ много волшебныхъ силъ, что этотъ царь жилъ съ ея матерью и потомъ уѣхалъ, а мать ея отъ него сдѣлалась беременною, что одна нога ея запухла; когда разрѣзали эту опухоль, оттуда вышла лягушка. Эта лягушка и есть она, жена старшаго сына Ута-Саганъ-батара. Эту лягушку не могли убить и бросили въ болото около озера. „Я, говоритъ лягушка, жила въ этомъ болотѣ и выросла; тутъ ты меня и нашелъ“. Такъ она говорила своему мужу. Послѣ этого Ута-Саганъ-батарь сталъ жить очень счастливо съ своими двумя сыновьями и прекрасными невѣстками. И они живутъ спокойно и мирно, и имѣютъ множество потомковъ. А н хуба ашта бурханда тушебэ.

Записано отъ бурятии Сэсэга.

Эрэ-Тохоло-мѣргонъ.

Прежде, прежде, въ прежнее счастливое и богатое время жилъ имѣющій высокое небо отцомъ и широкую землю матерью, родившійся благодаря своей добротѣ Эрэ-Тохоло-мѣргонъ. Онъ жилъ на сѣверномъ берегу синаго моря, на подошвѣ горы Монгото-ула. Онъ имѣлъ бѣлосеребряный дворецъ съ многочисленными окнами и дверями. Пороги дверей были изъ серебра „боржи“, а двери были перламутрово-серебряныя; крыльцо было съ серебряными ступеньками; кобыла съ жеребенкомъ могли въ бѣгъ бѣгать и кобыла съ лончакомъ *) могли пройти, переступая со ступеньки на сту-

*) Лончакъ — въ прошломъ году родившійся жеребенокъ.

пеньку. Снаружи дворецъ былъ бѣлѣе снѣга и высеребренъ, внутри онъ былъ вызолоченъ и высеребренъ; полъ былъ сплошной серебряный. Въ углахъ были изображенія боговъ, на стѣнахъ изображенія царей. Въ югозападномъ углу дворца стоялъ загнутый серебряный тронъ съ двадцатью тремя ногами; въ юговосточномъ углу дворца стоялъ чистосеребряный тронъ съ тринацатью ногами. Вокругъ этого дворца были три стѣны; самая наружная стѣна была изъ чернаго камня и чернымъ камнемъ запиралась; при ней были караульныя собаки Хахарь и Бахарь; средняя стѣна была изъ краснорыжаго камня съ сплошными серебряными воротами, которыя караулилъ человѣческій сынъ; самая внутренняя стѣна была сдѣлана изъ костей разнаго скота, и распещрена вставленными рыбьими костями; золотосеребряныя ворота караулили медвѣдь и левъ. Подъ этими стѣнами черная крыса рыть не могла, изъ-подъ земли черная вода просачиваться не могла, и поверхъ этихъ стѣнъ птицы съ плохими крыльями не могли залетать, махая крыльями. У Эрэ-Тохоло-мѣргонъ былъ сивый конь, на которомъ онъ ъездилъ. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ имѣлъ множество подданныхъ, живущихъ на южной и сѣверной сторонахъ, а также имѣлъ множество разнаго скота, который пасся на южной и сѣверной сторонахъ.

Однажды Эрэ-Тохоло-мѣргонъ говорить: „Одинъ человѣкъ человѣкомъ не дѣлается; одна головня огнемъ не дѣлается“! Съ утренняго краснаго солнца начиная, материнское большое священное писаніе онъ разстилаетъ до дверей, старое желтое священное писаніе онъ разстилаетъ отъ дверей до противоположной стѣны (хойморъ). Такъ разостлавъ, онъ читаетъ. Тогда ему вычитывается, что прямо на югозападной сторонѣ на разстояніи столятней ъезды, на берегу чернаго моря, на подошвѣ отвѣсной каменной горы Халилакъ-ула живеть царь Наринь-Шара, у которого есть

дочь Шара-Сэсэкъ; это его суженая. Послѣ этого онъ складываетъ священное писаніе и кладетъ на прежнее мѣсто. Въ одно утро при восхожденіи краснаго солнца онъ разбужается, встаетъ, приводитъ волосы въ порядокъ, умываетъ лицо и руки; взявъ золотую трубу, бѣгомъ выходитъ на серебряное крыльцо. Въ золотую трубу, крича, зоветъ сиваго коня, пасущагося на сѣверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хѣхѣя вмѣстѣ съ тринадцатью самками-изюбрями *), въ дружествѣ и пріятельствѣ съ ними. Загудя пошелъ голосъ изъ золотой трубы черезъ тринацать падей и сивому коню попалъ этотъ голосъ въ правое красивое ухо, а въ лѣвое красивое ухо вышелъ. Сивый конь говоритъ: „Это голосъ моего хозяина“! Большую, какъ корзина, гриву по обѣимъ сторонамъ спины бросая, большой и толстый, въ обхватъ, хвостъ на бедра бросая, побѣжалъ конь, скака, немного ниже синѣющаго неба, немного выше синѣющихъ облаковъ; въ это время думая, говоритъ: „Дальниe непріятели или ближниe непріятели прѣѣхали воевать“? Такъ бѣжа, бѣжитъ. Изъ четырехъ черныхъ копытъ огонь летить, изъ сорока бѣлыхъ зубовъ пламя выходитъ. Прибѣжавъ домой, перескочилъ черезъ три стѣны внутрь двора, остановился у серебряной коновязи и какъ спящій заяцъ, дремля, спокойно стоитъ. Эрэ-Тохоло-мѣргонъ бѣгомъ выходитъ, вывѣченный серебряный недоузокъ надѣваетъ на голову сиваго коня, вылитою серебряною уздою обуздывая, ловить его. Десятилѣтнюю шерсть выгнуто-серебряною скребницею дочиста выскребъ, двадцатилѣтнюю шерсть зубчато-серебряною скребницею дочиста выскребъ; горстью травы кормилъ, чашкою воды поилъ; такъ выдержавъ сиваго коня, говоритъ: „выдержка коня окончилась“!

*.) Изюбрь, оленъ.

Собака.

1) Если у собаки конецъ носа красный, это худо для скота; буряты избѣгаютъ имѣть такую собаку, считаютъ имѣть ее за грѣхъ; у кого есть такая собака, скотъ будетъ пропадать или не будетъ плодиться.

2) Буряты считаютъ за большой грѣхъ держать собаку съ стоящими, какъ у волка, ушами (побурятски хуба шихэтэ). Кто будетъ держать такую собаку, у того постоянно кто-нибудь въ семье будетъ болѣть и даже умретъ.

3) Собаку, которая лежитъ поперекъ двери, считаютъ хорощею, потому что черезъ нее не можетъ войти въ домъ нечистый или злой духъ. Собаку, которая лежитъ на спинѣ вверхъ брюхомъ тоже считаютъ хорощею, потому что она во время сна просить у Бурхана *) счастья для своихъ хозяевъ.

4) Если собака вбѣжитъ въ домъ или юрту и помочится, это считается хорощею примѣтою; въ семье родится сынъ или будетъ прибыль. Если собака помочится на дверь внутрь дома или юрты, это хорошо; но если она помочится изнутри дома или юрты на улицу—это не хорошо, будетъ убыль. Если собака помочится на сидящаго или стоящаго человѣка, для него будетъ очень хорошо; у того человѣка родится сынъ.

5) Собаку, выгоняя на улицу, у дверей бить грѣхъ; бить вѣнникомъ также грѣхъ; выгоняя изъ юрты прижать собаку дверью грѣхъ.

6) Бурханскіе буряты вѣрять, что совсѣмъ черная собака съ чернымъ небомъ во рту не впускаетъ въ домъ хозяина нечистаго или злого духа; онъ боится такой собаки.

7) По повѣрю молькинскихъ буряты есть такъ называемыя шаманъ-собаки (побурятски бѣ-нохо), которые все знаютъ о

*) Бурханъ—Богъ

своихъ хозяевахъ, и что случится съ ними въ будущемъ, какъ шаманъ знаетъ о людяхъ. Если къ дому хозяина приходятъ злые люди, то шаманъ-собака лаетъ и не пускаетъ ихъ. Есть также ворожея собака (побурятски узэлтэ нохо); такая собака также знаетъ будущее своихъ хозяевъ, какъ ворожея знаетъ о людяхъ. Ворожея собака также лаетъ на злыхъ духовъ и не пускаетъ ихъ въ домъ; она знаетъ о пріѣздѣ гостей и лаетъ въ ту сторону, откуда они ёдутъ. Есть собаки, которые только видятъ злыхъ духовъ и лаемъ не пускаютъ ихъ въ домъ; другія собаки вовсе не видятъ духовъ. Есть худыя собаки, которые постояннымъ лаемъ приглашаютъ злыхъ духовъ; особенно та собака худая, которая лаетъ и воетъ поволчы, смотря на сѣверовостокъ; она призываетъ оттуда злыхъ духовъ; буряты убиваютъ такихъ собакъ; если же убить считаются грѣхомъ, то отдаютъ русскимъ или нанимаютъ кого-нибудь убить. Вообще убить собаку большой грѣхъ; кто убьетъ собаку, тотъ при совершении религіозныхъ обрядовъ не долженъ держать „сасали“, т. е. онъ считается нечистымъ.

Хүнъ-гёрөхёнъ.

Хүнъ-гёрөхёнъ живеть въ лѣсахъ, совершенно похожъ на человѣка и говоритъ почеловѣчески. Одинъ охотникъ охотился въ лѣсу и убилъ козулю; увидавъ въ лѣсу нѣсколько хүнъ-гёрөхѣновъ, онъ оставилъ убитую козулю, а самъ спрятался за дерево и лежитъ. Хүнъ-гёрөхѣны пришли и начали есть убитую козулю; одинъ изъ нихъ съѣлъ мясо съ лопатки, смотрить на нее, начинаетъ плакать и говоритъ: „Я сейчасъ умру“! Тогда охотникъ выстрѣлилъ въ него и убилъ. Хүнъ-гёрөхёнъ хорошо ворожитъ на лопаткѣ. Нынѣшніе буряты хүнъ-гёрөхѣномъ называютъ обезьяну.

Крылатый конь.

Далма моринъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ въ прежнее время были крылатые кони; имѣли крылья, невидимыя для человѣка; они видны были только въ то время, когда конь спалъ; тогда эти крылья растопыривались, какъ будто конь хотѣлъ летѣть; только въ это время и могъ ихъ видѣть человѣкъ. Когда человѣкъ увидалъ крылья, конь пропадалъ. Крылатый конь на бѣгу быть очень быстрый и могъ далеко бѣжать.

Перелетъ птицъ.

Когда птицы прилетаютъ къ намъ весною жирными и летятъ низко, буряты говорять, что будетъ хороший урожай травы и хлѣба, и что птицы принесли съ собою счастье. Когда же прилетятъ птицы сухими и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы изъ другихъ краевъ принесли несчастье и голодъ. Если осеню птицы отъ насъ улетаютъ сухими и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы счастье оставили здѣсь, будетъ хороший годъ, а несчастье и голодъ унесли съ собою. Если же птицы отъ насъ улетаютъ жирными и летятъ высоко, то говорятъ, что птицы счастье унесли съ собою въ другія земли, а несчастье и голодъ оставили намъ, будетъ худой и голодный годъ.

Му-шубунъ *).

1) Въ прежнее время жилъ одинъ молодой человѣкъ, который влюбился въ одну молодую дѣвицу; впослѣдствіи они ушли въ лѣсъ и жили тамъ; потомъ молодой человѣкъ умеръ. Дѣвица долго плакала надъ тѣломъ своего возлюбленнаго.

*) Му—худая; шубунъ—птица.

лennаго; подумавъ, что она перестанеть тосковать по умершемъ, если она съѣсть его печень, она распорола брюхо умершаго, вынула печень и съѣла ее. Вскорѣ послѣ этого она умерла; душа ея, вслѣдствіе того, что она при жизни съѣла печень человѣка, превратилась въ му-шубунъ.

Му-шубуны обращаются въ разныхъ птицъ, а также принимаютъ видъ женщинъ; только красивыя губы, длинныя какъ клювъ птицы, не мѣняются и остаются одинѣ и тѣже, какой бы видъ му-шубунъ не принялъ. Если кто-нибудь почувствуетъ въ лѣсу одинъ, му-шубунъ приходитъ къ нему, обратившись въ молодую и красивую дѣвицу или женщину, и начинаетъ разговаривать и шутить съ нимъ, а губы при этомъ держитъ въ рукавѣ. Она старается обратиться въ ту дѣвицу или женщину, которую любить этотъ человѣкъ. Если му-шубуну удается обмануть человѣка, она бьетъ его по головѣ своимъ клювомъ и убиваетъ, распарываетъ его брюхо и съѣдаетъ его печень, почки и головной мозгъ.

2) Одинъ человѣкъ охотился въ лѣсу, опоздалъ и остался ночевать въ лѣсу. Онъ развелъ огонь и сидѣтъ около него; къ нему подходитъ красивая и молодая замужняя женщина, начинаетъ съ нимъ разговаривать и шутить, а рукава держитъ у рта. Охотникъ догадался, что это му-шубунъ и быть съ нею остороженъ. Онъ послалъ ее за дровами, а когда она ушла, онъ положилъ около огня дерево, покрылъ его своею шубою, а самъ, взявъ ружье, спрятался за древеснымъ стволомъ. Му-шубунъ пришла и видѣть, что охотникъ уже спитъ подъ шубой; она осторожно подходитъ къ дереву, закрытому шубой, вынимаетъ изъ рукава свои красивыя губы, длинныя какъ клювъ птицы и бьетъ ими по дереву; отъ губъ ея посыпались искры. Тогда охотникъ выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ му-шубуна; она обратилась въ голую тазовую кость; охотникъ сожегъ эту кость на огнѣ.

3) Въ мѣстности Хаха (нынѣ Хохинскій родъ Бильширскаго вѣдомства) прежде водились му-шубуны, которыя ъли людей. Одинъ тунгусъ (побурятски хамнаган) раскололъ ель и въ щель забилъ клинъ и около этой ели остался ночевать; къ нему приходитъ му-шубунъ, обратившись въ красивую дѣвицу. Тунгусъ говоритъ ей: Будемъ спать вмѣстѣ! положи свою руку въ эту щель. Та положила свою руку въ щель ели, тунгусъ выдернулъ клинъ, ель сжала руку му-шубуна и она такъ тутъ и осталась, а тунгусъ ушелъ. Му-шубунъ послѣ этого дала клятву неходить около ели и не подходить къ тунгусу.

4) (Со словъ Василья Иванова, бурята Бильширскаго вѣдомства Хохинскаго рода). Му-шубуны прежде водились въ лѣсахъ около Хохинскаго рода. Одинъ сильный человѣкъ Хадала поѣхалъ въ лѣсъ и остался тамъ ночевать; ночью пришла му-шубунъ и напала на него; Хадала началъ бороться съ нею и во время борьбы вырвалъ изъ подъ ея лѣвой подмышки огниво; тогда му-шубунъ начала подаваться, вырвалась и скрылась. На другое утро Хадала пошелъ по слѣду искать му-шубуна, съ которой боролся ночью; слѣдъ привелъ его къ ямѣ; въ ней лежитъ му-шубунъ женщина, тутъ же находится и мужъ ея. Му-шубунъ мужчина упросилъ Хадалу не трогать ихъ; оба эти му-шубуна дали клятву не ъсть людей и не нападать на нихъ. При этомъ му-шубунъ мужчина объяснилъ Хадалѣ, что на людей нападаютъ только ихъ дѣвицы и женщины, а му-шубуны мужчины этого не дѣлаютъ; съ этихъ словъ буряты Хохинскаго рода уверяютъ, что му-шубуны мужчины ихъ не трогаютъ, а нападаютъ на людей только дѣвицы и женщины.

Если му-шубуны женщины или дѣвицы начинаютъ нападать на людей, то нужно произнести слѣдующія слова:

Хадалан долон Хадалаевы семеро,
 Хамнагахи найман Хамнагановы восьмеро.
 Тогда му-шубуны перестаютъ нападать на людей.

5) У му-шубуна подъ обѣими подмышками находится по огниву, подъ правою красное и блестящее; это огниво содержитъ въ себѣ жизнь живого человѣка; человѣкъ, борющійся съ му-шубуномъ, не долженъ трогать этого праваго огнива; если онъ оторвѣть его, оторвѣть свою собственную жизнь и му-шубунъ одолѣтъ его. Подъ лѣвою подмышкою находится другое огниво, сплошь покрытое слюнами и гноемъ; человѣкъ, который во время борьбы съ му-шубуномъ, оторвѣть это лѣвое огниво, долженъ побѣдить му-шубуна. Когда пытаются оторвать лѣвое огниво, му-шубунъ сердится и говоритъ: „не тронь! это худое и не красивое“. Въ этомъ лѣвомъ огнивѣ жизнь самого му-шубуна и потому онъ старается, чтобы борющійся человѣкъ оторвалъ у него правое, а не лѣвое огниво.

Филинъ.

По преданію унгинскихъ бурята умирали дѣти; онъ поймаль маленькаго филина и выростилъ его большиимъ; впослѣдствии у него родился сынъ, около котораго постоянно сидѣлъ филинъ. Жена этого бурята по вечерамъ приготавляла дрова и щепки, а филинъ носомъ бросалъ ихъ въ огонь очага и, махая крыльями, разводилъ огонь; сплевавши сына въ люлькѣ, она уходила доить коровъ, а филинъ сидѣлъ около ребенка. Однажды вечеромъ, выдоивъ коровъ, приходитъ она въ юрту и видѣть, что филинъ сидитъ весь въ крови; она подумала, что онъ сѣѣль ребенка и замарался въ крови, схватила полено, начала бить филина и убила его; посмотрѣла на ребенка, онъ спитъ спокойно невредимый въ люлькѣ. Оказалось, что въ юртѣ этого бурята былъ худой

духъ „ада“, который прежде съѣдалъ его дѣтей. Когда адѣ вошелъ, чтобы съѣсть ребенка, филинъ не далъ ему, а вмѣсто того съѣлъ самого ада, отчего тѣло его и было въ крови. Узнавъ, какъ было дѣло, бурятка принялась плакать о филинѣ. Съ этой поры у бурята перестали умирать дѣти, потому что филинъ съѣлъ ада, который поѣдалъ ихъ.

Воронъ.

1. По повѣрью унгинскихъ бурятъ, воронъ, когда снесеть яйца въ гнѣздо, свитое на деревѣ, то кладеть въ гнѣздо такую траву, отъ которой не видно ни яицъ въ гнѣздѣ, ни птенцовъ, когда они вылупятся изъ яицъ; видно одно только гнѣздо. Чтобы найти эту траву невидимку, нужно взять воронье гнѣздо, брать изъ него по одной травинкѣ и класть отдельно; какъ только возьмешь въ руки эту траву-невидимку, тотчасъ яйца ворона будутъ видны. Найдя эту траву-невидимку, нужно дать клятву, что взялъ ее, будешь жить только съ помощью ея и что тебѣ не нужны ни жена, ни дѣти, ни хозяйство и пр., что ты отрекаешься отъ всего этого навсегда.

2. По словамъ капсальскихъ бурятъ воронъ несетъ яйца зимою; чтобы яйца не замерзли, воронъ разыскиваетъ жаркий камень (халун шулу) и кладеть его въ гнѣздо; отъ этого камня яйца ворона не мерзнутъ. Воронъ несется только одинъ разъ въ жизни и приносить только два яйца. Живеть воронъ очень долго, до 360 лѣтъ.

3. Когда воронъ кричитъ, буряты говорятъ, будешь ненастѣе.

4. Если къ кому на домъ садится воронъ и кричитъ, это къ худу. Хозяинъ долженъ пригласить шамана и брызгать виномъ и тарасуномъ, потому что воронъ считается посланникомъ большихъ черныхъ заяновъ.

Черная галка.

Унгинские буряты говорять, если кричать черная галка (хара тун), то будетъ дождь.

Сорока.

Если сорока у кого-нибудь на дворѣ щекочетъ утромъ, это предвѣщаетъ несчастье; въ этотъ день у хозяевъ этого двора случится несчастье или они услышатъ въ этотъ день что-нибудь худое. Если сорока кричить вечеромъ, это хорошо; хозяева въ этотъ день услышатъ радостную вѣсть или будетъ какоенибудь счастье. Если сорока устраиваетъ гнѣздо въ чьемъ-нибудь дворѣ, это худо; нужно гнѣздо разбросать.

Коршунъ.

Когда кричать коршунъ, буряты обыкновенно говорятъ, что будетъ дождь и продолжительное ненастье.

Удодъ.

Повѣрье унгинскихъ бурять: Если птица удодъ (побурятски обблжин) начинаетъ летать къ кому-нибудь на домъ, это считается нехорошимъ признакомъ. Если удодъ въ чьемъ-нибудь домѣ сдѣлаетъ гнѣздо, снесетъ яйца и начнетъ высиживать птенцовъ, тогда буряты хозяинъ караулить птицу, старается застать ее, когда она сидитъ на яицахъ, ловить ее, и вмѣстѣ съ гнѣздомъ и яйцами относить на степь на разстани трехъ дорогъ; здѣсь выкалываютъ яму, зарываютъ въ нее птицу удода съ яйцами и гнѣздомъ, засыпаютъ землей и поверхность выравниваютъ.

Турпанъ.

- 1) По словамъ бурятъ турпанъ худая птица; если турпанъ сдѣлаетъ гнѣзда на чьемъ-нибудь домѣ и выведетъ птенцовъ это очень худая примѣта для хозяина дома.
- 2) Турпанъ ёсть своихъ дѣтей.

Птица утаргалжинъ.

Унгинскіе буряты для отстаиванія сметаны берутъ клювъ птицы „utargaljinъ“, которая ежегодно теряетъ свой старый клювъ и выращиваетъ новый. Кто найдетъ этотъ потерянный клювъ, береть его и макаетъ въ молоко; отъ этого въ деревянныхъ крынкахъ настается толстый слой сметаны; клятвенного обѣщанія, какое даютъ буха-шубуну *), при этомъ не дается. Клювъ утаргалжина попадается въ руки людей рѣдко.

Ласточка.

1) Повѣрье унгинскихъ бурятъ: Если ласточка слѣпить гнѣзда въ юртѣ человѣка, наносить въ него много конскихъ волосъ и они густо висять внизъ, это хорошая примѣта; у этого человѣка будетъ плодиться скотъ. Если она лѣпить въ юртѣ гнѣзда на сторонѣ двери, это не особенно хорошо, если же лѣпить за очагомъ, это хорошо.

2) Когда прилетитъ ласточка, говорятъ унгинскіе буряты, у бурятъ постоянно бываетъ хурунга; только у сильно бѣдныхъ ее не бываетъ. Раззорять гнѣзда ласточекъ грѣхъ, потому что они въ такомъ случаѣ ругаютъ такъ:

*) См. ниже.

Харасаган ерхэдэ
Хахирмак угэй ба
Хөхбсхён ерхэдэ
Хүрэнгэ угэй ба

Когда прилетить ласточка,
Безъ хахирмака живи,
Когда прилетить плиска,
Безъ хурунги живи.

3) Если ласточка будетъ разбрасывать кало птенцовъ по юртѣ на разныхъ мѣстахъ, у хозяина юрты скотъ будетъ пропадать.

Журавль.

Есть черные журавли (хара тухурюн), которые имѣютъ своихъ духовъ покровителей. Если кто убьетъ чернаго журавля, то его духъ покровитель будетъ преслѣдоввать того человѣка.

Лебедь и гусь.

Если вереница лебедей или гусей, летящая подъ небомъ, пролетая надъ чымъ-нибудь домомъ, спутается, придется въ беспорядокъ безъ особыхъ причинъ къ тому, это считается за худой знакъ. Хозяева этого дома будутъ жить несчастливо. Если это случится надъ цѣлымъ улусомъ, въ этомъ улусѣ появится какая-нибудь заразительная болѣзнь и посторонние люди не будутъ ходить въ этотъ улусъ.

Птица буха-шубунъ.

По словамъ бильширскихъ бурятъ въ большихъ озерахъ въ тростникахъ живеть птица буха-шубунъ *), которая обыкновенно кричитъ по вечерамъ. Клювъ буха-шубуна нѣкоторые буряты берутъ съ клятвою, если не боятся грѣха;

*) Выпъ?

это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Передъ выстрѣломъ по буха-шубуну стрѣляющей произноситъ клятвенное обѣщаніе: гажа шини хушер, шини тухар ябахаб (по русски „одною твою силою и твою помошью буду жить“); потомъ онъ стрѣляетъ по птицѣ и береть одинъ только ея клювъ. Когда надоенное молоко разливаютъ по деревяннымъ крынкамъ (торсок) для отстоя смѣтаны, клювъ буха-шубуна ма-каютъ въ молоко; отъ этого въ крынкахъ отстаивается тол-стый слой смѣтаны; если клювъ макать до половины молока, то до половины крынки отстоится смѣтана, а если до дна, то и смѣтана будетъ до дна; такимъ образомъ отъ двухъ или отъ трехъ коровъ съ помощью клюва буха-шубуна можно получить столько же смѣтаны, какъ отъ двадцати или трид-цати коровъ. Только по мнѣнию бурятъ брать клювъ буха-шубуна очень грѣшно.

Змѣи.

1. Если кто ёдетъ или идетъ и въ это время змѣя пересѣть ему путь, это не хорошо; желаніе человѣка не исполнится. Этотъ человѣкъ долженъ убить змѣю или пересѣчь ей путь; а если не можетъ или змѣя уйдетъ въ нору, то онъ долженъ выдернуть зеленую траву, сдѣлать на ней три узла и бросить. Когда змѣя пересѣть путь человѣку и уйдетъ отъ него не убитою, она говорить, что она убила человѣка. Если же человѣкъ сдѣлать три узла на зеленой травѣ и бросить ее, то змѣя не можетъ уже говорить, что она убила человѣка, и отъ пересѣченія дороги змѣей худа не будетъ.

2. Осеню змѣи уходятъ въ норы или выбираются изъ лѣса до паденія листьевъ съ деревьевъ; они боятся падаю-щихъ листьевъ, они говорять: „если упадутъ на меня листья, они сломаютъ мнѣ спину“.

3. Повѣрье унгинскихъ бурятъ: Если кто увидитъ двухъ змѣй, скрутившихся, какъ веревка и катающихся и бросить на нихъ свой поясъ, и если при этомъ змѣи раскрутятся и разойдутся въ разныя стороны, то этотъ поясъ будетъ имѣть благотворное вліяніе на родильницу. Если замедлятся роды у родильницы и она страдаетъ, на нее бросаютъ этотъ поясъ, и тогда она рожаетъ скоро и безъ особыхъ страданій. Такие пояса имѣютъ разную силу. Если скрутившіяся змѣи тотчасъ же раскручиваются и расходятся, какъ только брошенъ на нихъ поясъ, то поясъ будетъ имѣть сильное дѣйствіе на родильницу; если же змѣи медлятъ и расходятся только спустя нѣкоторое время, то поясъ будетъ оказывать слабое вліяніе на родильницу; если же змѣи не разойдутся и не раскрутятся, хотя и брошенъ на нихъ поясъ, такой поясъ никакого дѣйствія на родильницу не произведетъ. По повѣрью буряты скрутившіяся змѣи сильно страдаютъ и иногда пропадаютъ; если отъ брошенного на нихъ пояса они раскрутятся, то они сильно радуются; змѣи имѣютъ въ себѣ чудотворную силу, которую и передаютъ поясу.

4. Змѣи линяютъ; сброшенную кожу (зулмадхан) буряты берутъ, потому что приписываютъ ей лѣкарственную силу отъ укушенія змѣй и отъ болѣзни змѣинаго нарыва (могон хабадар).

5. Бильширскіе буряты говорятъ, что тому, кто имѣеть тяжебныя дѣла, хорошо имѣть при себѣ змѣиный языкъ; имѣющій его, всегда выиграетъ тяжбу.

6. Если кто убьетъ змѣю и изъ нея выйдетъ красная кровь, тотъ человѣкъ будетъ худо жить.

7. Кто часто убиваетъ змѣй, думаютъ унгинскіе буряты, тому онъ часто попадаются. Одинъ буряты много убивалъ змѣй, гдѣ бы только не встрѣтилъ ихъ, и онъ постоянно ему попадались. Однажды онъ увидѣлъ змѣй, выходящихъ

изъ одной норы; онъ началъ убивать ихъ и убилъ уже девяносто девять; вышла сотая змѣя маленькая, длиною около четверти; онъ началъ бить ее; послѣ каждого удара она дѣлалась все болѣе и болѣе и наконецъ стала очень большою; бурятъ сѣль на коня и поскакалъ; змѣя погналась за нимъ. Бурятъ прискакалъ къ одной юртѣ, вошелъ въ нее и рассказалъ ея хозяину, что за нимъ гонится змѣя; хозяинъ юрты спряталъ бѣглеца подъ котломъ. Отворилась дверь, въ юрту вползла громадной величины змѣя и легла кольцомъ вокругъ котла, подъ которымъ былъ спрятанъ бѣжавшій отъ нея человѣкъ. Немного полежавъ, змѣя выползла изъ юрты и ушла. Хозяинъ юрты посмотрѣлъ подъ котломъ, отъ спрятавшагося подъ нимъ человѣка остались однѣ бѣлые кости.

8. По повѣрю унгинскихъ бурятъ у змѣи есть ноги, но люди ихъ не видятъ; если человѣкъ увидитъ ноги у змѣи, ему будетъ худо; обыкновенно змѣиные ноги видятъ только несчастливые люди. Ихъ можно видѣть слѣдующимъ образомъ: нужно снять лиственничную кору съ дерева и на нее бросить змѣю; она по скользкой поверхности коры ползать не можетъ и покажетъ свои ноги. Змѣиные ноги красныя.

9. Унгинскіе буряты говорятъ, что встрѣчаются бѣлые змѣи (сагань мого), но очень рѣдко. Видѣть бѣлую змѣю могутъ только счастливые люди. Увидѣвшій бѣлую змѣю долженъ убить ее, снять съ нее кожу, высушить и потомъ постоянно носить при себѣ. Мясо бѣлой змѣи также совсѣмъ высушить и хранить, потому что оно считается цѣлебнымъ отъ разныхъ болѣзней.

10. Унгинскіе буряты вѣрятъ, что есть крылатая змѣя (далта мого), которая летаетъ по воздуху, какъ птица.

11. Огненная змѣя (галта мого) летаетъ въ тяжелые годы; тогда люди сильно мрутъ. Огненная змѣя можетъ сжечь строеніе, если упадетъ на него во время полета.

12. Если кто увидитъ бѣлую змѣю, убѣть ее, сварить ея мясо и сѣѣсть, тотъ будетъ знать семидесять языковъ (со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства Хахинскаго рода Василія Иванова).

13. Если змѣя войдетъ къ кому-нибудь въ домъ и родить дѣтей, худая примѣта (со словъ того же Василія Иванова).

Лягушка.

1. У кого родители живы, тотъ не долженъ убивать лягушекъ; это грѣхъ.

2. Если человѣкъ найдетъ мертвую обыкновенную озерную лягушку, въ которой завелись черви, это хорошо. Такая лягушка имѣеть лѣкарственное свойство отъ многихъ болѣзней. Такую лягушку рѣдко находятъ, только счастливые люди. Иногда встречаются живыя лягушки съ червями (отон); это очень къ добру. Такую лягушку берутъ и хранятъ; человѣкъ, нашедшій ее, будетъ жить богато и счастливо.

Рыба.

Когда много ловятъ рыбы, тогда скотъ пропадаетъ часто.

Человѣкъ—рыба.

(хѣн загахан)

Въ морѣ (газада дала) есть человѣкъ-рыба, у которой передняя половина тѣла рыбья, задняя половина человѣчья. Эту рыбу называютъ хѣн-загахан (человѣкъ рыба). Увидѣвъ человѣка, эта рыба высовываетъ изъ воды голову и кричить по человѣчески, а потомъ опять уходить въ воду.

Черви.

Если у кого-нибудь въ очагѣ огня завелось много червей (бтн), это считается хорошимъ признакомъ; у него будетъ много разнаго скота.

Пчела.

Хорошимъ признакомъ считается, если пчелы заведутъ свой улей въ зданіи или въ одеждахъ человѣка.

Муравей.

Бильширскіе буряты считаютъ за добрый знакъ, если въ постройку дома попадеть дерево, въ которомъ гнѣздились муравьи; такое дерево считается счастливымъ. Нѣкоторые буряты нарочно ищутъ такое дерево и рубятъ его на постройку. Приступая къ постройкѣ, бильширскіе буряты ворожатъ такимъ образомъ: на намѣченное мѣсто кладутъ камень или дерево; если подъ нимъ станутъ гнѣздиться муравьи, то на этомъ мѣстѣ можно строиться, это мѣсто счастливое; если же муравьи не будутъ гнѣздиться, мѣсто считается несчастливымъ.

Травы.

1. Унгинскіе буряты думаютъ, что сжигать зеленую траву грѣхъ.

2. Прежде буряты, будто бы, знали много лѣкарственныхъ травъ, но перезабыли. По мнѣнію буряты, когда берешь лѣкарственную траву, необходимо дать клятву, что будешь жить съ помощью этой травы, и что кромѣ нея тебѣ не нужно ни хозяйства, ни жены, ни дѣтей. Давать такую

клятву буряты считаютъ за грѣхъ, вслѣдствіе этого они не старались узнавать лѣкарственныея травы и потому, какія знали, позабыли. Буряты, знающіе эти травы, отъ тѣхъ, которые просятъ показать ихъ, требуютъ принести выше описанную клятву. Кромѣ того узнавающій о цѣлебномъ свойствѣ травы долженъ имѣть на то наслѣдственное право (утха); иначе онъ скоро умретъ. По мнѣнію бурята тотъ, кто знаетъ какую-нибудь лѣкарственную траву, долженъ показать ее передъ своею смертью другому человѣку, но подъ условиемъ той клятвы, если найдется къ тому охотникъ. Безъ клятвы же передавать это знаніе по обычаю нельзя.

Боярышникъ.

Если у человѣка будетъ кашель съ колотьемъ въ груди, то буряты берутъ иглы боярышника (посибирски боярки) числомъ девять или трижды девять т. е. двадцать семь игль, кипятить ихъ въ водѣ, настаивать, какъ чай, и пить больного.

Шаманъ-дерево.

Одинъ человѣкъ во время сильнаго вѣтра остановился въ лѣсу ночевать подъ однимъ толстымъ деревомъ. Человѣкъ этотъ зналъ все языки и видѣть духовъ. Ночью приходитъ посланикъ-дерево и говорить этому толстому дереву: „Шаманъ отецъ! за вами пришелъ! меня послалъ нашъ высокій и бѣлый старшій братъ просить васъ, чтобы вы пришли къ нему; онъ сильно качается“. Толстое дерево т. е. шаманъ-дерево говоритъ посланному: „Я теперь не могу итти къ нему. У меня спить гость“. Посланное дерево ушло. Черезъ нѣкоторое время опять приходитъ тотъ же посланикъ и

говорить: „Просить скорѣе притти. Онъ уже нагнулся“. Шаманъ-дерево говоритъ: „Не могу итти; какъ оставлю гостя?“ Посланникъ ушель. Немного погодя опять приходитъ и говоритъ: „Непремѣнно просить притти. Оно уже падаетъ, не можетъ стоять“. Шаманъ-дерево говоритъ: „Ни какъ не могу; у меня гость; какъ гостя оставлю одного? теперь не могу помочь, если онъ падаетъ“. На другое утро человѣкъ, слышавшій эти разговоры, пошелъ и увидѣлъ одно высокое и бѣлое дерево, которое свалилось отъ вѣтра.

Дерево съ огнемъ и холодное дерево.

Есть дерево съ огнемъ (галта модон); если это дерево попадетъ въ постройку, то домъ будетъ очень теплый. Есть дерево холодное (хѣтун модон); если это дерево попадетъ въ постройку, домъ будетъ холодный; какъ ни топи, все будетъ холодно.

Табакъ.

У одного человѣка заболѣла жена. Передъ смертью она сказала своему мужу: „Когда я умру, похоронишь меня; на моей могилѣ выростетъ трава съ большими листьями; если ты будешь печалиться обо мнѣ, возьми съ этой травы листья, высуши и кури“. Этотъ человѣкъ, послѣ того, какъ умерла жена, сталъ сильно тосковать о ней; тогда онъ пошелъ на могилу жены, увидѣлъ выросшую на ней траву, собралъ ея широкіе листья, высушилъ и началъ курить; съ этого времени онъ пересталъ сильно печалиться. Это растеніе было табакъ; оно выросло изъ тазовой кости умершей жены.

Летающие орехи и хлебные зерна.

Встрѣчаются на кедрахъ ореховые шишки, сидящія по три вмѣстѣ на концѣ вѣтви. О такихъ тройныхъ шишкахъ говорятъ, что они улетаютъ въ другую тайгу; лѣтомъ замѣ чаются на кедрахъ множество такихъ тройчатокъ, а осенью ни на кедрахъ, ни на землѣ шишекъ не находять; тогда думаютъ, что шишки улетѣли въ другую тайгу и тамъ упали на землю. Лѣтомъ 1895 г. недалеко отъ Хахинскаго рода видѣли на кедрахъ много ореховыхъ шишекъ, по три шишки изъ одного основанія, а осенью буряты никакихъ шишекъ не нашли.

Хлѣбные зерна также улетаютъ куда-нибудь, какъ и кедровые шишки. Осенью, когда жнуть, колосья бываетъ съ хорошими зернами, а зимою во время молотьбы зеренъ совсѣмъ мало, не оправдываетъ ожиданій. Это объясняютъ тѣмъ, будто бы зерна изъ кладей куда-то таинственно улетаютъ. Бываетъ и наоборотъ; когда жнуть хлѣбъ, зерно совсѣмъ плохое, а начнутъ зимою молотить, примолотъ хорошій; это значитъ, что зерна откуда-то прилетѣли (со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства Василія Иванова).

О домѣ и домашнихъ предметахъ.

1. Человѣку, особенно маленькимъ пѣтямъ спать въ домѣ прямо противъ двери считается грѣхомъ; грѣхъ также спать около двери поперекъ; головою къ двери тоже грѣхъ.

2. Если кто выстроить домъ и сдѣлаетъ дверь въ восточной стѣнѣ, въ домѣ будутъ входить всякие нечистые духи и будутъ вредить хозяевамъ.

3. Есть дома, въ которыхъ всегда спокойно, хорошо и долго спится; въ такихъ домахъ хозяева будутъ жить счаст-

ливо. Въ другихъ домахъ плохо спится, хотя и хочется спать, чувствуется какъ будто неловко; такие дома считаются худыми или несчастливыми.

4. Въ домѣ, въ которомъ всѣ хозяева вымерли, никто не будетъ жить; бурятъ ни за что не купитъ такой домъ. А если еще пойдетъ говоръ, что въ этомъ домѣ поселился худой духъ, то всѣ буряты будутъ избѣгать его. Если кто такой домъ купить, онъ долженъ разобрать его и перевезти на другое мѣсто; при этомъ нужно сварить саламатъ и мясо и все это зарыть подъ поломъ, и только послѣ этого начать перевозить домъ, нижня же бревна т. е. прикладъ слѣдуетъ оставить на старомъ мѣстѣ; тогда нечистый духъ останется около саламата и мяса.

5. Шубу, халатъ и одѣяло грѣхъ класть воротникомъ къ двери; иначе въ семьѣ будетъ покойникъ.

6. Если кто найдетъ на дорогѣ кѣмъ-то потерянную руканицу и если она лежитъ ладонью вверхъ, ее можно взять, но грѣхъ взять, если она лежитъ ладонью внизъ.

7. Грѣхъ качать пустую люльку, безъ ребенка. А если ребенокъ самъ качаетъ, хорошо; у него скоро будетъ братъ или сестра.

8. Унгинскіе буряты вѣрятъ, что у лодки есть ноги, которыхъ люди могутъ увидѣть во время лученія; кто ихъ увидитъ, тотъ будетъ несчастливъ.

Хуръ.

Въ прежнее время Бурханъ сдѣлалъ себѣ музыкальный инструментъ „хур“; натянулъ на него волосы изъ конского хвоста и сдѣлалъ смычекъ, но никакъ не можетъ играть. Хуръ не издаетъ звука. А четхыръ (четвѣртъ) выстроилъ себѣ мельницу, но никакъ не можетъ пустить ее въ

ходъ; она нейдетъ. Бурханъ говоритъ четхыру: „Давай помѣняемся! Ты возьми мой музикальный инструментъ хуръ, а мы отдаи свою мельницу“! Четхыръ согласился; они помѣнялись. Бурханъ взялъ мельницу, сдѣлалъ въ ней шестерню и мельница пошла въ ходъ, а четхыръ взялъ хуръ съ волосяными струнами, натеръ смычекъ смолой и хуръ сталъ играть хорошо.

Буряты музикальный инструментъ хуръ долго въ домѣ не держать, считая это неудобнымъ, потому что у хура заводится хозяинъ (эжин), который по ночамъ играетъ на немъ, а на эти звуки собираются другіе духи. Если у бурята окажется хуръ, который будто бы играетъ ночью т. е. издаетъ звуки, такой хуръ буряты изломаетъ ибросить.

Унты и рукавицы изъ человѣческой кожи.

Молькинскіе буряты говорять, что унты *) и рукавицы, сшитыя изъ человѣческой кожи, никогда не изнашиваются, если только ихъ будутъ носить днемъ, а ночью носить не будутъ. Человѣкъ днемъ ходить и работаетъ, а ночью спитъ и отдыхаетъ; такъ и унты и рукавицы изъ человѣческой кожи днемъ изнашиваются, а ночью отдохгаютъ, т. е. дѣлаются по прежнему. Одинъ человѣкъ нанялся къ другому человѣку; за опредѣленную плату онъ долженъ быть работать, пока не износитъ одной пары унтовъ и рукавицъ, которыя ему дали хозяинъ. Работникъ служилъ у хозяина нѣсколько годовъ, не можетъ износить унты и рукавицы. Тогда этотъ работникъ обратился къ одному старику и говорить: „Я ни какъ не могу износить унты и рукавицы, полученные отъ хозяина“. Старикъ сказалъ ему: „Эти унты и рукавицы

*) Унты обувь изъ шкуры шерстью ввѣрхъ.

сшиты изъ человѣческой кожи. Ты во всю жизнь не износишь ихъ, если будешь носить ихъ только днемъ, а ночью будешь отдыхать. А ты днемъ отдыхай и спи, а ночью работай; тогда унты и рукавицы скоро износятся". Работникъ сталъ днемъ отдыхать и спать, а ночью работать, тогда эти унты и рукавицы скоро износились.

Со словъ бурята молыгинского вѣдомства Луки Аришнова.

Домашній скотъ.

1. Когда рогатая скотина чешется объ уголъ юрты или дома, это хороший признакъ; эту скотину стараются не продавать.

2. Если овцы и другой скотъ часто и безъ причины пугаются, находясь въ своемъ дворѣ, это худая примѣта; у хозяина будетъ больной въ семье; овцы или скотъ пугаются отъ того, что духи ловятъ души тѣхъ скотинъ, которыхъ хозяинъ заколеть въ жертву духамъ, чтобы умилостивить ихъ и спасти жизнь больного. Или буряты говорятъ: скотъ пугается, значитъ духи ловятъ души скота и нужно, следовательно, ждать, что въ этомъ дворѣ скотъ начнетъ пропадать. Чтобы духи не пугали скотъ, хозяинъ брызгаетъ въ овчарнѣ тарасуномъ.

3. Если корова кричитъ по порозиному—худая примѣта; такую корову нужно поскорѣе продать, а колоть на мясо для себя грѣхъ.

4. Если корова родить двойниковъ,—плохая примѣта. Если двойники телята оба будутъ быки или телки и останутся живыми, это не особенно худо; если изъ двойниковъ одинъ теленокъ бычекъ, а другой телка и оба пропадутъ, это совсѣмъ худо. Рожденіе двойниковъ считается не особенно худой примѣтой потому, что корова имѣть раздвоенное копыто.

5. Когда буряты продаютъ рогатую скотину, то отрѣзываютъ волосы съ кончика хвоста, чтобы счастье осталось дома. Иногда выдергиваютъ нѣсколько щипковъ шерсти.

6. Если рогатый скотъ, принадлежащій одному хозяину, начнетъ бодаться между собою, это дурной знакъ.

7. Если корова отелится и послѣдъ (намтахан) упадеть скоро, то, говорятъ унгинскіе буряты, снѣгъ растаетъ скоро. Если послѣдъ не скоро падаетъ, то снѣгъ не скоро растаетъ и весна будетъ холодная.

8. Если кобыла родить двойниковъ жеребятъ, дурная примѣта для хозяина.

9. Если коза родить тройниковъ, то третьяго козленка отдаютъ постороннему лицу; съ этою цѣлью собираютъ въ томъ улусѣ маленькихъ дѣтей ровесниковъ и заставляютъ ихъ бѣжать въ бѣгъ; кто изъ нихъ выбѣжитъ противъ прочихъ, тому отдаются третьяго козленка.

10. Если у кого рождается слѣпой теленокъ или жеребенокъ, или ягненокъ и т. п., это считается знакомъ того, что хозяинъ будетъ жить богато. Этого слѣпого теленка и проколять и мясо его їдять только одни хозяева; постороннимъ не даютъ.

11. Грѣхъ давать изъ дома поздно вечеромъ молочную пищу постороннему человѣку; иначе скотъ будетъ пропадать.

12. Унгинскіе буряты считаютъ болѣшимъ грѣхомъ, если кто нибудь, отдавая молоко кому нибудь для маленькаго ребенка, подольетъ въ молоко воды, или вообще пожалѣетъ молока для ребенка.

13. По мнѣнію тѣхъ же бурятъ молоко или что нибудь молочное пролить или бросить въ воду грѣшно. Даже считается грѣхомъ черпать воду изъ рѣки молочною посудой, потому что молоко можетъ попасть въ воду.

14. По словамъ бильширскихъ бурятъ будто воры, которые крадутъ чужой скотъ и колятъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, поступаютъ такъ: отрѣзываютъ у краденой скотины кончикъ языка и кончики ушей и зарываютъ въ землю кончиками внизъ, причемъ произносятъ: шихэтэ юмада дулдахабэ, амата юмада мэдэгдэхбэ, по русски: „имѣющіе уши не услыхали бы, имѣющіе рты не узнали бы“. Тогда воровство ихъ не обнаружится.

15. Однажды въ прежнее время былъ сильный валежъ на скота (отъ чумы). Одинъ бурята угналъ свой скотъ въ лѣсъ; дорогой ему встрѣтился неизвѣстный человѣкъ, ёдущий на конѣ и спросилъ его: „Куда ты гонишь скотъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Я гоню скотъ отдать его чумѣ“ (по бурятски „мила“). Встрѣтившійся человѣкъ сказалъ: „Твой скотъ не будетъ валиться!“ И дѣйствительно у этого человѣка скотъ не валился и остался цѣлъ. Встрѣтившійся буряту человѣкъ былъ „хозяинъ чумы“ (по бурятски милен эжин).

16. Отдѣлившійся отъ отца сынъ, получивъ по раздѣлу скотъ, долженъ по обычаяу перепятнать его; при этомъ онъ долженъ къ отцовскому пятну прибавить еще пятно. Если же отъ отцовскаго пятна убавить, то скотъ не будетъ размножаться.

17. Если молоко, налитое въ крынки для отстоя смѣтаны, было надоено дѣвочкой, которая родилась весной, то смѣтана отстоится въ маломъ количествѣ, въ видѣ тонкаго слоя. Про такую дѣвочку говорятъ: хү угэй гарта (по русски „не съ молочною рукой“). У дѣвочки, которая родилась лѣтомъ или осенью смѣтана всегда отстаивается обильно и толстымъ слоемъ. Про такую говорятъ: „съ молочною рукой“.

18. По повѣрю молькинскихъ и боханскихъ бурятъ есть кони, такъ называемые хулэкъ, которые въ переднихъ подмышикахъ имѣютъ подъ кожей дыру съ обѣихъ сторонъ;

въ эту дыру входитъ палецъ. Такие кони хорошо бѣгаютъ и не задыхаются, не смотря на дальнее разстояніе.

19. Баханскіе буряты считаютъ за счастье для хозяина имѣть скотину съ бѣлымъ пятномъ на лбу; такую скотину не продаютъ.

20. По повѣрю молькинскихъ буряты совершенно бѣлый ягненокъ, котораго называютъ „тѣже хурьган“, лѣтомъ послѣ грома худѣеть и пропадаетъ.

Вино.

По словамъ нѣкоторыхъ унгинскихъ буряты „архи“, вино впервые сдѣлали восточные тэнгерины на зло людямъ, чтобы они, напившись архи, дѣлались бы пьяными, убивали бы другъ друга,ссорились между собою и вообще чтобы были несчастными.

О человѣкѣ.

1. Прежде люди все о себѣ знали, будуть ли они счастливы или несчастливы и когда умрутъ; вслѣдствіе этого знанія люди перестали работать, начали сильно гулять и проматывать имущество. Тогда Бурханъ сдѣлалъ такъ, что люди не стали знать о себѣ, будуть ли они счастливы и когда умрутъ. Послѣ этого люди стали работать, стали стараться приобрѣсти богатство.

2. Человѣкъ также линяетъ, какъ змѣя, т. е. кожа цѣликомъ съ него спадаетъ; отлинявшую кожу (хүни зулмаджан) человѣкъ теряетъ, но самъ этого не замѣчаетъ; если же змѣя находить потерянную отлинявшую кожу человѣка, то радуется и беретъ ее.

3. По повѣрю унгинскихъ буряты, отецъ новорожденного ребенка, уѣзжавшій куда нибудь изъ дома, возвращаясь

домой, не долженъ безъ пути бить коня или махать бичемъ; если онъ будеть это дѣлать, то новорожденный его ребёнокъ будетъ плакать; когда отецъ бьетъ коня или машетъ бичемъ, онъ какъ будто бьетъ ребенка; каждый ударъ отцовскаго бича по коню ребенокъ чувствуетъ на своемъ тѣлѣ, отчего и плачетъ; тогда буряты говорять объ немъ: минархажи орлѣ (по русски „плачеть отъ бича“). Нѣкоторые младенцы этого не чувствуютъ.

4. Унгинскіе буряты считаютъ грѣхомъ бросать воду на человѣка.

5. Если больной человѣкъ чихаетъ, къ выздоровленію. Если онъ чихаетъ утромъ, это значитъ что онъ выздоравливаетъ, только медленно; если вечеромъ, то выздоравливать скоро и быстро.

6. Стоя ёсть пищу нельзя; коровы будутъ телиться стоя.

7. Буряты считаютъ за грѣхъ женить сына или выдать дочь замужъ въ мартѣ мѣсяцѣ (по бурятски уланъ-зудань); кто женится въ этотъ мѣсяцъ или выйдетъ замужъ, будетъ жить несчастливо.

8. Если у человѣка вдругъ явится отвращеніе отъ мяса или просто нежеланіе его ёсть, онъ скоро умретъ.

9. Если у больного человѣка явится желаніе постоянно ёсть молочную пищу, больной медленно будетъ поправляться.

10. Если у старика или просто у пожилого человѣка усы и борода посѣдѣютъ прежде, чѣмъ волосы на головѣ, подъ старость онъ будетъ жить худо; если волосы сѣдѣютъ съ затылка, это тоже худо. Если волосы сѣдѣютъ спереди на обоихъ вискахъ, тотъ человѣкъ будетъ долго жить и счастливо; если у старика до глубокой старости не сѣдѣютъ, худо для его потомства. Тотъ, у кого волосы на головѣ сѣдѣютъ совершенно бѣло, на старости лѣтъ будетъ жить бѣдно или несчастливо и его дѣти будутъ бѣдны и несча-

стливы; у кого посѣдѣвшіе волосы имѣютъ желтоватый или синеватый отливъ, тогъ въ старости будетъ жить хорошо, а также хорошо и счастливо будутъ жить и его дѣти.

11. Если у человѣка до старости не выпадутъ зубы и будутъ остры, а самъ старикъ или сама старуха будутъ въ Ѵдѣ жадны и ненасытны, у тѣхъ дѣти будутъ жить бѣдно и несчастливо. Если у человѣка въ старости зубы будутъ тупы, выпадутъ, самъ человѣкъ будетъ въ Ѵдѣ не жаденъ, будетъ мало Ѹсть, у того дѣти и потомки будутъ жить богато и счастливо.

12. Буряты, обрѣзая съ пальцевъ ногти, обрѣзки собираютъ и бросаютъ, при чемъ на эти обрѣзки плюютъ и фыркаютъ. Если духи увидятъ обрѣзки ногтей, то спрашиваютъ ихъ, кто ихъ хозяинъ и гдѣ его душа. Если на обрѣзки ногтей было поплевано и пофыркано, то они отвѣ чаютъ: „Нашъ хозяинъ слюна и фырканье; не знаемъ, гдѣ душа хозяина“. Если не принять этой предосторожности, то обрѣзки ногтя укажутъ душу хозяина духамъ.

13. Когда человѣкъ умираетъ, то ногти радуются. Они говорятъ: „Теперь нашъ хозяинъ не будетъ нась обрѣзывать; будемъ расти свободно“. А волосы человѣка сильно печалятся и говорятъ: „Теперь нашъ хозяинъ не будетъ нась гладить и чесать“?

14. Религіозный, соблюдающій народные обычай буряты ни за что не будетъ обрѣзать ногти и стричь волосы во время полнолуния. Стриженные волосы не бросаютъ на землю, а затыкаютъ гдѣ-нибудь выше.

15. Взрослая дѣвица, которая уже носитъ косу, не должна ее подрѣзывать. Если подрѣжеть, это считается грѣхомъ, потому что въ такомъ случаѣ ея братьямъ и сестрамъ будетъ нечастье. Если она сердита на своихъ братьевъ и сестеръ, то она подрѣзываетъ конецъ своей косы и тогда кто-нибудь изъ ея братьевъ или сестеръ умретъ.

16. Бурятскія женщины носятъ двѣ косы, на каждой сто-
ронѣ по одной. Эти косы у бурятъ называются „болто“. Если замужняя женщина отрѣжетъ косы, то мужъ ея умреть; если жена сердита на мужа и захочеть, чтобы мужъ ея умеръ, ей стоитъ только отрѣзать свою косу и она изба-
вится отъ нелюбимаго мужа.

О дѣтяхъ.

1. Если у новорожденнаго ребенка впередь выростутъ нижніе зубы, это хорошо, а если верхніе, худо; родители будутъ жить несчастливо и ребенокъ будетъ несчастливый.
2. Если ребенокъ родится съ зубами, это очень худо; когда этотъ ребенокъ вырастетъ большой и сдѣлается чернымъ шаманомъ, онъ будетъ сѣдѣть людей.
3. Унгинскіе буряты говорятьъ, что новорожденный ребенокъ однимъ годомъ младше Бурхана и однимъ годомъ старше царя.
4. Когда ребенокъ спитъ и во снѣ смеется, это объясняютъ тѣмъ, что онъ будто бы разговариваетъ со своимъ заяши'емъ, иные говорятъ съ Бурханомъ и радуются; если же ребенокъ плачетъ, это значитъ, что заяши или Бурханъ, разговаривая съ нимъ, дразнить его, пугая, что возьметъ у него отца или мать.
5. Новорожденный ребенокъ все знаетъ, о чемъ онъ говоритъ самъ съ собою; это знаютъ также и тѣ люди, которые понимаютъ дѣтскій говоръ. Если у бурята маленький ребенокъ сильно лепечетъ, тогда приглашаютъ такого бурята, который известенъ за человѣка, понимающаго дѣтскій языкъ. При этомъ стараются это сдѣлать такъ, чтобы ребенокъ не зналъ; если онъ узнаетъ, то не будетъ говорить; тогда нужно его обмануть; приглашенный человѣкъ, знающій дѣтскій го-

воръ, долженъ притвориться спящимъ или нужно сдѣлать видъ, будто онъ уѣхалъ.

6. Если маленький ребенокъ смотрить на ладони своихъ рукъ и играеть, это значить, онъ выростеть благополучно; если онъ смотрить на свои руки не со стороны ладони, а съ обратной стороны—онъ будетъ болѣзниенный и будетъ часто болѣть.

7. Нѣкоторые буряты вѣрятъ, что когда у кого-нибудь дѣти рождаются и потомъ умираютъ, чтобы предотвратить смерть слѣдующаго ребенка, то нужно его послѣдьбросить собакѣ; если собака съѣсть послѣдь, родившійся ребенокъ будетъ жить; если не съѣсть, дурная примѣта: ребенокъ умретъ.

8. Если въ семье дѣти постоянно умираютъ, то вновь родившемуся ребенку хорошо давать сосать собаку. У одного бурята дѣти постоянно умирали; однажды у этого человѣка одновременно разрѣшилась отъ бремени жена и ощенилась сука; ребенку дали сосать сосцы суки; онъ не умеръ, какъ другіе, а выростъ большими, очень сильнымъ и красивымъ.

9. Если во время беременности женщины отца нѣтъ дома, то ребенокъ не спѣшить родиться, а ждеть возвращенія отца. Если отецъ замедлится въ пути, замедляются и роды и мать мучается; тогда бываютъ материнскими, чтобы ребенокъ скорѣе родился. Это повѣрье бильширскихъ бурятъ.

10. Если у человѣка рождаются двойники, унгинские буряты считаютъ изъ нихъ того старшимъ, который родился послѣ, потому что старшій приказывается младшему родиться впередь, а самъ выходитъ на свѣтъ послѣ него.

11. Когда маленькия дѣти играютъ землею, будто косятъ сѣно, ставятъ копны и зароды изъ земли, въ этотъ годъ будетъ урожай хлѣбовъ и травъ; а если дѣти играютъ камнями, будетъ неурожайный годъ, тяжелый для дѣтей и скота.

12. Если новорожденный ребенокъ до года начнетъ ходить, это считается не особенно хорошимъ. Тогда въ ребенка бросаютъ шапкою три раза такъ, чтобы каждый разъ ребенокъ упалъ; это дѣлается, чтобы ребенокъ не ходилъ раньше года.

Душа человѣка.

1. Человѣкъ имѣеть двѣ души. Одна хорошая душа; во время сна она выходитъ изъ тѣла иходить по разнымъ мѣстамъ, отчего у человѣка бываютъ сновидѣнія. Эту хорошую душу человѣка ловятъ духи. Другая душа худая; она постоянно находится въ тѣлѣ человѣка и никогда его не оставляетъ. Послѣ смерти человѣка худая душа тоже находится около тѣла.

2. Когда человѣкъ спитъ, душа выходитъ изъ тѣла и иногда летаетъ. Этой способностью обладаютъ души рѣдкихъ людей. Летающую душу никто не можетъ поймать. Она летаетъ высоко и далеко.

3. Вышедшую изъ тѣла во время сна человѣческую душу преслѣдуютъ духи и стараются поймать ее; она обращается въ мышь, убѣгаетъ отъ нихъ, прячется въ нору или куда нибудь около дома.

4. Кошмаръ буряты объясняютъ тѣмъ, что худая душа давить человѣка. Когда съ кѣмъ изъ бурята случится кошмаръ, онъ дѣлаетъ на поясѣ три узла и кладетъ его на себя или у изголовья; тогда кошмаръ не будетъ, т. е. худая душа не будетъ давить человѣка. Нѣкоторые буряты, чтобы не было кошмара, кладутъ возлѣ себя ножикъ или топоръ, или огниво; духъ боится этихъ вещей и не давить спящаго подъ ихъ охраной человѣка.

Заяши.

Унгинские буряты вѣрятъ, что каждый человѣкъ имѣеть своего собственнаго „заяши“, который заботится о немъ. У богатыхъ людей заяши бываетъ тоже богатый. Онъ ёздить на хорошемъ конѣ, въ хорошемъ одѣяніи и въ рукѣ держитъ арканъ (бугуля) *), присматриваетъ за табунами и за рогатымъ скотомъ, чтобы они не терялись и чтобы ихъ не давить звѣры. Заяши заботится о своемъ человѣкѣ; онъ будитъ его рано поутру, чтобы онъ бодрствовалъ и работалъ. У трудолюбиваго и прилежнаго человѣка и заяши бываетъ трудолюбивый и прилежный. У бѣднаго человѣка заяши тоже бѣдный, ёздитъ на худомъ конѣ, въ худомъ одѣяніи. Если бѣдный человѣкъ не имѣеть коня и ходить пѣшкомъ, то и его заяши ходить пѣшкомъ. У лѣниваго человѣка заяши тоже лѣнится и сердится на своего человѣка, что онъ лѣнится и не работаетъ; иногда даже такого лѣниваго человѣка заяши оставляетъ и перестаетъ заботиться о немъ. У прилежнаго человѣка заяши радуется, что его человѣкъ работаетъ.

Когда человѣкъ родится, то у него бываетъ три души (хүн гурбан хунгэта, порусски „человѣкъ съ тремя душами“). Первая хорошая душа (хайн хунхэн)—это есть заяши. Вторая средняя душа (дунда хунхэн)—это та душа, которая во время сна человѣка оставляетъ тѣло и странствуетъ повсюду; эту вторую душу ловятъ духи, и если поймаютъ и посадятъ въ темницу, то человѣкъ умираетъ; когда духи гоняются за

*) „Бугуля“ буряты дѣлаютъ такъ: берутъ тонкій бересковый шестъ или жердинку длиною болѣе 2 саженъ, очищаютъ его отъ коры и сучьевъ и гладко строятъ; на тонкомъ концѣ (вершинѣ) привязываютъ конецъ длиннаго ремня, другой конецъ котораго привязываютъ къ тому же шесту въ разстояніи аршина отъ первого узла; тогда получается бугуля, которой ловятъ жеребятъ и большихъ кобыль.

душой и ловять ее, она плачетъ; другіе люди слышатъ этотъ плачъ и говорятъ тогда: „духи изловили чью-то душу“. Когда же человѣкъ, душа котораго поймана духами, умретъ, то душа его дѣлается духомъ и странствуетъ повсюду на томъ самомъ конѣ, на которомъ похороненъ покойникъ и въ томъ самомъ одѣяніи, въ которомъ его похоронили.

Вторая душа богатаго человѣка ъезжаетъ поэтому на томъ хорошемъ конѣ, на которомъ его похоронили, на немъ то самое нарядное одѣяніе, при немъ тѣ же орудія, она ъестъ тѣ самыя кушанья, пьетъ то самое вино, которые дали покойнику при его похоронахъ. У бѣднаго покойника и вторая душа его будетъ послѣ его смерти жить въ бѣдной обстановкѣ.

Третья худая душа (му хунхэн) постоянно бываетъ въ тѣлѣ и никогда отъ него не отлучается. Эта душа никакого добра не дѣлаетъ, а дѣлаетъ скорѣе вредъ; по понятію бурятъ кошмаръ бываетъ у людей отъ этой худой души; когда человѣкъ спитъ, эта худая душа выходитъ изъ тѣла и давить его. Послѣ смерти человѣка худая душа остается около тѣла, караулить его и никуда нейдетъ. Вотъ почему, по мнѣнію бурятъ, на могилахъ покойниковъ строить домъ незначай худо; худая душа покойника будетъ показываться и вредить хозяину дома.

Послѣ смерти человѣка хорошая душа т. е. заячи поднимается на небо, вторая средняя душа дѣлается духомъ и странствуетъ по землѣ, третья худая остается около тѣла, а когда тѣло покойника сгниетъ, кости разрушатся и ничего не останется, она дѣлается вихремъ (хи-хуй). Въ этомъ вихре въ самой серединѣ его вертится духъ т. е. худая душа человѣка въ видѣ моркови; верхняя часть этого духа толстая; на самой верхушкѣ головы только одинъ глазъ; книзу духъ дѣлается все тоньше и тоньше, и кончается

острымъ концомъ; эту форму онъ получаетъ по тому, что, вертясь въ вихрѣ, истирается и становится тоньше; подъ конецъ онъ совсѣмъ истирается и исчезаетъ.

Когда буряты видятъ вихорь, то говорятъ:

Долгонор хатхул

Быть уколоту боярышникомъ,

Долон хумар харбул

Быть застрѣлену семью стрѣлами.

Если эти слова произнести, то будто бы вихорь прекратится.

Въ прежнее время жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, который нуждался во всемъ. Однажды этотъ бѣднякъ пошелъ искать своего заяши. Идя по дорогѣ, онъ встрѣтилъ такого же бѣдного человѣка, какъ самъ онъ, шедшаго, какъ и самъ онъ, тоже пѣшкомъ. Куда идешь? спросилъ онъ этого человѣка; а тотъ въ свою очередь спросилъ его: „Ты куда идешь“? Тогда тотъ бѣдный человѣкъ говорить: „Я, бѣдный человѣкъ; пошелъ искать своего заяши“. Встрѣтившійся говорить: „Я твой заяши. Что тебѣ нужно“? Бѣднякъ отвѣчаетъ: „Я очень бѣденъ. Какъ мнѣ разбогатѣть? научи“! Заяши говорить: „Одинъ богатый человѣкъ будетъ колоть верблюда; иди къ нему, помоги ему заколоть, а шкуру сними цѣликомъ; когда снимешь, набей ее травой и неси на себѣ; я буду въ это время на небѣ у Бурхана, и когда ты понесешь шкуру, набитую травой, я скажу Бурхану: „Посмотрите, какой сильный человѣкъ! На себѣ несетъ верблюда“! Тогда Бурханъ посмотрѣть на тебя и ты будешь богатъ“. Послѣ этого бѣднякъ пошелъ къ богатому человѣку, помогъ ему заколоть верблюда, сняль шкуру цѣликомъ, набилъ ее травой и несетъ на себѣ. Въ это время его заяши поднялся на небо и былъ у Бурхана. „Посмотрите, сказалъ онъ Бурхану, на землѣ какой-то сильный человѣкъ на себѣ несетъ верблюда“. Бурханъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ этого

человѣка. Съ того момента бѣднякъ сталъ поправляться и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Но когда скотъ его размножился, ему не стало ни покоя, ни времени; онъ постоянно долженъ былъ смотрѣть за своимъ скотомъ и беспокоиться о его цѣлости. Наконецъ ему стало лѣтъ ходить за скотомъ и онъ подумалъ, жить бѣдному лучше и спокойнѣе, чѣмъ богатому. И онъ побѣхалъ искать своего заяши; онъ встрѣтилъ его юдущимъ на хорошемъ конѣ, въ хорошемъ одѣяніи и въ рукахъ у него арканъ. Заяши спросилъ его: куда ты юдешь? „Я ищу своего заяши“, отвѣчаетъ тотъ. Заяши спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты ищешь меня? что тебѣ нужно?“—Богатому жить трудно, отвѣчаетъ человѣкъ. День и ночь не знаю покоя. Сдѣлай меня опять по прежнему бѣднымъ.—Тогда заяши научилъ его, что сдѣлать. „Когда прїдешь домой, сказалъ ему заяши, то всю посуду положи отверстіемъ къ двери, корзины (тѣбши) приставь наклонно къ стѣнѣ тоже отверстіями къ двери, и такъ ночуй! На другое утро, когда будешь выгонять овецъ, то возьми простоквашу съ выюкомъ (аша) и, когда овцы будутъ выходить изъ двора, макай выюкъ въ простоквашу и бей каждую овцу по заднице. Тогда опять сдѣлаешься по прежнему бѣднымъ“. Заяши уѣхалъ, а человѣкъ прїѣхалъ домой, всю посуду положилъ отверстіями къ двери, корзины приставилъ къ стѣнѣ наклонно также отверстіями къ двери; на другое утро, когда стала выгонять овецъ, то взялъ выюкъ, началъ макать его въ простоквашу и бить каждую овцу по заднице. Тогда все овцы обратились въ козуль (гёрбхон), почему у козуль подъ хвостомъ бѣлое пятно. Остальной скотъ у него пропалъ. Тогда онъ сдѣлался по прежнему бѣднымъ. Нѣкоторое время спустя этотъ бѣдный человѣкъ опять пошелъ искать своего заяши и нашелъ его; на этотъ разъ заяши шелъ пѣшкомъ и былъ въ бѣдномъ одѣяніи. Человѣкъ говорить ему: „Худо

житъ бѣднику; лучше жить богатымъ, хоть и не зная покоя ни днемъ, ни ночью. Сдѣлай меня опять богатымъ! Но заяши отвѣтилъ: „Бурханъ по желанию людей богатство не даетъ. Ты прикончилъ свое счастье и болѣе меня не ищи“! Сказавши это, заяши ушелъ, а бѣдный человѣкъ остался бѣднымъ.

Въ другомъ варіантѣ этого рассказа начало совершенно то же самое. Бѣднякъ, разыскавшій своего заяши, просить сдѣлать его богатымъ; заяши наставляєтъ бѣдняка набить верблюжью шкуру травой, и нести ее мимо горы, на которой будутъ сидѣть всѣ заяши и Бурханъ. Бѣднякъ исполнилъ приказаніе. Когда онъ проносилъ шкуру мимо горы, заяши сказалъ: „Посмотрите, какой сильный человѣкъ! Онъ несетъ на себѣ верблюда“! Всѣ заяши и Бурханъ посмотрѣли на этого бѣднаго чѣловѣка и человѣкъ сдѣлался богатымъ.

Буряты вѣрятъ, если Бурханъ па кого посмотритъ, тотъ долженъ сдѣлаться богатымъ и жить счастливо; они обыкновенно говорятъ о томъ, кто живеть богато: „Бурхан харѣ (по русски „Бурханъ увидаль“). Также есть повѣрье, если человѣкъ набьетъ верблюжью шкуру травою, понесетъ на себѣ и побываетъ съ нею въ трехъ разныхъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то будетъ богатъ, потому что его увидить Бурханъ.

Доля.

Каждому человѣку назначена своя доля. Если человѣку суждено жить богато и счастливо, то онъ и будетъ жить счастливо, а если суждено жить бѣдно и страдать, то онъ будетъ всю жизнь страдать и никакъ не разбогатѣть.

Одинъ человѣкъ ѿхалъ ночью, заблудился и случайно остался ночевать среди могилъ покойниковъ; онъ слышитъ

разговоръ духовъ т. е. разговоръ, который вели между собою души похороненныхъ тутъ покойниковъ. Они говорили между собой, что у нихъ ночуетъ гость, не позволяли постороннимъ духамъ обидить этого человѣка и говорили имъ: не троньте нашего гостя! Къ утру пришли другие духи и рассказываютъ, что въ ближайшемъ улусѣ у одного человѣка родился ребенокъ. Одинъ духъ спрашиваетъ, кто родился. Другой духъ отвѣчаетъ: „Дѣвочка, которая имѣеть долю (хуба, буквально по русски „пай“) выйти замужъ за вашего гостя“.

Утромъ этотъ человѣкъ поѣхалъ въ ближайшій улусъ. Входить въ одну юрту; лежить новорожденная дѣвочка. Онъ разсердился, что ему суждено жениться на такой маленькой и только что родившейся дѣвочкѣ, выхватилъ изъ ноженъ ножикъ и бросилъ въ дѣвочку, а самъ выбѣжалъ изъ юрты и уѣхалъ. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ женился на молодой дѣвицѣ и однажды на ея ногѣ выше колѣна нашупалъ шрамъ. Спрашиваетъ у жены: „Отчего у тебя на ногѣ шрамъ?“ Она говоритъ: „Когда я только родилась, какой-то неизвѣстный человѣкъ бросилъ на меня ножикъ и попалъ въ ногу“. Тогда этотъ человѣкъ вспомнилъ разговоръ духовъ на могилахъ и о томъ, какъ онъ бросилъ ножъ на дѣвочку. Каждый человѣкъ долженъ жениться на суженой (хубитай) по долѣ, а не на другой; каждой дѣвицѣ отъ рожденія уже предрѣшено, за кого выйти замужъ. Если мужчина по ошибкѣ женится не на той, которая ему суждена, онъ будетъ несчастенъ, мужъ и жена будутъ жить не дружно, будутъ часто ссориться, у нихъ не будетъ дѣтей, а если и будутъ, то будутъ умирать. да и сами не будутъ долго жить, одинъ изъ нихъ скоро умретъ. А потому буряты, когда женятъ сыновей или отдаютъ замужъ дочерей, чтобы узнать ихній „хубитай“, прибѣгаютъ къ ворожбѣ ворожей.

Нѣкоторые люди со дня рожденія несчастны; всю жизнь страдаютъ; такая ихъ уже доля (буряты говорятъ „хубин тимэ“). У нѣкоторыхъ людей бываетъ красное родимое пятно (улан монгбок); это печать несчастной доли; у кого такое пятно есть, осужденъ всю жизнь быть несчастнымъ. Если это мужчина, то у него жена скоро умретъ, если женщина, то мужъ скоро умретъ.

О покойникахъ.

1. Если покойникъ лежитъ на столѣ не плотно, подъ спиною образуется пустое мѣсто, можно туда просунуть руку, это значитъ, что изъ семьи еще кто-нибудь умретъ. Если тѣло покойника лежитъ плотно, руки просунуть нельзя, это хорошая примѣта. Худою примѣтою считается, если тѣло покойника не коченѣть, а остается гибкимъ, какъ у живого, сгибается свободно; тоже будетъ другой покойникъ въ семье, и притомъ скоро. Если тѣло окоченѣло, хорошая примѣта. Буряты обыкновенно имѣютъ привычку спрашивать родственниковъ или знакомыхъ покойника, окоченѣлъ покойникъ или нѣтъ. Если у покойника глаза останутся открытыми, это тоже худо; будетъ другой покойникъ. Если у покойника ротъ останется открытымъ, — скотъ будетъ пропадать.

2. Оплакивать покойника сильно по мнѣнію унгинскихъ бурятъ не хорошо; покойнику это въ тягость. Одна бурятка по смерти мужа сильно плакала о покойномъ мужѣ, который оставилъ ее съ малолѣтними дѣтьми. Однажды она увидѣла своего мужа во снѣ; оба передніе подола его шубы были мокры; душа покойника едва ходила подъ тяжестью мокрыхъ подоловъ. Покойный мужъ сердито запретилъ женѣ плакать, потому что отъ ея слезъ подоль шубы становится тяжелымъ.

„Если ты еще будешь плакать, сказалъ онъ ей, возьму тебя къ себѣ“. Съ этого времени эта бурятка перестала плакать о покойномъ мужѣ, боясь умереть.

Смерть.

Унгинскіе буряты думаютъ, что человѣкъ умираетъ три раза; когда человѣкъ умретъ въ первый разъ, душа его дѣлается бохолдоемъ т. е. духомъ; когда умретъ во второй разъ, т. е. когда умретъ бохолдой, то душа его дѣлается вихремъ; внутри вихря вертится духъ вихря въ видѣ моркови, вверху толстый, книзу тоньше и тоньше и кончается остриемъ; на самомъ верху одинъ глазъ. По повѣрю буряты, если бросать чѣмъ-нибудь въ идущій вихрь, то духъ его сердится и дѣлается болѣе и болѣе. Если вихрь входитъ къ кому-нибудь въ домъ или въ юрту, это считается дурною примѣтой; значитъ, нечистый духъ вошелъ въ домъ. Когда душа человѣка умретъ въ третій разъ, то совсѣмъ исчезаетъ; существованіе ея прекращается.

Сновидѣнія.

Унгинскіе буряты вѣрятъ, что если кто-нибудь увидить во снѣ, что късосѣду пріѣхала свадьба и кто-нибудь въ сосѣдскомъ домѣ женится, то въ этомъ семействѣ умретъ мужчина.

Если видять во снѣ, что куда-нибудь выѣзжаетъ свадьба и будто какую-нибудь дѣвицу выдаютъ замужъ, то говорятъ, что въ этомъ семействѣ или удастъ умреть дѣвица или замужняя женщина.

Если кто-нибудь увидить во снѣ, что у кого-нибудь явился выстроенный новый домъ или вновь строющейся домъ, въ

томъ семействѣ кто-нибудь умреть. Если домъ только еще строится, то покойникъ будетъ еще не скоро; если же при-
снится уже выстроенный, то кто-то скоро умреть. Если домъ строится изъ старыхъ деревьевъ, то умреть старикъ или старуха; если строится совершенно новый домъ, то говорять,
умреть молодой человѣкъ. Если домъ строится небольшой и некрасивый, то умреть бѣднякъ; а если большой, красивый,
покрытый тесомъ, со многими красивыми окнами, то умреть богатый человѣкъ, имѣющій хорошее состояніе, знатнаго происхожденія, въ числѣ предковъ котораго были или родо-
начальники или знатные бѣлые или черные шаманы.

О могилахъ.

Могилы покойниковъ на томъ свѣтѣ т. е. въ странѣ ду-
ховъ дѣлаются цѣльными услугами *); каждая могила или гробъ превращается въ домъ, въ которомъ живетъ душа покой-
ника. У кого гробъ сдѣланъ хорошо, у того домъ на томъ свѣтѣ хороший, а у кого гробъ худой, у того на томъ свѣтѣ домъ съ дырами и щелями.

У бурятъ считается грѣхомъ похоронить покойника на свѣжемъ мѣстѣ, потому что покойникъ не любить лежать одинъ; онъ непремѣнно въ такомъ случаѣ возьметъ съ собой (въ могилу) живыхъ людей; то есть живые должны умереть и быть похоронены тамъ, гдѣ онъ похороненъ. Поэтому бу-
ряты не хоронятъ тамъ, гдѣ ранѣе никого не хоронили.
Когда къ существующимъ уже могиламъ присоединяется новая, покойники радуются, что ихъ улусъ увеличивается.

Когда покойника похоронятъ, то заровняютъ землю или лишнюю землю соберутъ кучкой, лопаты и другія вещи рас-

*.) Улусъ „селеніе“.

колять и бросять на могильный холмъ; это называется „сдѣлали крышу“ т. е. домъ покойника покрыли тесомъ или драньемъ. Если земля на могилѣ осядеть и образуется яма, — будетъ еще покойникъ; если не осядеть, хорошій признакъ. Если могилу покойника разроетъ рогатый скотъ по привычкѣ, это считается хорошею примѣтой.

О духахъ.

Унгинскіе буряты вѣрятъ, что души покойниковъ въ странѣ духовъ живутъ, какъ живые люди на этомъ свѣтѣ; онѣ ходятъ тамъ въ томъ самомъ одѣяніи, въ которомъ были похоронены покойники, ъездятъ на томъ самомъ конѣ и съ той самой сбруей. Духи ведутъ вполнѣ праздную жизнь; они не работаютъ, какъ живые люди. Они устраиваютъ свои вечерки и гулянья, во время которыхъ пляшутъ бурятскую пляску „хатарха“ и пьютъ вино и тарасунъ. Все это духи дѣлаютъ ночью, а къ утру перестаютъ. Во время вечерокъ они разводятъ свой огонь, который живые люди видятъ; огонь духовъ блѣдносиній. Вечерки свои духи дѣлаютъ на степи, на открытыхъ мѣстахъ или на горахъ, въ падяхъ, въ лѣсахъ и на болотахъ, гдѣ имъ вздумается; иногда въ пустыхъ зданіяхъ, въ которыхъ никто не живетъ. Огонь духовъ можно украсть живымъ людямъ, но исполнить это очень трудно и опасно; если же кто украсть его, тотъ разбогатѣть. Въ прежнее время жилъ одинъ бурята, у которого были два бѣгунца; одинъ изъ нихъ очень хорошій бѣгунецъ, а другой похуже. У бурята былъ одинъ сынъ и умеръ; отецъ похоронилъ сына на хорошемъ бѣгунцѣ. Потомъ этотъ бурята вздумалъ украсть у духовъ огонь, чтобы сдѣлаться богатымъ; онъ увидѣлъ, что духи сдѣлали вечерку и развели огонь. Бурята

осёдлалъ своего коня, но особеннымъ образомъ; онъ положилъ сёдло на коня переднею лукою назадъ къ хвосту и самъ сѣлъ на коня, лицомъ обратясь къ его хвосту; къ концу тоненькой и длинной тычинки привязалъ трутъ и потихоньку подъѣхалъ къ вечеркѣ духовъ. Духи, видя человѣка спиной къ нимъ, подумали, что онъ ёдетъ не къ нимъ, а отъ нихъ. Когда бурятъ подъѣхалъ къ духамъ близко, онъ сунулъ конецъ тычинки съ трутомъ въ огонь и трутъ загорѣлся. Сдѣлавъ это, онъ помчался въ махъ отъ духовъ; духи погнались за нимъ, но всѣ отстали отъ него, не могли догнать, только одинъ не отставалъ отъ него и наконецъ догналъ. Это былъ его умершій сынъ на конѣ, на которомъ онъ былъ похороненъ. Бурятъ отецъ слѣзъ съ коня, легъ на землю внизъ лицомъ и скрылъ подъ собой украденный у духовъ огонь. Сынъ узналъ своего отца, сказалъ ему: „болѣе не дѣлай кражу нашего огня“! и уѣхалъ обратно; бурятъ прїѣхалъ домой и впослѣдствіи сдѣлался богатымъ.

Мольгинскіе буряты вѣрятъ, что если человѣкъ захочетъ удавиться, то духи радуются, называютъ того человѣка славнымъ, хвалять его намѣреніе и торопятся помочь ему удавиться, чтобы онъ не раздумалъ и не снялъ съ себя веревки. Одинъ бурятъ имѣлъ раздражительный характеръ; разсердившись на жену, всякий разъ убѣгалъ отъ нея и говорилъ, что удавится; жена гналась за нимъ и уговаривала его не давиться. Разъ, разсердившись на жену, онъ убѣжалъ давиться, надѣлъ на себя петлю, и сидѣтъ, ждѣтъ жену. Прибѣжали духи и говорятъ: „Какой славный человѣкъ! какое хорошее намѣреніе имѣешь“! и начали его давить. Бурятъ испугался, снялъ съ себя петлю и убѣжалъ домой и съ тѣхъ поръ пересталъ пугать жену (со словъ бурята Луки Аршинова).

Въ тайгѣ на вершинѣ лади Хаха недалеко отъ Хахинскаго рода есть духъ, который по ночамъ кричитъ: гдѣ вы? Этотъ крикъ живые люди слышатъ. Въ этой тайгѣ въ прежнее время заблудился одинъ человѣкъ и умеръ; душа этого человѣка, сдѣлавшись духомъ, бродитъ теперь по тайгѣ и кричитъ: гдѣ вы?

Иногда человѣку чудится будто кто-то зоветъ его по имени, а никого не видно поблизости; по мнѣнию бурята это духи зовутъ того человѣка и если тотъ откликнется на зовъ, то умретъ. Въ такихъ случаяхъ не нужно откликаться или обогащиваться назадъ, а нужно итти впередъ. Если это случится ночью, то нужно лечь внизъ лицомъ, не откликаться и не выходить на улицу. Иные говорятъ при этомъ: „Лежу, какъ черный камень, звѣня; лежу, какъ рыжій камень, гудя!“

Простые духи т. е. души простыхъ покойниковъ ёздятъ ночью; если они на пути встрѣтятъ живыхъ людей, то они ихъ также боятся, какъ живые люди боятся духовъ. Если простой духъ впередъ увидитъ ёдущаго живого человѣка, а живой человѣкъ не видитъ духа, послѣдній иногда пугаетъ коня, на которомъ тотъ ёдетъ. Иногда живой человѣкъ впередъ увидитъ простого духа, простой духъ не видитъ человѣка, боится его и тогда конь, на которомъ ёдетъ духъ, пугается.

Однажды простой духъ встрѣтилъ на пути живого человѣка, а живой человѣкъ увидѣлъ духа напередь; простой духъ испугался, а конь его бросился въ сторону. Отъ этого испуга духъ сильно заболѣлъ, призвалъ духа-шамана; тотъ поворожилъ и сказалъ ему, что онъ встрѣтилъ „ябадала“ и что нужно побрызгать этому ябадалу тарасуномъ. Духъ-шаманъ побрызгалъ отъ имени больного духа тарасуномъ встрѣтившемуся живому человѣку и больной духъ выздоровѣлъ.

Духи ловять души людей и коней, но они не могутъ поймать ихъ безъ помощи живого человѣка. Въ каждомъ родѣ или улусѣ духи имѣютъ живыхъ людей, которые помогаютъ имъ ловить души. Буряты не любятъ человѣка, про которого распространится молва, что онъ помогаетъ духамъ въ ихъ ловлѣ душъ, и во время гулянокъ пьяные буряты иногда задаютъ трепку такому человѣку, чтобы онъ не занимался такимъ худымъ дѣломъ. Свое содѣйствіе духамъ такой человѣкъ оказываетъ во время сна; когда онъ спитъ, его душа выходитъ изъ тѣла и отправляется вмѣстѣ съ духами на ловлю душъ. Во Второмъ Олзоевскомъ родѣ въ Мельхутайскомъ улусѣ былъ бурятъ, который занимался этимъ дѣломъ. Когда онъ хотѣлъ отправиться на охоту за душою, онъ ночью сѣдалъ коня, на сѣдло вѣшалъ колчанъ со стрѣлами и лукъ въ футлярѣ, а самъ ложился спать. Во время сна душа его выходила изъ тѣла и садилась на душу осѣдланнаго коня и отправлялась вмѣстѣ съ духами ловить душу или человѣка, или коня. Этотъ бурятъ иногда предупреждалъ сосѣдей, что въ эту ночь будутъ ловить душу такого-то человѣка или такого-то коня и люди принимали въ такихъ случаяхъ предосторожности, иные всю ночь не ложились спать.

Ада.

Ада прежде была дѣвица, которая сдѣлалась адою послѣ смерти. Ада имѣть одинъ глазъ на лбу и на каждой руки по три пальца. Она ёсть только новорожденныхъ дѣтей; какъ только ребенокъ подростетъ и будетъ въ состояніи поднять ножикъ, ада болѣе къ нему не подойдетъ; она боится и уже не можетъ его сѣсть. Ада не любить т. е. боится входить въ домъ, гдѣ есть сердитый и вспыльчивый человѣкъ, который входя и выходя изъ дома, запираеть

дверь, сильно хлопая; ада боится входить вмѣстѣ съ нимъ, думая, что такой горячій человѣкъ можетъ прищемить ее въ дверяхъ; она входитъ въ домъ только съ медленнымъ и вялымъ человѣкомъ.

Ада ростомъ не болѣе собаки; брюхо совершенно голое, безъ шерсти, а другое говорятъ, что ада похожа на кошку. Одинъ бурята видѣлъ спящую аду, съ голымъ брюхомъ; сама она похожа на собаку. Ада очень скуча; если хозяинъ, въ домѣ которого поселилась ада, даетъ кому-нибудь что-нибудь съѣстное, ада пожалѣетъ и пойдетъ за отданной пищей, а потому буряты избѣгаютъ брать съѣдобное изъ того дома, въ которомъ есть ада, изъ боязни, чтобъ ада не пришла и въ ихъ домъ (со словъ бурята Бильширскаго вѣдомства Василья Иванова).

Людоѣды.

Въ прежнее время, какъ вѣрятъ унгинские буряты, жили людоѣды; они были совершенно похожи на людей, говорили человѣческимъ языкомъ, но только Ѳли человѣческое мясо. Поймавъ человѣка, они сначала откармливали его, чтобъ онъ сдѣлался жирнымъ; для этого они давали ему Ѳесть печень убитаго человѣка; когда человѣкъ съѣсть человѣческую печень, то начнетъ жирѣть и до того ожирѣеть, что не можетъ ходить. Откормивъ человѣка, людоѣды колять его, и сперва Ѳдятъ печень, потому что она у человѣка очень вкусна, а потомъ Ѳдятъ мясо.

О кладахъ.

По мнѣнію бурята въ ихъ земль въ разныхъ мѣстахъ есть клады золота и серебра, которые зарыты китайцами. Въ прежнее время въ Балаганскомъ уѣздѣ жили китайцы; сами жили на горахъ, а скотъ запирали во дворахъ, обве-

денныхъ вокругъ вырытыми канавами; для входа оставляли нерытое мѣсто. Слѣды такихъ дворовъ указываются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда; буряты называютъ ихъ „китайскими дворами“ (китаги хүр). Китайцы ушли съ этихъ мѣстъ по слухамъ войны; въ Китаѣ была большая и продолжительная война; китайскій хань послалъ въ бурятскую землю своего чиновника, котораго буряты называютъ Зугэ-ноёнъ; онъ-то и угналъ китайцевъ въ Китай. Оставляя край, китайцы все свое золото и серебро зарыли въ землю, надѣясь вновь вернуться въ эту землю, но не вернулись и остались въ Китаѣ навсегда, а зарытое золото и серебро осталось въ бурятской странѣ, и изрѣдка попадается теперь счастливому человѣку.

По бурятскому повѣрю это золото и серебро обращаются въ разныхъ животныхъ и бѣгаютъ. Серебро обращается въ зайца, въ бѣлаго барана, въ бѣлаго ямана или козла и бѣгаетъ по степи; золото въ солового жеребенка, въ желтаго ямана, въ желтую собаку и тоже бѣгаетъ. Если кто увидитъ и узнаетъ, что это кладъ, нужно подойти близко и бросить что-нибудь въ бѣгущее животное; если попадешь, животное превращается либо въ золото, либо въ серебро.

Зарываніе послѣда.

1. Когда рождается ребенокъ, унгинские буряты имѣютъ обычай послѣдъ (охон хани) зарывать въ землю въ какой-нибудь посудѣ, чаще всего въ берестяномъ лукошкѣ; вмѣстѣ съ послѣдомъ въ лукошко кладутъ уголь, зерновой хлѣбъ, три черные камни, изрѣдка серебряную монету и березовые лучинки; послѣдніе кладутъ крестообразно внизу и сверху; иногда на послѣдъ выливаютъ вино или тарасунъ. Бильширскіе буряты вмѣстѣ съ послѣдомъ зарываютъ боярышникъ и шиповникъ, такъ какъ злые духи боятся этихъ

растеній. Нѣкоторые буряты обертываютъ послѣдъ отцовскими штанами. Уголь кладутъ съ послѣдомъ, воображая, будто кладутъ огонь; раскалившись, уголь будетъ бросать искры; злые духи боятся искръ, и потому они будутъ бояться подойти близко къ ребенку и откажутся отъ намѣренія ловить его душу. Зерновой хлѣбъ кладутъ, чтобы родившійся ребенокъ расплодился и размножился, какъ хлѣбъ; кроме того у бурятъ существуетъ повѣрье, что если душа человѣка, преслѣдуемая злыми духами, спрячется въ хлѣбѣ, то духи не могутъ найти и поймать ее. Кладя зерновой хлѣбъ съ послѣдомъ, говорятъ: тарян бѣтѣ тара будан бѣбѣ будара (по русски: „какъ хлѣбъ распространись, какъ просо брызжи“). Три черныхъ камня кладутъ съ словами: хара шулун бѣтѣ ханхинажи ба, хурэ шулун бѣтѣ хүнхинэжи ба (по русски: какъ черный камень, звения, стой! какъ рыжій камень, гудя, стой!); этимъ хотятъ сказать, что послѣдъ или, какъ подразумѣваютъ, душа родившагося ребенка должна быть крѣпка и тверда, какъ камень въ отношеніи злыхъ духовъ. Иные, кладя камни, говорятъ: хара шулун халга хурэ шулунъ хурэ (по русски: черный камень ворота или дверь, рыжій камень каменный дворъ). Серебряную монету кладутъ, чтобы родившійся ребенокъ бытъ долговѣченъ, какъ серебряныя деньги; при этомъ говорятъ: монгёни дэли монхѣ нахато боло (по русски: будь долговѣченъ лѣтами, какъ деньги). Березовыя лучинки кладутъ, чтобы ребенокъ ростъ и развѣтвлялся т. е. размножался, какъ березовое дерево; при этомъ говорятъ: хухан модони адали намшилажи намалажи ба (по русски: какъ березовое дерево съ листьями и вѣтвями стой!); крестообразное расположение лучинокъ вѣроятно вызвано представлениемъ, заимствованнымъ отъ русскихъ, будто злые духи боятся креста; съ той же цѣлью отпугивать злыхъ духовъ кладутся боярышникъ и шиповникъ.

Вино и тарасунъ должны укрепить тѣло и душу ребенка; душа чтобы ничего не боялась, тѣло чтобы не знало болѣзней; вино и тарасунъ у бурятъ почитаются твердымъ кушаньемъ, по бурятски хату иден. Для чего обертываютъ отцовскими штанами, буряты объяснить мнѣ не могли.

2. Обыкновенно буряты зарываютъ послѣдь въ землю въ избѣ или юртѣ, въ первой, если ребенокъ родится въ зимникахъ, во второй если въ лѣтникахъ. Въ юртѣ зарываютъ его за очагомъ (хойморто). На улицѣ зарывать считаютъ грѣхомъ.

Судъ старухъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ бывалъ въ старину такъ называемый „судъ старухъ“; онъ устраивался въ томъ случаѣ, если у какого-нибудь бурята послѣ женитьбы не рождаются дѣти; тогда у этого бездѣтнаго бурята собирались всѣ старухи изъ окрестности и варили саламатъ. Сваривъ саламатъ, клали его въ чашки и ставили вокругъ очага съ огнемъ, бездѣтнаго бурята сажали около очага и масло съ саламата и часть самаго саламата клали въ огонь очага. Послѣ этого самая старшая старуха снимала съ себя штаны и била бездѣтнаго бурята, приговаривая: „Сли съ своей женой.... чтобы родились дѣти! докуда будешь бездѣтнымъ“? Затѣмъ и всѣ остальные присутствующія старухи бьютъ его каждая своими штанами и приговариваютъ тѣ же слова. Потомъ всѣ старухи ёдятъ сваренный саламатъ. На этомъ судѣ по обряду должны участвовать семь старухъ. Молодыя женщины, дѣвицы и мужчины не участвуютъ.

Если черезъ годъ или болѣе послѣ этого обряда у бездѣтнаго бурята родился сынъ или дочь, и если у него было состояніе, то устраивали праздникъ, такъ называемый „ми-

лага". Это былъ вполнѣ женскій праздникъ. Бездѣтный бурятъ былъ наказанъ за свою бездѣтность старушечимъ судомъ; теперь онъ исправилъ свое поведеніе, жилъ съ женой, какъ слѣдуетъ, удостоился сдѣлаться отцомъ, и въ благодарность за покровительство старухъ передъ занками онъ долженъ былъ устроить въ честь старухъ обрядъ „милага".

Когда у бывшаго бедѣтнаго бурята родится ребенокъ, на третій день послѣ его рожденія собираются всѣ сосѣди и родственники, въ особенности женщины всѣхъ возрастовъ; женщины являются здѣсь главными распорядителями праздника; мужчины принимаютъ участіе также не различая возраста.

Осчастливленный новорожденнымъ домохозяинъ приготовляется къ празднику; заготовляетъ вино и тарасунъ, приготавливаетъ табунъ лошадей и загоняетъ ихъ во дворъ. Собравшіяся женщины идутъ во дворъ, выбираютъ въ табунѣ по своему усмотрѣнію самую жирную кобылу и ловятъ ее арканомъ. Поймать кобылу должна непремѣнно женщина; мужчины не принимаютъ участія въ ея ловлѣ. Одна изъ женщинъ беретъ арканъ, набрасываетъ на голову выбранной кобылы и тянетъ, а другія женщины помогаютъ ей, удерживаютъ ее, подводятъ къ дому и колятъ. Заколоть кобылу должна по обряду женщина; она беретъ топоръ и бѣть прямо въ лобъ кобылы; затѣмъ женщины снимаютъ шкуру, въ чемъ иногда помогаютъ имъ мужчины, а женщины чистятъ и моютъ внутренности, очишаютъ кишкы отъ кала и тонкія кишкы начиняютъ кровью; все мясо варятъ въ котлахъ; въ то же время въ юртѣ въ котлѣ варятъ саламатъ, съ котого масло берутъ въ особую посуду.

Къ обряду „милага" присоединяется еще другой обрядъ „олгѣдѣ урулха" (пеленаніе ребенка; олгѣ „люлька", урулха

„вводить“, следовательно „вводить ребенка въ люльку“; т. е. ребенокъ входитъ въ свой домъ; блгдбх—пеленать ребенка въ люлькѣ). Для этого обряда колятъ барана или годового или двухгодового бычка, который специально назначается для „блгдб урулха“ (иногда говорять „торолх“). Во время этого обряда новорожденного ребенка въ первый разъ пеленаютъ въ люлькѣ *). Всѣ собравшіеся дарятъ новорожденаго ребенка, кто сколько можетъ; женщины приносятъ изъ своихъ домовъ въ подарокъ разные предметы для пеленанія: шкурки саксургъ молодыхъ козлятъ, козулью шкуру для пеленанія въ холодное время года, пеленки, сшитыя изъ матеріи, рубашки для ребенка и пр.; нѣкоторыя молодыя женщины и девицы дарятъ деньги. Если новорожденный мальчикъ, то старики приносятъ стрѣлы, на выемкахъ которыхъ привязаны бѣлые миткалевыя ленты и дарятъ ими въ знакъ того, что новорожденный выростетъ большимъ и будетъ носить колчанъ со стрѣлами. Молодые мужчины дарятъ деньгами по состоянію. Родители новорожденного то же отдаиваютъ гостей по состоянію; нѣкоторымъ надѣваютъ новые рубашки, другимъ шелковые или простые платки, а женщины на шею привязываютъ золотыя и серебряные монеты и т. д. Въ прежнее время, когда обрядъ „торолго“ окончился, когда все, что приготовлено для него, съѣдятъ и выпьютъ, начался веселый и бурный праздникъ „милага“.

Саламать и мясо колотой кобылы, сваренные заранѣе, клали въ корзины и чашки и ставили около очага; тутъ же ставили посуду съ виномъ и тарасуномъ. Въ это время главными распорядителями бывали женщины. Они капали вино и тарасунъ въ огонь, отъ мяса отрѣзывали нѣсколько кус-

*) Подробности напечатаны въ „Этногр. Обозрѣніи“, изд. Имп. Общества любит. естествоизн., автр. и этногр., за 1891 г. № 3, стр. 151.

ковъ и тоже бросали въ огонь; клали въ него саламатъ и выливали на него масло. По совершении этого обряда начинали пить вино и тарасунъ и Ѣсть мясо и саламатъ. Всѣ присутствующія женщины, какъ распорядительницы обряда „милага“, держали „харха“ или „хаба“*) и подавали гостямъ вино и тарасунъ; мужчины на этомъ празднике являлись какъ бы гостями. Когда Ѣда и питье приближались къ концу, подъ вліяніемъ выпитыхъ напитковъ общество становилось оживленнымъ, говоръ и шутки становились непринужденными. Въ это время женщины ставили около двери карауль изъ старухъ и пожилыхъ женщинъ, которыхъ должны были не выпускать никого изъ юрты. Молодые мужчины, хорошо зная, что имъ угрожаетъ, старались выбраться изъ юрты заблаговременно, пока еще не поставленъ женскій карауль.

Кто прозѣвалъ моментъ, того уже не выпустятъ и надѣ нимъ свершится грозный судъ старухъ. Когда карауль поставленъ, женщины распорядительницы брали особую посуду, клали туда масло и сажу съ котла и мѣшали; получалась черная мазь. Когда мазь готова, молодыя женщины и дѣвицы выходили изъ юрты, а старухи и пожилыя женщины брали приготовленную мазь и сначала мазали ею лицо самой старой старухи; это дѣлалось, чтобы показать, что судъ не лицепріятенъ, никому не дѣлаетъ пощады. Потомъ они макали въ эту мазь свои руки, бросались на отца новорожденнаго и мазали ему лицо и тѣло; если онъ сопротивлялся, то женщины такъ расходились, что раздѣвали его и вымазывали ему все тѣло; когда его оставляли, вымазанный сплошь, онъ одѣвался. Потомъ женщины приступали къ другимъ мужчинамъ и мазали всѣхъ безъ разбора. Благоразумные мужчины не оказывали сопротивленія, сидѣли смирно и тогда женщины огра-

*) Хаба — сосудъ.

ничивались только тѣмъ, что мазали одно лицо. Ни мольбы, ни просьбы не помогали; женщины не унимались, пока не вымажутъ всѣхъ мужчинъ отъ старого до малаго. Мазали женщины и другъ друга, но только ради шутки, мужчинамъ же доставалось въ этотъ день больше всѣхъ, особенно молодымъ, которые были женаты, но еще не имѣли дѣтей.

Послѣ этого доѣдали мясо и саламатъ и допивали вино и тарасунъ; при этомъ весело шутили и пѣли пѣсни, а потомъ постепенно расходились по домамъ. Какое значеніе имѣло это мазанье черной мазью, я не могъ узнать; никто не могъ мнѣ этого объяснить. На этотъ праздникъ собиралось иногда множество гостей, такъ что доѣдали все мясо, и этимъ кончался праздникъ „милага“, который устраивали только богатые буряты, потому что онъ быть сопряженъ съ большими расходами. Нынѣ буряты ограничиваются обыкновенно однимъ „торолго“.

Похороны скучного хозяина.

Когда въ семье умретъ отецъ, который при жизни отличался скучностью, исполняютъ слѣдующій обрядъ. Когда покойникъ совсѣмъ одѣтъ и лежитъ на столѣ или въ юртѣ, то на полу направо отъ очага ставятъ маленькое ведро и кладутъ въ него молочную пищу и стрѣлу, къ которой привязана бѣлая миткалевая лента. Потомъ исполняютъ обрядъ „хурулха“, послѣ котораго ведро съ молочною пищею и стрѣлою привязываютъ на столбъ (хоймор тэнги) внутри юрты за очагомъ, а покойника выносятъ и хоронятъ. По повѣрю буряты хозяинъ покойникъ, отличавшійся при жизни скучностью, послѣ смерти возьметъ свой скотъ съ собою; это проявится тѣмъ, что скотъ начнетъ пропадать; если же исполнять обрядъ хурулха, то скотъ не будетъ пропадать, т. е.

покойникъ оставитъ свой скотъ дѣтямъ. Когда послѣ обряда пройдетъ три дня, ведро отвязываютъ отъ столба юрты (тэнги), молочную пищу выливаютъ въ чашку или корзину, дѣлаютъ обрядъ „дэши барыха“, небольшую часть пищи бросаютъ въ огонь очага, остальное съѣдаютъ члены семьи, а постороннимъ не даютъ. Этимъ обрядъ кончается.

Дѣтскія игры.

1. *Волкъ и табуны.* Бурятскія дѣти не рѣдко играютъ въ игру волки и табуны лошадей. Игра ведется такъ. Одинъ изъ играющихъ дѣлается волкомъ, иногда двое; всѣ остальные мальчики и дѣвочки представляютъ табуны лошадей; изъ нихъ одинъ или два представляютъ жеребцовъ. Въ двухъ разныхъ мѣстахъ дѣлаются дворы, то есть на землѣ чертятъ два четвероугольника въ разстояніи одинъ другого около 15 саж., болѣе или менѣе размѣрами смотря по желанію играющихъ. Дѣти, изображающія лошадей, стоятъ внутри дворовъ или очерченныхъ четвероугольниковъ, а волки ходятъ между дворами и караулятъ ихъ. Табунъ выходитъ изъ двора и бѣжитъ къ другому двору; волкъ догоняетъ его и ловить лошадей; если онъ поймалъ мальчика или дѣвочку, значитъ онъ съѣлъ или задавилъ лошадь. Входить во дворъ и во дворѣ ловить волка не можетъ, онъ долженъ ловить только между дворами. Жеребецъ показываетъ, какъ будто онъ защищаетъ табунъ. Волкъ долженъ переловить всѣхъ лошадей въ обоихъ табунахъ; пойманныя имъ лошади становятся дѣтьми волка и помогаютъ ему ловить остальныхъ.

2. *Въ турпаны.* Буряты вѣрятъ, что птица турпанъ ъсть своиихъ дѣтей. Бурятскія дѣти, когда купаются въ рѣкѣ, играютъ въ турпаны. Одинъ или два изъ играющихъ представляютъ турпановъ, самца и самку; остальные—дѣтинышей

турпановъ. Турпаны гоняются за дѣтьми, стараются поймать ихъ т. е. хотять съѣсть; изображающіе дѣтенышь стараются уйти; они плаваютъ и ныряютъ. Когда большие турpanы переловятъ всѣхъ дѣтенышь, игра прекращается.

Годъ.

У бурятъ каждый годъ имѣеть свое название по имени животнаго; такихъ названий двѣнадцать: 1, мышь, хулагана; 2, быкъ, ухэр; 3, левъ, бар; 4, заяцъ, шандаган; 5, драконъ, лу; 6, змѣй, мого; 7, конь, морин; 8, овца, хонин; 9, Плеяды, Мишид; 10, курица, тахя, 11, собака, нохой; 12, свинья, гахай. Послѣ года свиньи слѣдующій годъ опять получаетъ название мыши и т. д. У унгинскихъ бурятъ новый годъ бываетъ осенью. Лѣтомъ Плеяды скрываются на нѣкоторое время; когда онѣ снова показутся, у бурятъ начинается новый годъ.

Каждый бурятъ знаетъ хорошо свой годъ, т. е. годъ, въ который онъ родился, въ годъ ли Плеядъ или въ годъ быка или льва. По мнѣнію бурятъ каждый человѣкъ имѣеть характеръ, подходящій къ тому животному, въ годъ котораго онъ родился. Напримѣръ, если онъ родился въ годъ быка, то онъ вялый, сонливый, выносливый, упрямый и т. д.; если онъ родился въ годъ мыши, онъ добродѣтельный, запасливый, благоразумный и пр.; родившійся въ годъ льва бывакъ сердиты, вспыльчивы, смѣлы и т. д.; въ годъ змѣи злы, скрытны, хитры, и т. п.

Бурятъ въ годъ своего рожденія ведеть себя осторожно, не выѣзжаетъ далеко изъ дома, обращается къ ворожеямъ и шаманамъ, чтобы они предсказали ему, благополучно ли онъ проведетъ годъ своего животнаго. Кромѣ того онъ старается брызгать вино и тарасунъ мѣстнымъ горнымъ

старцамъ и пр., чтобы они покровительствовали ему и защищали бы отъ злыхъ духовъ. По мнѣнію бурятъ человѣкъ въ годъ животнаго, въ которомъ родился, бываетъ очень хрупокъ, можетъ легко заболѣть и умереть. Злые духи ждутъ годъ рожденія человѣка и тогда особенно нападаютъ, потому что въ такой годъ легче ему повредить. Въ годъ своего животнаго мужчинамъ нельзя жениться, а дѣвицамъ выходить замужъ. Бурятъ, родившійся въ годъ быка ни за что не будетъ колоть быка или корову, хотя мясо не запрещается есть; родившійся въ годъ коня во всю жизнь не будетъ колоть коня; а если придется, то поручаетъ сдѣлать это другому буряту, который родился не въ годъ коня.

Буряты считаютъ за грѣхъ женить сына или выдать дочь замужъ въ мартѣ мѣсяцѣ (по бурятски улан зудан). Если кто въ этотъ мѣсяцъ женится или выйдетъ замужъ, будетъ жить несчастливо.

Примѣчанія.

Два отрывка изъ повѣсти о Гэсэрѣ, которые здѣсь помѣщаются, даютъ мнѣ поводъ дополнить свои указанія на параллельныя мѣста этой повѣсти съ славянской повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ. Они сдѣланы были мной въ книжѣ „Восточные мотивы въ средневѣков. европейскомъ эпосѣ“ (Спб., 1899 г.), на стр. 695 и слѣд. Навуходоносоръ строить городъ; Гэсэръ строить домъ въ родѣ храма; въ обоихъ случаяхъ упоминается обложной змѣй, лежащей кольцомъ, голова вмѣстѣ съ хвостомъ; роль змѣя различна; въ славянской повѣсти городская стѣна построена въ видѣ змѣя; въ монгольской Гэсэръ принимаетъ видъ змѣя, чтобы окружить шедшій мимо караванъ и заставить людей каравана и его животныхъ принять участіе въ постройкѣ. Навуходоносоръ заложилъ въ стѣну мечъ съ заклятіемъ ни подъ какимъ предлогомъ не вынимать его; если онъ будетъ вынутъ, то все изваянныя и нарисованные въ городѣ змѣи оживутъ и истребятъ людей; это сходно съ тюрко-монгольскимъ разсказомъ о посохѣ Ерлика, воткнутомъ въ землю; когда онъ вынутъ изъ земли, изъ отверстія пошли гады и гнусы, которые мучать теперь людей. Параллельное представлѣніе, но съ такимъ же эсхатологическимъ значеніемъ, какъ мечъ Навуходоносора, въ ордѣ связывается съ камнемъ, которымъ заткнуто отверстіе въ землѣ; если камень будетъ снятъ съ отверстія, изъ него полются воды и потопятъ землю. Такое представлѣніе въ тибетскомъ преданіи связано съ рассказомъ о построеніи храма или дворца. Въ разсказѣ о домѣ, который строить Гэсэръ также надъ водной поверхностью, какъ былъ построенъ надъ водой и тибетскій храмъ, упоминается объ отверстіи въ самомъ домѣ, которое было заткнуто камнемъ и изъ котораго могли изливаться воды.

О наводненіи тутъ не говорится, но, мнѣ кажется, это недомолвка *).

Если съ этимъ камнемъ дѣйствительно была связана эсхатологическая идея, то въ немъ можно видѣть эквивалентъ къ мечу Навуходоносора. Когда царь Василій извлекъ мечъ Навуходоносора изъ стѣны и выѣхалъ съ нимъ на войну, мечъ вырвался изъ его рукъ и началъ самъ рубить головы людямъ; сабля Гэсэра сама выскакиваетъ изъ ноженъ во время войны; ей не приписано способности самой рубить, но это тоже по моему недомолвка. Въ мечѣ Навуходоносора слились какъ будто два образа: и камень, извлечеіе котораго изъ отверстія сулитъ гибель людямъ, и сабля Гэсэра, которая сама выскакиваетъ изъ ноженъ.

Ожившія змѣи истребили всѣхъ людей въ Вавилонѣ и съ тѣхъ порь городъ представляетъ запустѣлое мѣсто. Въ немъ находится сердоликовая крабица; три отрока спятъ въ гробницахъ. Три посла царя Алевуя идутъ въ городъ добывать сердоликовую крабицу; отроки повидимому сторожатъ эту крабицу; они даютъ наставленіе посламъ, где ее найти. Въ повѣсти о Гэсэрѣ также есть омертвѣлое царство; это царство Гуменъ-хана; въ немъ прекратилась жизнь; чтобы вывести царство изъ этого застывшаго состоянія Гэсэръ отправляется на небо добывать эрдени; на мѣстѣ трехъ отроковъ въ монгольской повѣсти бабушка Мандзанъ-Гормбѣтбдѣ; она хранительница эрдени. Три посла царя Алевуя приставляются лѣстницу къ городской стѣнѣ и лѣзутъ по ней; Гэсэръ также приставляетъ лѣстницу къ небу и по ней поднимается къ обители бабушки Мандзанъ-Гормбѣ. Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ хранителемъ сердоликовой крабицы является также змѣй, который лежитъ вокругъ города; сердоликовая крабица уносится въ то время, когда

*.) Въ преданіяхъ о построеніи зданія архитекторъ иногда предвидѣтъ возможность, что онъ не будетъ вознагражденъ за трудъ по договору и принимаетъ мѣры для отмщенія. Не имѣлъ ли этотъ камень въ эпизодѣ Гэсэрѣады значенія предосторожности въ такихъ же личныхъ цѣляхъ, какъ камень въ одномъ изъ ласскихъ преданий о храмѣ, подложенный подъ центральную колонну такъ, что въ случаѣ чего его, можно было выдернуть и постройка рушилась бы (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 249); можетъ быть строители дома для Гэсара положили камень на отверстіе въ разсчетѣ, если Гэсэръ окажется недобросовѣстнымъ, вынуть камень и тогда вода зальетъ постройку. Въ ласской легенды два наводненія; одно дѣйствительное; вода заливаетъ долину, но брошенный камень попадаетъ въ отверстіе, изливающее воду и наводненіе прекращается. Другое призрачное; тибетский царь подходитъ къ построенному дворцу и не смѣеть двинуться дальше; вода покрываетъ землю, царица бросаетъ перстень, оказывается, это не вода, а хрусталь. Можетъ быть это трансформація предыдущаго мотива.

змѣй спить. Въ монгольской повѣсти Гэсэръ похищаетъ эрдени въ то время, когда хранительница ихъ Мандзанъ-Гормо спить; этотъ сонъ навелъ на нее самъ Гэсэръ; онъ поднесъ ей вино въ семи чашахъ, Мандзанъ-Гормо опьянила и заснула; въ славянской повѣсти возлѣ трехъ спящихъ въ гробницахъ отроковъ стоитъ рогъ съ мирромъ и лавономъ; послы Алевуя выпили изъ него, стали веселы и уснули. Появленіе вина въ славянской повѣсти безцѣльно; въ монгольской оно разумнѣе. Когда послы Алевуя стали возвращаться изъ Вавилона и перелазили черезъ городскую стѣну, змѣй проинулся и свистнулъ; отъ этого свиста послы попадали съ лѣстницы въ обморокъ. Когда хранительница эрдени проинулась и замѣтила похищеніе, она тряхнула лѣстницу, по которой спускался Гэсэръ, и онъ былъ отброшенъ въ страну альбиноновъ (или альвиновъ).

Можно указать еще на одну сходную черту въ дѣтствѣ Гэсера и Навуходоносора: послѣдній младенцемъ былъ брошенъ въ степи и найденъ; Гэсэръ былъ также въ дѣтствѣ брошенъ въ степи и найденъ.

Къ этимъ параллелямъ, которыя были уже указаны мною въ другихъ мѣстахъ, слѣдуетъ прибавить слѣдующія. Навуходоносоръ заставляетъ поклоняться себѣ, какъ богу и за это обращенъ въ быка, питающагося травой. Въ напечатанномъ здѣсь эпизодѣ изъ повѣсти о Гэсэрѣ Лобсоголдой садится на тронъ, принимаетъ видъ бога и требуетъ отъ Гэсера, чтобы онъ поклонился ему какъ богу; Гэсэръ поклоняется, подходитъ подъ благословеніе, и прикосновеніе Лобсоголдоа превращаетъ его въ осла, котораго кормятъ травой. Въ разсказѣ о Навуходоносорѣ три отрока, отказавшихся отъ поклоненія ему, ввержены въ пещь огненную, но не сгорѣли и поють въ огнѣ. Въ монгольскомъ эпизодѣ о Галь-Долмѣ мальчикъ посаженъ въ желѣзный амбаръ, обложенъ горящимъ костромъ, но не сгораетъ, остается невредимымъ и поетъ. Въ монгольской повѣсти инциденты разобщены; лжебогъ является въ эпизодѣ о Лобсоголдоѣ, несгорающій отрокъ въ эпизодѣ о Галь-Долмѣ; эти эпизоды представляются отдельными сказками, которыя объединены только именемъ Гэсера. Въ повѣсти о Гэсэрѣ только одинъ несгорающій отрокъ, въ разсказѣ о Навуходоносорѣ три, но не было ли трехъ отроковъ и въ монгольской повѣсти? Несгорающій отрокъ монгольской повѣсти быть выгрѣзанъ изъ утробы жены Галь-Долмѣ; онъ имѣлъ золотую грудь. Подобные золоторукіе, золотоногіе или золотокудрые младенцы и

отроки известны преимущественно изъ сказокъ о гонимой царицѣ. Царица родить или трехъ такихъ мальчиковъ, по одному заразъ, или трехъ за одинъ разъ, или три раза родить, каждый разъ по три; враждебная женщина подмѣняетъ необыкновенныхъ дѣтей щенками и котятами и въ послѣдній разъ подкидываетъ чужого мальчика; впослѣдствіи этотъ подкидышъ находитъ золоторукихъ братьевъ и возвращается мать во дворецъ. Въ русской сказкѣ, записанной въ бѣскомъ уѣздѣ, подкидышъ Короста находитъ золоторукихъ братьевъ въ теремѣ, вокругъ котораго, какъ вокругъ Вавилона, лежитъ змѣй кольцомъ и никого въ теремъ не пускаеть *). Въ бѣской сказкѣ не три отрока, а только два, но по сравненію съ другими вариантами, это недосмотръ редакціи; вѣроятно и здѣсь ихъ было три **). Инцидентъ съ золотогрудымъ мальчикомъ не является неизбѣжнымъ звѣномъ въ эпизодѣ о Галь-Дѣлмѣ; сказка могла бы обойтись безъ него; инцидентъ приставленъ къ концу сказки безъ всякой нужды. Это заставляетъ думать, что о матери золотогрудаго мальчика т. е. о женѣ Галь-Дѣлмѣ была отдельная сказка, въ которой связь золотогрудаго мальчика съ организмомъ сказки была прочнѣе. Не было ли такой сказки, въ которой мать золотогрудаго мальчика представлялась въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ изображалась жена Аролбая въ сойотской сказкѣ или дочь Алтынъ-бэля въ киргизской? Въ первой сказкѣ младшая жена Аролбая родила мальчика, но старшая жена бросила его въ озеро, а вместо него подложила щенка; сама мать тоже была брошена въ пустынѣ, но потомъ она находитъ своего сына и тотъ реабилитируетъ мать ***); въ киргизской дочь Алтынъ-бэля оберегается отцомъ отъ сношений съ людьми, посажена въ башню, въ которую входъ запрещенъ, но она зачинаетъ отъ солнечнаго луча; Алтынъ-бэль запираетъ ее въ ящикъ и ящикъ бросаетъ въ море †). Могъ существовать такой вариантъ, въ которомъ отецъ, заподозривъ дочь въ связи съ мужчиной, разсѣкаетъ ея утробу, чтобы уничтожить ребенка и находитъ тамъ мальчика, необыкновенное происхожденіе

*) Записки Красноярск. Подъотдѣлъ Имп. Русск. Географ. Общества, по этнографіи, т. I, вып. I, Красноярскъ, 1902, стр. 64.

**) См. тамъ же, стр. 3.

***) Потанинъ, Очерки с.-з. Монголіи, IV, 601—602.

†) Radloff, Proben, III, 82.

котораго отмѣчено неестественными особенностями тѣла. Дочь Алтынъ-бэля родитъ Шингыса т. е. Чингиса, о которомъ существуетъ другой разсказъ, что онъ былъ ребенкомъ найденъ въ степи подъ деревомъ, которое давало ему сосать свою вѣтвь, и что потомъ онъ былъ сдѣланъ ханомъ, что надъ нимъ летала какая-то птица, которая кричала: чингис! чингис! почему ему и дано было имя Чингисъ; повидимому о Чингисѣ было преданіе въ родѣ того разсказа о Навуходоносорѣ, который вставленъ въ славянскую повѣсть и который передаетъ, будто Навуходоносоръ во время младенчества быть брошенъ въ степи, будто его нашли подъ деревомъ, будто коза кормила его своимъ молокомъ, и будто когда Навуходоносоръ входилъ въ ворота столицы, надъ нимъ засиялъ рогъ съ измирномъ, поставленный на городскихъ воротахъ и по этому Навуходоносоръ быть избранъ царемъ.

Мальчикъ, найденный въ степи, могъ быть выброшенъ въ степь или лицомъ, враждебно относившимся къ матери ребенка, какъ напримѣръ въ сойотской сказкѣ сынъ Арлбайхана Хэрэкъ-Кирвэсъ былъ брошенъ въ озеро, а мать его оставлена въ безлюдной степи. Или онъ могъ быть брошенъ самою матерью; въ этомъ случаѣ онъ могъ быть подброшенъ матерью къ отцу ребенка, какъ это сдѣлала со своимъ сыномъ мать Булагата въ бурятскомъ преданіи *), мать Идыге въ тюркской сказкѣ **), мать Цороса, подбросившая своего сына къ его незаконному отцу Бо-ноену въ калмыцкомъ преданіи ***), мать Навуходоносора, подкинувшая своего сына Соломону въ славянской повѣсти *†). Такъ какъ въ Чингисѣ можно видѣть тожественный персонажъ съ Цоросомъ (какъ Цоросъ считается предкомъ калмыцкихъ князей, такъ Чингисъ считается предкомъ монгольскихъ князей; оба они найдены въ степи въ тожественной обстановкѣ), то можно допустить, что о Чингисѣ разсказывалось все, что теперь известно только о Цоросѣ, а именно, что онъ родился не отъ законнаго мужа, и что мать, боясь, чтобы ея мужъ не убилъ ребенка, подбросила его дѣйствительному

*); Записки Вост.—сиб. Огдѣла И. Русск. Геогр. Общества по эти., т. 1, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 96, 98, 99, 147.

**) Radloff, Proben, IV, 85, 164 и 241; Живая Старина, 1897, вып. IV, стр. 296, 301 и др.

***) Pallas, Sammlungen, I, 32.

*†) А. Н. Веселовский, Сказанія о Вавилонѣ, скінні и св. Граѣ. Сб. 1896. Стр. 26 (Отд. оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. I, кн. 4).

отцу. Гэсэръ также быть брошенъ своей матерью въ степи, но ей не приписывается намѣренія подбросить его къ отцу.

Младенецъ съ золотыми руками, вырѣзываемый изъ утробы матери, въ русскомъ преданіи, кажется можетъ быть указанъ только въ былинѣ о богатырѣ Дунайѣ*).

Мальчикъ, вырѣзанный изъ утробы, точащій стрѣлу и трудно уязвимый есть и въ тибетской Гэсэріадѣ, но такъ какъ въ ней нѣтъ эпизода о Галь-Долмб'нѣ, то инцидентъ нашелъ себѣ мѣсто въ другомъ эпизодѣ, именно мальчикъ этотъ есть сынъ жены Гэсера, которая была увезена трёмя хорскими царями**). Въ монгольской Гэсэріадѣ, перѣведенной Шмидтомъ на нѣмецкій языкъ, эпизода о Галь-Долмб'нѣ также нѣть; но инцидентъ о сжигаемомъ заточникѣ есть; онъ перенесенъ въ эпизодъ, соотвѣтствующій бурятскому отрывку о Лобсоголдоѣ. Въ монгольской версіи бурятскому Лобсоголдою соотвѣтствуетъ великанъ волшебникъ, принявший видъ ламы; онъ требуетъ отъ Гэсера поклоненія и обращаетъ его въ осла; потомъ, когда Гэсэръ стараніями своей другой жены снова приведенъ въ прежнее состояніе, Гэсэръ устраиваетъ ауто д'афе, строить домъ и въ немъ сжигаетъ лже-ламу***).

Число параллелей между славянской и монгольской повѣстю умножится, если мы къ сравненію привлечемъ тюркскую сказку объ Ирь-Тушлюкѣ и русскую о Бармѣ. Въ тюркской сказкѣ змѣй окружаетъ кольцомъ свадебный поездъ и соглашается дать ему пропускъ только подъ условіемъ, если Ирь-Тушлюкъ приметъ на себя трудъ освободить змѣйное царство отъ насилий Барса-Кильмеса подобно тому, какъ Ганга-Бэрэдъ проситъ Гэсера защитить его отъ нападеній Галь-Долмб'на. Ирь-Тушлюкъ ёдетъ съ товарищами противъ Барса-Кильмеса подобно Гэсэру, который съ товарищами наѣхалъ на Галь-Долмб'на. У Барса-Кильмеса есть топоръ; онъ вырвался изъ рукъ и отрубилъ голову самому Барса-Кильмесу, т. е. своему владѣльцу†). Этотъ топоръ ближе къ мечу На-

*.) Къ имени Дуная привязаны темы: 1) отрава (см. Живая Старина, годъ XI (1901), стр. 126) и 2) вырѣзываніе золоторукаго младенца изъ утробы матери; съ монгольскимъ Гэсэромъ также соединены двѣ темы: 1) отрава и 2) вырѣзываніе золоторудаго младенца изъ утробы матери (Потанинъ, Таигутота-тэск. окраина Китая, II, 113).

**) Въ тибетской редакціи повѣсти о Гэсэрѣ образъ человѣка, дѣлающаго стрѣлу, перенесенъ на Кала-мэнѣбира брата Гэсера, сидящаго также въ жалѣзномъ домѣ, но не обложенномъ горящимъ костромъ (Танг.—тиб. окр. Китая, II, 20).

***) Die Thaten Bogda-Gesser-chans, S. Petersb., 1839, S. 281—282.

†) Radloff, Proben, IV, 443.

вухононсора, чѣмъ Гэсэрова сабля; топоръ отрубаетъ голову своему обладателю въ родѣ того, какъ мечъ Навуходоносора, вырвавшись изъ руки царя Василья, отрубаетъ голову самому царю.

Русскія сказки о Бармѣ двухъ типовъ. Въ сказкѣ одного типа, варианты которой записаны только въ Великороссіи, Барма добываетъ изъ змѣинаго города корону, скипетръ и порфиру для русскаго царя; покойный Ждановъ сдѣлать подробное сближеніе этой сказки съ повѣстю о Вавилонскомъ царствѣ; эта работа покойнаго профессора даетъ право смотрѣть на сказку о Бармѣ, какъ на вариантъ славянской повѣсти; поэтому мы вправѣ искать въ ней параллелей къ Гэсэріадѣ и действительно мы находимъ одно мѣсто, котораго нѣтъ въ славянской повѣsti, но которому найдется соответствующій эпизодъ въ Гэсэріадѣ. Барма, спасшись бѣгствомъ изъ змѣинаго города, попадаетъ къ какой-то женщинѣ, которая вступаетъ съ нимъ въ супружескія отношенія, сильно удерживаетъ его, а когда онъ бѣжалъ отъ нея, она гонится за нимъ, но не имѣя возможности догнать, разрывается пополамъ прижитаго ребенка, и одну половину бросаетъ вслѣдъ за переплывающимъ рѣку въ лодкѣ Бармой.

Въ бурятской редакціи Гэсэріады Гэсэръ живеть съ женщиной Алма-мѣргонъ-хатаной; женщина окормила его одуряющей пищей и онъ забыть о своемъ домѣ и о другихъ своихъ женахъ; у женщины родился отъ него сынъ*). Въ другомъ мѣстѣ вставленъ разсказъ, какъ Гэсэръ уѣзжаетъ изъ дома Алма-мѣргонъ-хатаны. Она выходитъ изъ дома, повидимому хотѣла бы остановить Гэсера, но не успѣла; въ досадѣ она разрываетъ съ нимъ сына пополамъ**).

Въ тибетскомъ варианѣ изъ Ладака еще ближе къ русской сказкѣ. Женщина Dzemo дала Гэсэру забыдущее кушанье и забыдущій напитокъ и Гэсэръ забыть свою вотчину gLing, свою жену 'aBrugmo и играетъ съ Дземо въ кости, развлекается состязаніемъ съ ней въ стрѣльбѣ изъ лука. Но память о родинѣ и женѣ возвращается къ Гэсэру и онъ убѣгаетъ отъ Дземо; когда онъ переплывалъ черезъ рѣку на своемъ конѣ, Дземо съ берега крикнула ему: „Такъ какъ ты, отецъ, благородной породы, то ѿнь верхнюю половицу своего дитяти, а я, низкаго происхожденія, съѣмъ нижнюю половину“! Она раздѣлила своего ребенка на двѣ части и,

*) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 76.

**) Ibid., II, 102.

сидя на берегу, жуетъ нижнюю часть своего ребенка, а Гэсэръ верхнюю половину, вѣроятно переброшенную ему черезъ рѣку, сожгъ (на погребальномъ кострѣ?) и надъ костями соорудилъ мавзолей (чортэнъ, mchod rten, по монгольски субурганъ)*).

Этого инцидента нѣтъ въ славянской повѣсти; появление его въ русской сказкѣ показываетъ, что русской землѣ была известна болѣе полная редакція, чѣмъ славянская повѣсть, эта болѣе полная редакція ближе, чѣмъ славянская повѣсть, подходила къ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; она заключала въ себѣ такие инциденты, которыхъ не было въ славянской повѣсти, но которые были въ монгольской.

Кромѣ сказки о змѣиномъ городѣ Барма является главнымъ лицомъ въ сказкѣ о хитромъ ворѣ. Два варианта этой сказки записаны въ Сибири, въ уѣздахъ байскомъ и курганскомъ, одинъ напечатанъ у Афанасьевъ **). Сказка часто начинается съ того, что отецъ поочередно испытываетъ добруту мыслей своихъ трехъ сыновей; онъ возитъ по окрестности сначала старшаго сына, потомъ средняго, потомъ младшаго; старшіе братья мечтаютъ, какъ они будутъ заниматься хозяйствомъ; третій говорить, какъ было бы хорошо своровать ***); въ вариантахъ у Афанасьевъ отецъ прогоняетъ младшаго сына, какъ человѣка, негодного для хозяйства; прогнанный сынъ ищетъ своего дядю, и вмѣстѣ съ нимъ занимаются воровствомъ. Въ курганскомъ варианте не отецъ, а дядя испытываетъ своихъ трехъ племянниковъ, годятся ли они въ воры; два старшіе оказались не приспособленными къ этому ремеслу, а третій какъ бы созданный для него. Первый опять молодого вора былъ произведенъ имъ наль самимъ дядей; воръ обрѣзываетъ подошвы отъ сапоговъ яди или совсѣмъ оставляетъ его безъ сапогъ. Второй воровской подвигъ Бармы покража быка; Барма придумываетъ хитрость, крадеть быка, но предупреждаетъ дядю, что поѣсть щей съ мясомъ краденаго быка ему, дядѣ, не удастся и дѣйствительно ухитрился такъ, что самъ наѣлся досыта, а дядю заставилъ голодать. На этомъ инцидентѣ курганскій

*) A. H. Francke, Der Frühlings – und Wintermuthus der Kesarsage. Beiträge zur Kenntniss der vorbuddhistischen Religion Tibets und Ladakhs (Mémoires de la sociéte finno-ougrienne. XV). Helsingfors, 1902, S. 48, 49.

**) Записки красноярск. Подотдела Географ. Общ. по эти., т. I, в. 1 (Красн., 1902), стр. 120. Афанас., № 219 (изд. 1897 г.), т. II, стр. 347.

***) Афан., № 219, подстрочное прибавление къ варианту b (воръ не названъ по имени; запис. въ воронежск. губ.); var. g (воръ названъ Ванькой); подстрочное прибавление къ этому варианту (воръ названъ Барма Кутерьма).

варіантъ обрывается; варіанты Афанасьевы съ именемъ Бармы еще короче, но бѣскій варіантъ продолжается параллельно сказкѣ о Сенькѣ Маломъ у Афанасьева и сказкѣ о Рампсизитовомъ сокровищѣ у Геродота. Дядя съ племянникомъ обворовываютъ царское казначейство; царь принимаетъ мѣры, чтобы поймать вора, но это ему не удается; наконецъ онъ устраиваетъ въ своемъ дворцѣ пиры, жертвуетъ невинностью своей дочери, которая должна наложить примиѳту на вора въ то время, какъ онъ придетъ къ ней на ложе. Двѣ ночи воръ искусно вывертывается, но послѣ третьей попадается.

Если мы эти два рассказа о Бармѣ, разсказать о Бармѣ ворѣ и разсказать о Бармѣ, послѣ въ змѣиный городѣ, соединимъ вмѣстѣ такимъ родомъ, что разсказъ о ворѣ поставимъ впереди, а разсказъ о змѣиномъ городѣ примемъ за продолженіе, то мы получимъ комбинацію съ чередованіемъ мотивовъ, сходныхъ съ Гэсэріадой, еслибы мы изъ послѣдней взяли только двѣ главы, впервыхъ разсказъ о молодыхъ годахъ Гэсэра, когда онъ назывался Джоро, во вторыхъ разсказъ о Гуменъ-ханѣ, царство которого замерло. Гэсэръ въ молодые годы если не изображается воромъ, то описывается все таки озорникомъ; онъ издѣвается надъ невинностью своей будущей жены; у него, какъ и у Бармы, есть дядя, котораго онъ часто ставить въ смѣшное положеніе и также, какъ Барма, заставляетъ его иногда голодать. Сходныхъ инцидентовъ въ двухъ сказкахъ нетъ, но есть родственное въ характерахъ обоихъ героевъ, у Бармы и Гэсэра. Та сказка о Бармѣ, которую мы называемъ сказкою о ворѣ Бармѣ, имѣетъ сходство съ великорусскими сказками о хитромъ ворѣ въ родѣ сказки о Сенькѣ Маломъ, о Климкѣ и т. п., не только по характеру героя, но и по содержанию инцидентовъ. Въ свою очередь и повѣсть о Гэсэрѣ, собственно эпизодъ о молодыхъ годахъ его, сродни сказкамъ о Балынъ-Сэнгѣ, монгольскомъ хитромъ ворѣ. Въ другихъ мѣстахъ*) я проводилъ догадку, что эпизодъ о молодыхъ годахъ Гэсэра, когда онъ носилъ имя Джоро, происходитъ отъ сказки въ родѣ сказки о хитрецѣ Балынѣ-Сэнгѣ; правда, и здесь сходство между Балыномъ и молодымъ Гэсэромъ только въ общихъ чертахъ характера и сходныхъ инцидентовъ указать нельзя, но за то сходные мотивы оказываются въ другихъ частяхъ повѣсти. Я въ одномъ мѣстѣ**) сопоставлялъ одинъ

*) Этногр. Обозр., XXI, 60.

**) Восточн. Мотивы, 684.

эпизодъ изъ сказки о Балынѣ съ послѣдней главой монгольскаго сборника Шиддикүръ въ переводѣ Гомбоева; эта глава кончается указаниемъ, что отъ мужчины и женщины, исторія которыхъ разсказана въ этой главѣ, родился Гэсэръ. Исторія же такая: мужчина живеть съ женщиной; волосы женщины попали во дворецъ и царь увозить женщину, но прежній другъ женщины приходитъ въ резиденцію царя преодѣтый и убиваетъ царя—словомъ исторія самаго Гэсера, который имѣлъ жену Рогмо-гоа; волосы ея были унесены на царскій дворъ; жена Гэсера увезена царемъ, Гэсэръ отправляется возвращать ее и убиваетъ царя.

Сказка о ворѣ Бармѣ начинается разсказомъ о томъ, какъ дядя испытываетъ наклонности или способности своихъ трехъ племянниковъ (въ вариантахъ отецъ трехъ сыновей). Повѣсть о Гэсэрѣ также начинается разсказомъ о небесномъ отцѣ, испытывающемъ своихъ трехъ сыновей, только здѣсь цѣль испытания болѣе благородная и болѣе серьезная; дѣло идетъ о выборѣ лица, которое бы оградило людей отъ бѣдствій. Способнымъ, какъ и въ русской сказкѣ, оказывается младшій *). Это будущій Джоро или Гэсэрь. Такимъ же испытаниемъ трехъ сыновей начинается и смоленская сказка обѣ Игрѣ, которая построена на сходной схемѣ **).

Къ послѣднему инциденту сказки о ворѣ Бармѣ, къ разсказу о ночныхъ посѣщеніяхъ Бармою царской дочери, параллели находятся въ сказкахъ о Балдакѣ Борисьевичѣ ***) и о ворѣ Аполлонѣ †). Балдакъ Борисьевичъ по порученію князя Владимира въ тридцати товарищахъ ёдетъ къ турецкому султану, уводить у него коня златогриваго, убиваетъ кота бахаря, самому султану въ глаза плюетъ. Царская дочь берется открыть, который изъ тридцати пріѣхавшихъ молодцовъ все это сдѣлалъ, и во время ночного посѣщенія ея Балдакомъ, дѣлаетъ на его тѣлѣ знакъ; но утромъ Балдакъ тотъ же знакъ дѣлаетъ на всѣхъ остальныхъ товарищахъ. Только на третью ночь Балдакъ Борисьевичъ узнанъ. Его готовятся казнить; Балдакъ выпросилъ разрешеніе поиграть

*) Thaten Bogda Gesser-chan's, übers. v. Schmidt, S. 4; Francke, Kesiarsage S. 2; Потанинъ, Танг-тиб. окраина Китая, II, 4, 5, 47—49

**) Добровольский, Смоленскій сборникъ т. I, Спб., 1891, стр. 501. Игрѣ ёдетъ въ Царь-градъ, перескакиваетъ на конѣ черезъ городскую стѣну, въ городѣ находить спящую девицу Ирину, вновь перескакиваетъ черезъ стѣну, задѣваетъ за нее; Ирина гонится за нимъ; отъ взмаха полотенца появляется рѣка.

***) Афан., (изд. 1897), № 180 (т. II, стр. 265).

†) Худяковъ, Великорусск. сказки, в. I, № 35, стр. 124.

на рожкѣ; играетъ, его товарищи нападаютъ на толпу, ру-
бятъ ее, освобождаютъ Балдака и вѣшаютъ самого салтана.
То же самое въ другой сказкѣ: воръ Аполлонъ въ двадцати
товарищахъ у чужого царя воруетъ коня, а потомъ пооче-
редно посѣщаетъ ночью трехъ царскихъ дочерей, которыхъ
дѣлаютъ на его тѣлѣ знаки; воръ Аполлонъ избѣгаетъ опа-
сности посредствомъ той же хитрости, какъ и Балдакъ Бо-
рисьевичъ, но на третью ночь онъ узнанъ. Затѣмъ слѣдуютъ
висѣлицы, рожокъ, освобожденіе и казнь царя *). Академикъ
А. Н. Веселовскій указалъ на слѣды существованія повѣсти
о Вавилонскомъ царствѣ въ средневѣковой западно-европей-
ской литературѣ; лицо, которое совершаетъ опасную поѣздку,
въ западноевропейскомъ памятнике называлось Аполлоніемъ.
Слѣдовательно съ именемъ Аполлонъ—Аполлоній, какъ и съ
именемъ Барма, связывались два сюжета: одинъ въ родѣ
сказки о ворѣ Бармѣ (и о молодыхъ годахъ Гэсэра), дру-
гой въ родѣ сказки о Бармѣ и змѣиномъ городѣ (и о Гэ-
сэрѣ, поднимающемся на небо за эрдени).

Въ монгольскомъ фольклорѣ инцидентъ съ ночными посѣ-
щеніями мы находимъ въ кругу преданій о Чингисъ-ханѣ.
По одному изъ нихъ сынъ Чингисъ-хана посѣтилъ ночью
свою мать; она провела по его спинѣ рукой, окрашенной са-
жей и на другое утро личность кровосмесителя была узнана;
преступникъ удалился изъ царства Чингисъ-хана, при чемъ
укралъ у отца кумысную мутовку, съ которой было связано
благосостояніе монгольского народа, т. е. съ которой была
соединена такая же идея, какъ съ эрдени въ повѣсти о Гэ-
сэрѣ. Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ *) я поставилъ этотъ
разсказъ въ связь съ преданіемъ о Бохакѣ, посѣщающемъ
ночью или дочь монгольского хана или его младшую жену;
въ одномъ изъ вариантовъ, чтобы скрыть слѣды этихъ посѣ-
щеній, Бохака носить на себѣ слуга, но однажды слуга уро-
нилъ свою нопу и по отпечатку павшаго тѣла преступникъ
былъ открытъ. Не представляютъ ли эти монгольскія пре-
данія отрывки изъ болѣе длинной сказки, полная редакція
которой приближалась, можетъ быть, къ русскимъ сказкамъ
о Балдакѣ Борисьевичѣ и ворѣ Аполлонѣ? Тамъ же я сдѣ-
лалъ догадку, что въ русской былинѣ ночные посѣщенія Чу-

*) Рожокъ и такую же сцену у висѣлицы мы знаемъ и изъ саги о Соломонѣ;
не значитъ ли это, что въ та часть разаказа о Соломонѣ, которая предше-
ствуетъ висѣлицѣ, была похожа на сказки о Балдакѣ Борисьевичѣ и ворѣ
Аполлонѣ?

**) Вост. Мотивы въ средневѣк. европ. эпохѣ, 336.

рилой Бермяновой жены были раскрыты при сходныхъ обстоятельствахъ. Не была ли иногда былина о Чурилѣ и Бермяновой женѣ построена на манеръ сказки о ворѣ Бармѣ*)?

Въ бѣскомъ варіантѣ Барма ходить по ночамъ къ царевнѣ, нося на себѣ Богъ знаетъ зачѣмъ-то человѣка. Сторожъ спрашиваетъ, кто идетъ; Барма отвѣчаетъ: „Чертъ попа несетъ“! Сторожъ съ испугу убѣгаєтъ и даетъ Бармѣ дорогу къ царевнѣ. Едва ли этотъ обмѣнъ словами достаточно оправдываетъ введеніе въ разсказъ такого инцидента. Вѣроятно это ношеніе человѣка было мотивировано иначе, въ родѣ напримѣръ преданія о Бахакѣ; въ этомъ преданіи дворецъ царевны быть осыпанъ пескомъ въ разсчетѣ по слѣдамъ на цескѣ поймать посѣтителя; можетъ быть и въ русскихъ говорилось о подобныхъ мѣрахъ и русскіе ночные посѣтители Барма, Балдакъ и Аполлонъ можетъ быть тоже были выданы слѣдами на землѣ или на снѣгу**).

Лобсоголдой ёздитъ на конѣ Лобъ-хара; изъ имени коня можно заключить, что имя Лобсоголдой распадается на два члена; Лобъ и Соголдой. Что такое лобъ? Не будетъ ли это искаженное тюркское ольнг или оланг, „великанъ“?

Указаніе на школу Ханъ-Тюрмаса, въ которой Лобсоголдой въ теченіи девяти лѣтъ изучалъ науку трехъ бурхановъ Шибэгэни и въ которой повидимому ученики выучивались превращаться въ бурхана Шибэгэни служить дополненіемъ къ немногочисленнымъ извѣстіямъ изъ сѣверовосточной Сибири о мѣстномъ повѣрьи, что существуетъ гдѣ-то школа, въ которой обучаются шаманы. См. обѣ этомъ въ моихъ „Восточн. мотивахъ“, стр. 582: по якутскому повѣрью это школа Улуттоена, въ которой девять гнѣздъ, одно надъ другимъ, или девять суковъ; обучающійся постепенно восходитъ изъ нижняго гнѣзда или сука въ верхній***).

*) У мусульманскихъ тюрковъ хитрый воръ известенъ подъ именемъ Насръ Элдина-Ходжи. Арабское имя Насръ (у казанскихъ татаръ Насыръ) не явилось ли тутъ по созвучию на мѣсто другого болѣе древняго имени? Въ грузинскомъ романѣ обѣ Амирани съ именемъ Носаръ соединены мотивы, напоминающіе монгольского Гасэра (Вост. мот., стр. 425).

**) Это мѣсто въ бѣскомъ варіантѣ повидимому испорченъ; Барма по три ночи ходить къ царевнѣ во дворецъ, но не пойманъ; царевну помѣщаютъ зачѣмъ-то въ монастырь и Барма опять по три ночи ходить къ ней; не нужное повтореніе.

***) См. Эта. Обозр., кн. LVI, стр. 20.

Гэсэръ охотится на съверной сторонѣ Алтая и на возвышенныхъ мѣстахъ Хохоя; его конь пасется на съверной сторонѣ Алтая и на южной сторонѣ Хохоя. Алтай известная горная система, которая отъ вершинъ р. Бухтармы на южной границѣ бійского уѣзда тянется на юговостокъ по Монголіи до меридiana Минусинска; Хохой вѣроятно Ханъ-Хухый, хребетъ къ съверу отъ киргизъ-норской владины; эта впадина лежить между съверной подошвой Алтая и южной Ханъ-Хухыя, поэтому герой этихъ сказокъ совершаютъ свои дѣйствія какъ будто на киргизъ-норской плоскости.

Гэсэръ, прежде, чѣмъ вступить въ поединокъ съ Лобсоголдоемъ, создаетъ каменного воина; Лобсоголдой нападаетъ на камень и только когда онъ утомился, Гэсэръ вступаетъ съ нимъ въ бой. Я думаю, что монгольскія преданія*), въ которыхъ одинъ изъ противниковъ самъ обращается въ камень, первоначальнѣ.

Лобсоголдой заваленъ тремя горами; два батара съ жѣлѣзными молотами приставлены къ нему; они бьютъ его молотами одинъ по головѣ, другой по ногамъ, чтобы онъ не всталъ; они бьютъ его и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ и такъ должны бить до скончанія вѣка. Это напоминаетъ русскія повѣрья о св. Касьянѣ, котораго черти или ангелы бьютъ молотами, чтобы онъ не вышелъ изъ подъ земли, и кавказскія обѣ Амиранъ. О богатыряхъ, заваленныхъ горой въ среднеазіатскихъ преданіяхъ см. въ Вост. мотивахъ, 206, 397; Танг.—тиб. окраина Китая, II, 345.

По тибетскому повѣрю гора, подъ которой заваленъ Ландарма, разъ въ году начинаетъ двигаться по направлению къ городу Лассѣ; тогда въ гору стрѣляютъ и она останавливается. Вѣроятно и съ Лобсоголдоемъ и съ Ландармой связывалась эсхатологическая идея.

Въ сказкѣ минусинскихъ татаръ (Radloff Proben, II, 385) Солбанъ-мэргэнъ прибыль сына Акъ-хана гвоздями къ землѣ при подножіи столба; семь человѣкъ должны были бить его булавой въ семь пудовъ вѣсомъ **).

*) Преданія о шаманѣ Тавнѣ-Тарьхѣ и о Буханонѣ (Вост. мотивы, см. по индексу: „окаменѣніе“; Танг.—тиб. окраина Китая, II, 255, 283.

**) См. Этнogr. Обозр., XLVI, 52, 53.

Одновременность двухъ настроений (стр. 3: Лобсоголдой смотрить вверхъ, смеется, смотреть вниз плачеть; то же самое на стр. 15 съ Сарагаль-ноеномъ), кажется, распространенное представление въ монгольскихъ сказкахъ *). Она встречается и въ западныхъ памятникахъ **). Въ одномъ изъ эпизодовъ лѣтописнаго разсказа о жизни Чингисъ-хана такое двойное настроение приписано Лаху-Баяну ***); не значить ли это, что весь эпизодъ о Лаху-Баянѣ и его сыне Богордзи взять биографомъ Чингисъ-хана изъ народной сказки?

Въ отрывкѣ о Галь-Долмѣ этому чудовищу приписывается тѣло, покрытое множествомъ звѣздъ; въ серединѣ ихъ бѣлый, какъ звѣзда, глазъ, въ который и попадаетъ стрѣла, убившая его; это было повидимому единственное уязвимое мѣсто на его тѣлѣ (стр. 20, 37). Въ сказкѣ объ Ута-Саганѣ змѣя Абарга имѣть на передней сторонѣ тѣла золотую звѣзду, въ которую богатырь и направляетъ свою смертельную стрѣлу. Змѣя Абарга лежитъ въ морѣ подобно чудовищу Галь-Долмѣ, и высовываютъ голову, чтобы поѣдать птенцовъ птицы Хань-Хэрэгдэ, которая тутъ на мѣстѣ Ганга-Бэрэда. Если гнѣздо съ птенцами этой птицы, какъ можно догадываться, представляетъ созвѣздіе Плеяды †), то бѣлый, какъ звѣзда, глазъ въ серединѣ другихъ многочисленныхъ глазъ на тѣлѣ чудовища Галь-Долмѣ и золотая звѣзда на тѣлѣ змѣи Абарга не придется ли пріурочить къ Полярной звѣздинѣ?

Въ напечатанныхъ отрывкахъ изъ повѣсти о Гэсэрѣ въ двухъ мѣстахъ мы находимъ троекратное превращеніе въ теченіе дня. Женщина Енхабэ утромъ принимаетъ видъ ребенка, потомъ видъ взрослой женщины, а вечеромъ видъ старухи (стр. 11); подобная превращенія совершаются съ двумя батарами, приставленными къ тѣлу Лобсоголдою, чтобы бить его молотами (стр. 19). Троекратный превращенія въ Алтань-

*) Очерки с. а. Монг., IV, 397.

**) А. Н. Веселовский, Развысканія, VI, 34; его же, Новые книги по народн. словесности въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, февраль, стр. 210.

***) Алтань-Тобчи, 13.

†) Народное повѣсть видѣло въ созвѣздіи Плеядъ птичье гнѣздо; отсюда такія народныя названія его: Утиное гнѣздо, Птичье, Куриное, Осинос Гнѣздо „табунъ утокъ“, „вой пчель“; и т. п. (Очерки с. а. Монг., IV, 730, 942; Танг-тиб. окраина, II, 324).

Тобчи*) приписывается Шидургу; утромъ онъ принималъ видъ ядовитаго маленькаю желтопестраго змѣя, въ полдень превращался въ рыже-пестраго барса, вечеромъ—въ прекраснаго юношу и въ это время игралъ съ женою. Ближе къ предыдущимъ версіямъ превращенія юнаго Христа въ апокрифическомъ Евангеліи Дѣтства Христа (въ младенца, взрослого и старца)**).

Въ двухъ мѣстахъ Гэсэру (стр. 21 и 26) приписывается установление „свадебнаго обряда“ или „бѣлой свадьбы“. Другое бурятское преданіе установленіе брака приписываетъ Заря-АЗарга (заря—по бурятски ёжъ).

Сказка Ута-Саганъ-мөргөнъ распадается на три эпизода: 1) Поѣздка богатыря къ пятнадцатиголовому Ашура-шарамгатхаю, 2) увозъ жены Ута-Сагана, совершенный Хара-Сотономъ и 3) лягушка, невѣстка Ута-Сагана.

Сказка эта заключаетъ въ себѣ большія заимствованія изъ повѣсти о Гэсэрѣ; это какъ будто тотъ же Гэсерь, только подъ другимъ именемъ. Старшая жена Ута-Сагана, которая появляется съ первыхъ строкъ сказки, носить имя Урма-гохонъ т. е. то же самое имя, которымъ называется средняя жена Гэсерь-хана въ бурятской версіи. У Ута-Сагана два дяди: доброжелательный Сарагаль-ноёнъ и завистливый Хара-Сотонъ. Эти оба имени также взяты изъ бурятской Гэсэріады. Сарагаль-ноёнъ это то лицо, которое наплю Гэсэра, брошененаго въ стели и въ домѣ котораго Гэсерь выросъ***). Завистливый дядя Хара-Сотонъ известенъ не изъ одной только бурятской Гэсэріады; подъ видомъ Хара-Зото онъ является и въ монгольской версіи, подъ видомъ Ака-Чотонъ въ тангутской, и съ тѣмъ же завистливымъ и трусливымъ характеромъ. Первый и третій эпизоды сказки объ Ута-Саганѣ самостоятельные, но средній имѣеть прямое отношеніе къ повѣсти о Гэсэрѣ и служить подтвержденіемъ моей догадки о составѣ этой повѣсти, высказанной въ „Восточн. мотивахъ“†). Въ повѣсти жену Гэсэра увозятъ три царя, а Зото-ноенъ или Ака-Чотонъ только сочувствуетъ этому, но когда

* Стр. 26.

**) Не этотъ ли мотивъ отразился въ буддийской иконографіи изображеніемъ Будды въ трехъ видахъ: младенцемъ, взрослымъ и въ нирванѣ?

***) Танг.-тиб окраина Китая, II, 67.

†) Стр. 674.

Гэсэръ отыскиваетъ свою жену, онъ находитъ свои стада отогнанными Ака-Чотономъ, своихъ пастуховъ находить превращенными въ пастуховъ Чотона, своихъ родителей обращенными въ бѣдныхъ пастуховъ, живущихъ вблизи отъ ставки Чотона; затѣмъ Гэсэръ прибѣжаетъ въ ставку Чотона и расплачивается съ нимъ за присвоеніе скота и униженіе родителей. Увезенной женщины при Чотонѣ въ повѣсти нѣть, но я заподозрилъ, что составитель повѣсти слѣпилъ эпизодъ объ увозѣ изъ двухъ редакцій, изъ которыхъ въ одной увозилъ жену Гэсэра Ака-Чотонъ или Зото-ноёнъ, въ другой увозили ее три царя. Составитель повѣсти сохранилъ изъ обѣихъ редакцій расплату съ насильниками; онъ сохранилъ и казнь Чотона и казнь трехъ царей, но жизнь женщины въ плѣну взялъ изъ редакціи съ тремя царями, а не изъ разсказа о Чотонѣ; угнанный же скотъ и угнетенныхъ родителей удержала изъ редакціи съ Чотономъ; такимъ образомъ вышло, что Гэсэръ своей жены въ ставкѣ Чотона не находитъ; по моей же догадкѣ была сказка, въ которой Чотонъ увозилъ чужую жену. Сказка объ Ута-Саганѣ оправдываетъ мое предположеніе; это и есть та сказка, въ которой Зото-ноёну или Ака-Чотону приписывается увозъ чужой женщины, носящей при томъ имя средней жены Гэсэра, что даетъ поводъ отожествить Ута-Сагань-мѣргѣна съ Гэсэромъ. Этотъ фактъ говоритъ не за тибетское происхожденіе повѣсти о Гэсэрѣ, а за монгольское.

Смерть завистливаго дяди Хара-Сотона въ сказкѣ описана иначе, чѣмъ въ повѣсти; здѣсь онъ прибитъ къ деревянному столбу на разстояніяхъ трехъ дорогъ, въ повѣсти спущенъ въ глубокій колодезь и заваленъ камнемъ.

Въ эпизодѣ объ Ашура-шара-мангатхаѣ я остановлюсь на слѣдующихъ мотивахъ.

По дорогѣ къ этому чудовищу Ута-Саганъ встрѣчаетъ дерево, на которомъ гнѣздо съ девятью птенцами птицы Хань-Хэрэгдэ; нѣкоторые играютъ, одинъ поетъ пѣсню, другой сказываетъ сказку, третій плачетъ; въ другихъ случаяхъ подобное разнообразіе настроеній приписывается девяти головамъ многоголоваго чудовища, одна голова поетъ, другая плачетъ и т. п.; см. Radloff, Proben I, тюрк.текстъ стр. 275, нѣмецкій переводъ 298.

Въ звѣздномъ мірѣ гнѣздо съ птенцами народное повѣрье иногда видѣть въ Плеядахъ. Въ алтайской сказкѣ богатырь Иринъ-Шайнъ по порученію хана привозить женщину шаманку Канкере, но ханъ испугался вида птицы и проситъ

ее увести обратно *) подобно тому, какъ князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловья разбойника. Въ другихъ случаяхъ въ алтайскихъ преданіяхъ имя Канкере, Канкыри прилагается къ какой-то мифической птицѣ (монг. Ханъ-Гариде **).

Образъ птицы, гнѣздающейся на придорожномъ деревѣ, повидимому архаической и русское представление о Соловье Разбойникеъ едва ли можетъ быть объяснено одними мѣстными русскими бытовыми чертами. Илья отнесся къ Соловью враждебно; Ута-Саганъ наоборотъ, спасъ дѣтей птицы отъ змѣя ***).

У Ашура-шара-мангатхая три души; одна въ золотогрудой сорокѣ, которая убиваетъ приближающихся къ ней съ сорокадневного разстоянія; другая въ тринадцати перепелахъ, живущихъ въ храмѣ на сѣромъ бугре; третья въ зайцѣ, который заключенъ въ бѣломъ камнѣ, лежащемъ на лѣвѣ желтаго моря. Перепелы вылетѣли изъ храма; Ута-Саганъ сдѣлалъ морозъ и градъ, и только на своей рукѣ устроилъ солнышко, куда птицы и слетѣлись. Это тотъ же способъ, къ которому прибегаетъ въ дюрбютской сказкѣ Иринъ-Сайнъ, чтобы изловить двѣнадцать пташекъ, въ которыхъ заключалась жизнь Хара-Мангыса (см. Очерки с.-з. Монголии, IV, 461). Чтобы добить бѣлый камень со дна желтаго моря, Ута-Саганъ навелъ на природу такой жаръ, что море выкинуло и бѣлый камень обнажился; этотъ мотивъ напоминаетъ алтайского богатыря Тюрюнъ-Музыка, который выпилъ море, чтобы обнажить тѣло чудовища Ань-Долмана, и искусника въ русской сказкѣ, который сложилъ море въ копны, чтобы обнажить лежащей на днѣ его перстень †).

Когда Ута-Саганъ отправился домой, весь скотъ, все золото и серебро Ашура-шара-мангатхая пошли вслѣдъ за нимъ, потому что дочь мангатхая, на которой богатырь женился, отъ приданаго отказалась, а отъ всякаго добра взяла только по одной особи—одну золотую монету, одну серебряную, одного жеребенка, теленка и пр. Такимъ же родомъ въ сойотской сказкѣ уходитъ весь скотъ Бурканъ-Халамыза Эртене-маргэномъ, потому что онъ выпросилъ себѣ у Халамы Колду-бурхана ‡*), въ сказкѣ сибирскихъ татаръ обѣ Ирь-

*) Оч. с. з. Монг., IV, 428.

**) Ibid., 870.

***) Объ общихъ мотивахъ при Ханъ-Гариде и Цолмонѣ см. Вост. мот. 226.

†) Записки Красноярск. Подъотдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, вып. I, стр. 59.

‡*) Очерки с. з. Монг., IV, 416.

Тушлюкъ весь скотъ одного князя уходить вслѣдъ за уводимымъ конемъ Цзаль-куйрукомъ *).

Жена Ута-Сагана исцѣляетъ ослѣпшаго коня рыбьей икрой; о цѣлебномъ свойствѣ рыбьей желчи или рыбьихъ внутренностей см. Вост. мотивы, 103.

Сказка объ Эрэ-Тохоло-мѣргонѣ интересна своимъ отношенiemъ къ русской обѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Эрэ-Тохоло наѣзжаетъ на спящаго богатыря Хѣхѣсѣ мѣргона; этотъ эпизодъ сходенъ съ однимъ изъ эпизодовъ русской сказки; Ерусланъ Лазаревичъ наѣзжаетъ на разбитый въ степи шатерь, возлѣ котораго привязанъ конь. Ерусланъ привязываетъ своего коня рядомъ; кони начинаютъ драться и Еруслановъ конь отгоняетъ туземца отъ бѣлояровой пшеницы; Ерусланъ не можетъ разбудить спящаго въ шатре богатыря, ложится рядомъ и засыпаетъ. Богатырь князь Иванъ, которому принадлежитъ шатерь, просыпается и вступаетъ въ бой съ Ерусланомъ, но бой кончается мировою, послѣ чего Ерусланъ помогаетъ князю Ивану повоевать царя еодула змѣя, съ которымъ онъ ранѣе бесплодно боролся, и взять за себя замужъ его дочь Кондурію. Тутъ не совпадаетъ съ бурятской сказкой только поведеніе коней; они дерутся; въ бурятской же они обнаруживаютъ дружеское отношение другъ къ другу; они обнюхались и начали щипать другъ друга, т. е. ставши рядомъ, хвостами въ рознь, стали одинъ у другого скрести зубами зудящееся мѣсто; Ута-Саганъ, видя это взаимное оказываніе услугъ, удивляется и спрашиваетъ себя обѣ нихъ: „гдѣ они прежде другъ друга видѣли?“ Кромѣ того въ бурятской сказкѣ Ута-Саганъ и Хѣхѣсѣ оказываются братьями; этого въ русской нѣтъ; только послѣ поединка они становятся „названными“ братьями. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ изъ каргопольского уѣзда—такой же инцидентъ (спящій богатырь, бой и содѣйствіе въ женитьбѣ) произошелъ съ богатырями Иваномъ царевичемъ (на мѣстѣ Еруслана) и его двумя старшими братьями (на мѣстѣ князя Ивана); здѣсь дерущіеся богатыри оказываются братьями **).

Хѣхѣсѣ-мѣргонъ это тотъ стрѣлокъ изъ лука, которому бурятское преданіе приписываетъ стрѣляніе по тремъ самкамъ оленей, народнымъ повѣрьемъ усматриваємъ въ трехъ звѣз-

* Radloff, Proben, IV, 443.

**) Сборн. Акад. Наукъ по отд. русск. яз., т XVII, стр. 205..

дахъ Ориона*). Въ тюркскихъ преданіяхъ это имя является въ формѣ Ерь-Гокчу или Ирь-Гокче; въ другихъ бурятскихъ вариантахъ Хохоце, Коючу. Въ сѣверной Монголіи эта стрѣлочъ называется иногда Кугутей или Когутей; конечно эта самая форма подъ видомъ Хухудой является въ бурятской сказкѣ о Хань-Гужирѣ, въ инцидентѣ, напоминающемъ одно мѣсто русской сказки объ Ерусланѣ; Хухудой стоитъ на мѣстѣ Расланея русской сказки **). Если воздействіе русской сказки объ Ерусланѣ на бурятскую обѣ Эра-Тохоло и можно еще поддерживать предположеніемъ, что въ иркутскую губернію была занесена сказка въ родѣ архангелогородской о Бурзѣ Воловичѣ ***), то съ такимъ предположеніемъ трудно примирить такие факты, какъ нахожденіе въ еруслановскихъ инцидентахъ въ одномъ случаѣ стрѣлка Хѣхсб, принадлежащаго къ звѣздному миру, въ другомъ стрѣлка Хухудоя изъ того же звѣздного мира. Появленіе этого персонажа въ двухъ разныхъ сказкахъ при двухъ различныхъ инцидентахъ, которые однако оба повторяются въ русской сказкѣ объ Ерусланѣ, какъ будто указываетъ на какую-то связь этой сказки съ повѣрьями и преданіями средней Азии обѣ Орионѣ.

Въ звѣздномъ эпосѣ Хѣхсб стрѣляеть по тремъ оленямъ; въ сказкѣ онъ воюетъ съ тремя мангатхаями. Не значить ли это, что подъ тремя мангатхаями скрываются три звѣзды Ориона?

Въ сказкѣ обѣ Эра-Тохоло-моргонѣ опять является завистливый дядя Хара-Сотонъ и при томъ рядомъ съ намекомъ на мотивъ изъ повѣсти о Гасэрѣ. Эра-Тохоло-мбрѣнъ кладеть на костеръ тѣло опьянѣвшаго Хара-Сотона и поджигаетъ: въ повѣсти переставлено; Гасэрѣ кладеть на костеръ и поджигаетъ своего отца, въ бурятской версіи Сарагаль-найона, притворившагося мертвымъ, †).

Рогатый Оборто-шара-мангатхай своей наружностью напоминаетъ Галь-Долмбѣна; тѣло его покрыто такимъ же множествомъ глазъ и средній бѣлый глазъ мѣсто смерти. Ниже въ сказкѣ о Баянѣ-Хара повидимому то же имя, но приведено г. Хангаловымъ только въ переводѣ: Съ рогами желтый мангатхай. Ср. въ сойотской сказкѣ Убиртыхъ Хормоздъ

*) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 120.

**) Восточн. мотивы, 307.

***) См. мою статью: „Отголоски сказки обѣ Ерусланѣ“ въ Этногр. Обозрѣніи, XLVI, стр. 15—17.

†) Die Thaten, 34. Танг.-тиб. окр. Китая, II, 69.

трехголовое чудовище *); Убиртыхъ это то же, что бурятское ёбёрто, „рогатый“. Хормоздъ, върнѣе Хормозда вѣроятно слѣдуетъ исправить и расчленить такъ: Хор-моос-да или Хор-муус-да; *моосъ, муусъ* въ сказкахъ сибирскихъ тюрокъ есть не что иное, какъ монгольское мангысъ, многоголовое чудовище, соотвѣтствующее русскому змѣю.

У Оббрто-шара-мангатхая два сына Элтэсэ и Хултаса и жена Эмэ-хара. Послѣдняя описывается безобразной старухой; груди у ней висятъ до брюха, что дѣлаетъ ее похожей на кавказскихъ „эмэгэнъ“. У ней повислые вѣки, и когда она хочетъ смотрѣть, то поднимаетъ и подпираетъ ихъ деревянными столбами; подобное представление встрѣчается въ повѣсти о Гэсэрѣ **), а также въ русскомъ повѣрьѣ о св. Касьяне.

Элтэсэ ср. съ тюркскимъ илтысъ, „звѣзда“. Тюркскимъ же кажется терминъ Аксагалда, который примѣняется къ пастуху не только въ этой сказкѣ о Эрз-Тохоло, но также и въ дюрбютской обѣ Иринѣ-Сайнѣ ***). Акъ-сакаль по тюркски „старшина“, буквально „бѣлая борода“.

Стрѣлу Ханга (стр. 102) ср. съ стрѣлой *амы*, которой стрѣлялъ братъ Чингисъ-хана Хасарь (Юань-чао-ми-ши, 107).

Въ сказкѣ „Баянъ-хара“ мангатхай гонится за сыномъ царя Баянъ-хара; убѣгающій царевичъ обращается въ совья, мангатхай, гоняясь за нимъ, принимаетъ поочередно видъ семи бабъ хакша-хамаганъ, семи ястребовъ, семи рыбъ. Въ монгольскомъ Шиддикурѣ царевичъ спасается отъ семи волхвовъ въ видѣ рыбки и голубя; онъ прячется въ пещерѣ отшелыника Нагадзаны (Этн. Сборникъ, VI, Спб., 1864 г.; Этнogr. Обозр., кн. LIV стр. 15). Ср. также въ Thaten Bogda Gesser-chan's, S. 280.

Выборъ изъ трехъ дѣвицъ, которымъ начинается сказка о Бадма-ханѣ, находится въ монголотибетской сказкѣ обѣ Эр-

*) Очерки с. а. Монг., IV, 612 - 613.

**) Тант.-тиб. екраина Китая, II, 37.

***) Въ дюрбютской сказкѣ обѣ Иринѣ Сайнѣ царскій пастухъ Ахъ-Сахаль-адучи (Очерки с. а. Монг., IV, 438); въ халхасской о Дзалута-мергенѣ пастухъ Аксокылты (ibid, 507). Кроме того въ сойотской сказкѣ братъ богатыря Ертене-мергенѣ называется Атучи-Аксага-ашякъ, вариантъ Аксакаль-ашякъ (ibid 416). Въ калмыцкой повѣсти о Джангарѣ (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества, 1854, кн. 12. Джангарала, перев. Бобровникова) ханскій пастухъ Аксагалъ-Бадай.

дени-Хараликъ и въ сойотской обѣ Эрь-Сару *), но тутъ нѣтъ привоза диковинокъ; диковинки есть въ сказкѣ о Хэрэкъ-Кирвэсъ-Хэмэрэ-мергенѣ **), но въ этой опять нѣтъ выбора изъ трехъ невѣсть, хотя мать Хэрэка брошена въ степь, какъ и мать Ерь-Сару. Бурятская сказка отличается отъ русскихъ (По локоть руки въ золотѣ, по колѣно ноги въ серебрѣ) тѣмъ, что реабилитаторомъ матери является не подкидыши, мальчикъ съ улицы, подброшенный коварною женщиной, а собственный сынъ гонимой жевѣщины, котораго она догадалась заблаговременно припрятать.

Бадма бурятской сказки соотвѣтствуетъ царю Беде монголотибетской и Аролбай Эго-хану сойотской; женщина Намту-Харакшинъ ***)—матери Эрдени-Харалика монголотибетской сказки и матери Ерь-Сару сойотской.

Сынъ женщины Намту-харакшинъ добываетъ вѣчно-зеленую березу, на которой семьдесятъ разныхъ поющихъ птицъ, 2) свинью Хадарганъ, которая сама пашеть и сѣть хлѣбъ; люди хлѣбъ собираютъ и мелютъ на муку и 3) двухъ мальчиковъ, возлѣ которыхъ черная собака бѣгаєтъ вокругъ на цѣпи. Эти диковины очень похожи на тѣ, которыхъ называются въ русскихъ сказкахъ, а потому, пока не исчерпаны монголистами, собираителями фольклора, монгольские сюжеты, трудно отрицать русское вліяніе на эту сказку.

Въ русскихъ сказкахъ перечисляются такія диковинки: 1) мельница сама мелетъ, сама вѣтъ, на сто верстъ пыль мечеть; 2) золотой столбъ, на немъ висить золотая клѣтка, по столбу ходить ученый котъ; 3) золотая сосна, на которой поютъ райскія птицы †); въ другой: 1) золотой вѣнчикъ и 2) коровка, золотые рожки; въ третьей: 1) боровъ, изъ котораго сыпется бѣлояровая пшеница, двѣнадцать мельниковъ ее мелятъ, 2) котъ, который ходить вверхъ и внизъ по пни; въ четвертой: ворота, на которыхъ райскія птицы и быкъ, въ боку котораго ножъ ‡*); въ пятой: 1) кувшинъ о семи рожкахъ, изъ котораго пища не убываетъ, 2) зеленый садъ съ райскими птицами и 3) зеркальце, въ которое можно видѣть все, что гдѣ дѣлается ‡**).

*) Очерки сз. Монголії, IV, 341.

**) Ibidem, 600

***) Алтайское *харахачинъ*, „красавица“.

†) Афан., изд. 1897 г., № 159, var. d (т. II, стр. 194).

‡*) Записки Красн. Подъ отдѣла Геогр. Общ. по этнogr., т. I в. 1, стр. 26, 63 и 104.

‡**) Афан.. въ примѣч. къ № 160, стр. 200.

Въ бурятской сказкѣ выброшенныя дѣти женщины Намтухаракшинъ живутъ нагие въ желѣзномъ домѣ и выходятъ изъ него играть; они поднимаются на вершины двухъ отдельныхъ горъ и перебрасываются горами, какъ мячикомъ. Въ русскихъ сказкахъ они живутъ или на дубѣ въ дуплѣ, или въ полѣ подъ видомъ волковъ, и прибѣгаютъ къ дереву съ душищемъ поиграть, или въ медвѣжьей норѣ, или въ теремѣ, вокругъ котораго лежитъ змѣй кольцомъ. Выше было уже сказано, что такимъ же змѣемъ быть окруженнъ Вавилонъ, въ которомъ послы царя Алевуя нашли трехъ спящихъ отроковъ, и возлѣ нихъ рогъ съ лаваномъ, изъ котораго послы отпили. У Афанасьева (№ 155, вар. d) подкидыши, живущій съ изгнанной царицей, находитъ домъ на полянѣ, входитъ въ него и видитъ накрытый столъ, на столѣ просфоры и три бутылки вина; онъ отпилъ отъ нихъ и самъ спрятался (т. II, стр. 195). Эпическая потребность въ этомъ инцидентѣ состоять въ томъ, чтобы дать дѣтямъ возможность догадаться, что кто-то зашелъ въ домъ.

Во всѣхъ этихъ сказкахъ встрѣчается материнское молоко, какъ средство установить родство между матерью и разлученными дѣтьми; въ бурятской сказкѣ третій сынъ царицы приносить въ желѣзный домъ, гдѣ живутъ его братья, два калача изъ тѣста на материнскомъ молокѣ; въ пермской сказкѣ мать даетъ подкидышу три колобка, замѣшанныхъ на ея молокѣ*); въ енисейской и въ курганской сказкахъ три колобочка на материнскомъ молокѣ**). Въ романѣ Генриха Нейштадтскаго, въ которомъ А. Н. Беседовскій нашелъ слѣды славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, Аполлоній, отправляясь въ Вавилонъ, отъ какого-то Milgo'a получаетъ какой-то питательный корень, роль котораго не ясна. Не отголосокъ ли это колобковъ на материнскомъ молокѣ?

Рядомъ съ этими сказками стоитъ другая группа сказокъ о матери, разлученной со своими дѣтьми, но отличающихся тѣмъ, что утраченный матерью сынъ совершаеть рядъ превращеній; его убиваютъ, но онъ послѣдовательно превращается въ яблонь, дающую золотыя листья, въ ягненка съ золотою шерстью, въ кровать и пр. Афанасьевъ въ своихъ примѣчаніяхъ рассматриваетъ эти двѣ группы совмѣстно; обѣ

* Афан. въ примѣч. къ № 160, (т. II, стр. 200).

**) Зап. Красноярск. Подъотдѣлъ Геор. Общества по эта., т. I, в. I, стр. 26, 64 и 119.

группы начинаются сходно выборомъ изъ трехъ невѣстъ, обѣщаніемъ одной изъ нихъ родить необыкновеннааго съ золотыми членами мальчика, подмѣной новорожденнаго и т. д. Мать заточена или въ часовню или въ каменный столбъ, а сынъ ея спущенъ въ коробкѣ въ море, но случайно спасается; коварная женщина, погубившая его мать, старается погубить и его, но не можетъ; онъ возрождается подъ разными видами. Въ монгольскомъ преданіи это Эрдени-Хараликъ, о которомъ въ самой редакціи сказано, что это воплощеніе бога Аряя Бало.

Въ бѣскомъ варіантѣ дѣти живутъ въ норѣ медвѣдя; когда подкидыши уводить ихъ, медвѣдь за ними гонится. У Афанасьева дочь бабы-яги, на которой женился царевичъ,бросившій свою прежнюю жену въ море, выслушавъ разсказъ нищихъ странниковъ о видѣнныхъ ими диковинкахъ, всякий разъ говорить, что у ея матери т. е. у бабы-яги есть диковинки похожіе этихъ. Изъ этого варіанта можно заключить, что подкидыши и въ другихъ варіантахъ добывали диковинки изъ того же самаго дома или терема, гдѣ подъ конецъ онъ нашелъ своихъ трехъ братьевъ отроковъ, что это было жилище бабы-яги, что медвѣдь въ бѣской сказкѣ подставился на мѣсто бабы-яги; въ остальныхъ варіантахъ повидимому баба-яга забыта; можетъ быть разсказать былъ еще полнѣе; уводъ трехъ отроковъ не совершался такъ легко, какъ теперь разсказывается, и баба-яга гналась за подкидышемъ, на что намекаетъ разсказъ въ бѣской сказкѣ о томъ, что медвѣдь гнался за дѣтьми.

Г. Потанинъ.

Указатель собственныхъ именъ.

Сокращенія: бг. богатырь; бож. божество, г. гора, гор. городъ, дѣв. девица, ж. жена, зв. звѣзды, зи. змѣя, кн. князь, м. мѣстность, пред. предокъ, от. птица, св. святой, соб. собака, созв. созвѣздіе, ст. степь, стр. стрѣла, стр. л. стрѣлбный лукъ, ц. царь, ц.—ца царица, чуд. чудовище.

<p>Абай-Газэрь-Бодго-ханъ, бг. 1—10, 14
21, 25—40, 42, 256, 257, 260—264,
267, 269, 270.
Абарга, зм. 61, 268.
Абарга—мого, зм. 149, 184, 189.
Агу, ц. 123, 126, 127.
Аксакалда-Хара-Китадж, А.-Х.-Китаха, та-
бушицкъ, 110, 274.
Азарга см. Заря.
Ака-Чотонт, дядя Гасэра 269, 270.
Аксакаль-ашинъ, бг. 274.
Аксылды, пастухъ 274.
Акгэ-ханъ, ц. 267.
Алевий, ц. 256, 257, 276.
Алия-моргонь-хатанъ, жена Гасэра, 9—12,
14—20, 40, 41, 261.
Алтай, г. 5, 6, 16, 42, 46, 67, 81, 107, 123,
132, 187, 142, 152—156, 267.
Алтанж-Жоло-мургой, бг. 133—143, 151.
Алтанж-Шагай-моргонь, бг. 147—151.
Алтынъ-бэль, п. 258.
Амбины (альзины) 257.
Амирантъ, бг. 266, 267.
Ами-Сахидакъ, старший братъ Гасэра,
36—38.
Анга-Уланъ, г. 68.
Ангакай-мбрбай, бг. 167—174.
Аягирь-Шара, чуд. 68.
Анзанъ см. Эрхэ-А.
Ань-Долманъ, чуд. 271.
Аракай-Саганъ-тэнгэри 40, 41.
Аполлонъ 265, 276.
Айоллонъ, воръ 265.
Аргаланъ-зонъ, царь звѣрей 184, 185,
189.
Аролбай Эго-ханъ ц. 258, 259.
Арья-Бало, бож. 277.
Ата-Уданъ-тэнгэри, духъ 40.
Аха-занданъ-модонъ, дерево 189.
Ахт-Сахаль-адучч, пастухъ 274.
Аштура-Шара-мангатхай, чуд. 48, 49, 53—57,
60—65, 269—271.</p> | <p>Балма, ц. 152—159, 161—163, 165, 166.
Балдакъ-Борисьевич 264.
Балынь-Саяга, воръ 263.
Барма 261—264, 266.
Барма-Кутермы 262.
Барса-Кильмэсъ, п. 260.
Баханъ-ханъ, ц. лягушекъ 175.
Бахарь, соб. 80.
Бахарь, котъ 264.
Баянъ-Хара, п. 122—132, 141—143, 151.
Беде, ц. 275.
Берилль, бг. 266
Бомбокъ, отецъ богатыря, 8, 28, 38.
Боноенъ, прец. 259.
Бордо, Борлокта, сабля 82, 92.
Боржинъ-Шумаръ, бг. 31, 32.
Бохакъ, 265.
Буда, колчавъ 82, 88.
Буда Уланъ-батарь бг. 8, 28, 38.
Булагатъ, пред. 259.
Бурза Воловичъ, бг. 273.
Буркаль-Халама 271.
Буркакъ-Бала-тэнгэри, духъ 40.
Буха-ноенъ, прец. 267.
Бухара, стр. л. 32, 82, 85, 88, 102, 117,
125, 129.
Барэдъ см. Ганга-Б.
Вавилонъ, гор. 257, 261, 265, 275.
Василий, ц. 256, 261.
Владимиръ, кн. 264, 271.
Галь-Дблмбъ-ханъ, чуд. 20, 24—38, 40,
257, 258, 260, 268, 273.
Ганга-Бэрэль-ханъ, ц. 20—22, 24, 25, 268.
Гокче см. Иръ-Г.
Гокчу см. Еръ-Г.
Горбай см. Мавзанъ-Г.
Гунь-Сава (Савва Рагузинскій), русскій са-
новникъ 186.
Гурбаатъ-Монгото-ула, г. 186; см. Монгото.
Гурбаатъ-Хоягоръ-хобудъ 40, 41.
Гасэръ, см. Абай-Г.</p> |
|--|---|

Дабагаръ-шара-мангатхай, чуд. 91, 93, 94.
 Дарда-Шара-мангатхай, чуд. 128—130.
 Джоро (Гэсэр) 263.
 Даэмо, жена Гэсэра 261.
 Долианъ см. Акъ-Д.
 Долмо см. Галь-Д.
 Дунай, бг. 260.

Енхэба, сестра Лобсоголдоя 1—4, 11—14, 17, 18, 268.

Ерлинь, ц. ада 255.
 Ерусланъ Лазаревич бг. 172.
 Ери Гокку, пред. 278.

Жаргаланъ см. Томонъ-Ж.

Желтый-мангатхай см. Съ-рогами-ж.-и.

Жилбенъ-тэвэргэри, духъ 40.

Жоло-моргонъ см. Алтанъ-ж.-и.

Занданъ см. Аха-а, Заханъ-з.

Заря-Азирга (вж.) 188, 269.

Заса-Шахуръ, дядя Гэсэра 27, 28.

Заханъ-занданъ-идонъ, дерево 189, 190.

Залай-шара-худоръ, книга 89.

Зото-ноенъ, дядя Гэсэра 269, 270.

Зэрэнъ, г. 37.

Иванъ, кн.-бг. 272.

Иванъ-царевич 272.

Илья Муромецъ, бг. 271.

Ирга, бг. 18, 14.

Ириза, дѣв. 264.

Ирина-Сайя, бг. 271, 274.

Ирина-Шайинъ, бг. 270.

Ирь-Гокче, пред. 278.

Ирь-Тушлюкъ, бг. 260, 271, 272.

Канкере, пт. 270, 271.

Канкыры, пт. 271.

Капракъ, ц. 272.

Касьянь, св. 267, 274.

Кирзесь см. Хэрэктъ.

Китайдъ, Китаха см. Аксагалда-Х.-К.

Климка, воръ 273.

Когутей, бг. 278.

Кокочу, бг. 273.

Колду-бурханъ, бож. 271.

Ковдуря, дѣв. 272.

Короста 258.

Кугутей, бг. 278.

Кутерма см. Баржа.

Ланларма, ц. 267.

Лабу-Баянъ 268

Лхосоголдо-хара-мангатхай, чуд. 1—13,

15, 18—20, 257, 269, 266—268.

Лобъ-хара, конь 1, 3, 7, 18, 266.

Лохоръ-Тайжи-мангатхай, 91—93.

Лотаръ см. Таншиль.

Маланъ см. Эсэга-М.

Манганъ, море 122, 126.

Манзанъ, стр. л. 23.

Мансанъ-Гормо, бабушка Гэсэра, живущая на небѣ. 8, 9, 28, 36, 41, 135, 256, 257.

Маса-Боддо-ханъ, ц. 189

Мешить, сов. 116.

Мишиль, сов. 253.

Млечный путь. 4.

Могонъ-ханъ, ц. эмъя 174.

Монгънъ-Шагай-моргонъ, бг. 149, 150.

Монгото-ула, г. 79, 84, 89, 91, 115, 116, 122, 126, 184, 189, 146, 186; см. Гурбанъ-М.-у.

Моргонъ-Теголторъ, 41, 42.

Моронъ, г. 37.

Моръ-моргонъ, бг. 85—87.

Музайк см. Тюрюнъ.

Навуходонесоръ, ц. 256, 257, 259.

Нагадзана, отшельникъ 274.

Найжинъ, падъ 2, 8, 21—23, 29.

Намту-харакшинь, ц.—ца 152—158, 160—166, 275, 276.

Наранъ-Гэралтэ-ханъ, ц. 42.

Наринъ-Зала-абахай, дѣв. 189, 141, 142, 144, 145, 147, 148.

Наринъ-Шара, Наринъ-Шарать, ц. 80, 84, 105, 106.

Нархиши-бохо, бг. 168, 171, 174.

Нерь-Эддинъ-хаджа, 266.

Никола-бурханъ св. 186, 187.

Носарь, бг. 266.

Оботовъ, 185, 186.

Обого-ханъ, ц. 193.

Обортой-шара-мангатхай, чуд. 118—120, 273, 274.

Онбай, сынъ Обогона 185.

Онхотовъ, сынъ Обогона 185.

Орионъ, сов. 273.

Орорши-моргонъ, бг. 181, 182.

Оро-Хэнэз, богатырь 113—122.

Охинъ-батарь, бг. 193.

Охинъ-тэнгэри, дѣв. 192, 193.

Охинъ-ханъ, ц. 193.

Пледы, сов. 116, 135, 253, 268, 270.

Полярная зв. 268.

Пійгъ лошакъ, царь ломашнихъ животныхъ 189.

Рамзинитово сокровище 263.

Райланъ, бг. 273.

Ромо-гоа, ж. Гасара 264.

Сарагаль-ноёнъ, дядя Гэсэра, 14, 15, 268, 278.

Сарагаль-ноёнъ, дядя Ута-Саганъ-батара 43—45, 47, 48, 269.

Сару-сом. Эрь-С.

- Сахаль см. Ахъ-С.
 Саидань-сагань-ула, г. 18.
 Сеяка Малый, воръ 268.
 Солбань-изргань, бг. 267.
 Соловей Райбоникъ 271.
 Соломонъ ц. 259.
 Соржи-лама, бож. 189, 146, 147.
 Сотонъ см. Хара-Сотонъ.
 Съ-рогами-Желтый-мангатхай, чуд. 214—
 151.
 Сэмбарь-ула, г. 189.
 Сасань-Угань, монгольский самовнникъ 186.
- Т**аинь-Терыхе, шаманъ 267.
 Такшаланги, и. 120
 Такшинь-Локорь-мангатхай, чуд. 120, 121.
 Тамшинъ, ст. 91.
 Тамшинь-Шара, ст. 108.
 Тарали-бураханъ, бож. 116.
 Тоглонь, дѣло Обогона 185.
 Тогошиевы цари 21.
 Томонь-Жаргалань, ж. Абай-Гесэра, 8.
 Томо-Улань, ц. 147, 159, 160, 162.
 Туцлюкъ см. Иръ-Т.
 Тюмась-тэнгэр см. Хань-Т.-т.
 Тюрионь-Музыкай, бг. 271.
- Ү**биртыхъ-Хормоздъ, чул. 278.
 Ўгитэ сагань-обехонъ, трава 189.
 Ула, г. 84.
 Улань см. Буда-У.
 Улу-тоань, бож. 266.
 Урма-Гохонь-хатань, ж. Гесэра 2—8, 12,
 15, 20, 25.
 Урма-Гохонь хатань, ж. Ута-Сагань-батара
 42, 46, 66—68.
 Урма-Гохонь, ж. царя Баянъ-хара 123,
 126, 127, 132—134, 138, 142, 151, 269.
 Ута-Сагань-батарь, бг. 42—77, 79, 268, 270.
 Ухарь-Боксо, ц. 181.
- Х**адара-Гохонь-абаха, дѣв. 42.
 Хадаргантъ, свиня 161—168, 166, 274.
 Хакша-хамагань, женщ. 99, 100.
 Халама см. Буркань-Х.
 Ханга, стр. 102, 274.
 Ханъ-Боргой-тэнгари 42.
 Ханъ-Гариле, ит. 271.
 Ханъ-Гужиръ, бг. 278.
 Ханъ-Гурма-хатань, женщ. 42.
 Ханъ-Тюмась-тэнгэръ, бож. 4, 8—10,
 36, 40, 42, 135, 266.
 Ханъ-Хухый, г. 267.
 Ханъ-Хухэй, г. 42.
 Ханъ-Хэрэгэ-шубунъ, ит. 50—52, 60, 61,
 190, 268, 270.
 Хара-Зото, дѣло Гесэра 269.
 Хара-Киталь см. Аксагалда-Х. К.
 Хара-Китаха см. Аксагалда-Х. К.
 Хара-Мангтесь, чуд. 271.
- Хара-Сотовъ, дядя Ута-Сагань-батара 43—
 47, 65—67, 95—98, 269, 278.
 Хасарь, братъ Чингись-хаза 274.
 Хатань, падъ 2, 3, 7, 9, 18, 14, 21—25, 29.
 Хахартъ, соб. 80.
 Хашилакт-ула (Хашалыкъ-ула) г. 80, 84.
 Хэлбайын бурханъ, бож. 116.
 Хогой, сынъ Обогона 185.
 Хонинь-хотонъ, жѣст. 1, 8, 11, 18, 20,
 21, 24.
 Хонъ, воровъ 13, 14.
 Хормоздъ см. Убартыхъ.
 Хортго шара-мангатхай, чуд. 91, 93, 94.
 Хоко, три сестры Гесэра 9, 10, 36.
 Хоко, Хохой, г. 5, 6, 42, 46, 67, 81, 107,
 123, 132, 137, 142, 152—156, 267.
 Хоко-Монголь, небо 89.
 Хокхос-моргонь, бг. 89, 91—95, 97, 99—
 102, 106—109, 118, 118—120, 122,
 272, 278.
 Хоходе, бг. 273.
 Хултаса, чуд. 107—109, 111—114, 118, 274.
 Хухудай, бг. 273.
 Хүхэлзэнъ, имя вѣтра 191.
 Хэмэрэ см. Хэрэнь.
 Хөнжэ см. Оро-Х.
 Хэрэгэ см. Хань-Х.
 Хэрэнь-Кирээз-Хэмэрэ мергенъ, бг. 259,
 275.
 Хэретуй, падъ 11, 13, 14, 17.

Цазаль-куйрукъ, конь 272.
 Цолмонь, ав. 271.
 Цороюсь, пред. 259.

Чингись-ханъ, ц. 181, 182, 183—185,
 259, 265.
 Чоготъ см. Ака-Ч.
 Чурило, бг. 266.

Шагай см. Алтань-Ш. и Монгонь-Ш.
 Шажагатынъ, и. 1.
 Шажинь-Номонь-ханъ, ц. 71, 72, 89—91,
 94, 95, 98, 99.
 Шава, и. 122.
 Шарабали гурбанъ хобудъ, 41.
 Шара дала, море 175.
 Шаралду-Гохонь-абаха, дочь царя 89, 91,
 99, 101, 102, 106, 107, 110, 114.
 Шараиль-гурбанъ-тэнгэръ 40, 41.
 Шара-Сесэль, дѣв. 72—76, 81, 84, 105—
 107, 110, 113, 114.
 Шабэгэни, Шабэгэни-бурханъ, бож. 4—7,
 15, 266.
 Шадургу, п. 269.
 Шивгэсъ (Чингись) 259.
 Шихурт см. Заса-Ш.
 Ширга, бг. 13, 14.
 Шодоро-моргонь-батартъ, бг. 21—25.
 Шонхиоли божо, бг. 167—171, 174.
 Шумаръ см. Боржинь-Ш., Эржинь-Ш..

Э го см. Аролбай.	Эсэгэ-малань-тэнгэри, бож. 115, 116.
Элтэсэ, чуд. 107—109, 111—114, 118, 274.	Эхэ юрань-тэнгэри, бож. женск. п., 115.
Энэ-хара, женщ. 113, 114, 117, 118, 181, 189—141, 274.	Ю рань см. Эхэ-ю.
Эрденин-Харалыкт, бг. 274, 275, 277.	Ө водуль, эмъи 272.
Эржинч-Шумаръ-батарь, бг. 8, 28, 31—34.	‘aBridgmo , ж. Гэсэра 261.
Эрленч-хань, ц. мертвыхъ 198.	D zembo, ж. Гэсэра 261.
Эрхэ-Анзань-батарь, бг. 23, 24.	M ilgot 276.
Эрь-Сару, бг. 275.	
Эра-Тохоло моргонь, бг. 79—109, 113, 118—120, 122, 272.	

Предметный указатель.

- А**да, духъ 201, 208, 243.
Ала-хулгана, мышь 201.
Алтаргана, птичка 41.
Амбаръ 39; желѣзный 151, 257.
Аргалъ (казацк.), въ который обращается
человѣкъ 116.
Алтайнъ тургалдай (солоевъ) 125.
Арза-хордо, вино 98.
Арканъ (бугуля) 231.
Атаха-хулгана, мышь 201.
- Б**аба 131, 134, 140.
Бабка, въ которую обращены конь 96.
Бараанъ 21, 72, 75, 95, 127, 132.
Баранъ 47, 183.
Барсъ 269.
Береза 146, 197; вѣчнозеленѣющая 159—
161, 163, 166, 275.
Бересовая лопата 18, 38, 58, 94, 118, 118,
121, 130, 141, 151, 178; б. лучинка 246.
Береста 141, 151.
Близнецъ 99, 144, 145.
Боги небесные 158.
Бодонъ, перепель 56.
Болдокто, болдоктынъ, бугоръ 56, 59.
Болото 70; непроходимое 49, 99.
Боржы, серебро 79; боржы—серебряный
порогъ 25.
Борода 171.
Бокалъ 238.
Бочка 44, 45, 66, 95, 96, 98, 185; желѣз-
ная 54; б. желѣзная, брошенная въ море
158.
Боярьдникъ 217, 233, 245.
Бугуля (арканъ) 231.
Бумага (письмо) 142.
Бугоръ 58, 54, 56, 59, 271.
Булава 267.
Бурханъ 4, 15.
Бурый см. темноб.
Буха-шубунъ, птица 211.
Быкъ 253, 257.
Бычья кожа 158.
Бѣлка 188.
Бѣлокостная собака 43, 56; б. столъ
43, 56.
Бѣлокрасный порогъ 64.
Бѣлоротый конь 42, 46, 47, 58, 62—65.
- Бѣлосеребряная повозка (коляска) 14, 75,
78, 95, 98; бѣлосеребряный дверецъ 25,
47, 67, 69, 79, 90, 97, 107; б. зайчикъ
43, 56; храмъ 42, 56.
Бѣлосоловой конь 27.
Бѣлая змѣя 214; корова 71; свадьба 26;
средняя голова 94.
Бѣлое просо 141; пшено на лбу 225.
Бѣлый глазъ 20, 21, 24, 25, 37, 119; за-
иль 245; иноходецъ 14, 75, 127; камень
56, 59, 174, 271; конь 42, 46, 47, 59,
60—65, 96; сѣть 190; тэнгэринъ 135;
ягненокъ 225.
- В**ерблюдъ 147, 233.
Вино 27, 182, 183, 185, 225, 257, 247.
Вихрь 232, 238; вихрь отъ Ѣзы 117.
Вода 192, 226, 255; живая 43, 56.
Волкъ 198, 200, 276, 253.
Волосъ 223, 226—228, 264; волосъ зол-
шабный 49.
Волшебство 59.
Вонючее озеро 59.
Ворона 166, 176, 177.
Воронъ 176, 208; черный 13, 119, 142.
Ворота 29, 80, 131, 134, 141, 259, 275.
Воротничъ 220.
Воръ 183, 224, 262, 263, 264.
Восемь карихъ иноходцевъ 95, 98, 106;
жѣланіе 26; ногъ у коня 194; частей,
на которыхъ разрублено тѣло 34, 35.
Восеньдесять пудовъ 54; сажень 56, (яма)
67.
Восемьдесять восемь кошъ 139.
Воскресеніе 113.
Восточное небо 121.
Восточные тэнгэринъ 121, 225.
Втягивающій ротъ чудовища 17, 20, 113,
118, 150.
Вѣки висящія 131, 140, 274.
Вѣнникъ золотой 275.
Вѣтеръ 98, 99, 191.
- Г**алка черная 209.
Глазъ 118, 232; единственный 243; на те-
меніи 20, 21, 24, 25, 37, 60; средний
бѣлый 119, 268, 273.
Гнѣдой (темно-гв.) 16.

- Гибадо ласточки 210; удода 209; птицы
Хань-Хэрэгэдэ 50, 270.
Голь 253.
Голова богатыря, вадътая на копье 32;
вимъя 50; средняя 129.
Гора 24, 37, 54, 68, 79, 80, 84, 87, 91,
115, 122, 126, 128, 134, 139, 146, 186,
189, 267; восточная 8; высокая 18, 28,
29, 80, 104, 105; западная 8; красная,
сторона 55, 92, 129, 140; четырехугольная
49; серебряная 23; с. винтообразная 15;
игра горами ви. маца 164; три горы 19.
Горноруда 23, 47, 148, 188.
Гость 197, 217, 236.
Градъ 59.
Гробъ деревянный 68, золотой 68, сереб-
ряный 68.
Громъ 191.
Груди висящі 274.
Груль золотая 99, 158—157.
Гусь 211.
Два батара Гесера 28—30, 6. Долмо-
хаз 80; близнецъ 99—101, 144, 145;
ворова 13; калача 164; нарядъ мальчика
168—165.
Двадцать пять головъ 91.
Двадцать семь илья боярышника 217.
Двадцать три батара 83, 87; волшебства
96; когда у троихъ 80; превращенія 114,
121, 122.
Дверь 25, 219; неба 190.
Двойники 222, 229.
Дворецъ 42, 105, 148, 158, 166; блесте-
ребряный 69, 79, 90, 97, 105, 107; бѣ-
лы 122, 152; желтый 1, 13, 163,
164; мѣдный 139, 140; серебряный 88.
Дѣтъ головы 91; собаки 181, 184, 141.
Дѣвнадцать штанекъ 271; зердни 182.
Девяносто девять подставокъ лука 23, 24,
126.
Девяносто три 39.
Девятъ гибель 266; годовъ 4; головъ 270;
дней 119, 182; дочерей 188; западныхъ
житовъ 188; илья боярышника 217; клю-
чевъ 141, 151; лѣтъ 266; мѣсяцевъ 35,
55, 108, 112, 119, 129; онгоновъ 188;
суковъ 266; сутокъ 34, 35, 55, 72, 92,
93, 95, 109, 127, 129, 140; сыновей
188, сыновей иттии Хань-Хэрэгэдэ 50,
52, 270; таегъ 141, 151; тэнгэриновъ 40;
яицъ 52.
Дерево 50, 171, 175, 189, 217, 218, 259,
271, 276.
Доревянный амбаръ 39.
Десять головъ 68; (вишняхъ) подваловъ 27.
Дно неба 8.
Донжъ 59.
Доля (зажжанный камень) 142.
Доля 285, 286.
- Домъ 219, 220, 239, 255; желтый 58,
260, 276.
Драконъ 253.
Доспѣхъ 46.
Дубъ 276.
Дуало 276.
Духаринъ (сосудъ?) 27.
Духъ 197, 203, 208, 220—222, 230—232,
238, 240, 244—248, 245, 246.
Душа 56, 89, 230—232, 238, 246.
Дымъ изъ ноздрей 47, 54; изъ стрѣлъ 86.
Дѣница 57.
Дѣвичье царство 192, 193.
Дѣти 228, 229.
- Е**жъ 188, 269.
- Ж**арь 172, 173.
Желтогнѣдой жеребчикъ 44, 45, 47.
Желтая кынта 89; лисица 142; оса 11,
139; собака 245; степь 56, 108.
Желтый волосъ 49; вѣтъ 61; кликъ 20;
конь 128; лукъ 28, 31, 82, 85, 86, 88,
102, 117, 125, 129, 136; туманъ 50,
176; щенокъ 159, 160—163.
Желтое море 50, 51, 91, 103, 104, 175,
176; озеро 56, 59; писаніе 5, 15, 36, 128.
Жель 100, 112, 113.
Желѣзновороной конь 123, 127, 134.
Желѣзная бочка 54, 158; коляска 75; лѣ-
стница 121, 122; цѣль 62, 122.
Желѣзный амбаръ 39, 151, 257; дворецъ
1, 13, 151, 163, 164; домъ 53, 260,
276; доспѣхъ 46; молотъ 1, 19; мостъ
43, неподвижъ 7; треногъ 7.
Жеребенокъ 177.
Жеребецъ темнобурый 144.
Жеребчикъ 44.
Жизвая вода 43, 56.
Жизнь между лопatkами (уявляемое мѣсто)
181.
Жилетъ, вытканный безъ шва, становится
темнѣе, когда греется опасность 28.
Жимёги, дерево 82.
Журавль 211.
- З**айчикъ 43, 56.
Заяцъ 56, 60, 148, 188, 253, 271.
Заяши 228, 231, 233—235.
Звѣзда 268; золотая 50, 51, 268.
Зеркальце 275.
Зерна хлѣбныя 219.
Зѣтъ 50—52, 148, 149, 174, 253, 255,
257, 258, 260, 276; желтый 61; желто-
пестрый 269.
Змѣя 172, 212—215; блѣдая 214, 215;
крылатая 214; огненная 214.
Зола 38.
Золотисто желтый волосъ 49.
Золотисто соловой конь 63, 186, 187.

Золото 64, 245.
 Золотогрудая сорока 56—58, 271.
 Золотогрудый мальчикъ 258, 260.
 Золоторукий мальчикъ 258, 260.
 Золотосеребряная коновязь 25, 29.
 Золотан бабка 96; верхняя половина тѣла 182; грудь 99, 153—157, 257; автаза 50, 51; кѣтка 275; сосна 275; труба 81.
 Золотое кольцо 57, 90; перо 147, 149, 250.
 Золотой барабанъ 21, 72, 75, 95, 127; вѣнникъ 275; гробъ 68; кнутъ 52; крестъ 175; серпъ 187; столбъ 275; тронъ 30, 46, 71; ящикъ 41.
 Золотые рожки 275.
 Зубъ 237, 228.
 Зулмадханъ, кожа, сброшенная во время линьки 213, 225.

Изюбрь 83, 88; изюбря шктура 140.
 Игра рыбы 55.
 Иноходецъ 7, 11, 65, 66, 75, 95, 98, 106, 127.
 Искра 197, 205, 246; изъ стрѣлы 86.

Калачъ на материнскомъ молокѣ 164.
 Каменный человѣкъ 18, 19, 267.
 Камень 42, 48, 54, 56, 59, 80, 95; к. бѣлый 174, 271; жаркий 208; черный 245, 246; подставной въ очагѣ 142; удерживающій воды 255; положенный подъ колонну 256, величиною съ быка 171.
 Карапъ иноходецъ 65, 66, 95, 98, 106.
 Кедръ, растущій на крестѣ коня 47.
 Китайцы 245.

Кладъ 244, 245.
 Клыкъ 20, 21, 24, 25.
 Клювъ 210, 211.
 Ключи, текущіе по ногѣ коня 47.
 Клатва 217.

Книга 89; книга Творца 56.
 Кнутъ 52.
 Кобылка бѣлая 68, 115; соловая 166.
 Конь бычы 158, 186; сброшенная юмѣй 213; человѣческая 221, 225.
 Коза 228, 259.

Козелъ 47.
 Козулеакъ 188. Козуля 234.
 Колодезь 270.
 Колчанъ, 82, 88, 98, 105, 126.
 Колыцо 57, 90; кольцомъ облегающая юмѣй 214.
 Конь желѣзныи на тѣлѣ 120, 121.
 Кониска 65, 66, 75, 78, 95, 98, 106, 127.
 Коновязь 5, 6, 10, 25, 29, 45—47, 68, 71, 81, 89, 97, 99, 105, 124, 126, 137, 152, 165.
 Конь 1, 6, 10, 57, 58, 63, 80, 88, 177, 266, 271; бѣлосоловой 27; бѣлыи 42, 46, 47, 49, 58, 59, 61—65; воссившій 194, 196; желтый 128; желѣзновороной 128, 126, 127, 181; златогривый 264; золо-

тистосоловой 136; крылатый 204; рыжий 10, 16; синій 81, 96, 97, 101, 104, 153; темноголовой 16; чалый 98, 99; чубарый 21, 22, 28, 118, 120; хулакъ 224; спущенный съ неба 116, 117, 186.

Копыто 183.
 Копье 118, черное 17, 18, 32, 150.
 Корзина, опущенная въ рѣку съ младенцемъ 181.

Корова 70, 222, 226.
 Коршуль 209.

Корыто 148.

Костеръ 88, 89; костеръ, на которомъ сжигается тѣло 88, 39, 58, 94, 96, 113, 118, 119, 121, 180, 141, 151, 173, 257, 260; разложенный на шеѣ коня 47.

Кости 18, 3, 58, 94, 113, 118, 121, 180, 151, 173; кости людей и лошадей 104, 118.

Кость рыбы 80.

Котель 183, 184, 214.

Котъ 275; когъ бахары 264.

Комаръ 230, 232.

Крабица 256.

Красная гора 56; лиственница 166.
 Красный порогъ 143, 144, 150; саѣтъ 190.

Крестъ 175, 176, 246.

Кровь волка 199.

Кровяной бугоръ 53, 54.

Кружокъ 107.

Кружокъ, какъ знакъ для почдега 127, 132.

Кувшинъ 275.

Кувнецъ 39; небесный 116.

Курица 253.

Кустарникъ 172, 173.

Лава огненная, текущая по ногѣ коня 47.
 Ласточка, птица 210.

Лебедь 211.

Левъ 47, 61, 62, 80, 258.

Линяль кожа 213, 225.

Лисица 142, 148, 198.

Лиственница 166, 167.

Листья драгоценные 191, 212,

Лодка 192.

Лончакъ 189.

Лопата 18, 88, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 141, 151, 173.

Лопатка (ворожба на лопатѣ) 203.

Луковицъ 71, 77.

Луки стрѣльбный 18, 23, 31, 32, 85, 86,

88, 102, 105, 117, 125, 129, 136.

Луна 158, 187, 188.

Лусудукъ 6.

Лучъ солнечный 181, 258.

Лѣстница на небо 121, 256, 257.

Лѣсье непроходимый 102.

Лѣдоѣдъ 244.

Люлька лѣтская 220.

Лягушка 70, 73, 77, 215.

- М**альчик 163—165.
Мангатхай (чудовище) 1, 48, 53, 68, 90—92, 94, 108, 111—113, 118—121, 128, 143, 172, 173, 274.
Мангатхайка (чудовище женск. пола) 118, 114, 140.
Масло 247.
Масляный бугоръ 53, 54.
Материнское молоко 164, 165.
Медведь 47, 80, 148, 197, 198.
Мельница 220, 275.
Мерцание воды 188.
Мечь 255, 256, 261.
Мизгирия (паукъ) 148.
Мозиевецъ 87.
Младенецъ съ золотыми руками 260,
Могила 239.
Мозгъ 183, 184.
Молоко 110, 114, 145, 177, 210, 212, 223, 224, 226; материнское 164, 165.
Молотъ 128, 267; желѣзный 1, 19, 121.
Монета золотая, въ которую обращены
кошь 139; серебряная 246.
Море 42, 50, 51, 78, 79, 84, 91, 103, 104, 122, 126, 146, 258; желтое 175, 176, 271; синее 148, 149; черное 125, 158, 161, 163—165; южное 159.
Морось 59.
Мостъ 48; черный желѣзный 65.
Муравей 216.
Мутовка кумысная 265.
Муха 159—161, 163, 172.
Му-шубунъ, птица 204—207.
Мышь 160, 177, 200, 201, 253; бѣлая 201.
Мъдійский дворецъ 189, 140.
Мясо 226; бѣлой анти 215; восьминогаго
кося 196.
Наконечникъ стрѣлы 88, 89.
Небо 4, 8, 187, 188, 190; восточное 121;
 западное 8, 9, 28.
Ноги анти 214; и. лодки 220.
Ногти 226.
Ножницы 183, 184.
Ножницы—рыбка 64, 65.
Ножъ 183, 230, 236, 243.
Нора медвѣдя 276.
Облава 200.
Обрядъ свадебный 21.
Овна 258.
Огниво 206, 207, 230.
Огонь 172, 183, 192, 196, 247, 249, 252;
 огонь изъ полы копытъ 81; огонь по-
 койниковъ 240, 241, 246; хозяинъ огня
 (духъ) 180.
Озеро 43, 56, 59, 258, 259.
Опухоль, изъ которой родится лягушка 79.
Орѣхи 219.
Оса желтая 11, 139.
Осель 7, 13, 257.
Осина 18, 38, 58, 94, 113, 118, 121, 130, 142, 151, 178.
Островъ 158, 163.
Отрава 44, 48, 98.
Охотникъ 174.
Очагъ 67, 68, 142, 146, 147, 196, 198, 216.
Пелещь большой 87; указательный 87.
Парь 188.
Пашть разинутая 150.
Пахота 8, 9.
Паукъ (мизгирия) 148.
Пеленка 249.
Пень 275.
Пепель 18, 38, 58, 94, 173, 196, 197.
Перепель 56, 271.
Перо золотое 147, 149, 150; перо птицы
Хакъ-Харэгдэ 60, 61.
Печень 244.
Печь огненная 257.
Писанье желтое священное 5, 15, 86, 80, 107, 123, 158.
Письмо (бумага) 142, 149.
Пламя изъ зубовъ кося 81.
Платокъ 77.
Пласка 76.
Подземный міръ (нижняя обитаемая земля)
 148, 172.
Поклонникъ 236, 237, 239, 240.
Порозъ 64; красный 148, 144, 146, 150.
Послѣдъ 228, 229, 245, 247.
Посохъ 255.
Поясъ 213.
Птица 204, 259, 271; пт. му-шубунъ 204—
 207; птичка 182.
Пчела 216.
Пырей черный 128, 142.
Пытій лончакъ 189.
Пятно (тавро) 224.
Пятно ролимое 237.
Пять авѣрей 188.
Пятьдесят пять тэнгэриковъ 4, 36, 115—
 185.
Просо 141.
Шѣба въ морѣ 149.
Разсѣть 191.
Разстани трехъ дорогъ 66, 209.
Разсѣченіе пополамъ 181.
Ребенокъ 226, 228, 229, 246, 249.
Рога 118, 143, 151; лузы 191.
Рогъ (посуда) 257, 259.
Рожокъ музыкальный 265.
Ротъ чудовища, втягивающій въ себя живыхъ 17, 20.
Рукавица 220, 221.
Рукавъ соболій 145.
Румянецъ щеки 183, 184.
Ручей 172, 178.

- Рыба 64, 65, 215.
 Рыжий камень 42, 48, 117; (красно-) р. ка-
 мень 99; р. конь, 10, 16.
 Рыка 261.
- Сабля 34, 38, 92, 256, 261; серебряная
 17, 119.
- Садъ 275.
- Саламатъ 247
- Свадебный обрядъ 21, 192.
- Свадьба 26, 288.
- Свинья, 161—163, 166, 253, 275.
- Семь бабъ хакша 146. 274; волковъ 274;
 дней 59, 178; пудовъ булава 267; рож-
 ковъ у кувшинъ 275; рыбъ 274; сыно-
 вей 185; тальменъ 146; чашъ 257; че-
 ловѣкъ, бьющихъ булавой 267; астрап-
 бовъ 146, 274.
- Семьдесятъ десятинъ 9; кобыль соловыхъ
 166; листевницъ красныхъ 166; нако-
 ничниковъ стрѣль 124, 138; птачъ 47,
 160, 161, 275; рыбокъ 146; сутокъ не-
 настя 188; языковъ 176, 178, 215; кор-
 ней ядовитыхъ 95.
- Семьдесятъ пять головъ 91, 128.
- Семьдесятъ три 39
- Сердниковая крабица 256.
- Сердце 17.
- Серебро 64, 245; расплавленное бѣлое 146.
- Серебряная гора 15; задница 158—155;
 коновязъ 5, 6, 10, 16, 29, 46, 47, 68,
 71, 82, 88, 97, 99, 105, 137, 152, 165;
 колиска 106, 127; лодка 192; мозгъ 14;
 повозка 14; сабля 17; нижняя часть гѣ-
 ла 132.
- Серебряный барабанъ 21, 72, 75, 95, 127,
 182; дворецъ 88; ваянъ 56, 60; кнутъ
 52; крестъ 176; тронъ 80, 126.
- Серпъ 187.
- Сивострій конь 88, 108—105.
- Сивый конь 80, 81, 88, 96, 97, 101, 158.
- Синее морѣ 79, 84, 91.
- Сияніе сѣверное 191.
- Скотъ 222, 223.
- Скряпка (хуръ) 220.
- Слѣдъ 148, 188; сл. къ ямѣ 171.
- Слѣпота 64, 65.
- Слѣпой 182, 183; сл. скотъ 223.
- Слюна 183.
- Смерть 288.
- Смѣтана 210, 212.
- Смѣхъ ребенка во снѣ 228.
- Сновидѣніе 238.
- Сиѣги 59.
- Собака 43, 56, 71, 80, 131, 134, 179, 183,
 202, 229, 253, с. черная 163—166, 202,
 274, с. Ерликъ-хана 198, собачье пар-
 ство 193—195.
- Соколь 181, 184.
- Солнечный лучъ 181, 258.
- Солнце 187, 188.
- Соловей 125, 139, 146, 147, 274.
- Соловая кобыла 166.
- Соловой жеребенокъ 177, 245, конь 136.
- Сорока 56—58, 86, 87, 119, 125, 139,
 166, 176, 177, 209, 271.
- Сорокодневное разстояніе 56, 58, 271.
- Сорокъ десятины 9, пудовъ 1, 19, 128.
- Сорокъ пять пудовъ 121.
- Сорокъ три года 67
- Сорокъ четыра тантараха 121.
- Сосна 167, 275.
- Средняя бѣлая голова (уязвимая) 94.
- Старикъ 182, старикъ ростомъ съ четверть-
 168—170, 171.
- Старуха 247, 250.
- Степь 56, 91, 92, 108.
- Столб деревянный, къ которому пригвож-
 денъ человѣкъ 66, 270, золотой 274;
- каменный 277, подпирающій вѣкъ 181,
 140, столбъ изъ юртъ 252.
- Сто тысячъ глазъ 20, 21, 24, 25, 37.
- Стрѣла 18, 37, 38, 51, 54, 85, 86, 102,
 125, 129, 182, 249, 251, 260, 274, не-
 частная 41, черная 28, 31, 32, 85, чу-
 гунносеребряная 128.
- Ступка 180.
- Сугланъ богоявъ 158.
- Судъ 247.
- Сурокъ 199.
- Сѣверное сіяніе 191.
- Сѣверозападное дно неба 9.
- Сѣверозападный камень въ очагѣ 142, с.
 з. угол дворца 140.
- Сѣдина 226.
- Сѣрая гора 55.
- Сѣрый бугоръ 56, 59.
- Табакъ 218.
- Табунщикъ 110, 147, 159, 160—168.
- Табуза 252.
- Тавро см. пятно.
- Талгантъ (жертвъ) 115, 180.
- Талъменъ 48, 56, 146.
- Тарасунъ 44, 95, 96, 98, 178, 245, 247.
- Таримъ-даха, обрядъ 197.
- Темнобурый жеребецъ 144.
- Топортъ 54, 55, 230, 260.
- Трава 183, 189, 212, 216, тр. невидимка
 208.
- Трехожникъ (трехогій) 183, 184.
- Трехголовый верблюдъ 147.
- Трехголовое чудовище 274.
- Трехлѣтний мальчикъ 68.
- Трехмѣсячный мальчикъ 98.
- Три берески черные 146, бочки тарасуна
 44, 45, 95, 98, браты 61, 92, бурхана
 4, 15, 266; бутылки вина 276, версты
 102; замаха волшебного волоса 49, зама-
 ха платка 77; года 35, 55, 92, 93, 112,

- 119, 129, 139, 140, 147, 198; горы 19, 122, 126, 134, 267; гроба 68; дворца 23; мѣдныхъ дворца 139; дна 15, 77, 248, 251; дочери царя 72, 265; дороги 66, 209, 270; души 56, 271; жены Гасэра 28; ж. мангатхай 173, ж. царя Бадма 152; знамена войска 26—28, имена бояршика 217; вноходца бѣлыхъ 127, и. черныхъ 7, 11; камни черныхъ 245, 246, колобка 276; коновязи серебряные 42, корабля 91; копейки 66, круга по солнцу и противъ 192, ламы (Соржи) 139, 146—148, мальчика 165, 258, мангахая 91, 92, 273; моря 122, 126, мѣсяца 35, 55, 109, 125, 129, 140, ноза 15, обѣгта вокругъ земли 117, 137, облѣга вокругъ земли 146; отрока 256, 257, пальца 243, перепела 59, 60; перешагиваній черезъ тѣло 178; послы 91, 256 раза (лай) 43, 56, раза обившись 190, самки олея 272, сестры Енхэба 2, сестры Хоро 9, 10, 36, слов земли 96, стѣны (ограды) вокругъ дворца 80, 81, 152, стрѣлы 70, 71; (тroe) сутокъ 38, 35, 53, 55, 69, 129, 140; сына 166, 185, 262, 264, сына тэнгри 40, 41, табуна 107, табунщика 159—163, талмевя 48, 56, удара шапкой 230, уала 212: уала на коне 230, утра 44, цара 21, 41, 260, 269; 270: часа 36. Тридцать мододцовъ 264.
- Тридцать три батара (богатыра) 25—27, 34, 37.
- Трапездатель волшебствъ 36, 114, 121, 122; мышь черныхъ 160, ногъ у трона 80; перепеловъ 56, 59, 271, превращеній 96; царей 83, 87.
- Троекратное превращеніе 268.
- Тройники 223.
- Тронъ 30, 46, 71, 80, 126.
- Труба золотая 81.
- Туманъ 92, 94, 192, желтый ядовитый 50, 51, 176; синій ядовитый 175, отъ кон скаго фирмкавы 137, отъ битвы 140.
- Турашъ (красная угна) 210, 252.
- Тысяча глазъ 118; тэнгэриновъ бѣлыхъ 135.
- Тысяча три волшебства 36.
- Тэнгэринъ (небожитель) 4, 9, 36, 40, 41.
- Тэнгэринъ восточные 121, 190, 225; западные 115, 135, 190.
- У**голь 196, 197, 245, 246.
- Удоль 209.
- Унты 221.
- Ургуй (Pulsatilla patens) 186.
- Ургеш-хулгана, мышь 201.
- Утаргалжанъ, птица 210.
- Ухо (кощунъ уха) 224.
- Училище 4.
- Ф**алинъ 207.
- Х**акша (баба) 146.
- Хангай, стрѣла 86.
- Харюэз, рыба 47.
- Хеостъ 223, хв. коня 18.
- Хлѣбный зерва 219.
- Хлѣбъ 161, 186, 191, зерновой 245, 246.
- Хозяинъ (духъ) огня 180, хура (скрипка) 221.
- Холодъ 172, 173.
- Хорекъ 29, 47, 148, 188.
- Храмъ 42, 56, 59, 271.
- Хулээн (быстроходный конь) 224.
- Хузы-горохонъ, сказочное животное 203.
- Хурай, обрядованъ часть тѣла животнаго 200.
- Хуралха, обрядъ 200.
- Хурулха, обрядъ 194.
- Хуръ (скрипка) 220.
- Хурь-тама, яма 43, 56.
- Хедарго (мягка) 131, 140.
- Хэрэс-хулгана, мышь 201.
- Ц**арство дѣвницъ 192, 193; п. собачье 193, 194, 195.
- Царь деревенъ 189; авѣрей 184, 185, 189; земли 189, эмънъ 175, 178, 184, 189, 190, лягушечъ 175; п. мертвыхъ 198, птицы 190, собаий 194, 195; травъ 189. Цветокъ, причинившій зачатіе 186.
- Цѣль 62, 122, собака на пѣни 163, 164.
- Ч**алый конь 98, 99.
- Чаша 257.
- Челюсть 17, 18, 118, 118, 150.
- Червь, червякъ 148, 215, 216.
- Червя баба 181. береза 146, голка 209; муха 159, 160, 161, 163, мышь 160; собака 71, 163—166, 202, стрѣла 23, 31, 82, 85.
- Черное копье 17, 32, море 42, 78, 84, 161, 164, 165. озеро 59, просо 141.
- Черный воронъ 18, дворецъ желѣзный 151; ломъ 53, доспѣхъ 46, иноходецъ 7, 11; камень 42, 48, 54, 80, 117; кошка 65, 75, мостъ 65, пырей 123, 142, шенокъ 154.
- Черта (слѣдъ въ видѣ черты) 107, 127, 132.
- Четыръ (черть) 220.
- Четыре бѣлыхъ яноходца 75, 78, карахъ 65, 66, 75, ч. царя земли 189.
- Чиханъ 226.
- Чубарыи конь 21—23, 113, 120.
- Чума 224.
- Ш**амаевъ 266, п.-дерево 217, п.-собака 202.
- Шара-кударъ, книга 56.
- Шиповникъ 245.

Шкура верблюжья 234, 235.

Штавы 246, 247.

Шуба 98, 99, 153, 190.

Щенок 258, желтый 159—163, черный 154—157.

Щреки (драгоценность) 182, 256, 257.

Это 188.

Югоzapадный уголь дворца 126, 149.

Ядовитый туманъ 175, 176.

Ядъ 98, 99.

Языкъ змѣйный 213, кончикъ языка 224.

Языкъ (ребчи) 215, лѣтскій 228.

Ящо ворона 208.

Яна 43, 50, 56, 66, 148, 171, 175, 176:

змѣйная 174, 175.

Ястребъ 131, 134, 146.

Ящикъ золотой 41.